ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

4

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

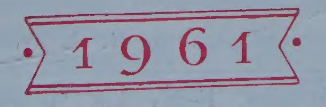
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

4

ИЮЛЬ—АВГУСТ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Издается с участием

ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС
и
ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

К сведению авторов:
Рукописи авторам не возвращаются.

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Адрес редакции: Москва, В-36, 1-я Черемушкинская ул., д. 19
тел. В 5-00-11 доб. 3-14

Подписано к печати 31/VII 1961 г. Т-08681 Формат бумаги $70 \times 108^1/_{16}$ Бум. л $8^1/_4$
Печ. л. 22,6 Зак. 1875 Уч.-изд. листов 25,6 Тираж 3325 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Документы

ПИСЬМА Н. К. КРУПСКОЙ О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

I

Публикуемые письма Надежды Константиновны Крупской являются небольшой частью огромной переписки с партийными и общественными организациями, а также частными лицами. С первых дней Октября Н. К. Крупская по поручению партии вела большую работу в Наркомпросе РСФСР. Будучи членом Коллегии Наркомпроса, а с 1929 г.— заместителем наркома просвещения РСФСР, Н. К. Крупская одновременно являлась председателем Общества педагогов-марксистов (1930—1935 гг.), принимала активное участие в работе ряда обществ: «Техника — массам» (1928—1931 гг.), «Долой неграмотность» (1923—1936 гг.). В то же время она редактировала педагогические журналы «На путях к новой школе» и «О наших детях».

Публикуемые документы отражают взгляды Н. К. Крупской на значение культуры и ее место в социалистическом обществе и охватывают ряд насущных проблем общественной и культурной жизни советского народа, стоявших в то время перед партией. Чрезвычайно интересны высказывания Н. К. Крупской о самодеятельности масс, талантливости, энергии, творческих силах рабочего класса.

В письме к А. М. Горькому Н. К. Крупская дает глубокий анализ исключительной роли искусства и литературы в формировании мощного социалистического коллектива. «Вырасти такой коллектив сможет лишь на основе глубокого идейного сплочения и столь же глубокого эмоционального сближения»,— пишет она (см. док. № 4).

Документы показывают, насколько велики и крепки были связи Н. К. Крупской с широкими массами трудящихся. Среди адресатов — партийные и комсомольские организации заводов и фабрик, общественные организации, колхозы, культурные учреждения, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, учителя.

Много сил и внимания уделяла Н. К. Крупская поднятию культурно-политического уровня трудящихся города и деревни, развертыванию политико-просветительной работы среди населения. В своих письмах она неоднократно поднимает вопрос о том, как наладить культурную работу, что сделать для лучшего обслуживания масс газетой, книгой, библиотекой, клубом. Она всегда подчеркивала, что главное в этой работе — широкое развитие самодеятельности масс.

Документы содержат ряд интересных высказываний Н. К. Крупской по вопросам обучения и воспитания подрастающего поколения, показыва-

ют ее любовь к детям, заботу о них. Чрезвычайно важным считала Н. К. Крупская непосредственное участие рабочих и работниц в работе школы, в деле коммунистического воспитания молодежи (см. док. № 6).

Значительный интерес представляет письмо Н. К. Крупской А. М. Горькому, в котором она говорит о громадной роли самостоятельного чтения детей в развитии человеческой личности, о необходимости руководства этим чтением, о вреде «свирепой опеки» (см. док. № 5).

Резкую отповедь дает Н. К. Крупская людям, которые не хотят трудиться, работать над собой, жить нуждами народа. В письме к начинающему писателю она пишет: «...Я не вижу, о чем у Вас болит сердце, что Вас, кроме собственной литературной карьеры, волнует. А тот, кто смотрит на окружающую жизнь равнодушно „из окна писательского вагона"— никогда настоящим писателем не станет» (см. док. № 13).

Из публикуемого письма Н. К. Крупской к Л. Н. Сталь видно, с каким вниманием она относилась к предложениям по улучшению культурно-просветительной работы, как на их основе поднимала вопросы большого государственного значения (см. док. № 3).

Все документы публикуются впервые по подлинникам и копиям, хранящимся в фонде № 12 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, за исключением малоизвестного письма А. М. Горькому от 30 сентября 1932 г., опубликованного в 1941 г. в журн. «Октябрь».

В. С. Дридзо, Н. М. Юрова

№ 1

А. Щукину.
Ст. Обозерская, Архангельский лесной техникум

18 марта 1929 г.

Уважаемый товарищ!

Я не видела, что именно из того, что я говорила, помещено в «Учительской газете» [1], но я говорила то, о чем говорит наша программа партии, о чем всегда говорил Владимир Ильич. Мы стремимся к тому, чтобы перевоспитать все молодое поколение. Ни одному человеку не придет в голову утверждать, что нам не нужно всеобщее обязательное обучение. Мы его проводим. Оно бесплатно для всех. Но не все им пользуются. В городе число учащихся во всех классах четырехлетки стабильно, а в деревне до четвертого года доходят лишь немногие: одна четверть. Кто отсеивается? Дети бедноты, батрачества, девочки, дети середняков. Надо это изживать или нет? Каким путем это можно изжить? Тем, что выбросим детей зажиточных? Такого головотяпа, который предлагал бы такую меру, я еще не видала.

Нужно обеспечить детям бедноты обувь и теплую одежду, надо развернуть широкую агитацию за посылку девочек в школу, надо устраивать ясли, надо снабдить деревню лучшей прялкой (она, наконец, изобретена), освободив таким образом девочек от домашнего труда. А семилетки? Они в центре города и в торговых селах. Что же, закрыть их? Этого никто не предлагает. Надо утсраивать школы ФЗС в рабочих районах, школы-семилетки в коммунах и колхозах, надо сделать семилетку привлекательной для детей рабочих и деревенской бедноты по своей целевой установке. Из-за того, что Вы выгоните дочек или внучек попов или торговцев, у Вас не прибавится детей рабочих, детей бедняков. То же с девятилеткой. Туда просто не идут дети рабочих и бедноты, незачем им становиться служащими и не хотят они делаться канцелярскими служащими. Введете рабочие

уклоны, и детей рабочих станет в девятилетке больше. В первую очередь повсюду должны приниматься дети тех родителей, которые при старом строе были загнаны во тьму. Но чтобы пролетарское государство когда-нибудь провозглашало, что часть населения оно всегда будет держать во тьме, этого лозунга Интернационал еще не слыхал.

Неужели нами овладело такое упадническое настроение, что мы думаем, что одиннадцать лет Советской власти прошли бесследно, что она не могла повлиять, не повлияла никак на подрастающее поколение. Или Вы полагаете, что сын попа это что-то уже проклятое и из сына попа ничего не может быть доброго? Вот недавно мы праздновали юбилей Чернышевского, перед которым Ленин преклонялся, как перед великим революционером, у которого очень многому научился — ведь этот Чернышевский был сын попа.

Средневековое общество было сословно. Там все решало происхождение. У дворян были одни права, у крестьян другие, у ремесленников третьи. Капитализм разрушил старую сословность. Капиталистическое общество — классовое общество (где люди ценятся не по происхождению, а по своему общественному положению). Советский строй постепенно должен изжить классовость, оставшуюся нам в наследие от капитализма. Но разве мыслимо возвращаться назад к средним векам?

Почему мы отдаем предпочтение учащимся из рабочей среды, особенно в высших учебных заведениях? Потому что нам нужны инженеры, техники, врачи, педагоги и те, которые близко знают массы, понимают их, болеют их нуждами. Нам нужны инженеры — не «выходцы» из рабочего класса, нам нужны инженеры — члены рабочего класса. К сожалению, надо сказать, что над этим вопросом мы мало думаем.

Нужна известная настороженность к учащимся из других сословий, но и только. Нужно все меры принять для того, чтобы открыть массам пути к знанию, но тут нужна упорная работа, а не простые росчерки пера.

Всего наилучшего.

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 22, л. 163.— Подлинник.

№ 2

Инспектору Главполитпросвета по клубной работе В. Г. Кирову

27 августа 1930 г.

Товарищ Киров!

Побывала я на заводе им. Лепсе [2)], и завод стал как бы «своим», думается о нем. Я просила показать Вам письма, которые я отправила в Мосздравотдел, МОСПО [1] (насчет столовой), в Баумановское ОНО и клуб им. Володарского [3)].

По линии Мосздрава сделано — дали на завод врача и фельдшерицу.

По линии МОСПО — тоже сделано; было обследование, принят ряд постановлений. Надо только проследить, чтобы бригада с завода им. Лепсе, выделенная для контроля, действительно осуществляла этот контроль. Передайте ей, пожалуйста, прилагаемое письмо.

Но вот что мне хотелось бы знать, так это насчет клуба им. Загорского. Стал ли он функционировать в те часы, когда закрывается завод (в $4^1/_2$ часа)? Или по-прежнему там работа начинается с $6^1/_2$ часов? Вооб-

[1] МОСПО — Московский областной союз потребительских обществ.

ще, что он делает для фабрики им. Лепсе? Как обслуживается библиотекой заводская *масса* на фабрике им. Лепсе? Я подробно говорила с Вами на этот счет. Хотелось бы иметь от Вас ответ. Может быть, сговоритесь с Цареградским [4)], как обслуживать книжкой всю массу?

Здравотдел сделал, потреботдел сделал, а мы, просвещенцы, ни черта. Очень обидно.

Потом очень хотелось бы знать, сформирована ли бригада хотя бы из комсомольцев для обслуживания культурного сезонных рабочих, работающих на территории завода им. Лепсе. Когда я была, ничего не было.

Хотелось бы иметь о заводе Лепсе кое-какие данные. Например, средняя заработная плата по заводу, распределение по разрядам, число учащихся (тоже по разрядам), где кто учится, *число безграмотных*, число необученных рабочих, число временных рабочих, число партийцев, комсомольцев, делегаток, число заболеваний по месяцам, характер болезней, где кто живет (в каких районах), квартирные условия, у всех ли рабочих все дети учатся, все ли читают газеты, сколько человек пользуется библиотекой. Вообще, хотелось бы иметь данные, рисующие культурное лицо завода. Может быть можно бы получить хоть сырой материал и его обработать хотя бы в кабинете нашем, потом проверить с лепсевцами и где-нибудь у них вывесить плакат соответствующий? Может быть школа семилетка сделает?

Я так всегда ввязываюсь во все дела, что меня скоро не будут пускать ни на один завод.

Вообще, черкните, как идет работа.

С коммунистическим приветом

Н. Крупская

P. S. Письмо бригаде фабрики им. Лепсе лучше всего передать через секретаря ячейки товарища Розенфельда. Он этим делом, кажись, заинтересован.

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 13, лл. 71—72.— Автограф.

№ 3

Заместителю председателя общества «Долой неграмотность» Л. Н. Сталь [5)]

7 февраля 1931 г.

Дорогая Людмила, долго я читала маловразумительное письмо одной уральской культармейки [6)], пока поняла его смысл, а смысл его таков, что над ним надо очень и очень задуматься.

Ефремова пишет, что «старый метод школ грамоты устарел, что за один год Урал вырос политически и его не удовлетворяют методы работы». «Из моей поездки на тракторстрой и из бесед с рабочими мне стало ясно, что рабочий не будет обучаться в этой школе грамоты, которая ему ничего не дает, кроме заучивания букв тогда, когда он проникнут выполнением промфинплана, ударничеством и соцсоревнованием».

Последнее время очень часто приходится слышать разговоры о том, что ОДН [1] отжил свой век, и т. д., но часто эти разговоры проникнуты архиведомственным духом, в ОДН видят какого-то конкурента ВЧКл/б [2]. Это пустяки. Но в слова культармейки надо вдуматься очень и очень.

---

[1] ОДН — Общество «Долой неграмотность».

[2] ВЧКл/б — Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности.

Ильич писал о двух вещах, которые мы постоянно забываем, это — необходимость *связать ликбез с производственной пропагандой*, это во-первых, а во-вторых, о том, что в *культработе рабочий класс должен играть ведущую роль.*

И вот Ефремова пишет, с одной стороны, о необходимости приблизить ликбез к производству, причем не к производству вообще, а к конкретным видам производства, к тем, в которых данные рабочие работают. Ефремова считает, что ликбезработа должна войти в дополнительное рабочее образование (ДРО), стать одним из его звеньев. Вести, по мнению Ефремовой, эту работу должен отдел кадров профсоюзов. Особых культотделов при профсоюзах быть не должно, но всю работу ОНО надо перестроить на производственных началах, и тут профсоюзы должны помогать ОНО.

Мне кажется, над этим вопросом надо подумать и подумать.

Мы перестраиваем работу школ на основах политехнизма, но не делаем этого в отношении образования взрослых, вообще образование взрослых идет по-старинке. Тут надо подумать.

Если мне удастся 17 принять участие в работе ОДН, то я буду говорить на эту тему.

У нас сейчас сильно хворает Мария Ильинична [7]. У нее ползучее крупозное воспаление легких, больна второй месяц и силы слабеют с каждым днем. Не знаю уж, удастся ли ей справиться с болезнью.

Ну, пока. Жму руку.

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 2-а, ед. хр. 277, лл. 1—2.— Автограф.

№ 4

А. М. Горькому

30 сентября 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Горячо все Вас приветствовали эти дни, ну и я мысленно была с Вами. Я не горазд умею говорить великоторжественные слова, но руку пожать Вам покрепче очень хочется [8].

Строить социализм — это значит не только гигантские заводы и зерновые фабрики строить — это условие необходимое, но недостаточное для строительства социализма. Расти люди должны и умом и сердцем. И на базе этого индивидуального роста каждого, в наших условиях сложится в конце-концов какой-то новый по типу мощный социалистический коллектив, где «я» и «мы» будет сливаться в неразрывное целое. Вырасти такой коллектив сможет лишь на основе глубокого идейного сплочения и столь же глубокого эмоционального сближения, взаимопонимания.

И тут искусство, и литература в частности, могут сыграть совершенно исключительную роль. У Маркса в «Капитале» есть чудесная глава, которую мне хочется все перевести на самый простой, понятный для малограмотного даже язык — глава о кооперировании, где он пишет, как коллектив рождает новую силу [9]. Не просто это сумма людей, не слагаемое их сил, а совершенно новая, гораздо более мощная сила. Маркс пишет в главе о кооперировании о новой материальной силе. Но когда на этой базе вырастает единство сознания и воли, это уже ничем не победимая сила. Мы порядком продвинулись за годы революции и за 15 лет Советской власти

по этому пути, но само собой это не делается ведь, тем более, что жизнь в противоречиях развивается. Вот почему в наше время литература имеет совсем особое значение. Весь вопрос в том, какая.

Вы жили все время и сейчас живете тем, чем живет рабочий класс; вместе с ним шли и росли, вместе с ним отражать умели его жизнь замечательно в литературе, и потому Вы особо много сделали для сплочения воли рабочего класса.

Сейчас рамки рабочего класса и функции его расширяются с каждым днем, новые массы все время включаются в поле его непосредственного влияния — и тут такая сила, как Ваша, особенно нужна. От этого к Вам так и тянутся все. Ближе плечом к плечу хочется сейчас стоять. Ну, вот. Все это Вы и без меня знаете.

Вспомнилось, как в 1900—1901 г., когда я отбывала ссылку в Уфе, прочла я начало Ваших «Троих» и так это меня захватило, что я в Самарскую газету даже что-то написала, хотя тогда я была еще совсем непишучая [10]. Несуразное, вероятно, что-нибудь написала. Литературу тогда ужасно любила, читала — все на свете забывала.

Ну, еще раз крепко жму Вашу руку.

Н. Крупская

Журн. «Октябрь», 1941, № 6, стр. 25—26.

№ 5

А. М. Горькому

1933 г.

Дорогой Алексей Максимович, я к Вам за помощью. Приставлена я сейчас глядеть за библиотечным делом и занимаюсь этим с «великоторжественным аппетитом», как выразилась однажды одна работница. Приходится мне вникать и в постановку дела в детских библиотеках. Были у нас тут совещания детских библиотекарей г. Москвы, потом Московской области, теперь идет республиканское совещание. Вскрывается такая картина. Ряд педагогов и детских библиотекарей считает, что надо ставить знак равенства между школой и библиотекой, заставлять ребят читать лишь «по предметам», лишь в помощь программам.

Вместо руководства чтением организуется свирепая опека над чтением. Ребята должны в каждой интересующей их книжке выделять «основную мысль», должны вести дневники, которые потом показывать библиотекарю. «Посещают» ребят на дому, беседует с родителями о том, как контролировать детское чтение, возмущаются, что дети прекрасно знают часто содержание книжки, но не обращают другой раз внимания на то, кто автор книжки; устраивают бесконечные беседы и индивидуальные, и групповые, борются с излишним увлечением ребят чтением книжек, а потом удивляются, что ребята месяцами не возвращают навязанных им книжек, которые им читать неохота, что сильно развито «подпольное» чтение таких книг, как Майн-Рид, Чарская; устраивают «общественные суды» над чтецами этих произведений и т. д. и т. п.

Конечно, умелые, талантливые библиотекари делают все это потоньше, соблюдают известные грани, «педагогически» обставляют весь этот «зажим» самостоятельного развития, но, несомненно, он имеется налицо. У тех библиотекарей, которые менее искусны, эта опека принимает формы погрубее. Я считаю такое направление библиотечной работы неправильным и буду воевать с ним. Самостоятельное чтение играет громадную роль

в развитии человека, человеческой личности, это — могучий рычаг роста. Я за руководство, но против опеки.

Я помню, как мы вместе с Ильичем читали Ваши воспоминания о том, что́ и как Вы читали подростком. Очень много есть товарищей, большинство таких, которым чтение, именно самостоятельное чтение, давало страшно много.

В наших руках издательство, в наших руках пресса, снабжение библиотек, в наших руках детские журналы — у нас тысячи путей влиять на детское чтение, а мы идем по пути «педагогического зажима». Думаю, что Ваша статья о значении самостоятельного чтения ребят имела бы громадное значение.

Крепко жму руку.

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 26, л. 409.— Автограф.

№ 6

Рабочим и работницам комбината «Трехгорная мануфактура»

1933 г.

Всячески надо приветствовать, что «Трехгорка» берется вплотную за обсуждение вопросов воспитания ребят. Вопрос этот чрезвычайно важный. Последнее время уделялось много внимания всеобщему обучению, укреплению школы, улучшению преподавания. Но далеко еще не все сделано. Нужно, чтобы рабочие и работницы ближе стали к школе, ближе вникали в ее работу. Они могут очень многому помочь и в деле учебы и в деле коммунистического воспитания.

Большую часть времени ребята проводят вне школы. Тут на них влияет улица, влияют часто чуждые хулиганские элементы. Вопросы организации внешкольной жизни ребят, пионердвижения, организации детских библиотек, детских мастерских, общественной работы ребят имеют громадное значение. И тут рабочие и работницы могут сделать особо много. Крепко надеюсь, что обсуждения вопросов школьного и внешкольного воспитания рабочими «Трехгорки» дадут этому делу сильный толчок.

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 18, л. 252.— Автограф.

№ 7

Комсомольцам электромонтажного цеха Сталинградского тракторного завода[1]

30 января 1935 г.

Дорогие товарищи, всячески приветствую Вашу инициативу по сбору хороших книг для села. Это большое и важное дело.

Надо только, чтобы была также правильно организована посылка книг на село, чтобы книги действительно попадали в библиотеку, а в библиотеке не стояли на полках или не растаскивались бы по рукам. Посылать на-

[1] Заголовок документа

до только туда, где есть библиотекарь или избач, вообще лицо, ответственное за выдачу книг.

Организуйте шефство над стационарными библиотеками села, куда посылали книги, пусть они сообщают вам о своей работе. В случае надобности советуйтесь с библиотекой своего завода. Покажите пример подлинно культурного шефства рабочих над селом, на чем так настаивал Ильич.

Советовала бы также сообщать жертвователям, куда посланы их книги. Охотнее будут отдавать книги для села.

Все это требует большой организационной заботы, но комсомольцы, мы знаем, могут быть очень неплохими организаторами.

С горячим приветом

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 44, л. 623.— Автограф.

№ 8

Н. Ф. Плетневу. Волочаевский сельсовет Хабаровского края

18 февраля 1935 г.

Товарищ Плетнев, большое спасибо за Ваше письмо от 10 декабря 1934 года, которое я получила в конце января. Это время шли у нас съезды Советов [11] и съезд колхозников-ударников [12], была очень занята, потому и отвечаю с таким опозданием. Большое спасибо, что написали о колхозах им. Крупской и им. Сталина.

Шлю я колхозникам и колхозницам этих колхозов далекой Сибири свой горячий большевистский привет. Вчера, 17 февраля, закончился съезд колхозников-ударников. Прошел он с громадным подъемом. Горячо выступали колхозники и особенно колхозницы, рассказывали о жизни своих колхозов. На съезде было много колхозниц: 422 человека; никто уже не смотрел на них свысока, слушали их со вниманием все присутствующие, бурно им аплодировали. Внимательно слушали их вожди нашей партии. А колхозницы выступали смело, не слышно было жалоб, вносили деловые предложения.

Надо довести до каждой колхозницы, и старой и молодой, вновь принятый и горячо обсужденный самими колхозниками новый устав сельскохозяйственной артели, прочитать все, что говорилось делегатами и делегатками на съезде. Думается, что 2-й съезд колхозников поможет укреплению и колхозов Волочаевского сельсовета. Не на словах только, а на деле становится женщина в колхозе большой силой. Правда, мешает ей еще продвигаться ее малограмотность. На культуру, на устройство библиотек, школ взрослых надо налегать, читки постоянные устраивать, занятия в свободное время организовывать. Посылаю две свои книжки — одну для колхоза им. Крупской, другую для колхоза им. Сталина.

Данное письмо прошу зачитать на собраниях обоих колхозов.

Крепко жму руку

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 56, л. 170.— Отпуск.

№ 9

Рабочим и работницам строительства магистрали Москва — Донбасс, учащимся школы взрослых[1]

18 февраля 1935 г.

Дорогие товарищи, давно уже получила ваше письмо, писанное в связи с 15-летием декрета о ликвидации неграмотности. Порадовало меня это письмо, порадовала ваша настойчивость в учебе и то, что управление позаботилось о школе взрослых. Задержалась с ответом потому, что, кроме обычной работы, был тут VII съезд Советов и 2-й съезд колхозников-ударников. Оба съезда прошли с большим подъемом. Особенно интересен был 2-й съезд колхозников-ударников. Он как-то особенно ярко показал, как изменилось лицо деревни, как по-новому стала складываться жизнь, другими стали становиться люди.

Мне, старухе, которой приходилось больше 40 лет тому назад принимать участие в революционной борьбе и наблюдать близко эту борьбу, видеть все трудности, которые приходилось преодолевать, особенно радостно было наблюдать происшедшую перемену в жизни села, видеть, как старая темнота, беспомощность уходит в прошлое. Вот и лежали у меня письма неотвеченными.

Шлю вам, дорогие товарищи, горячий привет, благодарность за письмо и пожелание успеха в учебе.

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 56, л. 167.— Отпуск.

№ 10

Колхоз им. Крупской, с. Высоково Свердловского района г. Горького

12 марта 1935 г.

Дорогие товарищи, колхозницы и колхозники села Высоково, получила я ваше письмо и горячо благодарю вас за него.

Рада вашим успехам.

Всю жизнь свою отдал Ильич на борьбу за то, чтобы открыть трудящимся путь к жизни сытой, здоровой, просвещенной, светлой,

Путь этот лежит через Советскую власть, через укрепление крупной промышленности, через укрепление колхозов.

Умер Ильич, но партия идет по пути, указанному Ильичем, помогает трудящимся всю жизнь перестраивать по-новому. Вот недавно был второй съезд ударников-колхозников. Каждый про свою жизнь, про свою работу рассказывал. Я хорошо знаю старую темную крестьянскую жизнь и прямо наслушаться не могла, что говорят. Конечно, на съезде были ударники и ударницы наиболее передовых колхозов, но уже видать дело крепко, назад не повернешь.

Часто приезжают ко мне делегации колхозников и колхозниц из самых глухих мест, и видишь — другими люди стали. Старая темнота в прошлое уходит. Раньше, бывало, монахи да кулаки голову морочили. Помню, сколько в первые годы Советской власти споров было из-за школ, из-за детплощадок, из-за яслей. Не хотели в школу девчат посылать, в ясли детей отдавать, россказней сколько глупых было. А сейчас другой народ стал.

---

[1] Заголовок документа.

Дорогие товарищи, напишите, как у вас дело с яслями, детплощадками, школами взрослых, есть ли [где] газеты читать, библиотека есть ли, все ли грамотны, как молодежь наша растет. Есть ли у вас радио, все ли кино видели? Еще напишите, читали ли новый устав сельхозартели, обсуждали ли его?

Шлю вам свой товарищеский привет, пожелание успехов в работе.

Н. Крупская

Товарищ Гусев [13], большое Вам спасибо за письмо, за заботу о колхозе.

Крепко жму руку.

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 56, л. 156.— Отпуск.

№ 11

Партийцам и комсомольцам, фабкому, администрации, всему коллективу фабрики им. «Клары Цеткин» [1]

1935 г.

Дорогие товарищи!

В этом году мы имеем большие сдвиги в хозяйственной работе, в области организационной, в области культурной.

Крепче сплачиваются, организуются трудящиеся нашей страны Советов, трудящиеся всего мира смотрят на СССР с надеждой и волнением, следят за тем, как борется наша страна за мир, за социализм.

У нас громадные достижения, но не до конца еще изжито тяжелое наследие старого. Остались еще неграмотные, сильна еще малограмотность, особенно среди женщин. Но женщина сейчас уже не просто мужняя жена, она общественница, она хочет воспитать своих ребят по-новому, она хочет весь быт перестроить по-новому. На каждом шагу чувствует она, что не хватает ей знаний.

Необходимо, чтобы на вашей фабрике, на фабрике, носящей имя великой революционерки Клары Цеткин, страстно боровшейся за раскрепощение женщины-работницы, стало делом чести всех заводских организаций добиться того, чтобы на фабрике не осталось ни одной неграмотной, чтобы значительно повысилась грамотность каждой из работниц.

Сейчас учится не только молодежь, учатся все, кому близко дело Маркса — Энгельса — Ленина. Все сознательные работники нашей страны Советов, прошедшей такой тяжелый путь борьбы, вырастившей в этой борьбе кадры самоотверженных борцов, добившейся громадных достижений,— упорно учатся.

Наркомпрос делает вашу школу опорной. Это значит, что он будет уделять ей особое внимание, следить, чтобы работа в ней шла как можно лучше.

Общими усилиями поднимем работу на высшую ступень.

О чем надо позаботиться? Клуб ваш заботится о школе. Надо обеспечить только каждому классу особую комнату. Надо до начала занятий тщательно учесть все хозяйственное и учебное оборудование и принять меры к дооборудованию школы.

Надо изыскать все возможности увеличения средств на общеобразовательную работу со взрослыми.

---

[1] Заголовок документа.

Надо принять все меры к возможно большему охвату учебой всех желающих учиться, повести за это дело широкую агитацию.

Но одной агитации мало, надо создать условия, позволяющие учиться желающим.

Надо окружить учащихся общественной заботой, устроить их ребят, организовать внеочередные получения и приемы в ваших учреждениях (магазины, столовая, амбулатории и пр.).

Надо, чтобы в школу не только записались желающие учиться, но и аккуратно посещали занятия и чтобы не было отсева. В цехе, в бригаде нужно развернуть повседневную борьбу за аккуратное посещение школы. Но надо не только агитировать, а помогать не отставать от класса. У женщины-работницы часто бывают неизбежные пропуски — болеют дети, хозяйство берет время — приходится пропускать другой раз. Но надо, чтобы пропуски не вели к отставанию в занятиях. Для этого необходимо, чтобы школа обросла рядом помощников — культармейцев, которые помогали бы отстающим догонять класс, организуя с ними специальные занятия при школе или на дому. Не все смогут вообще посещать школу в силу ряда причин. Культармейцы смогут организовать для них индивидуально-групповое обучение.

Культармейцы должны работать под руководством школы, тесно увязывая свою работу с работой школы, берясь за дело с такой же энергией, как и учителя школы, не пропуская занятий, доводя начатую работу до конца, отчитываясь регулярно в своей работе. Культармейцам надо, конечно, всячески помогать, оплачивать проезды, давать указания и пр.

Учащиеся не только овладевают в школе грамотой, школа дает им общее развитие, учит их пользоваться книгой, вглядываться в жизнь, помогает им осознать многое, стать общественниками. Надо, чтобы клуб, библиотека, газета включились в работу по образованию взрослых, устраивали бы читки, литературные вечера, экскурсии, лекции и пр.

Партийная и комсомольская организации могут сделать очень много для поднятия политической сознательности рабочих.

Нужна совместная работа в деле создания образцовой школы взрослых. К этой совместной дружной, упорной работе, товарищи, и призывает вас Наркомпрос.

Замнаркомпрос Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 12, лл. 483—485.— Автограф.

№ 12

Колхозницам колхоза «Большевистский», Сосновского сельсовета Омского района Омской области Западносибирского края

12 апреля 1936 г.

Дорогие товарищи, колхозницы «Большевистского» колхоза Омского района, получила я ваше письмо, писанное мне в связи с Международным женским днем.

Ваше письмо я много раз читала и перечитывала. Я знаю старую деревню и врезалось мне в память, как в Лужском уезде Петербургской губернии мне одна девочка 15-ти лет рассказывала, что она не только в своем уездном городе, который в десяти верстах от их деревни был, не быва-

ла, [но] никогда не была она и в соседней деревне. И не то, чтобы ее кто не пускал, а просто все это мало ее интересовало, только своя деревня интересовала.

И вот, когда я читала ваше письмо и видела, как вы интересуетесь всем, что делается в нашей стране Советов, что делается во всем мире, радовалась я ужасно.

У нас подбирают для вас книжки, которые сделают вам ясным и стахановское движение и все вопросы международного движения.

Пошлем на-днях. А пока шлю вам горячий, большевистский привет. Очень рада буду, если напишете подробнее о своем колхозе, о библиотеке, о школе детской и школе взрослых, о вашей молодежи.

Ваше письмо широко использовала для печати и в своих выступлениях о нем упоминаю. Очень оно показательно для роста сознательности наших колхозниц.

Ну, всего лучшего, желаю горячо успеха в вашей работе.

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 56, л. 356.— Отпуск.

№ 13

Начинающему писателю[1]

3 июля 1936 г.

Дорогой товарищ!

Мне кажется, Вы стоите на ложном пути. Если Вы хотите сделаться настоящим поэтом, писателем, которого бы любили и ценили массы, Вам надо очень много поработать над собой. Тут не помогут никакие вузы, никакие союзы писателей.

Из Вашего письма я не вижу, о чем у Вас болит сердце, что Вас, кроме собственной литературной карьеры, волнует. А тот, кто смотрит на окружающую жизнь равнодушно, «из окна писательского вагона»,— никогда настоящим писателем не станет. Вот Вы были в Горном институте. Знаете ли Вы быт шахтеров, их настрой? Это один из передовых слоев пролетариата, а Вам до них дела нет... надеюсь, пока.

Инженера из Вас, по-моему не выйдет, тут нужен другой склад, другая подготовка.

Я советовала бы Вам пойти поработать в шахту, применить полученные Вами знания, поработать бок о бок с рядовыми рабочими, вглядеться в их жизнь, быт. Тогда и темы для стихов станут жизненны и будут вещи, которые Вас будут волновать.

У начинающих писателей — и часто даже у детей рабочих — часто бывает много барского зазнайства, но надо смыть [его] с себя до конца.

С товарищеским приветом

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 56, л. 310.— Отпуск.

---

[1] Фамилия адресата не установлена.

№ 14

Секретарю редакции газ. «Пролетарская правда»[14] *Р. Рубинштейн*

13 января 1937 г.

Дорогой товарищ!

Газетку «Пролетарская правда» прочитала. Мне кажется, главная ее задача — поднимать активность работниц и рабочих фабрик города Калинина и города Вышнего Волочка. Это будет поднимать и их грамотность и их общую культурность. Например, пишется о Пушкине,— надо указать, что надо прочесть из Пушкина, как достать эту книжку, как слушать радио, как в клубе организовать читку, кружки. Надо писать об яслях и детсадах, о том, как они должны обслуживать многосемейных; писать, как общественность должна заботиться. Поменьше писать о вышивочках и фасонах, о костюмах, побольше о действительной помощи детсадам, детяслям, отстающим и слабым физически детишкам.

Надо, чтобы газета обросла рабкорами, которые писали бы о насущных нуждах. Надо провести с ними большую работу. Надо подмечать писательские таланты и растить их. Надо почаще обсуждать газету на фабриках, в общежитиях, там обсуждать темы. Не след размазывать такие темы: «Убийство из ревности», да еще крупным шрифтом писать заголовок.

Посылаю статейку к ленинскому номеру «Пролетарской правды» через культпроп партии.

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 57, л. 456.— Отпуск.

№ 15

Кочегару Известкового завода Яшкур-Борвинского района Удмуртской АССР А. Ф. Уланову

3 мая 1937 г.

Дорогой товарищ!

Прочла Ваше письмо. Вам, конечно, есть что рассказать, Вы видели жизнь, много пережили. Но чтобы стать писателем, надо долго и упорно работать над собой. Мало одного желания и сознания того, что есть что́ написать. Если Вы прочтете биографии крупных писателей, то узнаете, как подолгу они работали над каждым своим произведением, поскольку раз переделывали их. Ничего не дается смаху. Мне кажется, что сейчас Вам надо бы поступить в школу взрослых, побольше ходить в библиотеку, побольше читать, овладеть до конца литературным языком. Делать это пока надо без отрыва от производства: все литературные курсы требуют уже общеобразовательной подготовки,— без этого не примут.

С товарищеским приветом

Н. Крупская

ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 57, л. 241.— Отпуск.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Очевидно, речь идет о выступлении Н. К. Крупской на съезде заведующих губернскими отделами народного образования, опубликованном в «Учительской газете» № 35 от 24 августа 1928 г., стр. 4, в статье «Экономия плюс целесообразность».— 4.
2) Н. К. Крупская посетила Московский электротехнический машиностроительный завод им. Лепсе в конце июля 1930 г.— 5.
3) После посещения завода Н. К. Крупская 2 августа 1930 г. написала в перечисленные организации письма, в которых ставила вопросы об улучшении медицинского обслуживания рабочих, о плохом состоянии столовой, о слабой связи завода со школой-семилеткой, об отсутствии культурно-массовой работы на заводе. В этих письмах содержатся конкретные советы по улучшению всех сторон жизни рабочих (см. ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 35, лл. 381—383, 385)

   Относительно упоминаемого в письме клуба им. Володарского, очевидно, ошибка. Речь идеть о клубе им. Загорского.— 5.
4) Цареградский И. М. (р. 1902), член партии с 1928 г. В 1930 г. работал в Наркомпросе РСФСР инспектором по библиотечному делу. В настоящее время пенсионер.— 6.
5) Сталь Л. Н. (1872—1939) — старый член большевистской партии. Вела революционную и партийную работу в Петербурге, Москве, Одессе, Николаеве, была членом МК. После октября 1917 г. работала в отделе работниц ЦК и в журн. «Работница».— 6.
6) Культармейцы — участники культпохода, массового культурного движения, возникшего по инициативе комсомола в 1928 г. Движение это ставило своей основной задачей борьбу с неграмотностью среди взрослых. Культармейцы вели также массовую культурно-просветительную и политико-воспитательную работу среди населения. Вся работа проводилась ими в общественном порядке.— 6.
7) Мария Ильинична — М. И. Ульянова.— 7.
8) В сентябре 1932 г. отмечалось 40-летие литературной деятельности А. М. Горького.— 7.
9) Н. К. Крупская имеет в виду главу XI «Капитала» К. Маркса.— 7.
10) Статья Н. К. Крупской «Школа и жизнь» была напечатана в «Самарской газете» № 36, 16 февраля 1901 г.— 8.
11) Очевидно, речь идет о XVI Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в Москве 15—23 января, и о VII съезде Советов СССР, состоявшемся 28 января — 6 февраля 1935 г.— 10.
12) II Всесоюзный съезд колхозников-ударников состоялся в Москве 11—17 февраля 1935 г.— 10.
13) Гусев — уполномоченный шефской бригады парткома райфинотдела Свердловского района г. Горького, прикрепленный к колхозу им. Крупской,— прислал Н. К. Крупской письмо колхозников и свое письмо о жизни колхоза.— 12.
14) Речь идет о газете для начинающих читать, издававшейся в г. Калинине.— 15.

II

В процессе работы над личным архивом профессора Г. В. Хачапуридзе среди писем видных государственных деятелей и ученых нами были обнаружены два не известных до сих пор письма Н. К. Крупской. Одно из них адресовано лично Г. В. Хачапуридзе; второе, имеющее общий заголовок: «Уважаемые товарищи!» — Центральному Комитету Коммунистической партии Грузии.

Оба письма написаны рукой Н. К. Крупской и не датированы.

Однако внимательное изучение текста писем Н. К. Крупской Г. В. Хачапуридзе и ЦК КП Грузии дает основания предполагать, что они были написаны после X съезда партии (по тексту письма Г. В. Хачапуридзе), но не позднее мая 1921 г. (по тексту письма в ЦК), так как в последнем говорится о лозунгах к Первому мая.

Своим письмом Центральному Комитету КП Грузии Н. К. Крупская способствовала поднятию авторитета Главполитпросвета Грузии и его председателя Г. В. Хачапуридзе, что в тот период имело большое практическое значение.

З. Л. Швелидзе

Тов. Хачапуридзе!

Получила Ваше письмо и материалы, посланные с тов. Игнатовым. Спасибо за доброе отношение. Прилагаю письма в ЦК [КП Грузии] и в Наркомпрос.

Сейчас мы, главполитпросветчики, переживаем довольно трудное время. На местах переход к новой экономической политике толкуется вкривь и вкось. Все экономят, стараются раздобыть деньги, но экономят не так, как надо, и добывают деньги не теми средствами, какими нужно.

Мы выдвинули такие положения: рационализировать нашу работу, углубить ее, укрепить связь с населением, пропагандировать среди населения важность политпросветработы, еще шире втянуть его в эту работу, и постепенно перевести учреждения массового характера на местные средства. Рационализировать нашу работу мы считаем нужным вот в каком отношении. Надо определить относительно каждого вида работы, насколько она нужна для данного момента, для данного слоя населения. Выдвинуть на первый план те формы работы, которые имеют особое значение для культурного и политического развития народа.

Пересмотреть все учреждения с точки зрения их жизненности, их близости к населению. Сократить штаты, сделав работу оставшихся гораздо более напряженной, интенсивной. Децентрализовать то, что можно децентрализовать без ущерба для политической стороны дела, разгрузиться благодаря такой децентрализации от массы мелких хозяйственных дел, которые последнее время поглощали так много сил и не давали возможности сосредоточиться на главном.

Главное — это углубление работы, поднятие ее в методическом отношении на должную высоту. Вместо 10 школ грамоты, где на каждого учителя приходится по пять учеников, которых он в конце концов почти ничему не научил — устроим две или даже одну школу с большим числом учеников, но с хорошо подготовленным учителем, аккуратно посещающим занятия, выучивающим грамоту гораздо лучше, чем прежние 10 учителей, вместе взятые, и так во всем.

Невозможность кидать деньги направо и налево научит нас использовать имеющиеся суммы наиболее разумно. Надо также свести до минимума дорого стоящие виды политпросветработы и каждый раз обсуждать, стоит ли делать эту затрату — не с точки зрения экономической доходности,— а политпросветцелесообразности.

Насчет связи с населением. Мы с самого начала, как Вы знаете, выдвигали этот вопрос, подчеркивая необходимость создания организованных форм постоянной связи отделов с населением.

Гражданская война с ее потребностью агитации отодвинула этот вопрос на задний план, но с прекращением, с ослаблением гражданской войны этот вопрос вновь встал на очередь. На него надо обратить теперь сугубое внимание. Необходимость брать деньги на политпросветработу с населения особенно сильно подчеркивает эту сторону дела.

Исключительно агитационный характер работы должен смениться более углубленным. У нас голую агитацию уже не слушают. И самая агитация у нас принимает характер пропаганды, ориентирующейся лишь в большей мере на задачи момента.

Я так расписалась, что у меня не осталось времени на письмо в Наркомпрос. Передайте им привет и прочитайте деловую часть письма.

С коммунистическим приветом

Н. К. Ульянова-Крупская

В ЦК [КП Грузии]

Уважаемые товарищи!

Обращаюсь к вам по следующему делу.

Будучи близко знакома с политпросветработой, я знаю, какое громадное значение она имеет, если она правильно поставлена, и как важна она для трудящихся масс.

Здесь в РСФСР Главполитпросвет ведет свою работу при поддержке ЦК.

Три члена коллегии агитпропа являются в то же время и членами коллегии Главполитпросвета.

Сейчас, когда понимание новой экономической политики не у всех еще достаточно правильно, нередко бывает, что те или иные товарищи склонны считать, что политпросветработа потеряла сейчас свое значение.

Нам было бы очень трудно вести борьбу, если бы нас не поддерживал ЦК. Когда необходимо, он поддерживает наши циркуляры своим авторитетом; поддержал нас и в финансовом отношении. Политбюро ЦК постановило дать Главполитпросвету миллион золотом сверх той суммы, которую ему дал Наркомпрос. А совсем недавно при поддержке тов. Ленина Политбюро постановило сделать ликвидацию безграмотности одним из главных лозунгов в день Первого мая и дать Главполитпросвету на ликвидацию безграмотности еще добавочную сумму.

Я просила бы Вас, товарищи, со своей стороны поддержать работу вашего Главполита, что в данный момент очень и очень важно.

С коммунистическим приветом

Председатель Главполитпросвета РСФСР
член партии РКП(б)

Н. К. Ульянова-Крупская

БОРЬБА ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ США ЗА МИР И ДРУЖБУ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ

(1918—1920 гг.)

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала сочувствие и поддержку рабочих всех стран, в том числе и рабочих США. «Русская революция,— писал Уильям З. Фостер,— произвела глубокое впечатление на рядовые массы американских рабочих. Падение царизма, а затем правительства Керенского нашло сочувственный отклик среди широких слоев американского пролетариата. Несмотря на свою политическую отсталость и неспособность полностью оценить значение этих событий, американские рабочие чутьем понимали, что случилось нечто из ряда вон выходящее, чрезвычайно важное и для их собственной судьбы» [1].

На многочисленных митингах и собраниях, проходивших по всей стране, с огромным подъемом и единодушием принимались резолюции, в которых рабочие США посылали трудящимся Советской России свои приветствия и выражали искреннее сочувствие и готовность помочь в их титанической борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией.

В телеграммах Совету Народных Комиссаров выражались глубокие чувства дружбы американского пролетариата к Советской России, их готовность с оружием в руках помочь русскому народу в его героической борьбе за мир, свободу и независимость (см. док. №№ 1, 2). Однако правительство США, готовившее объединенный вооруженный «крестовый поход» против Советской республики, не разрешило добровольцам отправиться в Советскую Россию.

Когда германские империалисты начали интервенцию против Советской республики, американские социалисты писали рабочим Германии и Австро-Венгрии: «Мы призываем вас всеми силами бороться против попыток ваших правителей подавить русскую революцию...

Немецкое вторжение в Россию является ударом, направленным против рабочего класса и демократии во всех странах» (док. № 3).

В 1918 г. и первой половине 1919 г., точнее, до образования в сентябре 1919 г. Коммунистической партии США, американские рабочие проводили через свои организации: Лигу социалистической пропаганды, Левое крыло социалистической партии, «Индустриальные рабочие мира», местные профсоюзные и другие организации и общества большую работу по мобилизации трудящихся масс на борьбу против антисоветской интервенции и за установление нормальных отношений между США и Советской Россией.

---

[1] У. Фостер. Октябрьская революция и американское рабочее движение. «Красный Интернационал профсоюзов», 1927, № 10, стр. 360.

Боевой лозунг левого крыла социалистической партии «Руки прочь от Советской России!» нашел широкий отклик среди американских рабочих, особенно когда империалистическая война 1914—1918 гг. была окончена, а империалисты США, Англии, Франции и Японии сконцентрировали все усилия на вооруженном подавлении большевизма, на удушении Советской республики.

Призывы к населению США под лозунгами «Русский народ должен получить мир. Уйдите из России немедленно!» уже в 1918 г. приобрели реальную силу. Правительство США не решалось официально заявить о том, что ведет войну против Советской России, опасаясь сказать правду своему народу.

Организаторы антисоветской интервенции поняли, что победить Советскую Россию невозможно. Газета «Populare» 12 января 1919 г. сообщала: «Ежедневно во всех штатах Северной Америки организуются огромные митинги с требованием отзыва из России находящихся там в настоящее время войск и признания Советского правительства» [1]. В январе 1919 г. в Чикаго на конференции представителей рабочего класса США были выдвинуты требования о выводе американских войск из России и освобождении политических заключенных. Делегаты конференции заявили: «Ничто не заставит нас отказаться от лозунга „Руки прочь от России!“» [2].

Движение против интервенции в Советскую Россию, развернувшееся в Англии и Франции уже к концу 1918 г. под лозунгом «Руки прочь от России!», получило развитие в США несколько позже, в 1919 г., и охватило широкие слои американского народа.

Свое сочувствие народам России американские трудящиеся выражали в массовых петициях протеста правительству и конгрессу США, в демонстрациях солидарности с героическим российским рабочим классом, в отказе грузить оружие для врагов Советской России.

Это движение было поднято на более высокую ступень с сентября 1919 г., после образования Коммунистической партии США. Первой большой кампанией, предпринятой Коммунистической партией США в сентябре 1919 г., явилась мобилизация американских рабочих на борьбу против блокады Советской России, за прекращение интервенции.

«На каждое приглашение играть роль Каина в отношении ваших русских братьев, на каждый призыв американского правительства вступить в армию для посылки в Россию, или призыв грузить корабли для кровавых русских белогвардейцев,— говорилось в обращении Коммунистической партии США к рабочим своей страны,— должен быть один ответ: „Руки прочь от Советской России“» (док. № 17).

Несмотря на полицейские преследования, вынудившие Коммунистическую партию уйти в подполье, она провела в 1920 г. массовые первомайские демонстрации трудящихся, которые проходили под знаком пролетарского интернационализма.

«Бросайте работу в день 1 Мая! Рабочие, пробуждайтесь! Рабочие, объединяйтесь! Солнце коммунизма восходит на Востоке. Его бодрящие лучи проникают из России и будят пролетариат всего мира... Прекратим же работу в этот день в знак верности тем принципам, за которые сражаются наши русские товарищи, чтобы помочь им одержать победу»,— говорилось в первомайском воззвании Коммунистической рабочей партии Америки (док. № 20).

На новую попытку империалистов Антанты уничтожить Советскую республику при помощи панской Польши и контрреволюционных войск

---

[1] См. «Правда», № 32, 12 февраля 1919 г.
[2] «The Liberator», March, 1919, p. 20.

Врангеля, американский пролетариат, как и пролетариат других стран, ответил забастовками протеста.

В своем воззвании, выпущенном в 1920 г., Объединенная Коммунистическая партия Америки призывала рабочих США: «Отказывайтесь производить вооружение! Отказывайтесь делать что-либо, что может помочь империалистическим союзникам вести войну против Советской России!»[1]. Этот призыв был подхвачен рабочими США, и летом 1920 г. развернулось движение за отказ производить военное снаряжение для врагов Советской России. Чикагские рабочие решили объявить всеобщую забастовку; в Сиэтле был создан «Комитет действия» против возможного вооруженного выступления США на стороне панской Польши в войне против Советской России.

На съездах и конференциях своих организаций, в резолюциях и в печати рабочие официально требовали привлечения к суду за государственные преступления президента и других должностных лиц, принимавших участие в проведении вооруженной антисоветской интервенции и в оказании военной помощи панской Польше[2].

Важным вкладом в дело борьбы американских трудящихся против интервенции, за снятие блокады и установление нормальных американо-советских отношений явилась петиционная кампания, проводившаяся беспартийным добровольным обществом «Лига друзей Советской России» с июня 1919 г. по январь 1920 г. Только в Нью-Йорке и его окрестностях за период с 30 июня по 29 октября 1919 г. в резолюциях, принятых на собраниях по петиции Лиги, миллион организованных рабочих выразили свой протест против интервенционистских действий США и их союзников в Советской России (см. док. № 16).

Массовая работа, которую провела Лига своей петиционной кампанией против блокады, за вывод интервенционистских войск из России, за проведение правительством США мирной политики в отношении Советской России, широко отражена в данной публикации (см. док. №№ 11, 13—16, 18).

За установление мира и дружбы между народами США и Советской России выступали не только коммунисты и рядовые члены профсоюзов (верхушка АФТ и других профсоюзов проводила в этих вопросах сугубо реакционную политику), но и социалисты, а также не организованные ни в какие союзы и партии американские граждане (см. док. №№ 5, 6, 7) и даже некоторые священнослужители (см. док. № 9). Под давлением своих избирателей за прекращение интервенции были вынуждены выступать и отдельные конгрессмены, наиболее трезво оценивавшие развитие исторических событий в 1918—1920 гг. (см. док. № 10).

С энергичным протестом против антисоветской интервенции выступили фермерские организации запада и северо-запада США, требуя немедленного отзыва из России американских войск. Трудящиеся фермеры выступили за признание Советской России, против оказания правительством США помощи панской Польше.

Движение за прекращение интервенции и за дружбу с Советской Россией распространилось и среди американских интервенционистских войск. Обманутые военным командованием солдаты не видели смысла в войне против Советской страны; они жаждали мира и возвращения к себе домой, в США. По мере того как американские солдаты все более соприкасались с советской действительностью, охотников проливать кровь за

---

[1] Фонды Государственного музея революции СССР. Stand by Soviet Russia. Proclamation by the United Communist Party of America. № 18134/11

[2] См. «The New York Call», August, 23, 1920, p. 4.

чуждые им империалистические интересы становилось все меньше (см. док. №№ 8, 12).

Борьба простых людей США за мир и дружбу с Советской Россией является одной из славных и ярких страниц американского рабочего и демократического движения.

Основная часть публикуемых документов извлечена из фондов Государственного музея революции СССР, остальные документы взяты из прогрессивной и официальной печати США того времени, а также из официального доклада Ласка «Revolutionary Radicalism». Part. I, vol. 1. Report of the Joint Legislative Commitee Investigating Seditions Activities, Filed April 24, 1920, in the Senate of the State of New York. Albany, 1920 (в дальнейшем: «Revolutionary Radicalism...»), изданного сенатской комиссией штата Нью-Йорк по расследованию подрывной деятельности. Два документа (№№ 8, 12) хранятся в Архиве внешней политики России и подготовлены к печати В. И. Мазаевым, за что приношу ему свою благодарность. Все документы, за исключением №№ 8 и 12, переведены с английского языка совместно с Т. П. Придворовой.

И. М. Краснов

№ 1

Телеграмма Лиги социалистической пропаганды[1] *(г. Нью-Йорк) Совету Народных Комиссаров о солидарности с рабочими России*

2 марта 1918 г.

Лига социалистической пропаганды выражает полнейшую солидарность с вами. Приступаем к формированию Красной Гвардии для службы в России. Среди американских рабочих — огромный энтузиазм. Ваша борьба — наша борьба.

Сообщите телеграфом, может ли Лига оказать какую-либо иную помощь.

«Revolutionary Radicalism...», pp. 635—636.— Перевод с английского.

№ 2

Телеграмма Первого Объединенного съезда русских в Америке (Нью-Йорк) Совету Народных Комиссаров с приветствием революционной России

2 марта 1918 г.

Первый Объединенный съезд русских в Америке, состоявшийся в Нью-Йорке с 1 по 4 февраля с. г., приветствует революционную Россию в лице ее Совета Народных Комиссаров. Мы с вами душой и сердцем. Готовы организовать революционные легионы для России. Отвечайте.

«Revolutionary Radicalism...», p. 636.— Перевод с английского.

№ 3

Телеграмма Нью-Йоркской организации Социалистической партии США в Копенгаген Социал-демократической партии с призывом к рабочим Германии и Австро-Венгрии встать на защиту русской революции

2 марта 1918 г.

Социалисты Большого Нью-Йорка просят вас переслать рабочему классу Германии и Австро-Венгрии наше послание следующего содержания:

«Мы призываем вас всеми силами бороться против попыток ваших правителей подавить русскую революцию. В этот момент на вас ложится ответственность за успехи или неудачу во всемирной народной борьбе за мир.

Немецкое вторжение в Россию является ударом, направленным против рабочего класса и демократии во всех странах».

«Revolutionary Radicalism...», p. 636.— Перевод с английского.

№ 4

Обращение американского лево-социалистического журнала «The Revolutionary Age» к населению США с призывом развернуть кампанию за немедленный отзыв иностранных войск из России

23 ноября 1918 г.

Уйдите из России!

Мир готовится к миру и мир счастлив. Окончилась ужасная агония смерти, когда мир отдавал свою энергию и самые лучшие свои инстинкты на службу смерти.

Мир — и проблемы создания нового мира. Мир — и радостное сознание, что можно посвятить себя жизни, а не смерти. Мир — и возможность сохранить от ужаса, оставшегося позади, лишь стремление и волю сделать этот мир прекрасным и вечным.

Но пока еще мир установился не на всей планете. Государства, которые согласились на перемирие и на мир с Германией, Австрией и Болгарией, отказываются заключить перемирие и пойти на мир с Россией. Русскому народу, потерявшему на войне 5 000 000 человек, выстрадавшему больше, чем какой-либо другой народ, отказывают в перемирии, отказывают в мире; русские до сих пор находятся в тисках войны.

Французские и английские, американские и японские войска все еще находятся в Архангельске и Владивостоке. Сообщают, что между советскими войсками и англо-французскими войсками идут бои.

Раньше Россия была связана с союзными государствами, а теперь союзные государства заключают мир со своим бывшим врагом и отказывают в мире своему бывшему союзнику.

Чем объясняется эта дискриминация? Если за мир платят кровью, то русский народ уплатил свою долю сполна; он заплатил за мир более высокую цену, чем какая-либо другая из воюющих наций.

Наш народ счастлив, что наступает мир, но русскому народу угрожают новой войной, он не может отдаться целиком и полностью задачам мира и

жизни. Иностранные войска, по-видимому, все еще угрожают русскому народу, который всей душой стремится к миру и к простым радостям бытия.

Виновата ли в этом Россия?

Самым убедительным ответом служат факты.

Недавно Советское правительство предлагало союзникам через своего комиссара иностранных дел Чичерина заключить мир. На это предложение не последовало абсолютно никакого ответа — и иностранные войска продолжают находиться в Архангельске и во Владивостоке.

Если судить по декларации президента Вильсона и Государственного департамента, цель союзников заключалась в том, чтобы вывезти чехословаков из России, а не в том, чтобы восстанавливать «восточный фронт» или вмешиваться во внутренние дела русского народа. Советское правительство ясно заявило о своей готовности вести переговоры с союзниками относительно чехословаков и облегчить выезд их из России. Но на эти официальные предложения союзникам не последовало абсолютно никакого отклика... Иностранные войска продолжают находиться в Архангельске и во Владивостоке.

Говорят, что вести переговоры с Советским правительством — значит признать Советское правительство, поэтому переговоров не может быть, так как Советское правительство — это автократия. Но ведь союзники признавали кровавое царское самодержавие, они признали кровожадную турецкую автократию, они признали даже автократию кайзера! Почему же такая дискриминация в отношении Советского правительства?.. Иностранные войска продолжают находиться в Архангельске и во Владивостоке.

Дело совсем не в том, что Советское правительство — автократическое правительство. Советское правительство — демократическое правительство, представляющее большинство народа — рабочих и крестьян. Оно существует уже более года и становится все сильнее, несмотря на военные атаки и контрреволюционные заговоры, несмотря на голод.

Русский народ, у которого хватило революционной энергии, чтобы свергнуть царизм, свергнуть правительство Львова, Гучкова и К°, чтобы сбросить правительство Керенского, мог бы свергнуть и свергнул бы Советское правительство, если бы этого хотел. Но он не хочет. Советское правительство — это его правительство. Русский народ — это и есть правительство. Просить русский народ свергнуть свое правительство — это все равно, что просить человека перерезать себе горло.

Русский народ внес огромный вклад в дело установления мира; это благодаря его революционным идеям и пропаганде произошли революции в Болгарии, Австрии и Германии, а без этих революций война все еще продолжалась бы. В течение года русские люди умирали и голодали для того, чтобы в Германии произошла революция, чтобы установился мир, — но для них мир еще не наступил... Иностранные войска все еще находятся в Архангельске и во Владивостоке.

Мужчины и женщины Соединенных Штатов, нашим лозунгом должно стать: «Русский народ должен получить мир. Уйдите из России!».

Говорят, что Советское правительство было союзником кайзера, что оно затянуло войну, помогало Германии выиграть войну. Это все ложь, и последующие события подтвердили, что это ложь. Но теперь нет даже и этого надуманного повода. Уйдите же из России!

Дело русского народа решать, какое правительство должно быть в России. Союзные державы официально признали это, но на практике они поддерживали в России «правительства», которые не представляют никого, кроме контрреволюционных заговорщиков. Они нарушили принцип само-

определения наций. Они вели и ведут моральную и физическую войну против Советского правительства и русского народа.

А люди продолжают умирать. Мужчин и женщин в России все еще морят голодом. Неужели все это делается для того, чтобы сокрушить социалистическую республику в России — этот великолепный залог лучшего и более гуманного мира?

Намерения американского правительства еще не ясны, хотя оно официально заявило, что оно против интервенции. Приведена в движение секретная дипломатия. Но газеты открыто мобилизуют общественное мнение на войну против Советской Республики, против русского народа, который потерял на войне, может быть, больше солдат, чем все другие нации вместе взятые. Неужели ему отплатят за это новой войной?

Эта кровожадная кампания прессы срывает маски. К войне против Советского правительства нас призывают не потому, что это «прогерманское» правительство, а потому, что это революционное и социалистическое правительство!

Русский народ кровью своей заплатил за мир. В муках и страданиях, на руинах строит он новое и лучшее общество; пусть же он строит его в условиях мира!

Иностранные войска все еще находятся в Архангельске и во Владивостоке! Уходите из России! Уходите немедленно!

«The Revolutionary Age», vol. I, № 3, Suturday, November 23, 1918, p. 1.— Перевод с английского.

№ 5

Письмо Д. Джонсона и Э. Джонсон из Чикаго члену палаты представителей США У. Мейсону с призывом выступить в конгрессе с требованием отозвать войска США из России

20 января 1919 г.

Дорогой сэр. У нас есть сын, который был призван на военную службу якобы для борьбы с германской опасностью. Наш сын был христианином. Он любил свой дом, был богобоязненным, почитал отца и мать; он был величайшим нашим утешением на склоне наших лет.

Конгрессмен Мейсон, мы просим Вас сказать нам, почему наш сын должен был ехать в Сибирь? Какая великая нужда заставила послать его туда, хотели бы мы знать? Мы являемся патриотами, как и он. Мы готовы выполнить любой долг, выполнения которого потребуют от нас США во имя блага США. Но что там такое в Сибири, ради чего наш сын и сотни других американских парней должны быть сосланы туда и сражаться? Ради чего? Мы не можем этого понять. Мы спрашиваем Вас, нашего представителя: зачем его послали туда? Когда его пришлют домой? Мы просим Вас во имя справедливости употребить свое влияние, чтобы добиться его скорейшего возвращения.

Глубоко уважающие Вас

Джон Джонсон, Эмма Джонсон, родители

«Congressional Record», vol. 57, part III, 1919, p. 2543.— Перевод с английского.

№ 6

Телеграмма участников митинга жителей г. Батл-Крик (штат Мичиган) конгрессмену Смиту (г. Вашингтон) с призывом принять меры к скорейшему отзыву американских войск из России

9 февраля 1919 г.

Мы, жены, родители, братья, сестры и друзья парней, отправленных в Россию, просим Вас войти в контакт с сенаторами Таунсеном и Джонсоном и всеми другими сенаторами и другими конгрессменами и добиться, если возможно, наискорейшего отзыва наших американских парней из России, поскольку мы не враждуем с русским народом и поскольку, как нам известно, наши парни находятся в большой опасности.

Секретарь «Лиги сторонников отзыва американских солдат из России»
Бьюла Колдуэлл

«Congressional Record», vol. 57, part IV, 1919, p. 3242.— Перевод с английского.

№ 7

Петиция 700 граждан г. Холленд (штат Мичиган) правительству США о выводе американских войск из Советской России

Февраль 1919 г.[1]

Мы, нижеподписавшиеся, родители и граждане нашей страны, почтительно обращаемся к правительству Соединенных Штатов с просьбой использовать все возможные средства для скорейшего возвращения наших солдат, находящихся в России. Нас интересует их благополучие, и мы понимаем, что при той обстановке, которая существует сейчас в России, когда противник имеет численное превосходство над нашими солдатами, они не могут вынести напряжения. Мы искренне надеемся, что правительство сделает все возможное, чтобы удовлетворить нашу просьбу.

«Congressional Record», vol. 57, part IV, 1919, p. 3477.— Перевод с английского.

№ 8

Телеграмма товарища министра иностранных дел колчаковского «правительства» И. И. Сукина министру иностранных дел колчаковского «правительства» С. Д. Сазонову о брожении среди американских солдат, находящихся на Дальнем Востоке

14 мая 1919 г.

Положение с американцами становится все более натянутым. Распущенность и деморализация их войск не оставляет сомнений. Американское командование, опровергая слухи о прямом соучастии американских солдат с большевиками[2], само признается, что ему пришлось подвергнуть многих солдат военно-полевому суду. Далее оно сознается, что в настоящее время имеется пять американских дезертиров, находящихся среди большевистских отрядов. Кроме того, отдельными американскими солдатами продано около 50 комплектов их военной формы, которую теперь носят переодетые большевики.

[1] Дата опубликования петиции.
[2] Так в тексте.

Само собой разумеется, что такой прием является в руках последних могучим орудием пропаганды, уверяя народ [1], что Америка на их стороне. При таких условиях верховный правитель не счел возможным согласиться на допущение американцев к охране участка железной дороги от Верхне-Удинска до Иркутска.

Однако генерал Гревс, обнаруживая полное непонимание положения, упорно добивается этого, ссылаясь на инструкции из Вашингтона. Не откажите сообщить нам мнение Лансинга по этим вопросам. Удовлетворительное решение их крайне желательно, ибо в связи со сведениями о более благоприятном курсе политики американского правительства мы считаем необходимым по возможности сгладить местные трения.

Сукин

АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 761/4, д. 155, т. 1, л. 349.— Подлинник.

№ 9

Из обращения священника общинной церкви Нью-Йорка Джона Хейнса Холмса на митинге в Мэдисон-сквер гарден

25 мая 1919 г.

Будем справедливы к России!

Я пришел сюда просить, чтобы русский народ оставили в покое и дали ему возможность решать свою судьбу так, как он хочет. Я умоляю, чтобы русскому народу, с которым у меня нет никаких ссор, были оказаны сочувствие и помощь в сохранении свобод, которые завоеваны им в столь героической борьбе. От вашего и от своего имени я требую, чтобы революция не была приостановлена,— революция, которая является единственным благоприятным исходом войны,— революция, которую будут помнить и благословлять все люди, когда битвы на море и на суше, мирные договоры и лиги наций с презрением и навсегда забудут.

Когда мы размышляем над проблемой, для обсуждения которой мы собрались, разные мысли приходят нам в голову.

Мы вспоминаем Советы, эту новую форму социальной организации, которая возникла на русской почве, подобно растению, под влиянием солнца свободы. Это — самый интересный и многообещающий вклад, который был сделан в науку о демократии со времени написания Конституции Соединенных Штатов.

И поэтому мысли наши неизбежно обращаются сейчас к Ленину... и к большевикам,— людям, чью теорию классового правления я не принимаю и многие методы которых я отвергаю и осуждаю, но которые на обломках старой России создали правительство, существующее вот уже в течение 18 месяцев. Они без посторонней помощи — и пока что успешно — решают творческую задачу создания формы управления, небывалой в истории, они пользуются и поныне доверием и любовью, и на них возлагают свои надежды более 80 процентов русского народа.

Союзные правительства являются заклятыми врагами большевиков. Они послали военное снаряжение в их страну, чтобы перебить большевиков. Они организовали блокаду их портов, чтобы уморить их голодом. И теперь, когда на сцене появился первоклассный самодержец № 1 в лице Колчака,— который сам признается в стремлении установить диктатуру и тем самым уничтожить революцию,— союзные правительства сразу же спешат оказать ему действенную помощь.

---

[1] Так в тексте.

Правда, большевики не доверяли союзникам. Да и как они могли доверять, когда познакомились с секретными договорами? Кто из людей, прочитавших недавний секретный мирный договор, выработанный в Париже, не скажет, что большевики с самого начала были правы? Но это недоверие к союзникам не означает, что большевики настроены прогермански. Никогда еще профессиональная официальная печать не измышляла более чудовищной клеветы, а это говорит о многом! Большевики и другие русские революционеры ненавидели германскую автократию и непрестанно пытались ее свергнуть. Более того, их попытки были успешными. Если говорить правду, не Фош на Западе, а Ленин на Востоке подорвал моральный дух Германии и тем самым сломил мощь германского оружия.

Говорят еще, что союзники должны вторгнуться в Россию, потому что большевики, якобы, не представляют русский народ. И кто говорит, что они не представляют русский народ? Не Америка ли, которая душит Сан-Доминго, Коста-Рику, Никарагуа? Не Франция ли, которая только что захватила Саарскую долину с ее германским населением? Не Япония ли, которая сосет кровь народа Кореи и хочет отнять у Китая 40 000 000 человек, проживающих на Шаньдунском полуострове? Или, может быть, это Англия с ее 300-летней историей господства над Ирландией?

Где доказательства того, что большевики не представляют русский народ? Если правда, что большевики не представляют русский народ, тогда следует сделать одно, и только одно,— оставить народ в покое, не вмешиваться в его дела, предоставить ему возможность самому решить свою судьбу, без вмешательства извне, и поставить у власти такую партию, которая будет в большей степени представлять народ, чем та, которая сейчас находится у власти. Если свободному народу не нравится какое-либо правительство, можно доверить ему самому свержение этого правительства.

Утверждают также, что союзники должны вмешиваться в дела революции, потому, якобы, что большевики прибегают к методам насилия, повинны во всякого рода зверствах и жестокостях, что они чудовища в человеческом образе, которые питаются человеческой кровью. И тут мы видим, что фабрика клеветы работает все 24 часа в день и все 7 дней в неделю.

Безусловно, любой человек, который поверил бы одной десятой доле одного процента той дикой выдумки, которая распространяется о России за последний год, является кандидатом или в детские ясли, или в сумасшедший дом. И однако во всей этой массе клеветы имеется достаточно правды, чтобы дать основания, по крайней мере, таким людям, как я, а я являюсь абсолютным непротивленцем,— скорбеть и сокрушаться. Ибо большевики прибегали к насилию, чтобы сохранить свою власть. Они создали армию совершенно недемократическим методом, т. е. путем мобилизации. Они закрывали газеты, а это — низко, где бы это ни совершалось — в Москве, или в Нью-Йорке. Такие методы вызывают у меня отвращение. По этим вопросам я совершенно не согласен с большевиками [2)]. Я могу говорить об этом убежденно и открыто, как человек, который сознательно принимает учение Льва Толстого. Но кем являются те, другие, которые обвиняют большевиков в насилии и беззаконии?

Те самые люди, которые упрекают Ленина в насилии против своих соотечественников, не гнушались в прошлом иметь дело с царем. Те самые люди, которых сейчас приводит в ужас кровопролитие в России, собирают пулеметы и танки, чтобы расстреливать рабочих, как только они рискнут поднять голову. Те люди, которые в ужасе вздевают руки к небу, когда слушают гнусную ложь о национализации женщин, наживают барыши в условиях социальной системы, при которой проституция является одной из основ общества.

И те самые люди, которые проливают горькие слезы по поводу голода в России, якобы вызванного большевиками,— они, эти самые люди, тут же добиваются того, чтобы блокада России, которая является истинной причиной голода, продолжалась во что бы то ни стало. И,— что еще хуже,— они угрожают немцам, что если они не подпишут смертный приговор, который представлен им в виде мирного договора, то 20 млн. немцев будут уморены голодом. Мне стыдно было бы сказать хотя бы единое слово в защиту какой бы то ни было политики силы, кто бы ни применял ее — большевики или кто-либо другой, если бы я не помнил известную цитату из священного писания, в которой говорится, что плохо, когда замечают соринку в чужом глазу и не видят бревна в своем.

Что нам необходимо в нашем отношении к России, так это немножко простой, обыкновенной честности. Союзные государства и многие люди в союзных странах относятся враждебно к революции не потому, что большевики что-то сделали или чего-то не сделали. Большевизм для них — всего лишь удобное прикрытие. А истиный факт заключается в том, что в России началась настоящая революция, в корне изменяющая экономическую и политическую систему, и мы признаем, что если эта революция успешно завершится, то это будет означать, что капиталистическая система во всем мире обречена. Наши капиталисты знают, что либо они должны сокрушить эту революцию, либо революция сокрушит их. Русский народ стал хозяином своей судьбы; наши руководители знают, что другие народы также станут повсюду хозяевами своей судьбы, если этих русских не наказать, применив против них террор, и не заковать их снова в цепи рабства...

Русская революция, повторяю я, должна быть спасена!... А как это сделать? Разрешите мне зачитать в заключение программу, которая, я надеюсь, будет поддержана сегодняшним многолюдным собранием американских граждан. Эта программа изложена президентом Вильсоном 8 января 1918 г. в шестом из его 14 пунктов [3].

Фонды Государственного музея революции СССР, № 10655/16, 17.— Текст типографский. Перевод с английского.

№ 10

Выступление У. Мейсона в конгрессе США о выводе американских войск из Советской России

24 июня 1919 г.

Г-н председатель, в начале заседания этого конгресса я представил петицию, под которой стояло около 75 000 подписей жителей моего штата. В этой петиции содержалась убедительная просьба: вернуть наши войска из России. Петиция адресована также президенту Соединенных Штатов. Она была представлена конгрессу путем представления ее на заседании этой палаты. Теперь я прошу, чтобы вы единогласно высказались за передачу этой петиции в Белый дом в ближайшее же время, с тем, чтобы она была вручена президенту Соединенных Штатов. Это было бы только справедливо. Петиция тщательно подготовлена и содержит подписи 75 000 граждан.

Каждый день мы слышим самые противоречивые высказывания по поводу возвращения наших солдат из России. Насколько мне известны факты, 5 000 американских солдат, посланных в Россию, фактически уже получили приказ вернуться, за исключением инженерных частей и тех, кто там похоронен. Я не знаю, сделано ли что-нибудь, чтобы перевезти тела погибших.

В городе Чикаго, который входит в мой округ, живут 600 женщин, сыновья или мужья которых находятся в России. Этим утром я получил что-то около 12 писем, в которых меня спрашивают, когда наши войска вернутся из Сибири. Такие письма я получаю почти каждое утро. Десять тысяч солдат были посланы во Владивосток. В соответствующее время и в соответствующем месте я предлагаю обсудить в этом полномочном собрании вопрос о праве президента посылать их туда. Американский народ не верит, что мы имели какое бы то ни было право посылать их туда. В течение шести месяцев президент отказывался послать американские войска в Россию, потому что мы не объявляли войну России, и президент придерживался мнения, что законодательный орган, известный как конгресс Соединенных Штатов, является единственным органом, который может объявить войну.

В ответ на этот призыв, который доходит до меня почти ежедневно и ежечасно, я намерен все время напоминать об этом вопросе. Я считаю одной из огромных и грубых ошибок войны то, что мы послали 15 000 человек усмирять 180 000 000 человек и приняли участие в политической борьбе в России между царем и теми, кто следует за большевиками, тогда как мы не заинтересованы ни в одной из сторон. В моем округе уже погибло немало людей, и я имею право добиваться, чтобы эта петиция была вручена президенту.

«Congressional Record», vol. 58, part II. 1919, p. 1713.— Перевод с английского.

№ 11

Петиция «Лиги друзей Советской России»[4] конгрессу США в защиту Советской России

Не позднее 30 июня 1919 г.[1]

1) Мы, граждане Соединенных Штатов, призываем конгресс Соединенных Штатов принять меры к снятию блокады против Российской Советской Республики. Хотя мы не объявляли войны Советской России, из-за этой блокады каждый месяц умирают от голода сотни тысяч людей.

2) Мы настаиваем на том, чтобы все американские войска были немедленно отозваны из России и чтобы были пресечены попытки оставить для службы там специальные войска. Это не служба для солдат демократии.

3) Мы самым решительным образом протестуем против потворства или сотрудничества нашего правительства с контрреволюционными группами Колчака, Деникина и подобных им слуг дискредитировавшего себя монархического режима.

4) Мы считаем, что американское правительство не должно делать ничего такого, что может помешать русскому народу определить форму своего правления в соответствии с его экономическими и политическими идеалами.

5) Итак, мы призываем конгресс использовать свои конституционные полномочия для проведения истинно демократической внешней политики, соответствующей традициям государства, которое свято хранит память о революции, в результате которой оно было основано, и о гражданской войне, которая его укрепила.

Фонды Государственного музея революции СССР, № 16250/2.— Подлинник. Перевод с английского.

---

[1] Дата первой из обнаруженных подписей профсоюзов США, поставленной под этой петицией.

№ 12

Телеграмма начальника дипломатической канцелярии при верховном уполномоченном Антанты на Дальнем Востоке Клемма И. И. Сукину об отрицательном отношении американской общественности к антисоветской интервенции

6 августа 1919 г.

На заданный мною во время беседы с начальником американского штаба Робинзоном вопрос, ожидают ли они еще войска из Америки, он заявил, что не только не ждут новых войск, но опасаются, что общественное мнение заставит президента отозвать и те войска, которые сейчас тут находятся. Недавно сюда прибыл американский транспорт с американскими войсками. По справкам, наведенным мною у заведующего информационным отделом американского штаба, оказалось, что человек 60 из этой партии останутся здесь, остальные едут в Манилу. Бергер [5)] заметил при этом: «в Америке уже вызывали добровольцев для отправки в Сибирь, но никто сюда не хочет ехать».

Клемм

АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 761/4, д. 155, т. II, л. 548.— Копия.

№ 13

Резолюция съезда Объединенного союза рабочих обувной промышленности США с протестом против вмешательства в дела Советской России

29 августа 1919 г.

158 делегатов, представляющих 27 000 организованных рабочих обувной промышленности, принимали участие в работе съезда.

Поскольку американские войска находятся в России и ведут борьбу против созданного там советского правительства и

Поскольку наше правительство не объявляло войны России и

Поскольку имеются основания подозревать, что целью посылки этих войск является подавление устремлений рабочего класса России,—

Мы заявляем, что данный съезд выступает с протестом против вмешательства нашего правительства в русские дела.

[Подписи и печать профсоюза]

Фонды Государственного музея революции СССР, №№ 10655/180, 10655/181.— Подлинник. Перевод с английского.

№ 14

Резолюция профсоюза рабочих предприятий по пошиву детского платья США с протестом против вмешательства США в дела Советской России

5 сентября 1919 г.

Мы, союз рабочих предприятий по пошиву детского платья, приняли на своем очередном собрании, в четверг, 28 августа 1919 г., следующую резолюцию:

1) Мы призываем конгресс Соединенных Штатов принять меры и снять блокаду против Российской Советской Республики, блокаду, которая несет смерть тысячам невинных женщин и детей.

2) Мы требуем немедленно отозвать все американские войска, находящиеся в России, а также прекратить попытки сохранить особые войска для борьбы против России.

3) Мы протестуем против любого плана нашего правительства, который имеет целью оказание прямой или косвенной помощи режиму Колчака или Деникина, дискредитировавших себя реакционеров, слуг старого русского правительства.

Мы, 3000 рабочих, занятых в конфекционной промышленности и входящих в АФТ, хотим, чтобы наше правительство проводило политику строгого нейтралитета в отношении России, поскольку мы все еще верим в принципы президента Вильсона — позволить каждой нации решать свою собственную судьбу.

[Подписи и печать профсоюза]

Фонды Государственного музея революции СССР, № 10655/185.— Подлинник. Перевод с английского.

№ 15

Обращение «Лиги друзей Советской России» к свободолюбивым американцам с призывом присоединиться к ее петиции конгрессу

Между 6 сентября и 7 ноября 1919 г. [1]

«Лига друзей Советской России» является добровольной организацией свободолюбивых американцев, главная цель которых заключается не столько в оказании помощи Советской России, сколько в спасении последних остатков американской терпимости и честной политики в международных делах от полного уничтожения.

Цель «Лиги» заключается не в распространении доктрин большевизма, а в том, чтобы обеспечить справедливое отношение к русскому народу и добиться законным путем, и особенно путем прямого обращения к американскому народу, вывода всех американских солдат как завербованных, так и добровольцев, из всех частей территории бывшей Российской империи, которые не отошли ко вновь созданным государствам по Парижскому мирному договору и решению Лиги наций.

«Лига друзей Советской России» требует также, чтобы американское правительство воздержалось от признания какой-либо из соперничающих фракций, борющихся теперь за власть в самой России, до тех пор, пока свободное мировое общественное мнение не решит безошибочно, в чьих руках находится законная власть этой страны. Лига должна признать, однако, что, воздерживаясь от агитации в пользу признания Советского правительства, она твердо и искренне верит, что это правительство является теперь и было в течение почти двух лет единственным законным выражением воли русского народа.

Почему мы требуем вывода наших войск:

1) Потому, что вмешательство во внутренние дела какой-либо нации, народ которой стремится изменить свое правительство и институты так, чтобы они, по его убеждению, более всего соответствовали его новым нуждам и стремлениям, не является делом Американской республики. Об этом неоднократно заявлял президент Вильсон.

---

[1] Датируется по содержанию документа.

2) Потому, что право революции является священным и неотъемлемым; об этом так и сказано в «Декларации независимости Соединенных Штатов», где оно возводится даже в степень долга. Г-н Вильсон сам отметил это в своей речи в Сент-Луисе 5 сентября 1919 г.

3) Потому, что США не находятся в состоянии войны с Советским правительством, так как совместные заседания сената и палаты представителей — единственных законодательных органов, на которые возложено право объявлять войну,— никогда не принимали таких решений.

4) Потому, что Америка не получала мандата на Россию со стороны какой-либо компетентной международной организации,— ни от мирной конференции, ни от Лиги наций,— если бы последняя функционировала.

5) И, наконец, потому, что если и существуют какие-либо споры или разногласия между США и Советским правительством, то такие споры и разногласия могут быть урегулированы в любое время мирным и дружественным путем, без дальнейшего пролития крови, так как Советское правительство неоднократно заявляло, что оно готово заключить мир со всеми странами, и даже пойти на всякого рода уступки, а в некоторых случаях на удовлетворение необоснованных требований.

Эти аргументы кажутся нам неоспоримыми. Если только не может быть доказано, что президент США является единственным арбитром внешней политики правительства и имеет абсолютную власть вести войну, даже не проконсультировавшись с законными представителями американского народа, то совершенно ясно, что солдаты США не имеют никаких законных прав находиться в России. В противном случае конгресс должен был бы объявить войну открыто и честно.

Могут возразить, что вывод наших войск причинил бы вред делу большинства русского народа, представленного так называемым правительством Колчака, и что войска находятся там не для того, чтобы бороться против законного правительства русского народа, а скорее для того, чтобы защищать его. Это законное правительство представляют как правительство, возглавляемое Колчаком. Эта позиция является абсолютно необоснованной, не говоря уже о том факте, что если бы дело и обстояло таким образом, то конгресс, а не президент, должен быть единственным арбитром в данном вопросе. Если в России и существует какое-либо правительство, действительно выражающее волю огромного большинства русского народа, то таким правительством является правительство Советской республики.

Почему мы считаем, что Советское правительство является законным выражением воли русского народа:

1) Потому, что оно было создано и в течение почти уже двух лет сохраняет власть на $^{9}/_{10}$ территории Европейской России.

2) Потому, что оно создано в соответствии с Хартией или Конституцией, принятой большинством законно избранных представителей русского народа, и действует сейчас в строгом соответствии с упомянутой конституцией.

3) Потому, что оно создано на основе свободных выборов для всего населения России, находящегося ныне под его юрисдикцией, т. е. голосами всех мужчин и женщин, независимо от их расовой принадлежности, цвета кожи, вероисповедания или их прежнего социального положения, если только они достигли 18-летнего возраста и заняты общественно полезным трудом. Единственным условием для участия в голосовании в России является то, что избиратель должен работать, не эксплуатируя других людей, а также не участвовать в открытом вооруженном восстании против государства.

4) Потому, что никакое другое так называемое правительство в России не соответствует этим требованиям. Ни правительство, находящееся в

Омске, ни правительство Деникина никогда не проводили всеобщих выборов на территории, которую они оккупируют. Колчак, на признании которого сейчас настаивают, у всех вызывает подозрение в том, что он фактически пытается снова возвратить на трон мертвый царизм.

5) Потому, что Советское правительство борется сейчас за свою жизнь на девяти фронтах против реакционных и монархических сил и оно является единственной властью в России, которая имеет армию из двух миллионов дисциплинированных солдат, причем все солдаты — добровольцы. Все другие элементы, борющиеся против Советов, располагают не более чем 200 000 русских солдат и опираются они главным образом на иностранные штыки.

6) Потому, наконец, что если бы Советское правительство не выражало воли русского народа, то ста с лишним миллионов людей, которые живут в условиях советской власти, было бы вполне достаточно, чтобы стереть ее с лица земли без помощи извне, как они это сделали с царем.

В силу этих причин, которые мы считаем основательными и достаточными, «Лига друзей Советской России» призывает всех свободолюбивых американцев присоединиться к ее серьезной и почтительной петиции конгрессу Соединенных Штатов, требующей, чтобы американские войска были выведены из России без дальнейшего промедления, чтобы блокада, из-за которой умирают от голода миллионы русских женщин, детей и стариков, была снята и чтобы русскому народу была предоставлена возможность самому решать свои внутренние проблемы и свою судьбу без какого-либо вмешательства в его внутренние дела, за исключением вмешательства в форме дружеских советов и доброй помощи.

«Лига друзей Советской России»

В дальнейшем сведения посылайте Идас Флауэр — председателю Лиги, по адресу: 103 ист, 89-я улица, г. Нью-Йорк.

Фонды Государственного музея революции СССР, № 10655/6а.— Текст типографский. Перевод с английского.

№ 16

Письмо «Лиги друзей Советской России» председателю Комитета по международным отношениям Международного конгресса трудящихся женщин — госпоже Реймонд Робинс с просьбой присоединиться к петиции Лиги

29 октября 1919 г.

Уважаемая госпожа!

Мы обращаемся к вам, женщинам различных стран, с просьбой присоединиться к нашему протесту против ужасного массового уничтожения людей с помощью голода, который уносит сейчас тысячи жизней в России в результате блокады.

Миллион организованных рабочих в Нью-Йорке и его окрестностях принял резолюции протеста против этих действий союзных стран и Америки, и мы надеемся, что и вы, как организованные трудящиеся женщины, также проявите свою *солидарность с рабочими* и присоедините свой голос протеста, приняв резолюцию по петиции, которая сейчас распространяется и копия которой прилагается к этому письму. Резолюция по поводу

этой петиции была принята 25 июля 1919 г. Центральным объединенным профсоюзом г. Нью-Йорка и его окрестностей и многими другими профсоюзами.

Искренне ваша[1]

P. S. Убедительно просим Вас прислать нам копию резолюции после того, как она будет принята.

Фонды Государственного музея революции СССР, № 10655/227а.— Копия. Перевод с английского.

№ 17

Обращение Коммунистической рабочей партии США[6)] к американским рабочим с призывом последовать примеру английских, французских и итальянских рабочих и поддержать лозунг «Руки прочь от Советской России!»

Ноябрь 1919 г.

РУКИ ПРОЧЬ ОТ СОВЕТСКОЙ РОССИИ!

Империалисты мира продолжают позорную вооруженную интервенцию против Советской России. Контрреволюционные царские генералы, поддерживаемые союзными войсками, союзным вооружением и снаряжением, а также союзными ассигнованиями, продолжают проливать кровь русских рабочих и опустошать территории пролетарской республики. Более того, союзники, сжимая железное кольцо блокады вокруг Советской России, обрекают миллионы женщин и детей на неслыханные страдания, голод и болезни.

И все это делается потому, что рабочие и крестьяне России сбросили с себя ярмо эксплуатации и угнетения и посвятили себя делу перестройки всей своей жизни на новых основах, которые дадут возможность уничтожить всякое угнетение бедных богатыми, всякую эксплуатацию трудящихся капиталистами. Вот почему капиталистические страны, где вся власть находится в руках крупных торговых и финансовых воротил, ведут эту грабительскую войну против Советской России. Защищая класс капиталистов в России, они тем самым защищают свои собственные интересы, так как они знают, что рабочие их стран неизбежно последуют примеру русских рабочих.

Поэтому Америка и участвует в этой войне против России!

Американские войска все еще остаются на русской территории, а американские вооружения и деньги по-прежнему используются для борьбы против единственной в мире пролетарской республики.

Американскую интервенцию в России часто рассматривают как частную войну президента Вильсона. Это верно лишь постольку, поскольку формальности, необходимые для ведения этой войны, не были соблюдены. Эта война проводится без санкции конгресса. Тем не менее факт остается фактом: эта война не является лишь частной войной президента Вильсона. Она скорее является классовой войной американской плутократии, классовой войной международных финансовых воротил. Американские капиталисты кровно заинтересованы в разгроме Советской России, и они не останавливаются перед соблюдением простых формальностей, даже если

[1] Подписи нет

это является нарушением законов, которые они сами создали. Ведя войну против России, президент Вильсон выполняет роль верного слуги американской плутократии.

Американские рабочие, вы должны понять и твердо запомнить это. Вы должны знать, что каждый американский солдат, отплывающий в Россию, едет туда, чтобы проливать кровь русских рабочих и крестьян, которые ведут отчаянную борьбу против капиталистов всего мира, этих бандитов с международных больших дорог.

Вы должны помнить, что каждая винтовка, каждая пушка, каждый пулемет, которые посылают из Соединенных Штатов в Россию, означает смерть для многих русских рабочих и крестьян, которые жертвуют собой для того, чтобы рабочие всего мира могли освободиться от ига международного капитала.

Рабочие Америки! Недостаточно знать и помнить об этом — вы должны принять соответствующие меры. Вашим лозунгом должно стать: ни одного солдата для войны против Советской России, ни одного цента, ни одной винтовки для ведения этой войны.

Этот лозунг уже был принят английскими, французскими и итальянскими рабочими. В Англии, Франции и в Италии рабочие отказываются грузить корабли с вооружением и снаряжением, предназначенные для врагов Советской России.

Солдаты отказываются идти на русский фронт!

Американские рабочие, вы должны последовать их примеру!

На каждое приглашение играть роль Каина в отношении ваших русских братьев, на каждый призыв американского правительства вступить в армию для посылки в Россию или призыв грузить корабли для кровавых русских белогвардейцев должен быть один ответ: «Руки прочь от Советской России!».

Коммунистическая рабочая партия
Соединенных Штатов Америки

«The Class Struggle», vol. III, № 4, November, 1919, pp. 353—355.— Перевод с английского.

№ 18

Ответное письмо представителя Международного конгресса трудящихся женщин Эльзы Эверилл председателю «Лиги друзей Советской России» Идас Флауэр

23 декабря 1919 г.

Уважаемая г-жа Флауэр!

В ответ на Вашу просьбу от 19 текущего месяца я хотела бы сообщить Вам, что нами принята резолюция не о самоопределении России, а блокаде России, копию которой мы и посылаем Вам в трех экземплярах.

Международный конгресс трудящихся женщин
Эльза Эверилл

Резолюция

Поскольку ни Соединенные Штаты и ни одна из союзных держав не находятся официально в состоянии войны с Россией, и поскольку блокада значительной части России в Европе по существу направлена проти

миллионов женщин и детей и уже повлекла за собой голод, болезни и смерть для несметного числа людей, мы постановляем, что:

мы, делегатки первого Международного конгресса трудящихся женщин (International Congress of Working Women), собравшегося в Вашингтоне, протестуем против этой блокады и требуем снятия всех ограничений на отправку продовольствия и других предметов первой необходимости для народа России.

Фонды Государственного музея революции СССР, № 10655/227а.— Подлинник. Перевод с английского.

№ 19

Резолюция протеста Социалистической рабочей партии Америки против интервенции в Советскую Россию

1919 г.

Резолюция

Поскольку до нас доходят сведения, что войска США, первоначально мобилизованные для участия в войне против Германии, были насильно посланы для вторжения в Россию и сейчас ведут военные действия с армией этой страны; и

Поскольку эти меры были приняты без утверждения конгресса как единственной власти нашей нации, имеющей право объявлять войну, против страны и народа, которым мы не объявляли войны, с явной целью навязать русскому народу форму правления, отличную от той, которую они сами для себя избрали; и

Поскольку такие действия являются явно незаконными и находятся в явном противоречии с интересами и желаниями широких масс американского народа, хотя они отвечают желаниям и интересам небольшой кучки империалистов,

Мы постановляем:

Обратиться с настоящей просьбой к конгрессу, потребовать от правительства немедленного вывода наших войск с территории России; и далее

Постановляем: настойчиво требовать от нашего правительства принятия самых энергичных мер к выводу войск всех других стран в связи с вышеупомянутым вторжением на территорию России.

Мы надеемся, что вы примете самые безотлагательные энергичные меры и поможете нам довести это дело до сведения ваших соответствующих членов конгресса.

С братским приветом

Национальный Исполнительный Комитет Социалистической рабочей партии.

Секретарь Арнольд Петерсон

45 Роуз стрит, Нью-Йорк (шт. Нью-Йорк).

«Withdraw from Russia», «Weekly People», New York, 1919, pp. 15—16.— Перевод с английского.

№ 20

Первомайское воззвание Коммунистической рабочей партии США к американским рабочим с призывом продемонстрировать международную солидарность рабочего класса в день 1 Мая

Не позднее 1 мая 1920 г.

Бросайте работу в день Первого Мая!
Рабочие, пробуждайтесь! Рабочие, объединяйтесь!

Солнце коммунизма восходит на Востоке. Его бодрящие лучи проникают из России и будят пролетариат всего мира. Повсюду рабочие, воодушевленные успехами своего первого рабочего правительства, отпразднуют день 1 Мая — свой Международный день труда — с твердой решимостью добиться окончательной победы.

Никогда еще в истории празднования дня 1 Мая, с самого Международного конгресса в Париже в 1889 г., перспективы окончательной победы рабочего класса не были столь блестящими, никогда дух трудящихся не был таким несокрушимым, как теперь, накануне 1 Мая 1920 г. Хотя капиталистические правительства всех стран готовятся накинуть петлю на шею всем, кто осмеливается мыслить в духе, враждебном интересам и принципам кровожадного империалистического капитализма, рабочий класс видит в этих преследованиях всего лишь последние попытки издыхающего зверя избежать уготованной ему участи.

1 Мая — это день рабочих.

Революционный авангард пролетариата призывает всех рабочих повсюду разорвать узы экономического и политического рабства и продемонстрировать в этот день свою приверженность истинной свободе. 1 Мая — это праздник труда, который не был разрешен вам по декрету теми силами которые хотят заморочить голову рабочим и заставить их поверить, что правительство стоит над классами. Нет! 1 Мая — это праздник самих рабочих, когда они по собственному решению бросают работу и демонстрируют свою силу.

Сила, которая сегодня устанавливает для тебя праздник, завтра может сказать тебе: Ты не должен бастовать!

Но в твоих силах устроить себе сегодня праздник, а завтра бастовать, не взирая ни на что.

1 Мая, как Международный день труда, является таким днем, в который рабочие своими действиями показывают, что они должны воевать за то, чего они хотят и за что им надлежит воевать, и что они достаточно сильны, чтобы победить.

1 Мая является ответом революционного пролетариата всех стран на проявление солидарности международного капитализма.

И ответ этот: солидарность международного пролетариата.

Рабочие Америки! В течение многих лет вы боролись за более высокую заработную плату. Благодаря жестокой борьбе вам удавалось то там, то тут добиться успеха. И все же сегодня вы такие же рабы выжимающего прибыль капитала, как и были.

Вы боролись за более короткий рабочий день — вы добились успеха. И все же вы должны отдавать больше сил продуктам своего труда за один день, чем тогда, когда вы работали 12 часов.

В прошлые годы мы проводили демонстрации с требованиями восьмичасового рабочего дня в день 1 Мая.

Сегодня мы демонстрируем под лозунгом: «Вся власть рабочим!».

Капиталистическое общество построено на нашем поте и крови, на наших страданиях и нищете. Все наши «победы» в экономической области обратились против нас, и наше экономическое рабство усилено абсолютной политической диктатурой капитализма. Таким образом, наша экономическая борьба должна, в силу необходимости, стать борьбой политической. Борьба пролетариата перестает быть борьбой за повышение заработной платы и за более короткий рабочий день и становится борьбой за власть рабочего класса. Эта борьба может быть доведена до победного конца рабочими массами. 1 Мая является выражением этого действия масс, которые выступают теперь не за восьмичасовой рабочий день, а за диктатуру пролетариата. В этот день мы бросаем работу, чтобы показать, что мы полны решимости бороться и что мы можем победить.

Товарищи и братья-рабочие! Демонстрируя нашу решимость бороться и победить, мы должны действовать совместно с рабочими всего мира. Сражаясь за свое дело, они знали, что сражаются и за наше дело. Мы должны сражаться за их дело, потому, что мы знаем, что это и наше дело.

Зная, что капиталистические правительства организуют заговор с целью свержения рабочей Республики в России, мы должны видеть свою задачу и свой долг в том, чтобы 1 Мая направить наши выступления против их кровавого заговора.

В своих действиях против России капиталистические правительства всех стран прикрываются лживыми фразами о «свободе» и «демократии», на деле показывая, что высшее умение государственного деятеля заключается в осуществлении пиратского принципа: жертвовать всем (во имя народа, если найдется достаточно дураков, готовых поверить этому), жертвовать даже самим народом ради прав и возможностей получать прибыль. Осуществляя этот принцип с беспощадной жестокостью, они убивают свободу во имя своей капиталистической свободы, они подавляют народ именем народа — своей жертвы.

Закабаляя народ экономически под прикрытием номинальной политической демократии, капиталисты лицемерно проливают слезы по поводу того, что рабочие России осуществляют экономическое освобождение народа своей страны при помощи диктатуры. Ответом капиталистических диктаторов русскому народу являются кровавые экспедиции против Советской республики.

Рабочие! Чтобы освободиться, вы должны ответить на военный клич капиталистов, объединившихся против рабочих России и рабочих других стран, военным кличем труда, объединившегося против капитализма. Ответом международному капитализму в его войне против социалистической революции в России или где-либо в другом месте должна явиться социальная революция повсеместно. Но помните, рабочие: чтобы быть свободными, вы должны осмелиться быть свободными. Цепь, которая держит нас в нашем наемном рабстве, — это наша покорность, недостаток у нас революционного духа. Решимость рабочих проявить свою силу в объединенных действиях масс, которые имеют целью полное уничтожение капиталистической диктатуры, — это дальнобойное орудие, которое поколеблет мощь наших эксплуататоров.

Пусть 1 Мая 1920 г. пробудит в нас этот дух! Товарищи и братья рабочие, давайте освободимся! Давайте бросим работу в ответ на войну капиталистов против рабочих всюду и везде. Прекратим работу в этот день в знак нашего уважения к жертвам — бесчисленным солдатам революции, которые были убиты международным капитализмом, стремящимся спасти свое право на получение прибыли.

Прекратим работу в этот день, чтобы мы могли испытать силу революционной армии пролетариата, выступившего единым фронтом по всему свету.

Прекратим работу в этот день, чтобы рабочие почувствовали веру в свои силы и воодушевились ею; чтобы в день 1 Мая 1920 г. мог пробудиться дух солидарности революционного класса. Дух солидарности объединит пролетариат всего мира в его борьбе за подлинную свободу. Он принесет мир всем народам: не мир кладбища, условия которого диктует прожорливый империалистический капитализм, а радостный мир, который известен лишь свободным людям, не знающим ни жадности, ни стремления к наживе — причин массового убийства людей.

Прекратим же работу в этот день в знак верности тем принципам, за которые сражаются наши русские товарищи, чтобы помочь им одержать победу.

Не выйдем на работу 1 Мая 1920 г.!

Пусть батальоны трудящихся продемонстрируют свою мощь в этот день!

Вся власть рабочим!

Вся промышленность рабочим!

Да здравствует социальная революция!

Коммунистическая рабочая партия

Фонды Государственного музея революции СССР, № 13411/37-з.— Листовка на английском языке. Текст типографский.

№ 21

Обращение Объединенной Коммунистической партии США к рабочим с призывом поддержать героическую борьбу Советской России против международного империализма

31 июля 1920 г.

ПОДДЕРЖИМ СОВЕТСКУЮ РОССИЮ!

Рабочие Соединенных Штатов!

Капиталисты, которые контролируют правительство нашей страны, готовятся вновь послать вас на поля сражений, чтобы вы убивали и чтобы вас убивали на войне ради спасения капиталистической системы эксплуатации и грабежа.

Мировая война, которую развязали капиталисты, чтобы уничтожить своих конкурентов в борьбе за получение прибылей и обеспечение своего экономического господства, стоит миллионов жизней и миллиардных средств. Вся Европа все еще повержена в трясину бедствий и страданий, порожденных войной.

Вы, рабочие Соединенных Штатов, не испытали тех бедствий и страданий, которые выпали на долю рабочих Европы. Среди вас нет миллионов убитых и искалеченных. Ваши близкие не умирают от голода. Но и у вас есть свои беды. Вы стоите лицом к лицу с ростом цен на жизненно необходимые товары и с угрозой спада в промышленности.

Кровавая борьба вряд ли окончена — она, в действительности, и не кончалась никогда, а лишь несколько затихала, — и все же капиталисты готовятся вновь послать вас убивать и погибать.

На этот раз замышляется нападение не на другую группу капиталистов, а на рабочих, которые освободились от власти капиталистов.

Капиталисты постоянно обманывают вас относительно положения в России. Они хотят скрыть от вас те завоевания, которых достигли рабочие и крестьяне, несмотря на блокаду и не прекращающуюся войну против них. Капиталисты прекрасно понимают, что если рабочим и крестьянам России позволить построить государство на коммунистической основе, то это принесет им мир, счастье и благополучие, которых ранее не знал ни один народ на земле. Они знают, что, имея такой пример перед собой, рабочие других стран поднимутся, чтобы уничтожить свои капиталистические правительства и упразднить капиталистическую систему.

Пытаясь сохранить свою систему эксплуатации рабочих, капиталисты ведут борьбу против Советского правительства всеми средствами, которыми они располагают. Сперва они финансировали всех царских генералов, которые действовали в качестве орудия их политики, подстрекая их к ведению гражданской войны против правительства рабочих и крестьян. Колчак, Деникин, Юденич — все они являлись орудием в руках Ллойд Джорджа. Клемансо, Вудро Вильсона и всех тех международных сил капитализма, которые они представляют. Они убивали русских рабочих и крестьян на английское, французское и американское золото. Царские генералы и их армии не уничтожили правительство рабочих и крестьян, зато погибли сами. Воодушевленные славными достижениями своей революции, рабочие и крестьяне России оказались непобедимыми на поле брани.

Не сумев уничтожить Советское правительство с помощью гражданской войны, союзные империалисты натравили на него Польшу.

Советская Россия стремилась к миру с Польшей. Она шла на многие уступки капиталистическому правительству Польши, чтобы предотвратить войну. Однако у польских бандитов были приказы, полученные из Лондона, Парижа и Вашингтона; они без предупреждения вторглись на Украину, разрушая города, убивая женщин и детей.

Но русские рабочие и крестьяне быстро сплотились и поддержали свое правительство. Они обратили вспять польских захватчиков. Несмотря на то, что союзные империалисты снабжали Польшу неограниченными средствами, военным снаряжением и военными инструкторами, рабочие и крестьяне разбили польские армии и изгнали их.

Теперь, когда империалистический союз вновь потерпел поражение и его польским прислужникам грозит гибель, он делает попытки пробудить симпатии к Польше и натравить вас на Советское правительство России.

Англия и Франция готовятся послать свои армии на помощь польским бандитам; в Вашингтоне уже объявлено, что Соединенные Штаты будут снабжать Польшу деньгами и снаряжением.

Рабочие Соединенных Штатов! Это лишь первый шаг к новой большой войне — войне, которая должна будет уничтожить первую рабочую Республику и закрепить цепи наемного рабства на рабочих всех стран. Так же как и перед этой мировой войной, США сперва будут давать деньги и снаряжение, а затем призовут наших юношей вновь принять участие в бойне. Капиталистическая пресса уже сейчас ведет пропаганду, надеясь с ее помощью подготовить путь для посылки американских армий на выполнение грязной работы мирового капитализма в Европе.

Американские рабочие, неужели это случится, неужели вы действительно отправитесь убивать русских рабочих и крестьян за то, что они освободились от грабителей-капиталистов и помещиков и сами управляют своей промышленностью?

Рабочие России взывают к вам о помощи. Они призывают вас помешать капиталистическому правительству Соединенных Штатов использовать вас для уничтожения их правительства и их завоеваний, обеспечивающих для них справедливость и экономическое благополучие.

Капиталистическое правительство Польши, которое выступает в роли палача на службе у союзных империалистов, не заслуживает сочувствия трудящихся. Польские рабочие и крестьяне, руководимые коммунистами своей страны, вновь и вновь выступают для того, чтобы помешать своему капиталистическому правительству вести войну против Советской России. Рабочие и крестьяне Польши обращаются к рабочим всего мира с призывом помочь Советской России. Они понимают, что их надежды на свободу могут осуществиться лишь после того, как их капиталистическое правительство будет разбито и уничтожено.

Повсюду рабочие откликаются на призыв рабочих и крестьян России и Польши, мобилизуя свои силы против польского правительства и империалистической коалиции, которые пытаются уничтожить Советскую Россию. Докеры и железнодорожники Англии отказались грузить снаряжение для Польши; германские, итальянские, австрийские и чешские рабочие отказываются пропускать поезда с военным снаряжением для Польши через свои страны.

Рабочие Америки, а вы присоединитесь к этой вдохновляющей демонстрации солидарности рабочего класса? А вы примите участие в том, чтобы помешать капиталистическому правительству этой страны вступить в новую большую войну с целью уничтожения Советской России?

Готовы ли вы действовать,— не только для того, чтобы спасти Советскую Россию, но и для того, чтобы спасти молодежь нашей страны, которую вновь хотят ввергнуть в бойню?

Сила в ваших руках. Следуйте примеру рабочих Англии, Италии, Германии, Австрии, Чехословакии! Отказывайтесь производить снаряжение, отказывайтесь транспортировать его, отказывайтесь выполнять какую-либо работу, которая может оказать помощь союзным империалистам в их войне против Советской России.

Предупредите капиталистических хозяев в правительстве нашей страны, что вы отказываетесь помогать им в их усилиях потопить в крови рабочих и крестьян, Советское правительство, которое является их завоеванием!

Бастуйте! Бросайте работу! Останавливайте заводы и фабрики! Парализуйте транспорт!

Долой разбойничье правительство Польши!

Долой союз империалистов! Долой капиталистическую войну! Долой все капиталистические правительства!

Да здравствуют коммунистические рабочие и крестьяне Польши!

Да здравствует Советская Россия!

Да здравствует международная солидарность рабочего класса!

«The Communist».— Official Organ of the United Communist Party of America, vol. I, № 4, July, 31, 1920.— Перевод с английского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Лига социалистической пропаганды (The Socialist Propaganda League) была образована в 1915 г. в Бостоне из левых элементов Социалистической партии США. Лига вела решительную борьбу против предательской политики правого руководства Социалистической партии и выступила на стороне Циммервальдской левой. «Эта лига,— писал В. И. Ленин А. М. Коллонтай,— интернационалистская, с программой, явно клонящей влево» (В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 339). Лига явилась зародышем революционного авангарда американского рабочего класса — Коммунистической партии США.— 22.

2) Здесь Холмс выступает как типичный буржуазный пацифист-непротивленец. Общеизвестно, что Советское правительство сразу же после Октябрьской революции демократизировало старую армию, а в дальнейшем начало создавать новую, Красную Армию на добровольческих началах из наиболее сознательной части

трудящихся. Только в ходе гражданской войны и иностранной военной интервенции был осуществлен переход ко всеобщей воинской повинности.

Что касается закрытия газет, то и здесь Холмс впал в заблуждение, принимая на веру ложь и клевету буржуазной прессы. Рабоче-крестьянская власть предоставляла полную свободу и обеспечивала всю широту прав граждан Советской Республики, поднимая народ на борьбу против эксплуататоров. Лишь те органы буржуазной печати подлежали закрытию, чья контрреволюционная деятельность была направлена против Советской власти. Как раз к подобного рода изданиям относились «Жизнь», «Речь», «Дело народа», «Вперед».— 28.

3) «Шестой пункт» известных «14 пунктов» Вильсона — программы империалистического мира и американской экспансии, изложенной в его послании конгрессу США 8 января 1918 г., с точки зрения «буквы» как бы предусматривал «освобождение» Германией занятых ее войсками русских территорий, «невмешательство» других стран во внутренние дела России, «свободу» определять свою национальную и другую политику. На деле же, как это было затем продемонстрировано в ходе военной антисоветской интервенции, «шестой пункт» был направлен своим острием на расчленение Советской России и отчленение от нее важных районов, на ликвидацию Советской власти.— 29.

4) «Лига друзей Советской России» являлась добровольной организацией свободолюбивых американцев, которая возникла в июне 1919 г. и прекратила свое существование в январе 1920 г. «Цель Лиги,— гласил ее устав,— помогать России всеми легальными способами» (см. фонды Государственного музея революции СССР, № 10655/5). Ее организатором и президентом была Идас Флауэр (Edas Flower). Руководство Лиги находилось в г. Нью-Йорке. О Лиге см. также док. № 15.— 30.

5) Бергер А. Н.— управляющий делами Министерства внутренних дел колчаковского «правительства».— 31.

6) Коммунистическая рабочая партия США была основана на съезде в Чикаго 1 сентября 1919 г. одновременно с образованием Коммунистической партии Америки (2 сентября 1919 г., Чикаго). В конце мая 1920 г. на Объединенном съезде в Бриджмэне (штат Мичиган), проходившем нелегально из-за полицейских преследований, обе эти партии объединились в одну — Объединенную Коммунистическую партию Америки. Однако объединение коммунистических сил в США было еще далеко не полным.— 35.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ТУРЕЦКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Советская Россия, начиная с 1920 г., поддерживала освободительную борьбу турецкого народа и оказывала ему наряду с моральным и политическим содействием финансовую и материальную помощь.

Публикуемые документы касаются технической помощи, которую Советский Союз оказал Турции в деле ее индустриального развития на основе предоставления Турции советского кредита, принципиальное соглашение о котором было достигнуто в 1932 г. во время визита в СССР турецкой правительственной делегации во главе с премьер-министром и ближайшим соратником К. Ататюрка Исметом Иненю. Этот советский долгосрочный кредит в сумме 8 млн. долларов предоставлялся Турции для приобретения новейших видов советского оборудования [1] и, как было уточнено в дальнейшем, предназначался в первую очередь для создания крупной турецкой текстильной промышленности.

В начале августа 1932 г. в Турцию по приглашению турецкого правительства (см. док. № 1) выехала советская комиссия экспертов для изучения условий строительства текстильных предприятий и выбора площадки для них.

По прибытии в Турцию советские специалисты 13 августа 1932 г. были приняты Исметом Иненю, с которым имели продолжительную беседу.

В результате более чем двухмесячной работы по изучению природных и экономических условий развития текстильной промышленности и строительства комбинатов комиссия подготовила и представила турецкому правительству обстоятельный доклад, который был одобрен Министерством экономики Турции и на основе которого районами строительства комбинатов были утверждены Кайсери и Назилли.

С советской стороны для руководства работой по оказанию технической помощи Турции и реализации 8-миллионного кредита в системе Наркомата тяжелой промышленности был создан специальный орган — «Туркстрой». С турецкой стороны работой по строительству текстильных комбинатов руководил Сумер-банк. Эти организации установили между собой тесный контакт и успешно сотрудничали в деле индустриального развития Турции.

В 1933 г. «Туркстроем» были произведены работы по проектированию комбината в Кайсери и совместно с Сумер-банком разработаны и уточнены условия кредита.

21 января 1934 г. в Анкаре полпред Советского Союза в Турции Суриц и министр иностранных дел Турецкой Республики Тевфик Рюштю подписали протокол об условиях и способах реализации 8-миллионного кредита,

[1] «Правда», 8 мая 1932 г.

условия которого были исключительно выгодными для Турции. В ст. 2 протокола указывалось, что этот кредит «будет являться беспроцентным и будет подлежать возмещению в 20 лет» [1]. Кредит не затрагивал валютных ресурсов Турции, истощенных мировым экономическим кризисом, и стимулировал вывоз сельскохозяйственного сырья.

25 января 1934 г. составление технического проекта для комбината в Кайсери были закончено. Проект был передан Сумер-банку, после чего на советских предприятиях развернулась работа по выполнению турецких заказов на оборудование для комбината. Изготовлением оборудования для турецкой текстильной промышленности были заняты крупнейшие заводы энергетического и текстильного машиностроения, станкоинструментальные, электромеханические и трубопрокатные заводы Советского Союза.

20 мая 1934 г. в Кайсери при стечении всего населения города и в присутствии премьер-министра Турции состоялась закладка текстильного комбината (см. док. №№ 2, 3). Исмет Иненю в своей приветственной речи, отметив сотрудничество советской промышленности в строительстве комбината, заявил, что создаваемое предприятие «будет не только памятником советско-турецкой дружбы, но и блестящим образцом достижений советской промышленности, вызывающей удивление всего мира» [2].

В 1934 г. «Туркстрой» приступил к разработке проекта для второго текстильного комбината в Назилли.

Одновременно с выполнением проектных работ и изготовлением оборудования «Туркстрой» организовал подготовку кадров для текстильной промышленности Турции. Осенью 1933 г. в Москву прибыла первая группа турецких практикантов, которая после завершения теоретического курса прошла производственную практику на текстильных предприятиях Москвы, Иванова и Орехово-Зуева (см. док. № 4).

По просьбе турецкой правительственной промышленной комиссии 24 подмастера, подготовка которых была признана отличной, остались в Союзе для подготовки их на должности инструкторов массовых профессий. Помимо практикантов Сумер-банк направил в нашу страну пять турецких инженеров для обучения ткацкому, прядильному, красильно-аппретурному делу и на должность главного механика комбината. В течение 8 месяцев они проходили теоретический и практический курс под руководством виднейших профессоров Союза и производственную практику на фабриках и заводах Москвы, Ленинграда, Иванова, Орехова, Калинина и др. [3].

Весной 1935 г. началось обучение второй группы турецких практикантов, которая предназначалась к использованию на комбинате в Назилли.

Советская промышленность успешно и в срок справилась с выполнением заказов для первого комбината в Кайсери и обеспечила высокое качество поставленного оборудования. Благодаря четкой работе советских и турецких инженеров, монтажников и строителей 25 июня 1935 г. комбинат в Кайсери был сдан в эксплуатацию (см. док. № 5).

16 сентября 1935 г. в Кайсери состоялось официальное открытие комбината [4].

В 1936 г. развернулись работы по строительству создаваемого при помощи Советского Союза на основе 8-миллионного кредита второго текстильного комбината в Назилли, закладка которого состоялась 23 августа 1935 г. (см. док. № 6).

---

[1] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, вып. VIII, изд. НКИД. М., 1935, стр. 133, 135.

[2] «Известия», 22 мая 1934 г.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 7604, оп. 1, д. 329, лл. 13 об.— 14.

[4] См. «Известия», 18 сентября 1935 г.

Монтаж основного оборудования комбината, в котором приняли участие 69 советских инженеров, техников и монтажников, благодаря широкому применению стахановских методов труда был произведен в рекордно короткий срок — 4½ месяца. За время монтажа и первые три месяца после пуска комбината советские инженеры и техники обучили и подготовили как практически, так и теоретически из числа турецких рабочих около 1000 квалифицированных специалистов [1].

9 сентября 1937 г. комбинат в Назилли вошел в строй. Это явилось новым вкладом в развитие текстильной промышленности Турции и вновь подтвердило плодотворность советско-турецкого технического сотрудничества.

На официальном открытии комбината 9 октября 1937 г. (см. док. №№ 7, 8) присутствовал президент Турецкой республики К. Ататюрк и все члены турецкого правительства.

Сооружение двух крупнейших в Турции текстильных комбинатов, осуществленное при широкой и бескорыстной помощи Советского Союза, заложило основы турецкой национальной текстильной промышленности. Оно явилось убедительным примером успешного претворения в жизнь политики мирного сосуществования государств с различными экономическими системами и наглядно продемонстрировало эффективность тесного сотрудничества советского и турецкого народов на поприще мирного труда.

А. С. Чернецов

№ 1

Памятная записка, врученная турецким послом в Москве Рагиб беем при беседе заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Л. М. Карахану

9 июня 1932 г.

Во время беседы с господином Караханом Хусейн Рагиб бей имел честь сообщить ему следующее:

Министерство национальной экономики Турецкой республики дало указание генеральному директору по вопросам промышленности Шерефу бею, который находится в настоящее время в Берлине и который во время своего пребывания в Москве имел переговоры с представителем компетентного департамента по вопросу о посылке в Турцию нескольких советских специалистов для разработки планов по производству промышленного и другого оборудования, вернуться в Турцию вместе с вышеупомянутыми специалистами.

Хусейн Рагиб бей, по указанию своего правительства, просил также господина Карахана любезно соблаговолить сообщить о вышеупомянутом соответствующему департаменту, а также соблаговолить принять необходимые меры по отбору этих специалистов.

Шереф бей скоро прибудет в Москву с тем, чтобы сопровождать этих специалистов в Турцию.

АВП СССР, ф. 08, оп. 15, п. 148, д. 176, л. 1.— Подлинник, перевод с французского.

---

[1] АВП СССР, ф. 132, оп. 22, п. 49, д. 13, л. 51.

№ 2

Телеграмма НКИД СССР министру иностранных дел Турции в связи с закладкой текстильного комбината в Кайсери

19 мая 1934 г.

По случаю закладки текстильного комбината в Кайсери шлю Вам и в Вашем лице Турецкому правительству поздравления с новым выдающимся актом укрепления национальной экономики Турции. Этот акт является одновременно блестящим свидетельством плодотворности советско-турецкого экономического сотрудничества и неизменности дружбы двух великих соседних народов.

АВП СССР, ф. 132, оп. 19, п. 38, д. 9, л. 13.— Подлинник.

№ 3

Из речи управляющего «Туркстроем» при закладке текстильного комбината в Кайсери

20 мая 1934 г.

Я чрезвычайно рад, что на мою долю выпала высокая честь присутствовать при закладке кайсерийского текстильного комбината. Я тем более горд участвовать в этом радостном для дружественной Турецкой республики событии, что промышленность Советского Союза, которую я и мои товарищи по делегации здесь представляем, осуществляет поставку оборудования для этого комбината, равно как и техническое сотрудничество в его строительстве, монтаже и пуске в ход.

Сегодняшнее торжество является праздником не только для турецкого народа, но и для народов Союза Советских Социалистических Республик. У нас, в Советском Союзе, вызывает глубокое удовлетворение каждый новый шаг Турции на пути к индустриализации, на пути хозяйственного строительства и укрепления экономической независимости великой дружественной республики.

Мы внимательно следим за успехами Турции в этой области, и я счастлив констатировать, что успехи эти поистине грандиозны. Великие государственные культурные реформы решительно изменили политическое лицо страны, изменена и экономическая база. Сеть новых железных дорог, связывает Турцию с севера на юг и с востока на запад. Ряд существенных мероприятий в сельском хозяйстве, новые фабрики и заводы, новые, прежде не существовавшие отрасли промышленности,— все это внесло коренные изменения в экономику республики. И все это достигнуто в процессе напряженной и тяжелой борьбы героического турецкого народа, под руководством великого вождя национальной Турции Гази Мустафа Кемаля и его ближайшего соратника многоуважаемого председателя Совета Министров Исмет паши.

Это высокое руководство и энергичная деятельность турецкого правительства обеспечили развитие той отрасли промышленности, в которой нам предстоит теперь применить принцип технического сотрудничества. Я имею в виду текстильную промышленность, для развития которой должен иметь весьма важное значение заложенный сегодня текстильный комбинат.

Мы, работники советской промышленности, относимся к созданию кайсерийского комбината, как к своему собственному родному делу. Мы получили от нашего правительства твердый приказ — дать для кайсерийского комбината все то самое высококачественное, все то самое лучшее, чем может гордиться советская промышленность и техника. И я считаю себя вправе заявить здесь со всей решительностью, что мы этот приказ выполним.

Нам предстоит еще долгая и трудная работа строительства, монтажа и пуска в ход комбината. Но я ни на минуту не сомневаюсь в ее конечном успехе. Залогом этого служит испытанная дружба между нашими странами и блестящие качества турецких экономистов, инженеров, техников и рабочих.

Мы уже убедились в этом за год нашего сотрудничества с Сумер-банком. Мы имели возможность убедиться в высоких качествах турецких рабочих, наблюдая за учебой группы турецких учащихся, командированной Сумер-банком для обучения и стажа в СССР. Мы убедились также в высокой квалификации турецких инженеров, с которыми нам неоднократно приходилось встречаться в Москве. Я, в особенности, считаю своим долгом отметить, что только благодаря непосредственному и эффективному сотрудничеству турецких инженеров советские инженеры и практиканты смогли справиться с ответственной задачей проектирования кайсерийского комбината.

Я должен также подчеркнуть то исключительное внимание ко всем вопросам, связанным с проектированием и строительством комбината, которое проявляет посол Турецкой республики в Москве Рагиб бей.

Разрешите мне от имени народного комиссара тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, а также от имени всех работников треста «Туркстрой» и от моего имени, равно как от имени моих товарищей по делегации, принести уважаемому Исмет паше и всем присутствующим здесь господам министрам, депутатам, директору и членам дирекции Сумербанка, турецким инженерам и рабочим самые искренние, дружеские поздравления и выразить еще раз твердую уверенность в успешном завершении строительства комбината.

Пусть фундамент, первый камень которого был только что положен, укрепит еще больше экономику Турецкой республики. Пусть турецкие станки, которые здесь будут работать, ткут не только красивые ткани, но и прочную ткань советско-турецкой дружбы.

АВП СССР, ф. 132, оп. 19, п. 38. д. 9, лл. 70—72.— Копия.

№ 4

Речь посла Турции в СССР Васиф бея на приеме практикантов «Туркстроя» в турецком посольстве в Москве

22 октября 1934 г.

Господа!

Я поздравляю вас с приобретением тех блестящих знаний, которые дают вам возможность стать зачинщиками крупной промышленности в нашей родине. Эти знания вы получили в дружественной нам стране, работники которой окружили вас всяческим вниманием и заботами; они добились того, что вы у себя на родине сумеете быть теми элементами, на ко-

торых страна сможет положиться для дальнейшего еще большего развития нашей промышленности.

Правда, у нас промышленность есть; но это мелкая промышленность, недостойная идеалов нашей революции. В дружественной нам стране вы приобрели бо́льшую ценность, чем вы имели, когда приехали сюда. Я счастлив ознаменовать это сегодня; но и много раньше я был твердо убежден, что в СССР ваша подготовка будет прекрасной.

Вы являетесь сегодня теми элементами, которым страна помогла стать ценными для того, чтобы они могли принести большую пользу нашему народу. Наш народ этого от вас требует — он имеет право требовать это.

Наше правительство, решив основать крупную промышленность в нашей стране, устремило свой взгляд в первую очередь на текстильную промышленность, ибо ресурсы страны наиболее благоприятствуют этой отрасли. Вам на долю пала честь быть пионерами этого крупного начинания. Я твердо убежден, что все вы эту честь оправдаете.

Я особенно хочу поблагодарить «Туркстрой», всех его сотрудников и все сотрудничащие с ним организации за блестящую подготовку, которую они сумели дать вам, приложив все усилия и не жалея средств, доказав таким образом, насколько им дорога турецко-советская дружба и насколько она крепка.

АВП СССР, ф. 132, оп. 19, п. 38, д. 9, л. 129.— Копия.

№ 5

Телеграмма представителей «Туркстроя» и Сумер-банка в Москву о пуске в эксплуатацию комбината в Кайсери

Кайсери, 30 июня 1935 г.

Монтаж закончен. Комбинат в целом вступил в эксплуатацию двадцать пятого июня.

АВП СССР, ф. 132, оп. 20, п. 65, д. 10-а, л. 48.— Копия.

№ 6

Телеграмма Сумер-банка «Туркстрою» о закладке комбината в Назилли

25 августа 1935 г.

Сердечно благодарю за Ваше дружеское пожелание по случаю закладки нашего комбината в Назилли. Надеюсь все работы в Назилли закончить общими силами без особых затруднений. Приветствую с радостью создание второго комбината, который является новым мощным результатом сотрудничества между нашими странами.

АВП СССР, ф. 132, оп. 20, п. 41, д. 11, л. 123.— Копия.

№ 7

Телеграмма поверенного в делах СССР в Турции представителям «Туркстроя» в Назилли в связи с пуском комбината

9 октября 1937 г.

По случаю официального пуска назиллийского комбината горячо поздравляю работников, техников, инженеров «Туркстроя» с досрочным блестящим выполнением высоко ответственного задания.

АВП СССР, ф. 194, оп. 16, п. 9, д. 20, л. 14.— Копия.

№ 8

Из письма заместителя главного инженера «Туркстроя» поверенному в делах СССР в Турции об открытии комбината в Назилли

Назилли, 14 октября 1937 г.

9 октября, в 1 час. 30 мин., в присутствии президента Турецкой республики Ататюрка и кабинета министров состоялось официальное открытие второго турецкого текстильного комбината в городе Назилли...

После [митинга] и окончания парада рабочих фабрики нас представили Ататюрку. Последний, пожав нам руки, заявил, что он просит передать от себя всему советскому коллективу его большое спасибо.

Через 20 минут после митинга был дан продолжительный гудок, означавший «к работе приступить» и выход Ататюрка с министрами из здания главной дирекции.

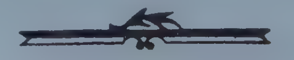
Пройдя к дверям разрыхлительно-трепального отдела прядильной фабрики, Ататюрк золотым ключом открыл двери этого отдела (разрыхлительно-трепальный отдел по технологическому процесссу является началом обработки, началом хлопкопрядения). Нужно отметить, что как сам Ататюрк, так и все его министры довольно подробно знакомились с оборудованием, работой машин, а Исмет Иненю интересовался заводами, производящими эти машины, разницей этих машин по сравнению с машинами на кайсерийском комбинате и т. п. После осмотра прядильной и ткацкой фабрик Ататюрк чаще стал задавать вопросы и выражать вслух свой восторг и удивление.

Особенно как его, так и министров поразила ткацкая фабрика и автоматические ткацкие станки. Выйдя из ткацкой фабрики, он, приостановившись, сказал Исмету Иненю на ухо (так как последний плохо слышит): «Замечательно. Большая фабрика. Замечательные машины. В Кайсери то же?», на что Исмет ответил: «Да. Поедем, посмотрим кайсерийский комбинат».

Начав осматривать ситце-печатную фабрику так же медленно и подробно, Ататюрк [затем] пошел быстро и, выйдя на улицу и обернувшись, заявил, что он очень благодарит. Он устал, сел в машину и уехал на поезд.

Нужно отметить, что как на Ататюрка, так и на всех министров осмотр комбината произвел огромное впечатление...

АВП СССГ ф. 194, оп. 16, п. 9, д. 20, лл. 15—17.— Подлинник.



О ПОМОЩИ ТРУДЯЩИХСЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН СОВЕТСКОМУ СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

(1921 — 1925 гг.)

Предлагаемая публикация о приезде в советскую страну и организации работы иммигрантских сельскохозяйственных коммун и артелей посвящена одной из интересных страниц истории производственной помощи трудящихся зарубежных стран Советской России.

В сложных хозяйственных и политических условиях начала 1920-х годов рабочие и крестьяне Америки и ряда европейских стран вместе с передовой частью русских эмигрантов выразили готовность помочь своим трудом в восстановлении народного хозяйства Советской России [1].

По предложению В. И. Ленина, 22 июня 1921 г. СТО принял постановление «Об американской промышленной эмиграции». Оно предполагало приезд промышленных и сельскохозяйственных рабочих, «прибывающих в Россию организованными в артели, кооперативы и т. п.». В постановлении говорилось об использовании промышленной эмиграции «для поднятия производительных сил страны» [2] и предусматривался приезд только организованных производственных коллективов, которые, будучи снабжены орудиями производства и продовольствием, могли быстро, без дополнительной материальной поддержки начать работу на новом месте.

В сельском хозяйстве предполагалось создать силами иммигрантов и на их средства высокопроизводительные, технически оснащенные коллективные хозяйства, которые бы служили для местного населения убедительным доказательством преимуществ совместного ведения хозяйства с помощью новейших машин и орудий. Эти хозяйства должны были дополнить немногочисленные, тогда еще первые опыты коллективного хозяйствования (коммуны, артели) местного крестьянства, которые создавались без необходимого технического оснащения. Налаживая свои хозяйства, иммигрантские коллективы брали одновременно обязательства оказать посильную помощь местному населению прежде всего в механической обработке крестьянской земли, а также и в других областях ведения хозяйства. Приезжавшие иммигранты, как правило, имели необходимую для этого подготовку. «Мы, хлеборобы, знающие практически ведение сельского хозяйства по американской системе, организовались в артель на коммунистических началах для работы в Советской России»,— писали в ВСНХ члены одной из групп, сообщая о своей готовности к выезду в Советскую Россию (док. № 1).

---

[1] Подробнее о тяге в Советскую Россию см. Г. Е. Рейхберг и Б. С. Шапик. Об участии американских рабочих в восстановлении народного хозяйства Советской республики. «История СССР», 1961, № 1, стр. 147—148.

[2] Ленинский сборник XX, стр. 202.

Исключительно трудное экономическое положение Советской страны в начальный период восстановления народного хозяйства диктовало необходимость особенно тщательного выбора для въезда действительно полезных групп. Регулированием въезда, приемом и устройством на новом месте коллективов зарубежных трудящихся ведал сначала Наркомтруд, с июля 1921 г.— подотдел Промышленной иммиграции ВСНХ, а с осени 1922 г. до февраля 1927 г.— Постоянная комиссия СТО по урегулированию сельскохозяйственной и промышленной иммиграции[1]. (Подробнее о деятельности Комиссии и методах ее работы см. док. № 9).

В США, откуда приток иммигрантов был особенно велик, организацией их в производственные группы занималось «Общество технической помощи Советской России» (ОТПСР), созданное еще в мае 1919 г.[2].

Руководящий орган Общества — Центральное бюро, избиравшееся на съездах, подготавливало промышленные и сельскохозяйственные артели и коммуны к отъезду, снабжало их деньгами и снаряжением; покупало для них машины и инструменты. Оно согласовывало с советскими учреждениями сроки выезда групп, места их назначения. Общество сохраняло связь со своими группами и после их приезда в Советскую Россию.

Советское правительство настаивало на том, чтобы Общество строго учитывало условия работы в Советской России, регулярно информировало о всех своих мероприятиях. Помимо текущей переписки, Центральное бюро Общества периодически присылало в ВСНХ, а затем в Постоянную комиссию СТО подробные доклады. Имевшая все же место недостаточная согласованность работы Общества с потребностями советского народного хозяйства, начинавшего только возрождаться, нередко приводила к созданию таких коллективов, в которых в тот момент не было необходимости. Поэтому Советскому правительству приходилось иногда отказывать в приеме подобных групп; именно этим объясняется сравнительно высокий процент групп, не получивших разрешения на въезд (см. док. № 9).

Большинство приехавших артелей и коммун разместилось в Центральном районе России, на Северном Кавказе и на Украине. Одной из первых прибыла в Советскую страну первая Канадская коммуна, получившая совхоз «Мигаево» в Одесской губернии[3]. Коммуна вскоре заняла прочное положение в Тираспольском уезде (см. док. № 3). Несмотря на целый ряд трудностей, неизбежных при организации такого сложного дела, коммуна быстро достигла определенных хозяйственных успехов (см. док. №№ 4, 9).

В. И. Ленин живо интересовался переселением и работой иностранных коллективов. Ему непосредственно докладывали о ходе переселения (см. док. № 5); причем Ленин неоднократно напоминал, что приезжать могут только знающие специалисты, стойкие люди, преданные коммунистическим идеалам.

В 1921 г., приветствуя I съезд ОТПСР, В. И. Ленин писал: «Необходимо считаться с теми трудностями, которые в России есть, которые надо преодолевать, затруднения продовольственные и другие. Люди, едущие в Россию, должны быть к этому готовы... Желательно посылать сначала делегатов для осмотра у нас на месте земельных участков для поселения, лесных участков, рудников, фабрик и т. п. для взятия в аренду»[4]. Такие

---

[1] См. декрет СНК 28 ноября 1922 г. (СУ, 1922, № 79, ст. 997).

[2] О начале деятельности ОТПСР и пребывании в Нью-Йорке неофициального представителя РСФСР в США Л. К. Мартенса см. воспоминания Л. К. Мартенса. «Исторический архив», 1958, № 5, стр. 148, а также Г. Евгеньев, Б. Шапик. Революционер, дипломат, ученый (о Л. К. Мартенсе). М., 1960, стр. 14—15.

[3] В статье Г. Е. Рейхберга и Б. С. Шапика совхоз ошибочно назван «Михеево» (см. «История СССР», 1961, № 1, стр. 151).

[4] Ленинский сборник XXXVI, стр. 302, примеч. 2.

требования, исходя из указаний В. И. Ленина, предъявляла к въезжавшим группам и Постоянная комиссия СТО.

ОТПСР доводило эти требования до сведения своих членов. «В России нет еще молочных рек и кисельных берегов»,— предупреждало Центральное бюро ОТПСР свои отделения, занимавшиеся подбором групп для отъезда в Советскую страну (см. док. № 7).

Несмотря на трудности целый ряд приехавших в Советскую Россию производственных коллективов добился больших успехов.

20 октября 1922 г. В. И. Ленин направил Обществу друзей Советской России и ОТПСР в Америке и Канаде письма с выражением благодарности за успешную работу присланных ими коллективов. «Несмотря на гигантские трудности и, в особенности, ввиду разорения во время гражданской войны, вы достигли успехов, которые следует признать исключительными... Еще раз выражаю вам от имени нашей Республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду,— писал Ленин ОТПСР,— что ваша помощь по тракторной обработке земли является для нас особенно своевременной и важной» [1].

По представлению В. И. Ленина ВЦИК принял 9 ноября 1922 г. постановление о признании образцовыми ряда коммун, в числе которых была и первая Канадская коммуна [2].

Постоянная комиссия СТО стремилась наладить тщательный учет приезжавших, проводила обследования коммун, поддерживала связь с коммунами и ОТПСР.

В настоящей публикации приводится с незначительными сокращениями наиболее полный из имеющихся отчетов Постоянной комиссии с момента ее фактической организации — 25 октября 1922 г. [3] по 1 августа 1925 г. [4] (см. док. № 9). В этом отчете имеются сводные данные, характеризующие основные стороны деятельности каждого из 21 работавших к тому времени иммигрантских коллективов. В приложенных к отчету таблицах дается детальная характеристика состава коммун и артелей, а также их основных производственных достижений.

За время существования Постоянной комиссии СТО, прошедшее после составления отчета в 1925 г. до ее упразднения в 1927 г., существенных изменений в составе и количестве коммун и артелей не произошло.

К середине 1925 г. коммуны и артели ОТПСР представляли собой достаточно сильные механизированные хозяйства; уровень производства многих из них резко превышал уровень производства в соседних хозяйствах местного крестьянства. Иностранные коммуны и артели считали одной из своих задач тесный контакт с местным населением с целью передачи ему опыта и навыков ведения крупного культурного хозяйства. В члены коммун и артелей кроме иммигрантов постепенно вступали и коренные местные жители (см. док. № 9).

Опыт работы иммигрантских коллективов обсуждался на специально созванном в Харькове совещании в марте 1924 г. Публикуемые тезисы доклада председателя Постоянной комиссии СТО В. А. Смольянинова (см. док. № 8) дают представление о тенденциях развития этих хозяйств.

К концу восстановительного периода сельскохозяйственные артели и коммуны иммигрантов, акклиматизировавшись на новом месте, постепен-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 344.

[2] Э. Б. Генкина. Ленин — председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 годах. Изд. АН СССР. М., 1960, стр. 172.

[3] Дата постановления СТО об организации Постоянной комиссии.

[4] Отчет Постоянной комиссии СТО за период с 25 октября 1922 г. по 1 августа 1924 г. был опубликован со значительными купюрами в сборнике «Дело трудящихся всего мира...». М., Госполитиздат, 1957, стр. 213—218.

но органически входили в сферу местного хозяйства. Широкую известность получила финно-американская коммуна «Сеятель» на Северном Кавказе [1], ставшая неотъемлемой частью хозяйства Сальского округа; до 1930 г. просуществовала сельскохозяйственная коммуна «Новый мир», на основе которой затем был организован большой колхоз [2].

Работа сельскохозяйственных артелей и коммун зарубежных рабочих на полях советской страны, так же как и помощь в области промышленности, были формами проявления братской интернациональной солидарности трудящихся, характерной для периода восстановления хозяйства.

Широкую экономическую помощь мирового пролетариата Советской России В. И. Ленин называл в 1922 г. «лучшей и наиболее практической поддержкой Советской России в ее тяжелой экономической войне против империалистических концернов и лучшей поддержкой в деле строительства социалистического хозяйства» [3].

* * *

Все публикуемые документы хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР СССР). Так как документы (кроме док. № 6) находятся в одном деле (см. Varia, оп. 1, д. 869), то легенды после этих документов опускаются. В подготовке публикации принимала участие Б. Г. Ривкина.

М. И. Рыбинский, Г. Я. Тарле

№ 1

Письмо комитета первой сельскохозяйственной артели Общества технической помощи Советской России (ОТПСР) в ВСНХ о готовности к выезду

1 мая 1921 г.

Уважаемые товарищи!

Первая сельскохозяйственная артель Технической помощи Советской России г. Нью-Йорка посылает привет русскому рабочему народу в лице их представителей.

Мы, хлеборобы, знающие практически ведение сельского хозяйства по американской системе, организовались в артель на коммунистических началах для работы в Советской России.

Число членов, постепенно растущее, сегодня состоит из 50 человек, с капиталом на общую покупку машин в 10 000 долларов.

Имеются специалисты: огородники, птицеводы, свиноводы, по культуре картофеля и зерновых злаков. Имеем своих плотников, слесарей, механиков и кузнецов.

Стремимся скорее переехать в Россию и заняться земледелием. Поэтому просим дать нам директивы: где делать закупки машин и семян; здесь или в Европе?

Ждем телеграфного ответа.

С товарищеским приветом

Комитет

---

[1] См. П. Я. Тадеуш. Американская коммуна «Сеятель». М., 1930.

[2] Г. Е. Рейхберг и Б. С. Шапик. Ук. соч., стр. 152.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 479—480.

№ 2

Образец расписки членов производственных коллективов ОТПСР, выезжавших в Советскую Россию

[1922 г.]

Я, нижеподписавшийся, вполне сознаю все трудности, которые переживает Советская Россия благодаря семилетней войне, блокаде и голоду, и настоящим заявляю, что при приезде в Россию буду заниматься своим ремеслом или профессией в своей группе сельскохозяйственной коммуны «Новый Мир», что везу с собой достаточно средств (деньги, инструменты, машины, продовольствие и одежду), чтобы обеспечить свое существование (и своих родных) не менее чем на год. Также заявляю, что я вполне здоров и трудоспособен, что подтверждаю собственноручной подписью.

№ 3

Выписка из протокола заседания президиума Тираспольского уездного исполкома об оставлении первой Канадской земледельческой коммуны в совхозе «Мигаево»

26 июля 1922 г.

10. Слушали: Об оставлении в арендном пользовании первой земледельческой Канадской коммуны совхоза «Мигаево».

Постановили: Заслушав ходатайство Ново-Петровского волисполкома и отношение Одесского губернского управления государственных земель и имуществ от 18 июля 1922 г. за № 71 [1], президиум уисполкома решительно возражает против выселения первой земледельческой Канадской коммуны из совхоза «Мигаево», принимая во внимание следующее:

а) Совхоз «Мигаево» в короткое время поднят в хозяйственном отношении на такую культурную высоту, что является, безусловно, образцовым и показательным (для всего района) хозяйством; выселение же его сорвет налаженную работу и уничтожит достигнутые весьма значительные успехи в постановке сельского хозяйства. О поддержании хозяйства в совхозе «Мигаево» на этой же высоте губхозтрестом по выселении Канадской коммуны не может быть и речи; б) совхоз «Мигаево» был предоставлен земледельческой Канадской коммуне губземотделом; в) подыскание для Канадской коммуны другого хозяйства, которое отвечало бы данной цели, совершенно невозможно.

Ввиду всего указанного выше, президиум исполкома находит необходимым просить губисполком и губземотдел об отмене распоряжения губернского управления государственными землями и имуществами о выселении первой земледельческой Канадской коммуны из совхоза «Мигаево» и предоставить его в постоянное пользование или же закрепить за коммуной право аренды на три севооборота (18 лет), каковая коммуна успела произвести большие затраты по восстановлению разрушенного прежде совхоза «Мигаево» и уже проводит в жизнь намеченный ею большой и серьезный план сельскохозяйственной работы.

Поручить заведующему уездным земотделом тов. Березовскому совместно с представителем Канадской коммуны тов. Соломко предоставить президиуму уисполкома подробно мотивированную докладную записку по этому вопросу в смысле оставления совхоза «Мигаево» за коммуной.

Секретарь президиума

---

[1] Упомянутые документы в деле отсутствуют.

№ 4

Доклад правления первой Канадской земледельческой коммуны в ЦК РКП(б) о деятельности коммуны

Не позднее 22 сентября 1922 г.

15 апреля 1922 г. делегация нашей артели, сконструированной ОТПСР в Северо-Американских Соединенных Штатах и Канаде, прибыла после долгих мытарств в пути в Харьков. Так как члены нашей артели изъявили желание работать на Украине, то ВСНХ направил нас в Одесскую губернию. В Одесском губземотделе нам был предложен ряд бывших помещичьих экономий, из которых мы нашли для себя наиболее подходящей ныне занимаемую нами бывшую экономию Келлера при ст. Мигаево.

Ввиду того, что наша делегация прибыла в самый разгар весенней посевной кампании, в то время как вся остальная коммуна, а главным образом с нею все техническое оборудование артели, находились в пути из Харькова в Одессу, наши делегаты для того, чтобы окончательно не упустить посевного сезона, спешно примитивным способом, не имея ничего под руками, начали засевать предложенный нам участок земли.

Таким образом, к моменту прибытия всех членов коммуны и тракторов нашими делегатами было посеяно 20 дес. различных культур. С прибытием остальных членов коммуны и инвентаря, состоящего из 3 тракторов, 6 плугов, 7 борон, 5 сеялок и другого уборочного сезонного инвентаря, а также двух грузовиков в $\frac{1}{2}$ и 3 тонны, мы без отдыха, работая днем и ночью, вспахали и засеяли 115 дес. различных культур. Ввиду того, что посевная кампания подходила уже к концу к моменту нашего прибытия, нам пришлось с лихорадочной поспешностью производить посев и у нас, естественно, не хватило времени для выяснения вопроса, на каких основаниях нам была сдана в эксплуатацию экономия и земля, на которой мы поселились. Для этой цели нами посылались неоднократно делегации в Одесский губземотдел и Одесское губернское управление государственными землями и имуществами, и здесь, после долгих мытарств и хождений, мы узнаем, что арендованная нами земля включена в Совхозтрест [1]. Отсюда и начинаются все наши мытарства [2].

Едучи в Россию, наша артель, большей частью состоящая из коммунистов, надеялась, что нам придется иметь дело с правительством рабочих и крестьян. Эту веру в нас поддержало и ОТПСР в Соединенных Штатах и Канаде. Мы, прожив чуть ли не десятки лет в Америке, которая сделалась второй нашей родиной, в которой мы уже достигли значительного благополучия, обзавелись семьями,— мы все это бросаем и, горя желанием помочь своим братьям-рабочим в деле возрождения хозяйства нашей пролетарской родины — России, отправляемся в Россию. Первым постигшим нас разочарованием было то, что нашим контрагентом по договору об аренде экономии Келлера является не губземотдел, во главе которого стоит коммунист, а хозяйственный орган — Совхозтрест, в котором преобладают «спецы». Разницу между тем и другим контрагентом мы ощутили сразу. Так, например, когда мы ехали занимать совхоз, нам сказали в губземотделе, что в этой экономии после ликвидации в ней совхоза остался инвентарь и нам было разрешено нужную часть такового отобрать и пользоваться. Но спустя некоторое время к нам прибыл представитель Совхозтреста, спец Родзевич и, угрожая преданием суду трибунала и арестом, забрал весь оставшийся инвентарь, не оставил нам даже тех предметов, в которых мы остро нуждались.

Заключение договора Совхозтрест, по неизвестным нам соображениям, тянул чуть ли не пять месяцев. Договор тоже заключен на невыгодных условиях для коммуны [1], а именно: помимо продналога государству, мы должны уплатить Совхозтресту десятую часть всего собранного урожая; за арендованную у Совхозтреста при этой экономии мельницу мы должны уплатить государству помолналог и арендную плату в 130 пуд. [2] и арендную плату Совхозтресту. Это тяжело отражается в моральном отношении на не совсем еще окрепшей коммуне, так как она не целиком состоит из членов компартии, а в связи с неурожаем (вследствие засухи) тяжело отражается и в материальном отношении.

Немалую роль в работе коммуны сыграло отсутствие горючих и смазочных материалов для тракторов. Вследствие неурожая явилось то, что коммуна не в состоянии была реализовать часть урожая для приобретения этих материалов и, не имея кредита ни в Госбанке, ни в других государственных учреждениях, она вынуждена была изыскать средства на покупку их на вольном рынке, добывая эти средства всевозможными способами, и дошла до того, что вынуждена была заняться перевозкой пассажиров из близлежащих спекулятивных местечек в г. Одессу.

Но, несмотря на все эти неурядицы, у членов коммуны живет твердая уверенность в том, что рабоче-крестьянское правительство, на помощь которому прибыла коммуна, даст возможность нам выполнить свою задачу до конца. Порукой этому является, с одной стороны, то, что местные власти, как-то: Ново-Петровский волисполком и волпартком, оценив великую цель, которой задалась агрокоммуна, пошли ей всячески навстречу, предоставив озимый семенной материал, так как наши посевы не дали доброкачественных семян; лес и кровельный материал для ремонта построек экономии, что в настоящее время для коммуны представляет весьма ценный предмет. Конечно, в виду ограниченности хозяйственных ресурсов эти учреждения не в состоянии удовлетворить все наши хозяйственные нужды, но все-таки своим отношением к нам они вселяют в нас бодрость и энергию. С другой стороны, уземотдел и губернское управление государственных земель и имуществ возбудили ходатайство перед Наркомземом Украины о выключении нашей экономии из сети трестированных хозяйств, но на это еще не получен ответ [3]. Ввиду этого мы просим вас, представителей рабоче-крестьянского правительства, дать надлежащие директивы в Харьков для скорейшего разрешения этого вопроса в благоприятном для нас смысле, что даст нам возможность взять землю на более продолжительный, чем шесть лет, срок.

Одновременно с этим коммуна просит посодействовать открытию для нее кредита в Государственном банке, так как всякое хозяйство для своего процветания нуждается в кредите, а также предоставить ей возможность добывать горючий и смазочный материалы непосредственно от государства, а не на рынке у частных торговцев, а равно предоставить возможность коммуне закупать в государственных лесных заготовках лесной материал для постройки жилого дома для прибывающих к нам на помощь 45 товарищей из ОТПСР в Америке и Канаде. Это даст нам возможность сэкономить денежные ресурсы и за счет этих сбережений повысить производственную программу коммуны.

Несмотря на тяжелые условия, коммуна все-таки проделала огромную работу. Разоренная помещичья усадьба блещет образцовой чистотой и порядком, строения ремонтируются и восстанавливаются. В полуразру-

[1] Договор не публикуется.
[2] Названная цифра в договоре отсутствует.
[3] Сведения об исключении коммуны из сети трестированных хозяйств в деле не обнаружены.

шенных до этого времени амбарах зашумели моторы, оборудованы по последнему слову техники мастерские: столярная, слесарная и кузнечная; отремонтирована и пущена в ход стоявшая до сих пор мукомольная мельница. Из взятых в аренду 1500 дес. земли (из коей 600 дес. пахотной, 300 дес. сенокоса, а остальные луга) в 1922 г. весной посеяно 130 дес., запахано под озимый 230 дес., уже посеяно озимых 100 дес., к яровому посеву на 1923 г. 200 дес., выкошено сена 300 дес., куплено 17 лошадей, 4 быка, вол, 10 коров, один племенной бык и 5 свиней [3)].

Эта производственная программа значительно повысится весной 1923 г., так как к этому времени наша коммуна пополнится еще 45 товарищами и техническим оборудованием, направляемыми ОТПСР Америки и Канады.

Не обошлось в коммуне и без несчастья. Сыпной тиф унес в могилу самого опытного, самого деятельного политического руководителя тов. Романюка [4)]. С момента его смерти политическая работа в коммуне на время замерла, и только в последнее время с момента организации комячейки, насчитывающей 3 действительных члена и 5 кандидатов, после того как коммуна связалась с волпарткомом, политработа вновь возобновилась. Проводятся читки докладов и собеседования с членами артели приезжающими из волостного и уездного парткома товарищами.

В заключение мы, сыны великой пролетарской Руси, прожившие годы Великой русской революции в тяжелой эмиграции в капиталистической стране, обещаем, что взятое на себя великое дело помощи разоренной империалистами нашей родины, мы выполним полностью, каких бы это затрат энергии и усилий не обошлось.

Привет вождям мировой революции.

С коммунистическим приветом

Председатель Канадской агрокоммуны

Члены

№ 5

Доклад Отдела промышленной иммиграции ВСНХ РСФСР В. И. Ленину о въезде и размещении промышленных и сельскохозяйственных групп иммигрантов

6 октября 1922 г.

Отдел промышленной иммиграции организован в 1921 г. [5)]. Первая группа-коммуна рабочих из Америки прибыла в РСФСР через отдел в конце минувшего года; фактически работа отдела началась с апреля с. г. и по 1 сего октября через отдел въехало в РСФСР:

2 строительные	коммуны в	количестве	59	человек
1 шахтерская	»	»	32	»
6 сельскохозяйственных	»	»	280	»
2 механические	»	»	74	»
1 сапожная	»	»	8	»
1 портняжная	»	»	65	»
Всего:	13 коммун		518	человек

Коммуны привезли с собой орудия производства, продовольствие, одежду, медикаменты и вещи домашнего обихода на сумму 310 тыс. долл.:

строительные	коммуны	привезли	на сумму	45	тыс.	дол.
шахтерская	»	»	»	20	»	»
сельскохозяйственные	»	»	»	170	»	»
механические	»	»	»	35	»	»
сапожная	»	»	»	20	»	»
портняжная	»	»	»	20	»	»

в числе привезенного имеется:

тракторов	25 шт.	дисковых плугов	20 шт.
молотилок	4 »	сноповязалок	10 »
сенокосилок	10 »	картофелесажалок[1]	6 »
картофелекопателей	6 »	кукурузорезателей	4 »
сеногрузителей	2 »	сеялок	6 »
навозоразбрасывателей	6 »	культиваторов	10 »
пружинных борон	10 »	электрических станций	2 »
лесопилок	1 »	деревообделочных машин	1 »
мельниц	2 »		

разные портновские, механические, шахтерские, сапожные машины новейших конструкций и инструмент.

Коммуны направлены отделом через соответствующие наркоматы и учреждения:

1	строительная	коммуна	направлена в	Донбасс
1	»	»	»	Москву
1	шахтерская	»	»	Донбасс
2	сельскохозяйственные	»	»	Тамбовскую губ.
2	»	»	»	Украину
2	»	»	»	Донскую обл.
1	механическая	»	»	Москву
1	»	»	»	Петроград
1	сапожная	»	»	Петроград
1	портняжная	»	»	Москву

В отдел прибыли делегаты от канадских духоборов 6), как ходоки 7) от группы в 15 000 человек, желающих иммигрировать в РСФСР. Кроме того, поступили предложения от НКПС переселить 10 000 в Сибирь на земельные массивы НКПС и уполномоченного СТО на Мугани переселить до 20 000 человек в кавказские степи 8), в Америке организуются 200 земледельческих артелей для иммигрирования в РСФСР 9) и разные предложения от механических, портняжных и других групп.

С мест поступают самые лучшие отзывы о работе коммун. Так: одну коммуну, поселенную в Одесской губернии, имеющийся там Совхозтрест собирается выселить из предоставленного ей совхоза, против чего решительно протестует Тираспольский (Одесской губ.) уездный исполком и считает, что только коммуна может вести хозяйство в восстановленном ею совхозе[2]; Паревская волость (Тамбовской губ.), обезлошаденная бандитом Антоновым, была почти целиком запахана по призыву Кирсановского укома поселившейся вблизи сельскохозяйственной коммуной[3]; портняжная коммуна, направленная на одну из фабрик «Москвошвея», на одном из общих собраний коммуны постановила: привезенные с собой портновские машины новейших конструкций, закупленные в Америке на последние сбережения каждого из членов коммуны, подарить РСФСР в лице «Москвошвея»[4].

Отдел полагает, что с разрешения СНК можно было бы развить колоссальную работу в смысле иммигрирования большого количества квалифицированных рабочих во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, привозящих с собой очень ценные, новейших конструкций машины, являющихся не только ценными хозяйственными коллективами, но и очень

[1] В тексте ошибочно «картофелесадителей».
[2] См. док. № 3.
[3] Речь идет о первой Нью-Йоркской сельскохозяйственной коммуне «Иры».
[4] Документ не публикуется.

ценными культурными ячейками; желающих же иммигрировать очень много не только из Америки, но и из других стран (Германии).

Отдел считает необходимым указать на то, что некоторые наркоматы и главным образом Наркомзем несколько странно подходят к вопросу об иммиграции. Так, отдел, получив сообщение от американского представителя о том, что 200 земледельческих артелей могут быть сорганизованы и направлены в РСФСР, обратился в НКЗ с просьбой указать земельные участки, могущие быть предоставлены коммунам. В течение месяца НКЗ сведений необходимых не дал, а собирается войти в СНК с проектом декрета об изъятии сельскохозяйственной иммиграции из ведения отдела и передачи ее НКЗ. Отдел в своих докладах в СТО указывал, что с раздроблением работы отдела иммиграция прекратится, так как отделу после годового опыта удалось добиться тех результатов, которые выше приведены.

На опыте отделу приходилось сталкиваться с массой ненормальностей, причина которых — исключительно малая авторитетность отдела. Отдел полагает, что если СНК найдет возможным расширить работу отдела, т. е. увеличить иммиграцию организованных групп-коммун в РСФСР, необходимо изъять из ВСНХ отдел и перенести его как комиссию при СТО.

Отдел обращает Ваше внимание на срочность разрешения изложенного вопроса, так как за зиму закончились бы все необходимые приготовления и закупки в Америке, и к предстоящей весенней посевной кампании сельскохозяйственные коммуны были уже на местах, а индустриальные — безболезненно приступили бы к работам на фабриках и заводах.

Работа ОТПСР Соединенных Штатов Америки и Канады, являющегося техническим аппаратом отдела в Америке, исключительно зависит от работы отдела в России. Вполне понятно, что после того, как работа наладилась, можно ожидать ритмичности между работой в Америке и России, тем более, что ОТПСР приходится еще воевать с американской белогвардейской прессой.

Заведующий Отделом промиммиграции

№ 6

Письмо Л. К. Мартенса В. А. Смольянинову о деятельности ОТПСР

8 октября 1922 г.

Достижения «Общества друзей» [1] в области технической помощи Советской России весьма незначительны по сравнению с достижениями в этой области ОТПСР в Америке.

Владимир Ильич вероятно помнит, что ОТПСР были организованы в Америке по почину нашей бывшей миссии еще в конце 1919 г. К широкой практической деятельности они смогли приступить лишь в конце 1921 г., когда СТО постановил организовать при ВСНХ Отдел промышленной иммиграции и поручил этому отделу использовать в целях промышленной иммиграции американские ОТПСР [10)].

Значительные достижения в этой области ОТПСР обещают принести нашей республике в дальнейшем весьма существенную пользу. Я обращаю внимание Владимира Ильича на передовую статью «За работу» в препровождаемом при сем № 10 «Вестника ОТПСР» [11)]. Из этой статьи ясно виден объем задач, поставленных себе этими обществами. Эти задачи будут им по плечу, если с нашей стороны им будет оказана необходимая поддержка.

[1] Имеется в виду «Общество друзей Советской России» в Америке.

Я обращаю внимание Владимира Ильича также на статью тов. Стоклицкого «Как работает иммиграция» в «Экономической жизни» от 8 октября 1922 г. [12]. Все данные этой статьи касаются групп рабочих, организованных в Америке ОТПСР.

Что касается «Общества друзей», то эта организация возникла в Америке в конце прошлого года как филантропическая организация по борьбе с голодом в России. Ее работа велась почти исключительно в этой области, и отправленная ею в Пермскую губернию артель в 29 человек является пока единственной попыткой организованной технической помощи Советской России, предпринятой этим обществом. В связи с ликвидацией голода в России деятельность этого общества в настоящее время сильно сократилась и, я не сомневаюсь, сведется скоро на нет.

Вышеприведенные соображения относятся также и к вопросу о выдаче ордена Красного Знамени членам экспедиции, работающей в Пермской губ. Мы имеем в России целый ряд групп рабочих, организованных в Америке ОТПСР, которые проявили не меньше, если не больше, идеализма и самопожертвования, добившись, несмотря на величайшие трудности, прекрасных практических результатов. Выдача ордена только одной Пермской группе была бы несправедливостью по отношению к другим.

Было бы весьма желательным в целях стимулирования деятельности американских организаций в их работе по промышленной иммиграции, чтобы Владимир Ильич написал несколько слов одобрения и признательности всем группам американских рабочих, уже приступившим к работе в России и добившимся положительных результатов, или, еще лучше, чтобы Владимир Ильич написал такое письмо ОТПСР, в котором были бы отмечены заслуги работающих в России групп и в котором была бы обещана всяческая поддержка прибывающим из Америки организованным группам рабочих. Такое письмо принесло бы очень большую пользу в работе этого общества по организации 200 сельскохозяйственных артелей, которая предпринимается в Америке в настоящее время.

Деятельность ОТПСР, поскольку она характеризуется прибывшими из Америки группами рабочих, выражается в следующих данных:

С конца прошлого года по настоящее время в пределы РСФСР въехали следующие группы, организованные ОТПСР:

7 сельскохозяйственных коммун с общим количеством работников свыше 300 человек в Тамбовскую губ., Украину и Донскую область;

2 строительных коммуны в Москву и Донбасс с общим количеством работников в 80 человек;

1 шахтерская коммуна в 32 человека в Донбасс;

3 механических группы с общим количеством рабочих свыше 80 человек в Москву и Петроград;

2 группы портных и одна группа сапожников с количеством рабочих свыше 150 человек в Москву и Петроград;

1 рыболовная артель в Карелию.

Всеми этими группами ввезено в Россию имущества в виде машин, семян, продовольствия и пр. на сумму не менее 500 000 долларов. Одних тракторов ими привезено 25 шт.

Деятельность ОТПСР в Америке была бы гораздо более плодотворной, если бы промышленная иммиграция не наталкивалась у нас на всевозможные препятствия, тормозящие ее правильное развитие. В ближайшее время я представлю Владимиру Ильичу специальный доклад по этому вопросу [1].

Л. Мартенс

ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 27, д. 21, лл. 5—7.— Подлинник.

---

[1] Доклад не обнаружен.

№ 7

Циркуляр № 2 Центрального бюро ОТП СССР во все отделы общества о подготовке сельскохозяйственных коммун

19 июля 1923 г.

Уважаемые товарищи!

При сем прилагаем протоколы Второго съезда ОТП СССР [13]) резолюции съезда и новый Устав общества. Просим прочитать их на ближайшем собрании, а затем хранить при бумагах вашего отдела для справок.

Мы вступаем в новый период деятельности, успех которой зависит исключительно от энергии отделов общества и их членов.

Из протоколов съезда вы увидите, что наша организация функционирует далеко не так, как следует. Ясно, что нужно приложить все усилия к тому, чтобы наше общество окрепло, чтобы оно усилило свою деятельность.

Между тем, теперь наступил тот момент, о котором так много говорилось и писалось в продолжении 6 лет со дня Великой русской революции. Правительство Союза Советских Социалистических Республик просит у нас, заокеанских товарищей, прийти на помощь ударными сельскохозяйственными коммунами.

ОТП СССР имеет сейчас прекрасный опыт организации ударных коммун, и в связи с улучшившимися условиями в Советской России коммуны смогут там работать с наибольшей пользой для себя и рабоче-крестьянских республик.

Примитесь же за настоящее строительство. Принимайте энергичное участие в титанической борьбе Советских республик за лучшее будущее трудящихся масс. Каждый отдел должен приступить к организации сельскохозяйственной ударной коммуны. Каждый отдел должен вербовать коммунаров. Каждый отдел должен стать рекрутской станцией по организации сельскохозяйственных коммун. Положите сегодня же начало такой коммуне.

Помните только следующие два главных условия, необходимые для организации хорошей коммуны.

Первое. Нужны опытные, знающие хорошо сельскохозяйственное дело, сознательные, выдержанные, стойкие, выносливые, преданные Союзу Советских Социалистических Республик люди.

Второе. Нужен капитал для оборудования коммун.

Такие люди и такие капиталы имеются; они среди вас.

Не следует, однако, забывать: в Союзе Советских Социалистических Республик нет еще молочных рек и кисельных берегов, о которых мечтают многие наивные люди. Разоренная войной и вторжением, обнищавшая страна, однако, изобилует несметными богатствами в недрах земли своей. Она только ждет того преданного ей работника, который, не взирая на все лишения и трудности, сможет использовать для общего блага ее богатства.

Еще примите во внимание: коммуны должны соответствовать своему назначению. Когда ходоки какой-нибудь коммуны изберут совхоз, коммуна должна быть готова оборудовать данный совхоз всеми необходимыми машинами и орудиями и запастись нужным капиталом. Чем лучше будет все обдумано и предусмотрено здесь, тем легче будет наладить работу там.

Не медлите же. Союз Советских Социалистических Республик ждет своих землеробов. Как вы назовете ударную сельскохозяйственную коммуну, решите это на ближайшем собрании.

С организацией коммуны возродится вся жизнь вашего отдела.

С товарищеским приветом

Центральное бюро ОТП СССР

P. S. Впредь мы будем высылать вам циркуляры в двух экземплярах. Один приобщите к бумагам отдела, другой прочтите, а затем вывесьте на видном месте в вашем помещении.

№ 8

Тезисы доклада Постоянной комиссии СТО на совещании иммигрантских коммун о перспективах сельскохозяйственной иммиграции в СССР 14)

18 февраля 1924 г. [1]

1. Иммиграция и реэмиграции в СССР не могут быть в настоящее время массовым явлением. Наличный опыт по организации и развитию иммигрантских хозяйств и возможность их приспособления к условиям нашего хозяйства неизбежно диктуют осторожный подход к широкому развитию масштаба иммиграции.

2. На ближайший ряд лет для СССР имеет наибольшее хозяйственное значение иммиграция сельскохозяйственных групп. Промышленная иммиграция, вследствии положения государственной промышленности и наличия безработицы, должна быть ограничена минимальными размерами работников высокой квалификации и отдельных промышленных групп.

3. Сельскохозяйственную иммиграцию надлежит рассматривать как рассадник среди коренного земледельческого населения рациональных способов хозяйствования и применения в сельском хозяйстве современных достижений в области техники (например, механическая обработка земли). Задача иммигрантских хозяйств — содействовать общему подъему и развитию сельского хозяйства в районах их поселения и служить показательным хозяйством для окружающего земледельческого населения.

4. В соответствии с вышеуказанными задачами и целями при развитии сельскохозяйственной иммиграции надлежит в основном руководствоваться следующим:

а) Сельскохозяйственная иммиграция только в том случае с наибольшим успехом выполнит свои задачи, когда она будет групповой, коллективной иммиграцией (коммуны, артели, кооперативы). Иммиграция одиночек для настоящего времени должна быть признана нежелательной.

б) Сельскохозяйственная иммиграция преимущественно направляется в обжитые районы, на участки земли, подготовленные к освоению, и в районы, наиболее приближенные к железнодорожным и водным путям сообщения.

5. Также для осуществления вышепоставленных задач при организации сельскохозяйственных групп необходимо строго придерживаться, чтобы группы состояли из хорошо укомплектованных, знающих сельское хо-

[1] Дата обсуждения тезисов на заседании Постоянной комиссии СТО.

зяйство людей, и в частности знакомых с применением механической обработки земли. При подборе людского состава групп следует с особой осторожностью и с особой внимательностью относиться к ее персональному подбору.

6. Производственно-хозяйственная деятельность иммигрантских хозяйств базируется, в основном, на средствах самого коллектива и на применении современных усовершенствованных методов хозяйствования.

Экономически иммигрантские группы должны быть обеспечены настолько, чтобы они без помощи государства могли переселиться и приступить к организации и ведению своего хозяйства. Государство в настоящее время не может оказать иммигрантам сколько-нибудь широкую помощь в виде ли денежной субсидии или других видов натурального вспомоществования.

7. Государство оказывает иммигрантам существенную поддержку предоставлением целого ряда льгот:

а) беспошлинный и безакцизный провоз орудий труда и предметов домашнего обихода;

б) льготный провоз иммигрантского имущества по железным дорогам и водным путям сообщения от границы до места поселения;

в) возможные льготы по уплате налогов в период первых лет поселения и организации хозяйства;

г) безакцизное получение горючего и смазочного материала для механической обработки земли;

д) льготное получение леса для возведения необходимых хозяйственных построек при поселении на участок, где таких построек не имеется.

8. Земля для поселения и обработки сельскохозяйственным иммигрантам представляется на началах льготной трудовой аренды и на условиях, одинаковых со всем трудовым земледельческим населением района их поселения.

9. При переселении в СССР сельскохозяйственные иммигрантские группы должны быть осведомлены о том, что их ожидает на новом месте тяжелый и упорный труд, связанный с целым рядом хозяйственных и организационных затруднений. Советское государство, представляя иммигрантам землю для применения их труда, тем не менее не в состоянии предоставить им такие условия и такие участки земли, которые они с выгодой могли бы эксплуатировать первый год переселения без затрат сил и средств. Иммигрантам придется много потратить труда и средств, прежде чем они на отведенных участках земли получат выгодное и доходное хозяйство.

Смольянинов

№ 9

Из отчета Постоянной комиссии СТО СССР о сельскохозяйственной и промышленной иммиграции за период с 25 октября 1922 г. по 1 августа 1925 г.[1]

28 августа 1925 г.

Задачи Комиссии и методы ее работы

Работа Комиссии. Комиссия организована постановлением СТО от 25 октября 1922 г., и до 1925 г. работала согласно положению, утвержденному СНК РСФСР от 28 ноября 1922 г. (СУ, № 79, ст. 997).

[1] Отчет представлен в СТО.

Основная работа Комиссии заключалась в регулировании въезда трудовых сельскохозяйственных и промышленных групп иммигрантов и реэмигрантов и в оказании им содействия по переселению (применением льгот по ввозу имущества и льготного продвижения на место поселения) и в период организации их хозяйств (по предоставлению кредита, необходимых материалов и некоторых льгот).

Кроме того, постановлением СНК СССР от 19 февраля 1924 г. (СЗ 1924 г., № 42, ст. 383) на Комиссию возложено регулирование въезда всех иммигрантов и реэмигрантов, прибывающих в пределы СССР для применения своего труда в промышленности или сельском хозяйстве как в групповом, так и в единичном порядке. С этого времени через Комиссию проходят все ходатайства о въезде в СССР одиночек, которые поступают в Народный комиссариат по иностранным делам через полномочные представительства и консульства СССР за границей.

В начале этого года функции Комиссии СТО значительно расширились новым положением (постановление СНК СССР от 17 февраля 1925 г.— СЗ., 1925 г., № 16, ст. 119), в котором предусматривается также регулирование эмиграции из пределов СССР за границу.

Методы работы. Учитывая состояние промышленности и сельского хозяйства СССР и вытекающие отсюда возможности допуска и применения иностранной рабочей силы и тех сравнительно небольших средств, которые трудовая иммиграция может с собой привезти, Комиссия СТО в своей работе руководилась следующими основными моментами:

а) Иммиграция не должна носить массовый характер; из всего количества обращающихся за разрешением переселения в СССР следует выделить лишь такие предложения, которые могут содействовать экономическому и культурному развитию СССР.

б) Предпочтение дается групповой иммиграции организованных трудящихся, которые своими силами и средствами могут организовать на отведенных им земельных участках или предоставляемых в аренду промышленных предприятиях образцовые коллективного типа хозяйства или небольшого масштаба промышленные предприятия без кредитной помощи государства.

в) Иммиграцию в одиночном порядке ограничивать лишь на тех высококвалифицированных специалистах, которые отсутствуют на внутреннем рынке труда и на которых имеются заявки от государственных учреждений. Одиночек в сельском хозяйстве для работы по найму вовсе исключить, допуская въезд лишь тех, которые имеют в СССР свои ранее оставленные крестьянские хозяйства или у которых имеются в СССР родственники, могущие обеспечить прибывающих работой и средствами к существованию в своих земледельческих хозяйствах.

г) Сельскохозяйственные группы Комиссией расцениваются как один из факторов, способствующих внедрению в среду крестьянского населения культурных методов обработки земли и коллективных форм хозяйствования. Поэтому преимущественное значение приобретают на ближайший ряд лет сельскохозяйственные группы.

д) Промышленные группы допускаются в гораздо меньшем масштабе, преимущественно в местности, где еще слабо развиты те отрасли нашей промышленности, на продукцию которых имеется спрос развивающегося местного хозяйства (окраинные области РСФСР, Узбекистан, Туркменистан и т. д.).

2. Движение иммигрантов в СССР

Ввиду экономической депрессии в тех странах Запада, которые наиболее пострадали от империалистической войны и стабилизация хозяйства которых идет медленнее, чем установившаяся временная стабилизация капиталистического мира в целом (Чехословакия, Австрия, Италия, Германия), а также в силу жестких иммиграционных законов промышленно развитых капиталистических стран (Соединенные Штаты Северной Америки, Канада, Франция, Великобритания), с одной стороны, и в силу безусловной симпатии широких масс трудящихся Запада и Америки к СССР, стремление иностранных рабочих и крестьян к переселению в СССР наблюдается значительное.

К сему следует еще отнести желание вернуться на покинутую в довоенное время родину колоний российских выходцев, раскинутых в Соединенных Штатах, Канаде, Австралии и в некоторых странах Южной Америки (Уругвай, Аргентина).

За время работы Комиссии рассмотрено 83 групповых заявления, с общим количеством 410 689 человек, желающих переселиться в СССР для работы в сельском хозяйстве, и 16 заявлений групп промышленного характера с общим количеством членов 834, всего групповых заявлений 99 с общим количеством 411 523 человека.

Цифра эта значительно меньше фактического к нам обращения, так как Комиссией СТО были рассмотрены 15 ходатайств о въезде, в которых количество членов не указано, и многие ходатайства отклонялись полномочными представителями СССР за границей на месте, ввиду их явного несоответствия нашим условиям. Кроме того, в последние дни имеются обращения итальянского посольства, итальянских политэмигрантов 15) и нескольких других групп, с которыми мы ведем лишь предварительные переговоры и объем которых в настоящее время еще нельзя установить (подробные сведения о групповой иммиграции см. таблицу № 1) [1].

Одиночные заявления о въезде в СССР с самого начала работы Комиссии Народным комиссариатом по иностранным делам посылались на рассмотрение Комиссии СТО лишь в исключительных случаях и только с февраля месяца 1924 г. после принятия СНК СССР закона от 19 февраля 1924 г. 16) НКИД представляет на рассмотрение Комиссии СТО все дела иммигрантов и реэмигрантов. Поэтому приводимые ниже (в таблице № 2) [1] сведения о движении одиночной иммиграции далеко не полные, и они не могут служить точной характеристикой широкого стремления трудящихся Запада и Америки в СССР, тем более, что ввиду бесполезной загруженности центральных органов ходатайствами о въезде, по которым по условиям рынка труда, безусловно, приходится отказать, НКИД по соглашению с Комиссией СТО особым циркуляром (№ 195) [2] предоставил полпредам право отказывать на месте по тем ходатайствам, профессии и специальности которых не включены в списки людей, от которых можно принимать заявления о въезде.

За отчетный период через Комиссию СТО прошло всего 6926 одиночных заявлений: от иммигрантов — 4481 чел., от реэмигрантов — 2445 чел.; из них желающих работать в сельском хозяйстве — 2919 чел., в промышленности — 4007 чел.

Из этого количества въезд разрешен иммигрантам — 1310 чел., реэмигрантам — 1773 чел., из них в сельском хозяйстве — 2306 чел., в промышленности — 787 чел.

---

[1] Таблицы №№ 1, 2 не публикуются.
[2] Циркуляр в делах Постоянной комиссии не обнаружен.

По групповым ходатайствам въезд разрешен 21 группе с общим количеством 2689 чел., работающих в сельском хозяйстве, и 11 группам промышленного характера с общим количеством в 3249 человек. Прибывшими сельскохозяйственными группами ввезено:

а) сельскохозяйственных орудий и инвентаря на	2 248 199	руб.
б) предметов домашнего обихода на	1 665 171	»
в) наличными деньгами	621 278	»
Итого:	4 534 648	»

что составляет в среднем на душу обоего пола 1686 руб. 37 коп.

3. Промышленные группы

Из 11 прибывших промышленных групп самостоятельно работают лишь две: «Австрийская артель», арендовавшая госзавод № 2 в г. Оренбурге и занимающаяся ремонтом автомобилей и сельскохозяйственных орудий, и промысловое кооперативное товарищество «Американские строители-производственники» в Москве, устав которого недавно утвержден ВСНХ РСФСР. (Зачисленная выше в сельскохозяйственные группы коммуна «Интергельпо»[17] является смешанной: помимо огородничества и культурного разведения хмеля, она по договору должна организовать в Кара-Киргизии кирпичные и лесопильные заводы и ряд кустарных предприятий местного значения.) Остальные 9 групп влились в существующие государственные предприятия: «Кузбасс», «Москвошвей», «Стандартстрой» и др.

4. Сельскохозяйственные группы

Наделение землей иммигрантов. Сельскохозяйственным группам предоставлено земли: по РСФСР — 12 569 дес., по УССР — 10 828 дес.; всего — 23 397 дес. (список сельскохозяйственных групп, время их прибытия в СССР, местонахождение, количество земли и членов см. таблицу № 3).

В среднем на каждого едока приходится земли по РСФСР — 8,8 дес., по УССР — 8,3 дес. Эти цифры, конечно, выше наделения землей местного населения, но следует иметь в виду, что группы применяют механическую обработку почвы и что некоторое количество их членов находятся еще за границей, где продолжают работать и присылать средства для того, чтобы на первое время оказывать им известную финансовую помощь. По прибытии групп в полном их составе, отведенная им земельная площадь будет полностью ими освоена. Иммигрантские коллективы обрабатывают землю лишь своими силами, не прибегая к найму посторонней и рабочей силы, за исключением редких случаев (в страдную пору).

Постройки. В первые годы работы коммун особенно остро ощущался недостаток в жилых и хозяйственных постройках, так как коммуны поселились в полуразрушенных совхозах, в которых постройки или вовсе отсутствовали, или же требовали капитального ремонта. Поэтому коммунам приходилось тратить много сил и средств на возведение новых и ремонт старых построек, вследствие чего другие хозяйственные работы в первые годы страдали.

Для характеристики приводим данные по 9 коммунам:

Наименование коммуны	Возведено новых				Восстановлено старых			
	жилых		хозяйственных		жилых		хозяйственных	
	количество	площадь (в кв.саж.)	количество	площадь (в кв.саж.)	количество	площадь (в кв.саж)	количество	площадь (в кв.саж.)
«Сеятель»	4	184	1	102	10	1917	19	484
Им. Ленина	4	382	6	374	5	61	15	1915
«Селянская культура»	2	40	—	—	8	1525	9	466
«Новый мир»	2	79	2	236	6	171	13	500
«III Интернационал»	3	100	—	—	12	340	11	378
«Койт»	1	32	3	41	3	44	1	18
«Солидарность»	4	440	—	—	10	1225	17	2021
«Мигаево»	4	176	7	580	4	160	2	75
«Хлебороб»	2	51	2	57	9	285	11	338
[Итого:]	26	1484	21	1 390	67	5728	98	6197

К сожалению, мы не можем указать, во сколько обходились эти постройки коммунам, так как, не желая коммуны на первое время их работы утруждать заполнением слишком пространных анкет, Комиссия СТО ограничилась лишь количеством построек и их площадью.

Вышеприведенная таблица показывает, что к 1 октября 1924 г. ранее осевшие (в 1922—23 гг.) коммуны уже обстроились настолько, что могут беспрепятственно в настоящее время уделить свое внимание полеводству, скотоводству и другим производственным работам. Кроме того, почти все коммуны за этот период времени построили целый ряд технических предприятий: паровые и турбинные мельницы, кузницы, слесарные и т. п. мастерские. Например, коммуна им. Ленина имеет мельницу с турбиной в 25 л. с., механическую, деревообделочную, сапожную, шорную и портняжную мастерские и лесопилку (данные о постройках см. таблицу № 4).

Полеводство. Вследствие того, что, как указано выше, коммунам пришлось в начале работы много уделять сил на возведение и восстановление построек, а также и потому, что ни одна коммуна не прибыла в СССР в полном своем составе, данные по полеводству за 1924 г. показывают, что коммуны еще не успели полностью обработать всю отведенную им земельную площадь. Так, по данным на 1 октября 1924 г., по восьми коммунам обработано:

Наименование коммуны	Время поселения	Общая площадь земли (в дес.)	Всей пашни (в дес.)	Обработано (в дес.)	Засеяно (в дес.)
1	2	3	4	5	6
«Мигаево»	апрель 1922 г.	1425	725	690	690
Им. Ленина	»	1020	960	809	809
«Новый мир»	август 1922 г.	791	705	565	565
«Сеятель»	сентябрь 1922 г.	4800	1800	1092	1092
«III Интернационал»	март 1923 г.	1981	1480	519	445
«Хлебороб»	апрель 1923 г.	1197	1043	490	416
«Койт»	май 1923 г.	900	510	504	261
«Солидарность»	октябрь 1923 г.	626	432	312	182

Примечание: Малая площадь обработанной земли в коммуне «III Интернационал» отчасти объясняется тем, что коммуне в феврале месяце 1924 г. пришлось переменить участок.

Не имея данных за 1925 г. (таковые коммунами будут представлены нам в конце операционного года), затрудняемся точно указать размеры обработанной земли в настоящее время, но с определенной уверенностью можем утверждать, что добрая половина коммун отведенную им землю обработала полностью, ибо некоторые из них («Сеятель», Койт») обратились в НКЗ РСФСР и Комиссию СТО с просьбой прирезать им дополнительную площадь.

Урожаи коммун. Тракторная запашка и улучшенная обработка земли коммунаров имеют свое показательное значение уже в настоящее время. В прошлом году урожаи коммун стояли гораздо выше местного населения. Особенно ярко это вырисовывалось в неурожайных районах, где, наряду с удовлетворительными урожаями коммун, крестьянские поля постигло бедствие неурожая. Для иллюстрации приводим сравнительную таблицу урожаев коммун и местного населения:

1. Коммуна им. Ленина
(Кирсановский у. Тамбовской губ.)

Наименование культур	Урожай с десятины в пудах			Примечание
	в коммуне	на крестьянских полях	разница	
1	2	3	4	5
Рожь озимая	90,3	33,3	+57,0	Урожай местного населения показан по данным отдела текущей с.-х. статистики ЦСУ
Пшеница озимая	30,3	29,5	+ 0,8	
Овес	35,7	16,9	+18,8	
Просо	96,0	4,8	+91,2	
Среднее по четырем культурам:	63,1	23,6	+39,5	Урожай коммун—по данным коммун, заверенным местными земорганами

2. Коммуна «Сеятель»
(Сальский округ Северо-Кавказского края)

1	2	3	4	5
Рожь озимая	53,0	4,0	+49,0	
Пшеница озимая	92,6	4,7	+87,9	
« яровая	40,0	4,6	+35,4	
Ячмень	8,3	7,6	+ 0,7	
Овес	8,5	7,0	+ 1,5	
реднее по пяти культурам:	40,5	5,6	+34,9	

3. Коммуна «Новый мир»
(Бердичевский округ Киевской губ.)

1	2	3	4	5
Пшеница озимая	22,4	8,1	+14,3	
Рожь	26,4	11,8	+14,6	
Овес	39,6	10,2	+29,4	
Среднее по трем культурам:	29,4	10,0	+19,4	

4. Коммуна «Мигаево»
(Тираспольский округ Одесской губ.)

1	2	3	4	5
Пшеница яровая	25,4	18,6	+6,8	
Овес	57,5	31,8	+25,7	
Ячмень	57,4	32,0	+25,9	
Гречиха	40,4	11,2	+29,2	
Среднее по четырем культурам:	45,2	23,4	+21,8	

Мертвый инвентарь. Положительным фактором хозяйственной деятельности иммигрантских коммун является их общее стремление к переходу к полной машинизации хозяйства. В этом направлении коммуны имеют крупные успехи, так как при переселении и в период первых лет своей работы они себя снабдили полными комплектами сельскохозяйственных машин. Помимо 64 тракторов, число которых по коммунам колеблется от одного до семи, коммуны имеют новейшего образца сельскохозяйственные машины из стран Запада и Соединенных Штатов, что может послужить хорошим испытательным полем для наркомземов РСФСР и УССР для выявления лучшего типа сельскохозяйственных машин.

Живой инвентарь. Хотя большинство коммун поселилось в районах с преобладающим зерноводческим направлением, но они уделяют серьезное внимание и скотоводству. В начале своей работы коммуны не получили от губернских земельных управлений почти никакого живого инвентаря, так что им приходилось весь живой инвентарь приобретать в течение первых двух лет работы. Для характеристики темпа развития скотоводства приводим данные по девяти коммунам за 1923 и 1924 гг.:

Наименование коммун	Количество лошадей			Крупного рогатого скота			Свиней		
	на 1 ноября 1923	на 1 октября 1924	увеличение	на 1 ноября 1923	на 1 октября 1924	увеличение	на 1 ноября 1923	на 1 октября 1924	увеличение
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
«Мигаево»	12	46	34	40	91	51	100	210	110
«Новый мир»	4	43	39	46	100	54	53	180	127
«Калифорния»	4	20	16	5	80	75	13	150	137
«Сеятель»	12	15	3	60	84	24	52	175	123
«Нива трудовая»	3	17	14	7	26	19	—	55	55
Им. Ленина	12	72	60	39	72	33	4	245	241
«Селянская культура»	43	53	10	54	88	34	22	135	113
«Хлебороб»	23	50	27	18	47	29	7	110	103
«Койт»	11	13	2	7	30	23	17	37	20
[Итого:]	124	329	205	276	618	342	268	1297	1029

Из приведенных данных об увеличении скота за один год работы можно видеть, что коммуны достигли значительных результатов в развитии скотоводства. Необходимо также отметить, что наряду с количественным ростом произошло и качественное улучшение. Многие коммуны обзавелись улучшенными породами скота, и некоторые уже в настоящее время выращивают улучшенные породы в своем хозяйстве.

Качественный состав коммун. Коммуны организуются преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки и Канаде под руководством ОТП СССР в Северной Америке из передовых рабочих и бывших российских выходцев (крестьян), проработавших там 10—15 лет в различных отраслях высокоразвитой американской индустрии. Среди них имеется достаточное количество работников технических подсобных предприятий сельского хозяйства, но мало работавших в интенсифицированном американском земледелии. В некоторых коммунах отсутствуют агрономические руководители. Местные земельные органы до сего времени тоже не уделяли коммунам достаточного внимания и агрономического руководства, вследствие чего в некоторых коммунах были допущены хозяйственные ошибки, вредно влияющие на внутреннюю спайку коммунаров.

В американских коммунах преобладает пестрый национальный состав. Рекрутировались они из людей чисто идейных побуждений (оказать некоторую помощь СССР) и в стране, где люди различнейших национальностей живут и работают в весьма смешанном составе. По своим политическим убеждениям они коммунисты или симпатизирующие компартии и Советскому Союзу. Отсюда их убеждение, что они смогут сработаться и привыкнуть к новым условиям в СССР. Однако, по вышеуказанным двум главным причинам (отсутствие правильного руководства в коммунах и пестрый национальный состав), а также и по ряду других более мелких причин (несоответствие климата, личные качества отдельных коммунаров и т. д.) в коммунах имели место распри и выход отдельных членов из коммун. Приводимые в таблице № 5 данные показывают, что из общего количества прибывших из-за границы 2689 членов выбыло 494 чел (18,4%). Вместо них коммунами принято из местного населения 524 чел., так что в общем итоге коммуны количественно не пострадали, а качественно уход менее устойчивых членов влияет оздоровляюще на коммуны[18]. Процент выбывших довольно высокий, но следует иметь в виду, что такого рода коммунальные предприятия требуют большой выдержки отдельных членов ее, вследствие чего процент выбывших можно считать несколько нормальным явлением.

Комиссия СТО придает особое значение качественному подбору коммунаров и их внутренней спайке. За последнее время ею принят ряд мер и указаний организациям, под руководством которых происходит формирование коммун за границей, как следует проводить эту работу, чтобы обеспечить соответствующим составом.

Взаимоотношения с местным населением и культурно-показательное значение коммун. Если в первое время крестьяне относились к коммунам скептически, если не враждебно, то с течением времени, когда коммуны своей работой и оказанной местному населению помощью заслужили внимание со стороны населения, картина значительно изменилась к лучшему. Коммуны в настоящее время посещаются весьма часто крестьянами, обращающимися за советом или за содействием, которые коммуны по мере своих сил им оказывают. В Комиссии СТО имеется целый ряд положительных отзывов как со стороны советских, так и партийных органов, характеризующих работу коммун в этой области[1].

Приводим несколько примеров.

Коммуна имени Ленина оказала в текущем году разного вида помощь местному населению (выдача безвозмездно продуктов, материалов и фуража на устройство детдома, школам и избам-читальням, местным коммунам, пособия и т. д.) на сумму 1162 руб. Коммуна посещается ежедневно, осо-

---

[1] Отзывы в материалах Комиссии не обнаружены.

бенно по воскресеньям, десятками крестьян, которые не уходят неудовлетворенными. Беднейшему населению в случаях нужды производится бесплатно помол, ковка лошадей и т. д. Имеется 300 заявлений о вступлении в коммуну

Коммуна «Хлебороб» выделила из своей среды одного инструктора, который сопровождает посещающие коммуну школьные и крестьянские экскурсии и дает им соответствующие пояснения. В прошлом году коммуна помогала крестьянам в уборке хлеба, производя эту работу бесплатно, в то время как зажиточные крестьяне требовали с бедных половину урожая.

Почти все коммуны оказывают беднейшему населению помощь по выдаче семенного материала, предоставляют для срочных полевых работ безлошадникам лошадей или тракторы. Украинские коммуны «Хлебороб» и «Нива трудовая» организовали тракторную запашку крестьянских полей по цене топлива.

В культурном отношении коммуны проделали большую работу. Они организовали свои школы, в которых помимо детей коммунаров обучаются также и крестьянские дети. В этих же школах по вечерам занимаются кружки по ликвидации неграмотности и устраиваются лекции и собеседования по вопросам общеобразовательным, политическим и главным образом сельского хозяйства. В коммунах существуют ячейки РКП(б) и РЛКСМ, которые являются известным культурным центром для окружающего населения. В некоторых коммунах (им. Ленина, «Мигаево», «Хлебороб») построены клубы, даются театральные представления и киносеансы бесплатно.

Многие коммуны устраивают показательные запашки крестьянских полей тракторами с соответствующими объяснениями. Коммуна им. Ленина пошла еще дальше и устроила показательный участок с четырехпольным севооборотом и пятым вводным клином. Этот участок расположен вдоль проездной дороги рядом с кооперативной лавкой и удобен для обозревания его населением. Она также устроила показательную выводку цыплят инкубаторами.

Самый факт существования крупных механизированных хозяйств с применением усовершенствованных методов работы и жизнь этих хозяйств, протекающая на виду окружающего населения, а также результаты их работы сами по себе оказывают сильное влияние на ту часть крестьянства, которая заинтересовалась новыми начинаниями коммун.

Хозяйственные достижения коммун. Говорить о больших хозяйственных достижениях коммун еще рано. Рассчитывать на определенный успех в сельском хозяйстве можно лишь после работы 5—6 лет; иммигрантские же коммуны проработали: 7 коммун — 3 года, 9 коммун — 2 года, 1 коммуна — 1 год и 4 коммуны переселились лишь этой весной. Но несмотря на такой короткий срок пребывания, некоторые коммуны (им. Ленина, «Сеятель», «Хлебороб», «Мигаево») по отзывам местных властей уже являются показательными хозяйствами; другие достигли значительных успехов в этой области и лишь небольшая часть из них переживает известный период «болячки», отсутствие руководства, твердой спайки, работа без определенного хозяйственного плана. Как на примеры можем указать по РСФСР коммуну «Калифорния» и по УССР — коммуны «Красное знамя» и «Красный луч», которые по своему размеру и материальному обеспечению смогли бы стать хорошими хозяйствами, но которые в настоящее время переживают известный кризис. Комиссия СТО через соответствующие наркомземы просила придти им на помощь. Дальнейшее их развитие зависит от содействия и руководства местных земельных органов.

Подводя итоги всему вышесказанному и приведенные выше данные о работе коммун позволяют сделать следующие выводы:

1. Восстановлены жилые и хозяйственные постройки и возведены новые.

2. Посевная площадь в ранее осевших коммунах приближается к полному охвату отведенной земли.

3. Восстановлены и приведены в порядок сады, виноградники и огороды, а некоторые коммуны произвели новую посадку сада.

4. Урожаи коммун значительно выше урожаев крестьянского населения.

5. Скотоводство коммун значительно расширилось и приняты меры к его качественному улучшению. В некоторых коммунах организованы случные и прокатные пункты.

6. Коммуны обеспечили себя полными комплектами мертвого инвентаря в размерах, необходимых для успешного освоения отведенной земли.

7. Организован ряд технических предприятий: мельницы, кузницы, слесарные, столярные и т. д. мастерские, которые работают не только на коммуны, но и на окружающее крестьянское население по сравнительно дешевым ценам, для беднейших — бесплатно.

8. Коммуны принимают деятельное участие в общественной и культурной жизни деревни и оказывают посильную помощь местному беднейшему населению. Показательное значение их несомненно.

Все это показывает, что большинство коммун приспособилось к условиям сельского хозяйства СССР и через некоторое время могут стать образцовыми культурно-показательными хозяйствами. Весьма мало будет таких, которые потерпят неуспех и ликвидируются [1]...

Председатель Постоянной комиссии СТО Смольянинов

Секретарь Берг

---

[1] Опущены разделы о привлечении иностранных специалистов в промышленность, о расходах на содержание Постоянной комиссии СТО.

Таблица № 3

Данные о составе иммигрантских сельскохозяйственных групп и находящейся в их пользовании земельной площади на 1 июля 1925 г.

№№ пп	Наименование группы	Время прибытия	Местонахождение группы	Колич. десятин земли	Общее число членов	Форма хозяйствования
1	2	3	4	5	6	7
			Коммуны в РСФСР			
1	Им. Ленина	1922 г.	Кирсановский у. Тамбовской губ.	1020	164	коммуна
2	«Сеятель»	»	Сальский окр. Северо-Кавказского края	4800	147	»
3	«Калифорния»	»	Донской окр. Северо-Кавказского края	2008	153	»
4	«Койт»	1923 г.	Донской окр. Северо-Кавказского края	900	67	»
5	«Сан-Франциско»	»	Сальский окр. Северо-Кавказского края	850	62	артель
6	«Солидарность»	»	Сызранский у. Ульяновской губ.	626	77	товарищество
7	«Рыбак»	1924 г.	Кубанский окр. Северо-Кавказского края	29	22	коммуна
8	«Герольд»	1925 г.	Подольский у. Московской губ.	336	74	»
9	«Кладненская с.-х. коммуна»	»	Армавирский окр. Северо-Кавказского края	1200	129	»
10	«Красная Германия»	»	Донской окр. Северо-Кавказского края	700	175	артель
11	«Интергельпо»	»	Пишпекский окр. Кара-Киргизской а. о.	100	315	коммуна
			Коммуны в УССР			
12	«Мигаево»	1922 г.	Одесский окр. Одесской губ.	1500	159	коммуна
13	«Селянская культура»	»	Херсонский окр. Одесской губ.	975	107	»
14	«Новый мир»	»	Бердический окр. Киевской губ.	791	152	»
15	Им. Джона Рида	»	Николаевский окр. Одесской губ.	181	77	»
16	«Нива трудовая»	1923 г.	Криворожский окр. Екатерининской губ.	850	69	»
17	«Независимые духоборы»	1923 г.	Мелитопольский окр. Екатерининской губ.	1440	56	община
18	«III Интернационал»	»	Херсонский окр. Одесской губ.	1981	294	коммуна
19	«Хлебороб»	»	Криворожский окр. Екатерининской губ.	1197	124	»
20	«Красное знамя»	»	Херсонский окр. Одесской губ.	1010	150	»
21	«Красный луч»	»	Запорожский окр. Екатерининской губ.	903	72	»
			Итого по РСФСР и УССР	23 397	2645	

Таблица №4

Сводка технических предприятий, организованных и отремонтированных иммигрантскими коммунами на 1 октября 1924 г.

Им. Ленина.— Мельница с турбиной в 25 л. с. Механическая, деревообделочная, сапожная, шорная, портняжная мастерские, лесопилка.

«Нива трудовая».— Кузница и слесарная мастерская.

«Калифорния».— Мельницы — 2, кузнецы — 3 и столярная мастерская.

«Селянская культура».— Паровая мельница, кузница.

«Сеятель».— Мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин и тракторов.

«III Интернационал».— Паровая мельница, кузница, механическая и столярная мастерские.

«Солидарность».— Паровая мельница, кузница, столярная и токарная мастерские и лесопилка.

«Новый мир».— Турбинная мельница, кузница, слесарная и сапожная мастерские,

«Койт».— Паровая мельница, кузница.

«Мигаево»— Паровая мельница, кузнечная, слесарная и плотницко-столярная мастерские.

«Хлебороб».— Мельница и кузница.

Таблица №5

Движение членов коммун в СССР

№№ пп	Наименование коммуны	Общее число членов	Из какой страны	Вступило из местного населения	Выбыло	Имеется в настоящее время	Примечание
1	Им. Ленина	164	С. А. С. Ш.	—	—	164	
2	«Калифорния»	170	»	—	17	153	
3	«Сеятель»	197	»	—	50	147	
4	«Новый мир»	126	»	63	37	152	
5	«Селянская культура»	50	»	72	15	107	
6	«Красное знамя»	203	»	9	62	150	
7	«Красный луч»	107	»	—	35	72	
8	«Нива трудовая»	80	»	14	25	69	
9	«III Интернационал»	94	»	207	7	294	
10	«Хлебороб»	137	»	37	50	124	
11	«Койт»	38	»	37[1]	8	67	
12	«Сан-Франциско»	62	»	—	—	62	
13	«Рыбак»	21	»	5	4	22	
14	«Герольд»	75	»	2	3	74	
15	«Мигаево»	124	Канады	49	14	159	
16	Им. Джона Рида	52	»	29	4	77	
17	«Духоборы»	72	»	—	16	56	
18	«Кладненская с.-х. коммуна»	129	Чехословакии	—	—	129	
19	«Интергельпо»	317	»	—	2	315	
20	«Солидарность»	89	Швейцарии	—	12	77	
21	«Красная Германия»	382[2]	Германии	—	133	175	
	Итого:	2689		524	494	2645	

[1] В тексте ошибочно — 17.
[2] 74 чел. отделились и образовали группу Мерча. — *Примечание документа.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Имеется в виду Одесский губсельтрест.— 56.

2) Речь идет, очевидно, о намерении Одесского губсельтреста выселить коммуну из предоставленного ей совхоза «Мигаево», против чего решительно протестовал Тираспольский уездный исполком. Постановлением СТО от 10 мая 1922 г. (СУ 1922, № 35, ст. 440) предусматривалось, что хозяйства совхозов, закрепленные Наркомземом за Отделом промышленной иммиграции ВСНХ, могут быть взяты обратно только по постановлению СТО или по согласованию с отделом. На основании этого постановления вопрос о выселении Канадской коммуны из совхоза «Мигаево» был перенесен Отделом промиммиграции в Федеральный Комитет по земельным делам, состоявший сначала при ВЦИК, а с июля — августа 1922 г. при Наркомнаце. Коммуна была оставлена в совхозе «Мигаево».— 56.

3) За счет урожая 1922 г. коммуна полностью обеспечила себя продовольствием вплоть до нового урожая 1923 г.— 58.

4) Романюк — член исполкома и секретарь ячейки РКП(б) коммуны.— 58.

5) В соответствии с постановлением СТО от 22 июня 1921 г. «Об американской промышленной эмиграции» 29 июня 1921 г. СТО принял постановление об организации при Центральном производственном отделе (ЦПО) ВСНХ Подотдела промышленной иммиграции. Задачей его было развитие отдельных промышленных предприятий или групп путем сдачи их иностранным, в частности американским, рабочим и индустриально развитым крестьянам на договорных условиях, обеспечивающих им определенную степень хозяйственной автономии (см. ЦГАОР, ф. 3429, оп. 5, ст. пост. д. 1406, л. 6). Положение о нем было утверждено значительно позднее. В конце 1922 г. подотдел был превращен в самостоятельный отдел, который свои функции затем передал вновь образованной Постоянной комиссии СТО по урегулированию сельскохозяйственной и промышленной иммиграции.— 58.

6) Отдел промиммиграции ВСНХ и Постоянная комиссия СТО рассматривали также и ходатайства о въезде в Советскую Россию некоторых групп сектантов. Возвращение сектантов не приняло широких масштабов, как это ими предполагалось. Упоминание о работе духоборов, приехавших из Америки и работавших в совхозе Мосздравотдела, имеется в письме В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевичу 2 августа 1921 г. (см. Ленинский сборник XXXVI, стр. 300).— 59.

7) Ходоки — так называли представителей коллективов, создававшихся ОТПСР, которые выезжали заранее в Советскую Россию для ведения переговоров с советскими учреждениями, выбора земельного участка или предприятия для своего коллектива и т. д. В. И. Ленин настаивал на непременном предварительном приезде ходоков (см. Ленинский сборник XXXVI, стр. 302).— 59.

8) В 1921—1922 г. СТО по прямым указаниям В. И. Ленина большое внимание уделял организации мелиоративных работ в Муганской степи с целью развития хлопководства в Азербайджане и Армении. Проект привлечения к этой работе иммигрантов, как и проект переселения иммигрантов в Сибирь, очевидно, не был осуществлен.— 59.

9) Проект организации 200 сельскохозяйственных коллективов для иммигрирования в Советскую Россию не был осуществлен.— 59.

10) Имеются в виду отделения Общества технической помощи Советской России в различных городах и штатах США. —60.

11) «Вестник ОТПСР» — орган ОТПСР, издававшийся до II съезда Общества, за 22 месяца было выпущено 17 номеров. После II съезда издавался «Бюллетень ОТП СССР», до 1 января 1924 г. вышло 26 номеров.— 60.

12) Эта статья была первой из серии очерков, публиковавшихся в газете «Экономическая жизнь» с 8 октября по 15 ноября 1922 г. под заголовком «Как работает иммиграция». В названной статье речь шла об оживлении после некоторого перерыва притока иммигрантов. В статье сделан вывод о том, что «иммиграция сельскохозяйственных артелей начинает до некоторой степени прививаться в наших условиях». В статье рассказано о приезде в Советскую Россию и начале работы первой Нью-Йоркской и первой Канадской сельскохозяйственных коммун, о живом интересе, проявленном к ним соседними крестьянами.— 61.

13) Второй съезд ОТП СССР состоялся в июне 1923 г. Постоянная комиссия СТО направила съезду свое приветственное письмо, где особенно подчеркивалось практическое значение работы сельскохозяйственных артелей Общества. На съезде были приняты новый устав Общества и целый ряд резолюций о деятельности ОТП СССР.— 62.

14) Совещание иммигрантских сельскохозяйственных коммун, созванное Постоянной комиссией СТО, открылось в Харькове 5 марта 1924 г. Повестка дня совещания: 1) Доклад Комиссии о перспективах иммиграции и реэмиграции. 2) Доклады с мест об опыте хозяйственной деятельности коммун. 3) Взаимоотношения коммун с центральными и местными земельными органами, оформление договоров, уставов. 4) Организация иммигрантского хозяйства. 5) Взаимоотношения организованных в Америке коммун с Центральным бюро ОТП СССР по закупкам оборудования. Публикуемые тезисы, очевидно, относятся к 1 пункту повестки дня. Они были в основном одобрены на заседании Комиссии 18 февраля 1924 г. Совещание подвело итоги работы коммун, выявило опыт, накопленный ими. Доклады коммун показали, что их хозяйства укрепляются, возрастает их помощь соседнему крестьянству. По имеющимся сведениям, материалы совещания были опубликованы, но в настоящее время представляют библиографическую редкость.— 63.

15) Приезд итальянской группы не состоялся.— 66.

16) Имеется в виду постановление СНК СССР от 19 февраля 1924 г. «О порядке выдачи разрешений на въезд иммигрантов» (см. С. З. 1924, № 42, ст. 383).— 66.

17) Подробнее о промысловом кооперативе «Интергельпо», созданном чехословацкими коммунистами и революционными рабочими, см. «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 123—143.— 67.

18) Причины выхода из коммун были различными. Прежде всего здесь сказывались промахи и спешка при организации коммун. Недостаточная стойкость некоторых из приезжих перед неизбежными в тех условиях трудностями толкала их к уходу из коммун. 7 января 1924 г. Постоянная комиссия СТО постановила «дополнительно еще раз официально осведомить русскую колонию в Америке через американскую рабочую прессу, что желающих переселиться в СССР ожидают условия тяжелого и напряженного труда, ряд препятствий и затруднений...». Как видно из документа, приток новых членов в коммуны превысил число вышедших из них. В коммуне «Сеятель», например, на место каждого выбывшего из ее состава было принято три новых члена (см. П. Я. Тадеуш. Указ. соч., стр. 25).— 71.

СТРАНИЦА ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Исключительно высокие темпы развития советской экономики с каждым годом приносят все новые и новые доказательства преимуществ системы социалистического планирования. Успешно выполняется семилетний план развития народного хозяйства СССР. Работа Совета экономической взаимопомощи по координации многолетних перспективных планов развития социалистических стран — новый этап в развитии социалистического планирования.

Попытки ревизионистов подвергнуть сомнению целесообразность государственного планирования не принимаются теперь всерьез даже в капиталистических странах.

Все более внимательно изучается советский опыт планирования в Индии и Индонезии, в молодых государствах Африки, во многих других странах.

Интереснейший материал для изучения истории развития советской плановой экономики содержится в публикуемой части стенограммы торжественного заседания, посвященного пятнадцатилетию Госплана СССР и состоявшегося 22 февраля 1936 г. в Москве.

Эта часть содержит выступления руководителей Коммунистической партии и Советского правительства В. И. Межлаука, А. И. Микояна и Г. К. Орджоникидзе, в которых дается оценка роли плановых органов и планирования в жизни социалистического общества. В выступлениях характеризуются великие преимущества социалистического строя, роль науки в нашей стране и заслуги ее представителей в деле претворения в жизнь ленинских идей социалистического строительства.

В связи с исполнившимся в 1961 г. 40-летием со дня издания ленинского декрета о создании Госплана эти материалы приобретают особый интерес.

Стенограмма хранится в ЦГАОР СССР и подготовлена к печати совместно с А. А. Новиковой.

Ф. К. Межлаук

Из стенограммы торжественного заседания, посвященного 15-летию организации Государственной плановой комиссии при Совете Народных Комиссаров Союза ССР

22 февраля 1936 г.

Председатель: тов. Межлаук В. И.

Межлаук: Товарищи! Наше торжественное заседание посвящено сегодня годовщине со дня издания ленинского декрета об образовании Государственной плановой комиссии.

Ровно 15 лет отделяют нас сегодня от того дня, когда в сложной и трудной обстановке, сложившейся к концу гражданской войны, в обстановке, когда вопросы восстановления народного хозяйства встали во весь рост, гениальный вождь, руководитель и основатель нашей партии — Ленин — сосредоточил все внимание партии, всей страны на вопросах хозяйства. И, совершенно естественно, одним из первых шагов в этом направлении было создание Госплана.

Госплан, как вы знаете, не первый стал работать над планом. План присущ социализму. Пролетариат, самый организованный и самый передовой из всех классов, ставя своей целью совершить пролетарскую революцию и построить социализм, уже заранее намечает план своих действий и план скорейшего разрушения капиталистического общества, тот план, с которым он на следующий день после свержения эксплуататоров станет строить свое хозяйство своими руками. Для этого он готовит второй план, план создания социализма, построения социализма, по которому он и действует с той минуты, как взял власть в свои руки.

Недаром поэтому основоположники марксизма — Маркс и Энгельс — в своих работах уже намечали как те пути и направления, по которым должна идти революционная деятельность пролетариата для захвата власти, так и те направления, по которым эта деятельность будет развиваться после того, как он возьмет власть в свои руки.

Владимир Ильич Ленин дополнил и развил учение Маркса и Энгельса. Задолго до революции он составил гениальный план, основанный на опыте революционных пролетарских движений, основанный на опыте международных революций, на опыте русской революции 1905 г.,— план захвата власти, организации государственной власти пролетариата, организации диктатуры пролетариата, и наметил пути нашего строительства.

Еще в самом начале XX века в работах, которые были глубочайшими марксистскими трудами, таких, например, как труд по аграрному вопросу, Владимир Ильич занимался не только анализом землевладения и условий сельского хозяйства в капиталистическом обществе, но в целом ряде деталей намечал те пути, по которым должно будет развиваться сельское хозяйство после того, как власть будет в руках пролетариата, доходя иногда до самых небольших, неважных, казалось бы, деталей, которые затем, после революции, оказались воплощенными в жизнь.

Мне вспоминается всегда, как в одной из своих работ Владимир Ильич говорил об автомобиле и говорил это в работе, написанной в самом начале века, т. е. вскоре после того, как автомобиль вообще получил какое-либо применение. Он говорил, что если при капитализме автомобиль служит главным образом средством развлечения буржуазии и притом только части ее, то, после того как будет установлена диктатура пролетариата, этому автомобилю будет принадлежать огромное будущее в сельском хозяйстве, где он будет служить для того, чтобы обслуживать механизированное сельское хозяйство, для того, чтобы заменить собою лошадь в сельском хозяйстве, для того, чтобы вытеснить миллионы лошадей, сэкономив для производительного потребления и мясо и другие продукты, которые сельское хозяйство может давать. Это было буквально на заре зарождения автомобиля [1]. Как в свое время электричество — его значение — было предусмотрено Марксом в ту пору, когда оно играло далеко не ту роль, которую играет сейчас, так Владимир Ильич такую же линию наметил для автомобиля. Мы знаем теперь, что сотни тысяч автомобилей работают для сельского хозяйства, что без автомобиля невозможно ведение крупного сельского хозяйства. Мы отчетливо теперь понимаем, какими правильными были указания Ленина, сделанные еще до революции.

План, подлинный и цельный план, был нужен нам с момента захвата

власти большевиками, с момента перехода власти в руки рабочего класса в СССР. Исторический факт — на другой день после революции, в начале 1918 г., Владимир Ильич уже ставил вопрос относительно создания плана, причем наметил такие вехи составления этого плана, которые делают его ничем не отличающимся от планов, составляемых нами в самые последние годы. В самом деле, Владимир Ильич намечал и новое размещение — социалистическое размещение производительных сил, говорил о технической реконструкции народного хозяйства, подчеркивал особые энергетические проблемы, в частности, проблему гидроэнергостроительства.

Если эта мысль Владимира Ильича о создании плана в 1918 г. осталась невыполненной потому, что Академия наук, которая должна была этот план осуществить, в то время представляла собой организацию, которая не могла с этим планом справиться, то мысли и идеи, положенные Владимиром Ильичем в основу построения плана, сохранили полную свежесть и сейчас и могут служить программой построения плана, который мы создаем в СССР.

В 1919 г. было положено начало плану ГОЭЛРО, который был составлен в 1920 г. Среди нас присутствует здесь немало товарищей, принимавших непосредственное участие в составлении этого плана. Здесь вы видите профессора Шульгина *(аплодисменты)*,— одного из активнейших руководителей работы по составлению плана ГОЭЛРО, ответственного секретаря Государственной комиссии по электрификации РСФСР — человека, который отдал чрезвычайно много сил и ГОЭЛРО и первому Госплану и который до сегодняшнего дня продолжает оставаться основным помощником Государственной плановой комиссии Союза в разработке плана электрификации. *(Продолжительные аплодисменты)*.

Вы видите, он отличается настоящей скромностью большевика и нам пришлось силой тащить его в президиум для того, чтобы его видели, но его заслуги прямо равны той скромности, которой он обладает. (*Аплодисменты*).

Здесь вы видите товарища Графтио (*аплодисменты*), который не только активно участвовал в составлении плана ГОЭЛРО, но который также активно осуществлял его, построив первую в СССР крупную гидроэлектрическую станцию на Волхове. (*Аплодисменты*).

Перед вами проходят и другие заслуженные кадры руководителей нашего планирования — товарищ Струмилин (*аплодисменты*), имя которого рукой Ленина написано в списке первого состава Госплана.

К сожалению, здесь не присутствуют многие другие, которые награждены сегодня орденами Советского Союза, но которые, по тем или другим причинам, не смогли здесь быть, начиная от председателя Госплана первого состава Глеба Максимилиановича Кржижановского (*аплодисменты*), профессора Шателена *(аплодисменты)* и профессора Круга. *(Аплодисменты)*.

Голоса: Он здесь.

Межлаук: Как же так? Его скромность так же, как и скромность тов. Шульгина, приводит к тому, что он, являясь одним из основных помощников тов. Кржижановского, который лучше других знает работу ГОЭЛРО и является одним из самых основных работников, будучи членом нашего президиума, в президиум не явился. (*Бурные аплодисменты. Профессор Круг занимает место в президиуме*).

Следующий член нашего президиума — академик Прянишников (*Бурные аплодисменты. Академик Прянишников занимает место в президиуме*).

План ГОЭЛРО является величайшим памятником плановой работы первых лет Советской власти. Он является историческим документом, бла

годаря которому впервые руководство большевиков в сочетании с опытом ученых и специалистов дало возможность в конкретных ясных заданиях начертать путь на следующие 10—15 лет для развития народного хозяйства всей страны.

Однако этого было недостаточно, потому что этот план представлял собой план перспективный, такой план, который должен был быть связан действительно, как всякий перспективный план, с целым рядом других планов, планов конкретных, планов, которые перспективные хозяйственные задачи переводят немедленно на конкретные хозяйственные задачи данного года, а в обстановке 1921 г.— нередко и на задачи данного месяца, данного квартала.

С момента, когда была введена новая экономическая политика, когда она уже носилась в воздухе, выражаясь фигурально, в момент создания первой Государственной плановой комиссии, составление такого конкретного хозяйственного плана сделалось первостепенной необходимостью, и именно поэтому мысль Владимира Ильича искала ту организационную форму, в которой можно было бы найти центр планирования для всей страны. Этот центр и был найден в виде Госплана Союза, называвшегося тогда Госпланом РСФСР.

Развитие плановой работы с тех пор шагнуло далеко вперед. Перед нами проходит план за планом: от первых попыток составления плана, как говорил Ленин, по кусочкам народного хозяйства, но по таким кусочкам, которые являлись звеньями, хватаясь за которые можно было вытащить всю огромную народнохозяйственную цепь, к первым попыткам, не всегда удачным, составления годового плана, иногда квартальных планов, отдельных месячных планов,—так все дальше шло развитие планирования, подведшее нас к составлению первого пятилетнего плана.

Этот план составлялся уже по-иному. Огромнейший опыт был накоплен нашей партией, рабочим классом в процессе хозяйственного строительства, в процессе восстановления народного хозяйства нашей страны, отсюда, из этой богатейшей сокровищницы опыта, мы почерпнули силы для составления первого пятилетнего плана. К этому времени уже окрепли и наркоматы, и характер планирования был уже иной.

В основу плана промышленности был положен план Высшего Совета народного хозяйства, составленный под руководством В. В. Куйбышева; в основу развития транспорта были положены наметки Госплана, в основе базировавшиеся на работе НКПС; накопился опыт в хозяйственных наркоматах, вырастали кадры, которые могли активно помогать планированию.

(Появление товарищей Микояна, Орджоникидзе, Чубаря встречено бурными овациями. Все присутствующие стоя приветствуют их).

Вслед за первым планом, планом первой пятилетки, который не только был составлен лучше, чем предшествующий, но и был выполнен в $4^1/_4$ года, мы перешли ко второму пятилетнему плану.

Второй пятилетний план составлялся уже по-иному. Во втором пятилетнем плане, в его составлении принимала участие вся страна.

Но этого было бы мало, товарищи, если бы мы выучились просто составлять план. Наш план, для того чтобы он был настоящим планом построения социализма, должен быть, прежде всего, планом большевистским. Он должен быть планом нашей партии, планом, который претворяет на каждом данном этапе,— будет ли это пятилетний или годовой план, или квартальный,— генеральную линию партии, те задачи, которые партия ставит перед собой на данном отрезке времени,— конкретный, точный, хозяйственный план, который ставит перед каждым трудящимся в нашей стране задачи, выполнение которых обозначает для него улучшение его

материального положения, материального положения всех трудящихся, план, который ставит перед нами такие задачи, решение которых означает дальнейшее закрепление побед социализма, решение которых означает дальнейшее укрепление обороноспособности страны, как средства для защиты трудящихся нашей страны от всякого посягательства на них извне.

Вот почему большевистские планы могут быть составлены нами только тогда, когда изо дня в день составлением нашего плана руководит партия, руководит правительство. Мы могли составлять хорошие планы, мы могли прорабатывать планы, которые подымали к действию миллионы, десятки миллионов трудящихся в нашей стране — рабочих, колхозников, — именно потому, что эти наши планы были такими партийными планами.

Но для того, чтобы был настоящий большевистский план, для того, чтобы этот план был в состоянии отразить те задачи, которые ставит перед планом партия, он должен быть планом научным, должен быть таким планом, который построен весь, целиком, в каждой своей детали, на основе самой современной науки, и наш план таким (сейчас мы можем сказать это с гордостью) уже является. И является, прежде всего, потому, что в основе нашего плана лежат направляющие решения ЦК и СНК — решения, которые направляют всю нашу плановую работу, лежит самая передовая, самая современная наука.

Теория научного социализма, созданная Марксом и Энгельсом и развитая Лениным, обеспечивает нашему плану такую действенность, дает ему такую внутреннюю энергию и в то же время позволяет построить его с таким предвидением будущего, какого никакая другая наука, не основанная на марксизме, дать не может.

Научность нашего плана основывается не только на этом. Она основывается также на том, что к самому построению плана должны быть привлечены наиболее современные, наиболее передовые достижения в области техники, которых добилось человечество. Это — задача трудная, которую полностью при составлении плана второй пятилетки решить не удалось. Правда, в составлении плана второй пятилетки принимали участие сотни ученых, в составлении этого плана участвовали десятки научно-исследовательских институтов. Это не 1918 год, когда Академия наук не могла принять задания по составлению плана, подготовленного Владимиром Ильичем. Теперь уже Академия наук оказала нам существенную помощь при построении плана второй пятилетки. Еще бо́льшую помощь оказали нам отраслевые научно-исследовательские институты тяжелой промышленности, пищевой промышленности и некоторые передовые институты легкой и лесной промышленности.

Здесь мы получили уже такую базу для построения плана, которая позволила нам некоторые проблемы решить заново, новыми путями. Конечно, это не все, потому что сказать, что мы уже овладели этой техникой, значило бы чваниться, но ряд проблем, таких, как проблема синтетического каучука, как проблема механизации сельского хозяйства по линии наиболее трудоемких процессов, процессов уборки и прополки, мы решаем своими путями, потому что часто не находится достаточного опыта в мировой технике, так как нигде нет такого сельского хозяйства как у нас.

Наш план становится все более научным. Заботы Владимира Ильича о том, чтобы план был научным, об охране научного плана от проникновения всякого рода болтовни и болтунов, — с которыми он жестоко расправлялся, — эти заботы дали свои результаты и в первом плане ГОЭЛРО и, — умноженные на полученный уже опыт, — в плане второй пятилетки. Но план не может быть настоящим научным планом, если к нему, к плану, не привлечь тот огромный опыт многомиллионных масс, которые строят

социализм в стране и которые являются носителями опыта. И в самом деле, мы не можем создать план без того, чтобы не вложить в него тот огромный опыт, которым обладают массы, который необходим и без которого мы не можем сделать наш план боевым и конкретным.

В самом начале, когда мы взялись за составление плана, мы имели разные формы активности масс — мы имели встречные планы, мы имели ударничество, но по мере роста этого движения мы все время продвигались вперед и стало возможным соцсоревнование уже не только между отдельными рабочими, но и между целыми цехами, целыми заводами, проводимое на базе целой отрасли промышленности. И, наконец, благодаря тем победам, которые мы имели в первой пятилетке, благодаря тому успеху который мы имели, и подъему материального и культурного уровня жизни трудящихся, благодаря тому, что «жить стало лучше, жить стало веселей», мы получили социалистическое соревнование на базе новой техники — стахановское движение. Опыт этого движения прежде всего учла партия: Центральный Комитет партии и Правительство созвали стахановцев и заслушали их. И в сельском хозяйстве передовые колхозники во всех отраслях, начиная от Марии Демченко и до простого животновода, включились в стахановское движение. Прежде всего, они были заслушаны ЦК партии, который руководит плановой работой. Мы получили такое новое наиболее совершенное по организационным формам орудие в виде конференций, на которых стахановцы, опрокинув на деле существовавшие нормы своей практической работой, передали свой опыт с целью пересмотра этих старых норм.

Надо признаться, что нам трудно было идти в ногу со стахановским движением, мы здесь отстали, и с планом этого года получилось запоздание, так как стахановское движение опрокинуло те нормы, которые существовали еще летом, и наш план пришлось переделать заново. Но опыт масс, который отражается в плане, является залогом того, что под руководством нашей партии этот опыт осуществится и позволит все более и более мобилизовать трудящиеся массы нашей страны, охватив всех трудящихся, перед которыми стоят ясные и определенные задачи.

Капиталисты тоже пытались планировать. Десять лет тому назад были попытки к планированию в Америке, но из того, кроме болтовни, ничего не получилось. Такие же попытки были у немцев, той же целью задались фашисты, но и из их попыток ничего не вышло. Настоящего плана у них не может быть, потому что у них план — есть план-догадка, план-прогноз, а у нас план — есть план-директива. Раз план — есть директива, то надо, чтобы эта директива тем более была своевременна, ибо всегда директива должна опережать выполнение плана. Вместе с тем этот план-директива, научно обоснованный, построенный на базе научного социализма, воплотивший опыт масс,— план, исполнением которого руководит наша большевистская партия, представляет собою такое оружие, которое опрокидывает все на своем пути, самые большие трудности, которые встречаются.

Вместе с ростом всей страны росла и наша плановая система, росли и множились плановые кадры, совершенствовалась и сама техника составления плана. Мы опираемся,— должны и не можем не опираться,— на опыт всей страны, прежде всего на опыт наших наркоматов, которые за это время выросли, у которых сложились такие навыки в деле управления, создался такой опыт, на базе которого можно построить планы несравненно лучше и точнее, чем когда бы то ни было, потому что они гораздо лучше выполняют эти планы.

Ведущие наркоматы нашей страны и их орденоносцы-руководители — тов. Серго (*бурные продолжительные аплодисменты*), работа которого в

тяжелой промышленности позволила нам осуществить самые трудные задачи в деле технической реконструкции нашего хозяйства, такая отрасль, как, впервые в прошлом году выполнившая план, лесная промышленность во главе с наркомом тов. Лобовым (*продолжительные аплодисменты*), затем блестяще выполнившая план и продолжающая выполнять его дальше та отрасль, от которой зависит непосредственное удовлетворение материальных потребностей трудящихся — пищевая промышленность во главе с тов. Микояном (*бурные продолжительные аплодисменты, крики «ура»*), наконец, легкая промышленность,— накопили огромнейший опыт в деле выполнения плана и поставили вопрос о подъеме производительности труда на такую высоту, которая позволяет нам сейчас подходить к решению новых труднейших плановых задач. А задача стоит перед нами немалая — Госплан Союза уже с первого февраля этого года приступил к разработке третьего пятилетнего плана. (*Бурные аплодисменты.*)

Это — задача огромного размаха. Нам надо учесть все те громадные возможности, которые на базе проведенной индустриализации и проведенной технической реконструкции, на базе значительного и все ускоряющегося роста культурно-технического уровня масс, должны подводить нас к решению все новых и новых задач, которые ставит перед нами план третьей пятилетки. Задачи эти огромны. Охватить планированием народное хозяйство становится все более и более трудно. Если в начале планирования, я уже не говорю о плане ГОЭЛРО, в плане первой пятилетки очень много отраслей мы не планировали, то теперь, в плане второй пятилетки, мы планировали их непосредственно, включая самую трудную из них,— сельское хозяйство, которое стало возможно планировать с тех пор, как оно перешло на социалистические рельсы.

Мы охватываем планом сотни тысяч промышленных предприятий, около полумиллиона предприятий, обслуживающих культурные потребности трудящихся, непосредственно охватываем сотни тысяч предприятий сельского хозяйства, охватываем сотню тысяч километров железнодорожной сети, причем должны охватывать все более полно почти каждый самый мелкий участок,— чтобы для него, для этого маленького участка, был выработан свой план не только Госпланом, но и громадной плановой системой управления хозяйством нашей страны, план, который можно было бы перевыполнять по-стахановски, который можно было бы превратить во встречный план и показать, что можно достичь гораздо большего.

План третьей пятилетки требует, чтобы мы научно подковали и обосновали его со всех сторон, лучше чем когда бы то ни было раньше. Развитие нашей науки, развитие ее во всех областях позволяет нам подойти и к этому делу более смело, хотя трудности здесь, в этой области, будут чрезвычайно велики и мы должны будем в нашей работе опираться как на основной научный штаб для разрешения наиболее крупных, сложных, комплексных проблем — на Академию наук. Она должна стать центром науки.

Не меньшее значение будет иметь работа наркоматов, потому что решение конкретных проблем идет оттуда. Ценнейший материал может быть получен на основе огромного количества сведений, накапливающихся в ходе работы различных конференций — конференций по пересмотру технических норм, по пересмотру проектных мощностей предприятий. И взаимодействие науки теоретической, которую должна дать Академия наук, с практикой, которую должны дать наркоматы, позволит нам обеспечить это дело. Опыт масс должен быть учтен нами еще более широко. Мы сделали только первые шаги в деле учета этого опыта масс в плане 1936 года, только грубые наметки.

Этот год — 16-й год существования Госплана — является годом, когда мы должны начать работать гораздо лучше, точнее и скорее. Мы

должны охватить планированием важнейшие отрасли, и в нашем плане отразить все то новое, что дает непрерывный и быстро идущий процесс освоения достижений науки и техники в нашей стране.

Мы подошли, товарищи, к такому периоду, когда мы решаем одну из сложнейших и важнейших проблем, решаем главную и решающую, как говорил Владимир Ильич, задачу — поднять производительность труда, социалистическую производительность труда на такую ступень, которой никогда не может достигнуть капиталистическая производительность.

Мы этого еще далеко не добились,— эта задача стоит теперь перед нами. В отдельных случаях, на отдельных, очень узких участках, мы добиваемся этого, но для того, чтобы победить капиталистический строй окончательно и бесповоротно, нужно, чтобы резкий подъем производительности труда, возможный благодаря нашей советской системе, был достигнут не на отдельных участках, а по всему фронту нашего хозяйственного строительства.

Достигнем ли мы этой высокой производительности труда или нет? Владимир Ильич в своей знаменитой статье о субботниках говорил, что с того момента, когда рабочие сами начнут думать о поднятии производительности труда, когда рабочий начнет беречь каждый пуд угля и каждый пуд железа и будет беречь не для своих «ближних», как говорил Владимир Ильич, а для своих «дальних» — для всего Советского Союза,— тогда наступит момент, когда перед нами непосредственно откроется путь к коммунизму. К этому, товарищи, мы теперь подходим.

Я хочу, товарищи, закончить тем, что на основе огромных успехов, которые мы имеем, на основе громадного опыта в деле решения самых сложных задач, в деле преодоления трудностей, которые казались подчас непреоборимыми многим коммунистам, на основе того ленинского руководства в нашей хозяйственной жизни, которое мы видим каждый день,— мы, в течение ближайших лет осуществляя тот план, который сейчас начали набрасывать, пойдем под руководством нашего великого кормчего — ЦК ВКП (б) — вперед по пути социализма. (*Продолжительные аплодисменты*).

Несколько слов о плановой работе скажет нам тот, кто лучше всех других до сих пор выполнял и выполняет наш план — народный комиссар тяжелой промышленности, тов. Орджоникидзе. (*Аплодисменты*).

Орджоникидзе:— Товарищи, вы мне разрешите ограничиться только несколькими словами. Оценку работы нашего Госплана мы все сегодня читали —это решение нашего правительства и нашей партии. Прибавить что-либо к этому никто из нас больше не может. Я могу только одно пожелать,— чтобы в дальнейшем в своей работе Госплан при разработке планов третьей пятилетки, четвертой пятилетки и т. д. так же оправдывал возложенные на него задачи и так же их выполнял, как выполнял до сих пор. (*Аплодисменты.*)

Госплан — это выражение планового ведения хозяйства нашей страны, это то, чем наша страна отличается от всех стран. Товарищ Межлаук — председатель Госплана награжден сегодня орденом Ленина. (*Аплодисменты*). Это говорит о том, чего нет ни в одной из стран — ни в Америке, ни в Европе,— всякие попытки планирования там ни к чему не привели. Как был хаос, так и остался, и чем дальше, тем хуже для них. (*Аплодисменты*). Иначе и быть не могло.

Для того чтобы вести плановое хозяйство, надо иметь то, что имеется в нашей стране: надо иметь Советскую власть, надо иметь диктатуру пролетариата, надо иметь Ленинскую партию. (*Аплодисменты.*)

Именно наличие этих факторов является нашей огромной силой и тем могуществом, которое очень многих и многих наших врагов поражает. Они

говорили и говорят о том, что у нас ничего не выходит, а как раз у них не выходит, и они вынуждены сказать: «Да, достижения огромны в Советском Союзе и ни черта не поделаешь». *(Бурные аплодисменты.)*

Нет сомнения, товарищи, что третий пятилетний план будет разработан еще лучше, чем был разработан первый пятилетний план. Нет сомнения, что и выполняться план третьей пятилетки в нашей стране должен еще лучше, чем выполнялись предыдущие планы.

Я прошу извинения перед вами и закончу только следующими словами. Я пожелаю тем товарищам, которые сейчас стоят во главе Госплана, и той армии плановиков, которая создана в стране, быть достойными благодарности партии и правительства, которая им сегодня выражается, и от души я приветствую стариков — первых авторов гениального произведения, которое создавалось под руководством В. И. Ленина,— первых авторов плана ГОЭЛРО. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Межлаук: Несколько слов хочет сказать представитель той промышленности, которая является самой важной в связи с ростом материально-культурного уровня в нашей стране. *(Аплодисменты.)*

Микоян: Товарищи, сегодня исполнилось 15 лет с того момента, когда еще не стих грохот пушек гражданской войны и когда гениальный Ленин наметил контуры в экономике Советского Союза, когда лучшие ученые, преданные науке, идею Ленина претворили в план ГОЭЛРО. В последующей работе внимание было сосредоточено на том, чтобы строить экономику страны, строить социализм. Сегодня такой радостный день, когда авторы первого пятилетнего плана, который казался фантазией для многих, могут видеть, как написанные ими чудесные страницы стали реальностью и как новые плановики, обогащенные опытом старых работников, готовят новую — третью пятилетку.

Разрешите от работников пищевой промышленности передать горячий большевистский привет, как сказал товарищ Серго, основателям плановой науки и всем работникам-плановикам. *(Бурные аплодисменты)*.

Когда Ленин давал направление плану, он бросил лозунг — догнать и перегнать в экономическом отношении передовые страны капитализма. Как видите, мы осуществляем это. Некоторые страны уже догнали и обогнали, другие только в некоторых отношениях догнали, и всякий видит, что расстояние между нами и самыми передовыми капиталистическими странами сокращается не только потому, что мы движемся вперед, но и потому, что некоторые из них пятятся назад или топчутся на месте. *(Бурные аплодисменты)*.

Рабочие и лучшие ученые всего мира считают счастьем для человечества существование нашего Советского Союза, который движется все дальше и дальше вперед.

Враги завидуют нам. Они хотят кое в чем догнать нас. Они хотят иметь у себя такой же план, как у нас, но все их планы проваливались и будут проваливаться. В капиталистических странах путем столкновения стихийных сил конкуренции создается диспропорция в народном хозяйстве, которая обходится в миллиарды рублей и приводит к разорению целых отраслей промышленности и отдельных предприятий, на место которых воздвигаются новые предприятия с еще большими издержками на их возведение.

Вот почему, товарищи, работа по планированию — это гигантская работа. Никто не учел, сколько экономии дает нашему государству плановое начало, сколько теряют капиталисты, не имея плана. Наш план теперь совсем другой, чем был раньше. Я помню, как составлялись планы,— не план ГОЭЛРО, а другие планы. Больше всего приходилось экстраполировать. Это умели плохо делать. Как ничего не знают, так делают экстраполяцию *(смех)*. В большинстве случаев не было необходимых данных. Опы-

та не было. Частные хозяйства были и в промышленности, и в торговле. Попробуй их хорошо спланировать.

Теперь плановики имеют точные бухгалтерские отчеты промышленных предприятий, отчеты МТС, которые охватывают миллионы гектаров земель, отчеты о том, сколько убрано хлеба, сколько гектаров вспахано, сколько часов работали, имеются подробные данные. И теперь не догадки имеются, а бухгалтерские данные, отчеты, которые имел в виду Ленин, говоря, что «учет — основа социализма». Благодаря этому мы улучшили работу, и эти данные мы кладем в основу нашего социалистического строительства.

Вот почему теперь, когда плановая работа поднялась на высшую ступень, наше правительство вполне заслуженно наградило работников Госплана. (*Аплодисменты.*)

Вся сила большевиков в том, что, как только появляются достижения, то, что вчера было удовлетворительно, сегодня уже недостаточно. В этом наша сила (*оживление, аплодисменты*), а в других странах так: дали человеку орден, сказали — «хорошо», и человек может спокойно отдыхать.

На мне лежит большая ответственность. На мою долю тоже выпала такая участь.

Когда стало известно, что меня наградили, я не знал, что делать. (*Аплодисменты, смех.*) Я пришел в Наркомат и сказал: вы не думайте, что мы очень здорово работаем и нечего больше делать. Я сказал так: работали неплохо, но можно работать куда лучше. От нас требуют сегодня больше, чем вчера. Мы теперь умеем работать.

Работники Госплана, которые составляют план, получили высокую оценку, но это не значит, что, успешно выполняя плановую работу до сего времени, они не должны готовиться к более высоким требованиям к плану. Теперь план другой, пропорция хозяйства лучше составлена. Мы знаем низы, которых раньше не знали.

К плану третьей пятилетки, разработка которого началась в Госплане, партия будет предъявлять более высокие требования, вытекающие из уровня развития всей экономики нашей страны.

Разрешите на этом закончить и сказать: да здравствуют работники Государственной плановой комиссии, работники, которые высоко несут знамя науки и помогают всей стране своей плановой работой!

Да здравствует победа социализма! (*Продолжительные аплодисменты.*)

ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 34, д. 65-а, лл. 110—138.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

1) Имеется в виду статья В. И. Ленина «Одна из „модных" отраслей промышленности». (Соч., т. 19, стр. 253—254).— 79.

О ПОПЫТКАХ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ РЕОРГАНИЗОВАТЬ АРМИЮ

Непродолжительное существование антинационального Временного правительства было наполнено политическими авантюрами, поставившими Россию на грань национальной катастрофы. Среди этих авантюр едва ли не главное место занимает политика продолжения империалистической войны, вопреки чаяниям народов. Связанное договорами с союзными империалистами и не считаясь с волей трудящихся, требовавших выхода из войны, оно активно способствовало затягиванию войны. Еще в момент подготовки провалившегося июньского наступления Временное правительство предпринимает попытки формирования ударных добровольческих батальонов, которые должны были «показать армии, что весь свободный русский народ идет с нею в бой за свободу и скорый мир» (док. № 1), и вместе с тем служить верной опорой правительству в борьбе с революцией.

Однако вся эта затея реальных результатов не достигла: наступление провалилось, а революционный подъем масс, разгромивших корниловщину, грозил смести и Временное правительство.

В этой обстановке, подстегиваемое англо-американскими империалистами, требовавшими новых жертв для стабилизации фронта союзников, особенно пошатнувшегося в связи с крупным поражением Италии в октябре 1917 г.[1], Временное правительство разрабатывает далеко идущие планы реорганизации армии, имея в виду на этот раз обеспечить выполнение поставленных перед собою задач: задушить революцию и подготовить «победоносное» наступление (см. док. №№ 2—8, 10, 11).

Стремясь усыпить бдительность революционно настроенных народных масс, Временное правительство под прикрытием лживых заверений о защите завоеваний революции, пыталось осуществить свои империалистические цели и довести ненавистную народу войну до «победного конца».

Терещенко поспешил оповестить русских дипломатических представителей для информации союзников о мероприятиях по реорганизации армии (см. док. № 3) еще тогда, когда шла только разработка их, так как развал в армии вызывал тревогу в союзнических кругах, и Временное правительство оказалось перед фактом бесцеремонных требований союзников о восстановлении боеспособности русской армии[2]. Заверив союзников, что оно и впредь будет стоять на позициях «спасения национальной политики в вопросах армии и войны»[3], что «линия, принятая в отношении военных мер, нисколько не изменилась» (док. № 3), Временное правительство обещало восстановить боевой дух армии и по своей инициативе поставило вопрос о необходимости обсуждения планов ведения войны весной 1918 г. Ради подготовки этой военной кампании Временное правительство готово было, призвав в армию миллион че-

---

[1] АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 8, лл. 36—37; д. 100, лл. 434, 444.

[2] См. «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел № 3», Пг., 1917, стр. 108—109.

[3] АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 100, л. 44.

ловек, «пожертвовать полным снабжением внутренних областей» (док. № 3), то есть обречь на голод миллионы людей.

Готовясь к новым военным авантюрам, Временное правительство заменяло некоторых генералов и офицеров на фронте, сокращало число тыловых частей; через заграничных представителей настойчиво просило об усилении снабжения армии[1]. Союзники договорились о разделении сфер помощи России в ее военных мероприятиях. Правительства Англии и Франции даже не сочли нужным поставить об этом в известность Временное правительство[2]. Союзники не ограничивались только политическим и экономическим давлением на Временное правительство: представители США предлагали свои услуги в идеологической обработке солдат при помощи такой, например, американской организации, как Всемирный союз христианской молодежи (см. док. № 9). Примечательно, что Временное правительство утвердило проект расширения влияния указанного Союза в России за пять дней до своего свержения, причем в том самом Малахитовом зале Зимнего дворца, где оно было арестовано.

Стремясь провести в жизнь новые военные авантюры, Временным правительством в середине октября 1917 г. в недрах дипломатической канцелярии при Ставке Керенского был разработан план полной перестройки армии, по существу план создания новой, так называемой Народной армии, взамен существующей и признанной негодной для войны (см. док. № 12). Этот план свидетельствует о полной неспособности Временного правительства преодолеть революционное движение в армии накануне Октябрьской революции. Недаром через четыре дня был утвержден проект постановления о порядке формирования и преимуществах ударных батальонов в составе старой армии, созданием которых Временное правительство занималось до последних дней своего непродолжительного существования (см. док. № 10); и тут же было вынесено постановление о мерах поддержания дисциплины в войсках (см. док. № 11).

Но Великая Октябрьская социалистическая революция сорвала преступные планы Временного правительства и вывела Россию из империалистической войны.

* * *

Публикуемые документы выявлены в Архиве внешней политики России (ф. Канцелярия, 1917 г.) и Центрального государственного архива Октябрьской революции (ф. 1239). Документы №№ 4 и 8 цитировались и комментировались к книге Н. Л. Рубинштейна «Внешняя политика Временного правительства»[3].

Д. В. Ознобишин

№ 1

Приказ верховного главнокомандующего А. А. Брусилова[1)] *о плане формирования ударных контрреволюционных батальонов на фронтах*

13 июня 1917 г.

С санкции военного министра [2)] объявляю при сем план формирования революционных батальонов из волонтеров тыла.

Признавая организацию добровольческих батальонов крайне полезной мерой для поднятия революционного воодушевления и наступательного порыва в армии и в России, дабы показать армии, что весь свободный русский народ идет с нею в бой за свободу и скорый мир, предлагаю при всех штабах фронтов организовать комитеты по формированию революционных батальонов по типу и с полномочиями комитета при штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

При Ставке мною утверждается Центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов.

[1] См. сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2. М.— Л., 1957, стр. 512.
[2] Там же, стр. 515.
[3] Ук. соч., М., 1946, стр. 51, 54, 55

От всех начальствующих лиц ожидаю широкого содействия в деле формирования революционных батальонов и предоставляю главнокомандующим армиями фронтов видоизменять в деталях план формирования по представлению комитетов, в соответствии с местными условиями.

Настоящим планом, как более полным, заменяется первое издание плана, утвержденного мною 23 мая сего года для Юго-Западного фронта, по которому начата вербовка волонтеров.

Генерал от кавалерии Брусилов

ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 2, д. 26, л. 11.— Типографский экз.

№ 2

План формирования ударных контрреволюционных батальонов на фронтах[1]

13 июня 1917 г.

1. Идея формирования

Для защиты свободы и закрепления завоеваний революции, а также для поднятия революционного воодушевления и наступательного порыва в армии необходимо, путем вербовки волонтеров в центре России, приступить к формированию особых ударных революционных батальонов, которые при наступлении будут поставлены вместе с лучшими войсками армии, дабы все народы знали, что за свободу и скорый мир поднялся и идет весь русский народ.

2. Источники комплектования

а) Широкий призыв революционной молодежи среди учащихся, рабочих, интеллигенции и вообще всех граждан России, необязанных военной службой, или еще не призванных в ряды армии, возрастом не моложе 17 лет, за исключением лишенных прав по суду.

Вербовка этой категории будет произведена в широких размерах в строгом соответствии с распоряжениями Временного правительства и при содействии всех политических и общественных организаций, стоящих в вопросе о войне и мире на платформе, изложенной в воззвании к армии Петроградского Совета р. и с. д. [3]).

б) Призыв добровольцев следует произвести в запасных полках Петрограда, Москвы, их окрестностях и прочих тыловых частях в центре России, а также в тыловых частях фронтов с согласия начальников таковых при условии сохранения работоспособности этих частей.

в) Призыв волонтеров и юнкеров военных училищ и школ прапорщиков допускаю в числе, не превышающем 10%.

г) Офицерский состав батальона пополняется путем призыва добровольцев-офицеров из состоящих в резерве чинов при окружных штабах, а также привлечения офицеров, находящихся на службе в тыловых частях.

3. Имущественная гарантия волонтеров

При призыве добровольцев из революционной молодежи, как то: студентов, юнкеров, рабочих, офицеров и вообще граждан, возбуждено ходатайство перед правительством сохранить за состоящими на государственной службе волонтерами их должности и содержание, присвоенные им при поступлении в батальоны, а также полную амнистию тем, которые находятся под следствием или были осуждены за поступки, не порочащие дорогого имени гражданина. Рассмотрение дел последней категории и ходатайство в каждом отдельном случае перед военным министром возлагается на комитеты по формированию.

---

[1] Документ является приложением к приказу (см. док. № 1).

Примечания:

1. Воспитанникам учебных заведений гарантируется отпуск из рядов батальона к началу учебного года.

2. Юнкерам гарантируется производство в офицеры за боевые отличия по представлению командира батальона со старшинством по сравнению со сверстниками.

3. Для студентов испрошено разрешение министра народного просвещения на возвращение их в высшие учебные заведения вне конкурса по особому ходатайству комитета по формированию.

4. Комитеты по формированию

При штабах армий фронтов учреждаются комитеты по формированию ударных революционных батальонов из волонтеров тыла, причем работа их протекает в контакте с фронтовыми комитетами.

При Ставке утверждается Центральный исполнительный комитет по формированию ударных революционных батальонов из волонтеров тыла для объединения деятельности всех комитетов по формированию, работающих на фронт.

В Петрограде (Мойка, 20) образовано организационное бюро Центрального всероссийского комитета для вербовки волонтеров, в состав которого вошли представители черноморской делегации, Союза казачьих войск, Всероссийского союза георгиевских кавалеров и Военного союза личного примера [4].

Всем комитетам предоставляется право:

1. Кооптации нужных лиц с разрешения подлежащих властей.

2. Назначения и командировки комиссаров для вербовки и дача таковым инструкций.

На фронтовые комитеты возлагается формирование батальонов при содействии всех начальствующих лиц и под непосредственным наблюдением главнокомандующих армиями фронтов.

5. План формирования

а) Батальоны формируются по прилагаемому при сем штату [5].

б) Формирование должно производиться при особо назначенных пехотных запасных полках на фронтах, куда должны направляться непосредственно волонтеры, навербованные в тылу России.

в) При командирах запасных полков, на которых будет возложена хозяйственная часть формирования, должны состоять или члены комитета по формированию батальонов, или его комиссары.

г) Вызов или набор в пункты формирования офицеров и инструкторов для организации и первоначального обучения должен быть сделан заблаговременно.

д) Образования в пунктах формирования складов обмундирования, вооружения и снаряжения делаются распоряжением главных начальников снабжений фронтов, по указаниям главнокомандующих фронтами.

6. Порядок вербовки волонтеров

а) Запись волонтеров производится по соглашению при местных политических и общественных организациях, после чего вызываются комиссары комитетов для вербовки.

б) Комитеты командируют в различные города России своих комиссаров, которые являются в местные Советы и общественные организации, получают списки волонтеров и приступают к агитации и вербовке, причем, при содействии местного комитета, организуют медицинские осмотры.

в) Для вербовки комиссарам выдается удостоверение от своих комитетов и книжки вербовочных карточек с печатью комитета.

г) Волонтеры, получившие вербовочные карточки, направляются к местным воинским начальникам или комендантам и, по получении бланков для проезда по железной дороге, отправляются одиночным порядком (предпочтительно группами в отдельных вагонах) на указанный в их карточках сборный пункт по указанию комиссаров...

8. Форма одежды

Отличительным знаком формы одежды, как и у охотников ударных войск на фронте, являются цвета: «красный» как символ борьбы за свободу и «черный» как указание на нежелание жить, если погибнет Россия.

Все волонтеры революционных батальонов имеют на правом рукаве красный круг два вершка диаметром с черным андреевским крестом, шириною в палец.

Начальники же, кроме этого знака, имеют вокруг обоих обшлагов рукавов красно-черную тесьму, по образцу морских чинов. Отделенные — одну тесьму, взводные — две, ротные командиры — три, батальонные командиры — четыре тесьмы. Помощники начальствующих лиц — столько же полос, но без завитков.

Обмундирование общеармейское, с черным трафаретом на погонах защитного цвета в виде черепа и двух скрещенных костей как эмблема бессмертия.

Кроме того, комитетам по формированию предоставляется право разработать отличительный знак для каждого батальона своего фронта и прислать на утверждение в Исполнительный комитет при Ставке.

9. Знак отличия

а) Для наиболее отличившихся в бою волонтеров, кроме очередного общего награждения по георгиевскому статуту, устанавливается в виде особой награды нагрудный знак: на красно-черной ленте черный металлический череп со скрещенными под ним двумя костями. Представление к этой особой награде делается по решению и представлению рот и утверждается комитетами по формированию, которые высылают знаки отличия с особыми комиссарами для раздачи их волонтерам на месте боя.

Списки волонтеров-революционеров, получивших этот знак отличия, будут опубликованы в газетах, подробно описан подвиг, и о доблести их узнает вся Россия.

б) Помимо георгиевских лент, на знамена наиболее отличившихся из числа революционных батальонов, по представлению высшего армейского начальства, верховным главнокомандующим утверждается в виде особой награды — покрытие красного поля оборотной стороны знамени эмблемой бессмертия — изображением черепа и двумя костями под ним.

Знамя революционных батальонов состоит из красного полотнища, размером $1^1/_2$ на 2 аршина с черным андреевским крестом с надписью на красном фоне: «За свободу народов, граждане, с оружием вперед», с черной бахромой и кистями с черно-красной лентой и копьем на древке.

Оборотная сторона знамени гладко-красная — до боевого отличия.

10. Дисциплина

Основа дисциплины — беспрекословное исполнение приказаний начальников.

О неповиновении и возражениях не может быть и речи, так как в основу всех отношений кладется полное братское доверие в деле жизни и смерти.

Дисциплина и взаимоотношения между волонтерами и начальниками основываются на тексте присяги.

Вне служебных отношений — нет начальников и волонтеров, а есть братья и товарищи по оружию; при этом волонтеры и начальники не могут переносить служебные неудовольствия на свои личные отношения.

При отдаче приказаний, назначений, служебных вопросов и т. п. начальник встает, прикладывает руку к головному убору и этим подает знак к моменту службы, волонтер делает то же самое; после этого начальник отдает распоряжения, и они беспрекословно исполняются.

Для разбора всех недоразумений в батальонах и ротах общим голосованием всех начальников и волонтеров выбирается товарищеский батальонный суд в составе девяти членов.

Этот товарищеский суд накладывает дисциплинарные взыскания на волонтеров за маловажные проступки, и только он, с ведома командира батальона, может собирать общие собрания батальона.

Дисциплинарные наказания на начальников налагаются советом начальствующих лиц батальона.

В случае поступков, порочащих доброе имя революционера-солдата и гражданина, как то: неисполнение приказания начальника на службе или вне ее, трусость, воровство, насилие, мародерство над мирными жителями и т. п., позорные для гражданина поступки, помимо предания суду как за уголовное преступление, все волонтеры наказываются по присуждению товарищеского суда остракизмом, объявляются врагами отечества и изгоняются из революционных батальонов с извещением через печать общественных и революционных организаций, главным образом по месту записи.

В случае возможных между начальниками и волонтерами недоразумений, кои не могут быть исчерпывающе разрешены ни старшими начальниками, ни товарищеским судом, волонтерам предоставляется право по решению большинства $^3/_4$ голосов всего батальона обратиться непосредственно в комитет по формированию для высылки комиссаров, после чего дело решается комитетом.

11. Порядок назначения батальонов на фронт

По сформировании каждого революционного батальона ему производится смотр генералом по назначению главнокомандующего фронтом, в присутствии полного состава комитета по формированию и вручается знамя; после этого батальон передается в распоряжение начальства и назначается распоряжением главнокомандующего фронтом в прикомандирование к одной из пехотных дивизий как отдельный батальон.

В составе этой дивизии батальон принимает участие в боях, выделяя в состав дивизионного комитета делегатов-волонтеров в потребном числе, избранных общим собранием батальона.

Эти делегаты обязаны прибыть в дивизионный комитет до прибытия батальона в состав дивизии.

Председатель Исполнительного комитета по формированию революционных батальонов, Генерального штаба подполковник Макакин
За секретаря матрос Анисим Баткин
Рабочий А. Леонов
Солдат И. Ермаков

Члены:
Подпрапорщик И. Хандобин
Капитан 2-го ранга Тихменев
Подполковник Добродеев
Корнет кн. М. Куракин

ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 2, д. 26, лл. 11 об.— 14 об.— Типографский экз.

№ 3

Телеграмма министра иностранных дел М. И. Терещенко дипломатическим представителям в Париже, Лондоне, Вашингтоне, Токио и Стокгольме о планах реорганизации армии

7 сентября 1917 г.

Считаю нужным дать Вам доверительно некоторые разъяснения относительно положения армии в связи с будущей ее реорганизацией, предоставляя Вам использовать эти данные с соблюдением надлежащей осторожности. Выступление Корнилова, вызвав движение крайних левых элементов против командного состава и части офицерства, значительно затруднило работу по воссозданию армии. Правительство энергично борется против этих проявлений. В общем линия, принятая в отношении военных мер, нисколько не изменилась и проводится с полной твердостью, о чем вам сообщено в предыдущих телеграммах.

В связи с этим обрисовывается будущий план относительно ведения войны. Еще весной, когда было решено вести наступление, было ясно, какие перед нами трудности. Но было совершенно необходимо нарушить состояние фактического, установившегося на фронте после революции перемирия, опасного для военных расчетов союзников и губительного для морального состояния наших войск. Цель эта была достигнута, и война на нашем фронте возобновилась. Ценой великих жертв и потерянной территории мы приковали на своем фронте большую часть неприятельских войск и выполнили, таким образом, наши союзнические обязанности.

В настоящее время, несмотря на все внутренние трудности, мы в состоянии продолжать удерживать на нашем фронте силы противника до того времени, когда будет реорганизована армия. Мы надеемся, что в течение зимы, когда невозможны обширные операции, нам удастся создать боеспособную армию. Военные планы должны быть рассчитаны к этому сроку.

Последние данные о состоянии продовольствия подтверждают, что хотя положение очень трудное, но продовольствием армия будет обеспечена, если даже придется ради этой цели пожертвовать полным снабжением внутренних областей. В отношении самой реорганизации генералом Верховским разрабатывается план перемены в командном составе в смысле его обновления и омоложения [6]. Эта мера, а также другие радикальные реформы не должны смущать союзников, так как они все преследуют указанную цель и будут планомерно проводиться. В течение этого времени нам необходимо полное доверие союзников.

Считаю нужным отметить, что во время пребывания здесь в июне сенатора Рута он от имени американского правительства высказался в том смысле, что России надо дать некоторый срок, чтобы оправиться от внутренних потрясений и завершить реорганизацию. В этих видах Рут высказывался против нашего наступления [7]. Мы не сочли возможным по указанным выше причинам воздержаться от последнего и считаем, что последствия его, как они ни тяжелы, но способствуют проведению общего плана, подготовляющего в будущем наше активное участие в военных операциях.

Терещенко

АВПР, Канцелярия, 1917 г., д. 100, лл. 103—104.— Подлинник.

№ 4

Телеграмма М. К. Дитерихса военным агентам[8]) в Лондоне, Париже и Риме о военном положении России на фронтах и восстановлении боеспособности армии

13 сентября 1917 г.

Стратегическое положение армий на русско-румынском фронте к 1 сентября можно охарактеризовать следующим образом:

На Северном фронте с потерей Риги мы перестали быть полными господами положения в Рижском заливе и потеряли участок оборонительной линии по р. Двине; в этом главным образом и выразилось изменение нашего стратегического положения. В смысле же непосредственной угрозы Петрограду стратегическое положение в худшую сторону не изменилось.

В тылу района Северного фронта имеется достаточное количество подготовленных позиций, опираясь на которые наши армии будут иметь полную возможность дать отпор противнику; наконец, наступление осенней распутицы при бедности хорошими путями делает маловероятным производство наступательных операций в широком масштабе со стороны противника для овладения Петроградом с суши.

Более вероятны морские операции в Балтийском море с целью высадки десанта в Финляндии или в Пернове и еще более вероятна высадка на островах Эзель и Даго с целью переброски действий на материк.

Имеется сведение о подготовке в этом направлении со стороны немцев, хотя состояние моря в ближайшие осенние месяцы сокращает вероятность производства высадки с моря. С нашей стороны как на море, так и на суше принимаются меры противодействия.

На Западном и Юго-Западном фронтах установившееся затишье в ближайшее время, по-видимому, не нарушится; разведка не дает оснований ожидать здесь наступления противника.

На Румынском фронте идет перегруппировка противника, по-видимому, с целью сосредоточить ударную группу из 4—5 пехотных дивизий в районе Селетин — Радауц — Кимполунг, а в районе к северу от Черновиц 3—4 кавалерийских дивизии; в районе к югу от Черновиц подвозится германская тяжелая артиллерия. В данное время на Румынском фронте продолжаются частичные бои в районе Окна и в районе Ирешти, при этом на последнем направлении бои, видимо, приостанавливаются ввиду их безрезультатности для противника, и начинается его оживленная боевая деятельность в направлении на Текучиу. Климатические условия вполне благоприятны для начала операции в широком масштабе.

На Кавказском фронте от Черного моря до Ванского озера активные действия со стороны противника маловероятны как вследствие малоудовлетворительного состояния турецкой армии, так и затруднительности подвоза.

В Месопотамии Фалькенгейм разрабатывает план наступления из Мосула на Урмию и из Мосула на Багдад с целью разбить Урмийскую группу русских и отбросить англичан на юг от Багдада. Климатические условия также вполне благоприятны для развития активных операций.

Из вышеизложенного видно, что Петрограду непосредственно не угрожает опасность, если сохранится лояльность Финляндии, а более вероятным районом активных действий противника является Рижское побережье, Якобштадский и Двинский плацдармы на Северном фронте, на Румынском фронте — район к югу от Черновиц и на Кавказском фронте — к югу от Ванского озера.

К первому марта, т. е. к началу революции, против армии русско-румынского фронта находились следующие силы противника: германских 74 пехотных, $11^2/_3$ кавалерийских дивизий; австрийских 43 пехотных и $11^1/_2$ кавалерийских дивизий; болгарских 3 дивизии и турецких 6 дивизий.

К 18 июня, т. е. к началу нашего наступления на Юго-Западном фронте количество германских дивизий пехотных увеличилось па 7, кавалерийских уменьшилось на 1 и австрийских пехотных дивизий уменьшилось па $4^1/_2$ и турецких уменьшилось на 2, наконец, к 15 июля стало германских дивизий пехотных 88 и кавалерийских 9, австрийских пехотных $40^1/_2$ и кавалерийских $11^1/_2$, болгарских пехотных 3 и кавалерийских 1 и турецких 4 пехотных дивизии.

Таким образом, за период с 1 марта силы, противостоящие нашим армиям, не только не уменьшились, но увеличились на $9^1/_2$ пехотных дивизий, при одновременном уменьшении на $2^2/_3$ кавалерийских дивизий.

Обращаясь к изложению боев, последствием которых было очищение Рижского района, необходимо отметить следующее: бои начались 19 августа под прикрытием губительного артиллерийского огня с применением в широких размерах газовых снарядов, причинивших нам большие потери; немцам удалось переправиться через Двину в районе Икскюля, занять Кумферrаммер и, введя достаточные силы, развивать свой успех, обратившийся в прорыв участка XII армии.

20—23 августа совершался отход наших войск на заранее подготовленную Венденскую позицию.

Отход частей, находившихся к северо-западу от прорыва, происходил в крайне тяжелой обстановке под угрозой фланговых ударов с юго-востока прорвавшимися частями противника; это последнее обстоятельство и повлекло за собой неизбежность потери части орудий и материальной части. 24 августа занятием войсками Венденской позиции прорыв был ликвидирован.

Войска спешно заканчивали укрепление позиций и приводились в порядок.

Ввиду того, что противник, по-видимому, отказался от мысли развивать достигнутый здесь успех, это дало нам возможность, начиная с 28 августа, выдвигать вперед авангарды.

Действия авангардов с самого же начала были успешны, им удавалось занимать важные рубежи; в большинстве случаев бои полевого характера с авангардами и разведывательными частями противника были для нас успешными, что объясняется, главным образом, слабыми силами противника и тем, что с нашей стороны выдвигались стойкие части достаточной силы.

Результаты удачных авангардных боев со взятием трофеев не замедлили сказаться на подпятии духа войск. По донесению командарма дух войск поднялся, армия приводится в порядок, и боеспособность восстанавливается. Части пополняются, боевые и продовольственные запасы пополняются. Путем подвоза резервов и соответствующей группировки войск положение можно считать упрочившимся, и дальнейшее продвижение противника должно потребовать с его стороны нового напряжения.

Работа верховного командования на осенний период будет направлена прежде всего на восстановление боеспособности армии, что находится в прямой связи с внутренним состоянием страны и возможностью организовать достаточное продовольствие армии. От степени разрешения этого коренного вопроса могут быть предъявлены армии те или иные оперативные задачи. При благоприятных условиях работы и жизни страны, нет данных не считать возможным возвращение к весне боеспособности армии.

Настоящее сообщение вызвано запросом генерала Занкевича от 29 августа за № 903 и имеет целью дать вам материал как для ориентирования высшего командования, при коем вы состоите, так и для успокоительных сообщений в печати союзных государств в пределах, не нарушающих стратегических тайн.

Дитерихс

АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 141, лл. 94—96.— Заверенная копия.

№ 5

Программа мероприятий по поднятию боеспособности армии к весне 1918 г. [1]

Не позднее 1 октября 1917 г. [2]

Для поднятия боеспособности армии к 1 мая 1918 г. намечено провести мероприятия:

I. По реорганизации наших вооруженных сил.
II. По поднятию дисциплины в войсках.
III. По установлению положения о комиссарах и комитетах.
IV. По поднятию тактической подготовки войск.
V. По подготовке укомплектований.
VI. По обеспечению продовольствия и транспорта.
VII. По улучшению быта офицеров.

Разработка плана мероприятий в деталях возлагается на Ставку в тесном соглашении с Военным министерством.

Проведение плана в исполнение, по утверждении его правительством, возлагается: в отношении мероприятий, предусматриваемых пунктами II, III, VI и VII, на военного и морского министров, а по прочим — в части, касающейся фронтов, на верховного главнокомандующего, а во внутренних округах — на военного и морского министров.

Принимаемые мероприятия должны быть основаны на следующих началах:

I. Реорганизация вооруженных сил

1. Путем увольнения старших сроков службы, реорганизации тыловых учреждений, исключения всех излишествующих частей, управлений и учреждений армии, имея целью активной обороной приковать к себе ныне находящиеся против нас силы противника, может быть сокращено [3] (1 мая [1918 г.]) [4].

2. Ставкой должен быть разработан детальный план по сокращению излишних частей, управлений и учреждений (15 октября [1917 г.]).

3. По соображениям данного времени представляется возможным уволить людей:
сроков 1895 и 1896 г. (1 октября [1917 г.])
сроков 1897 и 1898 г. (15 октября [1917 г.])
сроков 1899 г. (1 ноября [1917 г.]).

Возможность последующих увольнений может выясниться только по разработке вопроса § 2. Заблаговременное предупреждение о предстоящих увольнениях не должно иметь места.

4. Для пополнения убыли распоряжением Военного министерства должно быть подготовлено укомплектований, считая в том числе и очередной призыв, 1 000 000 человек (1 мая [1918 г.]).

5. Принятие правительством мер к сбору дезертиров и установление самых строгих наказаний за дезертирство.

Мера эта при успехе позволит и отменить увольнение следующих старших сроков (15 ноября [1917 г.]).

6. Тщательный пересмотр команд выздоравливающих из госпиталей и увольнение оттуда тех, на скорое выздоровление которых рассчитывать нельзя (15 октября [1917 г.]).

7. Реорганизация запасных войск. Образование непосредственно при войсках маршевых рот и батальонов. Непосредственное назначение в них призывных со сборных пунктов. Уменьшение числа запасных полков; уменьшение и подбор в них

---

[1] Заголовок документа.
[2] Датируется по содержанию.
[3] Так в документе.
[4] Здесь и далее в скобках указаны «сроки, к которым мероприятия должны получить свое осуществление».

офицерского состава; привлечение в них офицеров, отчисленных по обстоятельствам текущего времени, и подбор более благонадежного состава солдат (1 декабря [1917 г.]).

8. Приведение числа ополченских частей до пределов крайней необходимости, а во внутренних округах создание вместо них караульных рот и милиции пешей и конной. (С 1 ноября [1917 г.]).

9. Применение на железных дорогах и пароходах женского труда и привлечение мужчин в ряды армии. (С 1 ноября [1917 г.]).

10. Часть лучших офицеров из резервов и увольняемых солдат привлечь в милицию для установления порядка внутри страны (1 ноября [1917 г.]).

11. Прекратить выделение из армии квалифицированных рабочих, оставляя их в заведениях армии.

12. Приступить к формированию прочных частей: георгиевских, ударных батальонов, штурмовых взводов, партизанских отрядов, учебных команд, войсковых соединений более крупного состава из прочих частей и особенно крупных казачьих единиц по войскам. (С 15 октября [1917 г.]).

II. По поднятию дисциплины в войсках

1. Полное прекращение какой бы то ни было агитации в войсках, независимо [от] партий. (С 15 октября [1917 г.]).

Подготовка к выборам в Учредительное собрание ведется в войсках под руководством комиссаров, их помощников и комитетов. Эти органы определяют и те меры (литература, лекции, собрания, беседы), которые являются необходимыми для ознакомления масс с производством выборов.

2. Разработка и издание уставов дисциплинарного и внутренней службы, хотя бы не в окончательной редакции, а лишь переходной, на нижеследующих основаниях (1 ноября [1917 г.]):

а) Установленные революцией права личной гражданской свободы каждого гражданина государства, для согласования с требованиями воинского повиновения массы, нуждаются в проведении в армии для всех ее членов двух положений: «на службе» и состояния «вне службы».

б) В военное время положение «на службе» определяется состоянием налицо военнослужащего в данной части. Состояние в отпуску из части, хотя бы и кратковременном, но обставленное условными правилами, определяется для военнослужащего положением «вне службы».

В мирное время определение положения «на службе» суживается до фактического состояния военнослужащего при исполнении служебных обязанностей (занятия, наряды, караульная и внутренняя служба, служебные поручения). Вне исполнения служебных обязанностей военнослужащий переходит в положение «вне службы», и в отношении жизни в пределах части подчиняется лишь особо определяемым уставами правилам общественного порядка и гигиены.

в) В положении «на службе» военнослужащие армии подразделяются на «начальников» офицерского и солдатского звания разных градаций и «рядовых солдат». В положении «вне службы» все чины армии — равные граждане.

г) Начальники в армии являются представителями правительственной власти и в лице их в данной части устанавливается повиновение этой власти и ее уважение. Лицо, не повинующееся начальству,— не повинуется власти правительства и подлежит ответственности распоряжением начальников. Начальник, вышедший из пределов законной правительственной власти теряет право на представительство таковой и подлежит ответственности по суду.

д) Власть наложения дисциплинарного наказания и предания суду принадлежит начальникам. Расследование дел в нужных случаях начальники поручают ротным, полковым, корпусным, армейским и тыловым комиссиям, образуемым из выборных людей при участии в корпусных и армейских комиссиях лиц с юридическим образованием.

е) Для суждения в войсках учреждаются полковые, корпусные и окружные суды. Для ускорения разбора судебных дел, особенно по нарушению воинской дисциплины и преступлений по неисполнению своего воинского долга, необходимо расширить компетенцию полковых судов, ввести в состав их юридический элемент в виде дивизионного военного прокурора.

3. Как переходная мера, до перехода полной дисциплинарной власти начальникам, определение прав начальника, начиная с ротных командиров, налагать дисциплинарные взыскания в том случае, если дисциплинарный суд в течение 24 часов после передачи ему дела не вынес обвинительного приговора (15 октября [1917 г.]).

4. Установление ответственности дисциплинарных судов за недостаточное поддержание дисциплины, принимая во внимание необходимость при современных условиях восстановить дисциплину во что бы то ни стало.

5. Рассмотрение судами дел о нарушении воинской дисциплины вне очереди и самым ускоренным порядком, так как только быстрое производство расследования и суда по таким преступлениям производит соответствующее впечатление на массы.

6. К этой же категории дел надлежит отнести воспрещаемые новым законом постановления войсковых частей и комитетов об удалении офицеров, или выражения им недоверия.

Соответственно с этим в уставе должно быть сказано, что ответственность за подобные преступления падает на ротные и полковые комитеты в полном составе.

7. Необходимо повысить наказание за нарушение указаний по исполнению гарнизонной и строевой служб, так как за последнее время исполнение таковых совершенно не обеспечило ни охраны казенного имущества, ни безопасности войск (1 ноября [1917 г.]).

8. В соответствии с указанным в § 5, на время войны установить за дезертирство каторжные работы от четырех лет до бессрочных и лишение всей семьи земельного надела, если она умышленно дала укрытие или не сообщила о дезертире (1 ноября [1917 г.].

9. Обязательное взаимное приветствие во время нахождения в положении «на службе».

Как переходная мера, немедленное возобновление приветствия своих прямых начальников.

10. Возобновление отдания чести строем и в строю (1 ноября [1917 г.]).

11. Строгое преследование за небрежное ношение формы (15 октября [1917 г.]).

12. Установление административным порядком и по суду вычетов из жалованья за умышленную порчу, утрату и промотание казенного имущества и расхищение частного имущества (1 ноября [1917 г.]).

13. Временное воспрещение игры в карты (1 ноября [1917 г.]).

14. Воспрещение торговли, находясь в положении «на службе».

15. Воспрещение при состоянии на военной службе заниматься отхожими промыслами.

16. Строгая цензура литературы, проникающей в войска. Предоставление комиссарам прав прекращать доставку в войска литературы, расшатывающей прочность армии или проповедывающей взгляды, клонящиеся к подрыву воинского духа.

17. Восстановление военной цензуры.

III. Положение о комиссарах и комитетах

1. О комиссарах в войсках

Представителями правительства в армии являются начальники. Комиссары назначаются помощниками их по части проведения в армии начал гражданственности, в тесной связи с основаниями воинской дисциплины и духом внутренней политики правительства. В случае явного направления начальников своей деятельности и влияния в отношении подчиненных в разрез правительственных интересов, комис-

сар немедленно доносит высшему начальству, а в исключительных случаях должен принимать решительные меры в данной части.

Права и обязанности комиссара ограничиваются сферой его деятельности и работы с войсковыми комитетами и воспитания воина-гражданина. Являясь ближайшим сотрудником начальника части по укреплению гражданственности, он имеет право опротестовать выборы в комитеты, организовывать пропаганду в войсках и давать заключения о направлении политической деятельности того или другого лица начальнику, при котором он состоит. С другой стороны, он следит за политической работой комитетов и своевременно осведомляет начальника о противугосударственном направлении деятельности комитетов.

Комиссар является руководителем войсковых школ по гражданскому воспитанию военнослужащих и арбитром по разрешению вопросов, возникающих в частях на почве политических направлений.

2. О войсковых комитетах

Войсковые комитеты учреждаются для содействия начальникам в достижении трех целей:

1. Для содействия в сбережении народной копейки.

2. Для содействия в правильном проведении в массы сознательного понятия о гражданской свободе в связи с положениями новой дисциплины (Проект положения о комитетах к 4 октября [1917 г.]).

3. Для проведения мероприятий, направленных к боеспособности армии.

Войсковые комитеты ни в коем случае не касаются вопросов о назначении или смещении начальников.

IV. Поднятие тактической подготовки войск

1. Каждый солдат должен находиться ежедневно в работе по обучению или по усовершенствованию боевого положения не менее 7—8 часов.

2. Боевая организация рот, штурмовые взводы, взводы стрелков, взводы чистильщиков.

3. Организация постоянного наблюдения в окопах.

4. Ежедневная работа не только разведчиков, но и партий из рот по разведке.

5. Частые набеги партиями в 5—15 человек, на английский манер, в окопы противника.

6. Частные боевые предприятия с общей целью создания более пригодного исходного положения.

7. Показные тактические занятия в резервах под непременным руководством старших начальников и офицеров Генерального штаба.

8. Беседы на тактические темы с офицерами и солдатами, рассказы из военной истории.

9. Тактическая подготовка на поле офицеров.

10. Широкое поощрение отличившихся смелостью, храбростью и предприимчивостью.

11. Работа по заготовке позиций, их улучшение и по подготовке зон наступления.

12. Гимнастика, особенно фигурная с установкой призов.

13. Школы для унтер-офицеров.

14. Учреждение инструкторского отдела распоряжением Главного управления Генерального штаба (17 октября [1917 г.]).

15. Учреждение дивизионных школ пулеметчиков, бомбометчиков, чистильщиков, гранатчиков, наблюдателей, связи (1 декабря [1917 г.]).

16. Учреждение офицерских дивизионных школ по подготовке младших офицеров, взводных командиров, ротных и батальонных командиров (1 декабря [1917 г.]).

17. Учреждение армейских школ для артиллеристов по подготовке наблюдателей, связи, младших офицеров, командиров батарей и дивизионеров (1 декабря [1917 г.]).

18. Учреждение корпусных школ для кавалерии по подготовке младших офицеров, взводных и эскадронных командиров (1 декабря [1917 г.]).

19. Производство в прапорщики не за окончание школ, а по испытанию в строю и по удостоению общего собрания офицеров.

20. Собеседования на политические темы комитетов и комиссаров с солдатами.

21. Организация и разработка правильных положений о разведке и контрразведке. Заграничная агентура.

22. Обилие литературы на позиции.

23. Кратковременные отпуски с заменой отпускаемых людьми из запасных частей, что даст кругооборот.

24. Для культурно-просветительной работы и занятия досуга офицеров и солдат желательна помощь американцев в смысле предоставления технических средств и инструкторской по этой части деятельности.

V. По подготовке укомплектований

1. Использование чинов, состоящих в резерве, для усиления постоянного состава запасных частей.

2. Все запасные части в дисциплинарном отношении находятся в состоянии «на службе».

3. Организация полковых и дивизионных рот пополнения.

4. Учреждение инструкторских школ специалистов при тыловых запасных частях (1 декабря [1917 г.]).

5. Правильная постановка эвакуации в связи с удержанием значительной части эвакуируемых в ближних районах армии.

6. Возвращение дезертиров.

VI. По обеспечению продовольствием и транспортом

1. Улучшение транспорта.

2. Сокращение числа тыловых учреждений и организаций.

3. Заказы в Америке орудий, аэропланов, тракторов.

4. Организация военной эксплуатации местных средств внутренних областей при участии войсковых комитетов.

5. Разработка вопроса широкого значения по эксплуатации наших железных дорог, хотя бы иностранцами.

VII. Улучшение материального положения офицеров

1. Обязательное возвращение в ряды армии всех штаб- и обер-офицеров, удаленных ныне по постановлениям войсковых комитетов или общих солдатских собраний и коим судебными властями не предъявлено каких-либо обвинений.

2. Единственно, кто до сих пор не поднимал вопроса об увеличении содержания,— это было офицерство. Считаю себя обязанным возбудить этот вопрос, так как он тесно связан с благосостоянием семейств офицеров, живущих в условиях общегражданской жизни и терпящих нужду от дороговизны. Считаю настоятельно необходимым увеличение окладов младшим офицерам для сравнения их содержания с окладами чинов гражданского ведомства соответствующих классов (15 октября [1917 г.]).

3. Предоставление пайка семьям офицеров, не состоящих в резерве по несоответствию или по обстоятельствам текущего времени.

4. Ускорение введения в жизнь пенсионного устава (1 ноября [1917 г.]).

Начальник штаба верховного главнокомандующего
генерал-лейтенант Духонин
Помощник начальника штаба Вырубов
Генерал-квартирмейстер генерал-майор [Дитерихс]

ЦГАОР СССР, ф. 1239, оп. 1, д. 27, лл. 9—13.— Копия.

№ 6

Приказ военного министра А. И. Верховского об откомандировании части офицеров и солдат из армии в милицию

11 октября 1917 г.

Одна из задач, возложенных в переживаемое время на армию,— есть задача обеспечить внутри страны безопасность жизни от насилия и охранить действительную свободу личности.

Ныне существующая милиция не в состоянии удовлетворить этой первой заботы государства. Армия обязана всеми своими средствами и опытом придти на помощь правительственным комиссарам, городским и земским самоуправлениям.

Растущая в стране анархия понуждает выполнить эту задачу срочно, не откладывая ни на один день. Развал в тылу, погромы, поджоги хлебных грузов, насилия и зверства грозят фронту голодом и холодом, затрудняя доставку продовольствия и обмундирования. Недостающие кадры милиции должны быть немедленно пополнены. В анархии жить нельзя.

Подготовительная работа по этому вопросу закончена. Ввиду срочности дела, первые шаги по комплектованию милиции я возлагаю на запасные части, имея вместе с тем ввиду немедленно же привлечь действующую армию к обеспечению порядка внутри страны.

Вся территория республики разделена на участки запасных бригад, районы бригад — на полковые. Каждый комиссар или орган самоуправления будут обращаться к ближайщему начальнику бригады или командиру полка, имея нужду в надежных чинах для службы в милиции.

Приказываю:

1. Предоставить для организации милиции из запасных полков и резерва округов лучших офицеров, преимущественно из бывших в боях и получивших ранения. Государство будет уверено, что эта важная в данный момент особо ответственная служба передается в руки честных людей, жизнь свою отдавших за родину, привыкших к военной организации и порядку.

Я разрешаю по требованию городских и земских самоуправлений назначать для службы в милиции лучших солдат, преимущественно из числа георгиевских кавалеров и раненых. В эти верные руки борцов за родину граждане отдадут охрану самого дорогого — свободы и жизни.

2. Для охраны железных дорог железнодорожным властям (работая в тесной связи с Всероссийским железнодорожным союзом) предоставлять офицеров и солдат преимущественно из числа георгиевских кавалеров, бывших в боях и раненых. Задача их — организация охраны станций. Подобные же команды разрешаю формировать и для охраны пристаней.

3. Для организации конной стражи разрешаю командующим округами назначать из кавалерийских частей по требованию правительственных комиссаров и местных самоуправлений лучших офицеров и солдат (вместе с конским составом) преимущественно из бывших в боях георгиевских кавалеров и получивших ранения.

4. При малейшем уклонении от своих обязанностей, при малейшей попытке нарушить строгий порядок и воинскую дисциплину офицеров и солдат, назначенных для этой службы, немедленно возвращать в ряды войск.

Дело военного министра указать цель и дать нужные средства. Дело всех начальников на местах проявить самую широкую самодеятельность и оказать самую широкую помощь в деле организации милиции.

Мы должны общими усилиями остановить рост анархии, грозящей погубить великую родину нашу и все дорогие места, связанные у народа с революцией.

Цель поставлена, средства даны. Ожидаю живой творческой работы на местах [9]).

Военный министр, генерал-майор Верховский

ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 2, д. 3, лл. 272—273.— Гектограф.

№ 7

Письмо министра-председателя Временного правительства и верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского премьер-министру Англии Д. Ллойд-Джорджу о планах реорганизации армии для продолжения войны

12 октября 1917 г.

Положение в России и наши последние неудачи на фронте вызвали некоторое беспокойство в общественном мнении союзников. Между тем, каким бы трудным ни было положение России сейчас, мы можем утверждать, что оно лучше, чем положение, которое было прошлой весной. Фактическая передышка на нашем фронте установилась в результате пропаганды «братания» и упадка воинской дисциплины. Это положение было еще более беспокойным, так как немцы рассчитывали на это, воздерживаясь от всяких военных действий на нашем фронте в надежде использовать против наших союзников высвобожденные таким образом силы.

Сознавая всю опасность ситуации, Временное правительство решило любой ценой положить этому конец. Наше наступление, несмотря на первые успехи, потерпело поражение. Однако его главная цель, заключавшаяся в том, чтобы сорвать передышку и возобновить военные действия, была достигнута ценою больших человеческих жертв и территориальных потерь. По мере своих возможностей мы помогли нашим союзникам, оттянув на наш фронт главные силы противника, силы, которые иначе были бы направлены на Запад.

К сожалению, галицийская катастрофа, подготовленная пропагандой «максималистов» [10], и действия генерала Корнилова сильно поколебали армию и возрождающуюся дисциплину. Вопрос, который ставится в настоящий момент, следующий, как продолжать войну в данной ситуации? Меры, которые были приняты прежним главным командованием, верившим в возможность восстановления дисциплины почти исключительно посредством репрессий и частичной реорганизации армии, не дали и не могли дать в силу ряда причин удовлетворительных результатов.

Временное правительство, таким образом, решило приступить к коренной реорганизации армии, направленной к тому, чтобы в соответствующих условиях привести ее к новой революционной ситуации. Для этого Временное правительство назначило меня главнокомандующим и передало одновременно военное министерство в руки молодого военного, который должен был вместе со мной привести в исполнение программу военных мероприятий [11]. Только систематическое проведение этих мероприятий может восстановить боеспособность армии. Эта программа должна быть выполнена в течение осени и будущей зимы, т. е. именно тогда, когда климатические условия делают невозможными активные военные действия на фронте. Само собой разумеется, что русская армия будет продолжать удерживать в это время находящиеся здесь силы противника.

Вот главные положения программы, которые я разработал и которые были поддержаны новым военным министерством [1]:

1) Первая задача, которая должна быть немедленно решена,— это задача восстановления доверия в армии между солдатами, офицерами и высшим командованием. В настоящее время этого доверия нет. Некоторые генералы и офицеры, которые занимают командные посты благодаря своим техническим знаниям, воспользовались своим положением, чтобы сделать политическую карьеру. Опыт последних месяцев показал, что доверие в армии может быть восстановлено только в том случае, если все бывшие командиры, чьи имена вызывают у солдат подозрения, будут отстранены. Боевой дух армии от этого не снизится, а, быть может, даже повысится, если на руководящие должности будут выдвинуты молодые офицеры, которые отличились во время войны и которые при старом режиме работали в качестве замести-

---

[1] См. док. № 5.

телей командиров. Старые генералы часто бывали только помощниками в работе таких подчиненных. Таким образом, сближение между командованием, с одной стороны, и солдатами, с другой, будет достигнуто без ущерба для боеспособности армии.

2) Совершенно невозможно сейчас руководить армией без поддержки военных комитетов. Практика показала, что, опираясь на них, можно достигнуть блестящих результатов. Они сыграли огромную роль в организации наступления «18 июня» так же, как и в борьбе против анархии в армии. Сейчас, когда действия генерала Корнилова снова поколебали доверие солдат к их командирам, надо будет неизбежно опираться на эти комитеты, чтобы восстановить дисциплину, и, быть может, даже предоставить им в некоторой степени право контролировать действия командиров. Однако, осуществляя эту систему, можно надеяться, что со временем, когда доверие будет восстановлено, можно будет приступить ко всем необходимым мерам вплоть до восстановления полновластия командиров.

Само собой разумеется, что деятельность комитетов будет протекать в строго ограниченных рамках [12].

3) Структура нашей армии, требующая огромного числа людей в тылу и значительно меньшего на фронте, должна быть изменена. В настоящем состоянии почти невозможно обеспечить продовольственное и материальное снабжение армии, а призыв в армию громадного числа рабочих только углубит экономический кризис страны. Итак, было решено сократить штат в тылу, не нанося ущерба вооруженным силам на фронте. Это увеличит силу армии в целом, устранит, в частности, продовольственные трудности и облегчит экономическое положение страны. Для этого категория людей самых старших по возрасту вскоре будет уволена.

4) Наконец, я уделю особое внимание обучению и воспитанию войск в соответствии с условиями ведения современной войны, не только в отношении широких солдатских масс, но и в отношении подготовки личного командного состава, который удовлетворял бы вышеназванным требованиям.

Я должен добавить, что мы должны считаться при осуществлении военных мероприятий с различными политическими течениями как на фронте, так и в тылу. Наше общественное мнение склоняется иногда под влиянием естественной усталости и давления событий к тому, что конец войны можно приблизить не чем иным, как дипломатическими мероприятиями и переговорами. Однако сила вещей приводит постоянно к заключению умы, стремящиеся оторваться от черной действительности в настоящих условиях борьбы с врагом, и все больше и больше утверждает в стране доказательство, что немедленное повышение боеспособности армии создает абсолютное условие для приближения часа мира.

На фронте мы должны считаться с постоянными изменениями в поведении различных войсковых соединений; нужно отличать дисциплину от боевого духа в армии. В последних боях несколько отрядов не оказали никакого сопротивления; напротив, другие проявили величайший героизм, сражаясь до последнего человека. Это относится, в частности, к нашим морским соединениям на Моонзундских островах [13]. Их мужество оказало огромное влияние на флот в целом. Моряки всеми силами доказывают свою решимость продолжать борьбу с врагом.

С помощью мероприятий, которые я только что перечислил, Временное правительство рассчитывает устранить причины, ослабляющие в данный момент нашу армию, и надеется полностью восстановить боевой дух армии.

Прошу Вас, господин премьер-министр, принять уверения в моем высоком к Вам уважении.

Керенский

АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 152, т. II, лл. 62—66. — Гектограф. Перевод с французского.

№ 8

Доклад Н. Н. Духонина А. Ф. Керенскому с планом формирования новой армии

Моральное состояние нашей армии приняло в настоящее время такую форму хронической болезни, при наличии которой довольно безнадежно пытаться оздоровить едиными для всех положениями, мерами, способами всю массу наших современных вооруженных сил. Какие бы мероприятия по дисциплине, по организации, по боевой подготовке ни были бы приняты — совершенно ясно, что они не были бы восприняты всей массой. Наоборот, попытки резко вывести массу из ее современного психологического состояния могли бы привести только к еще более обостряемым положениям, к еще более диким эксцессам между солдатами и командным составом.

В современном общеполитическом положении, создавшемся ныне для России, я не могу допустить мысли о мире. Я считаю, что мы далеко не исчерпали всех великих и богатых духовных сил русского народа, чтобы добровольно сложить оружие и принять на себя ответственность, не доведя борьбы до последнего предела. Я считаю, что истинный дух народа не убит, не разложился; он может быть поднят, пробужден, но для этого надо создать совершенно новое тело, новую форму, новую армию на началах, положениях и основаниях, которые помогли бы этому духу вырваться наружу и восторжествовать над своим старым, доставшимся нам от прежних времен, телом.

К этой новой армии, новому телу уже можно будет приложить с безусловной пользой для дела мероприятия по поднятию дисциплины, боеспособности, сплоченности, и многие основания мне позволяют с убеждением сказать, что по крайней мере половина нашей теперешней армии примкнет впоследствии добровольно к новой, возрожденной русской армии.

Новая армия должна быть основана на следующих началах:

1. Армия должна быть территориальной.

Этот принцип необходим как для базирования сплоченности, спайки, товарищества в частях на чувстве землячества, так и для укрепления связи внутренней России с войсками, в поднятии на местах интереса к своим частям, а в частях — к поддержанию сознания борьбы за свою землю, за свою семью.

Отсюда, в деле организации, формирования и дальнейшего содержания новой армии должны принять участие и при этом самое близкое, заинтересованное, представители с мест — земские, городские, промышленные и общественные представители и деятели. Их задачей будет не только создать армию по форме, помочь в деле укомплектования, снабжения, но главным образом оградить ее путем здоровой пропаганды от проникновения идей пораженцев, воспитать в началах сознательной дисциплины и веры в безусловную возможность и необходимость отстоять во что бы то ни стало свою национальную свободу.

2. Главная масса новой армии должна состоять из добровольцев и охотников.

Только люди, добровольно соглашавшиеся подчиниться необходимым и определенным положениям воинской дисциплины, способны зрело совмещать в себе понятие гражданина и воина. Только такие люди способны проникнуться глубоким сознанием долга перед родиной и верности присяге.

Не только служебный опыт прежних лет, но и многочисленные получаемые со всех сторон заявления позволяют мне с убеждением сказать, что таких добровольцев в России найдется не одна сотня тысяч.

3. Техника формирования новых частей должна опереться: сначала на образование кадра, путем выделения охотников из действующих частей или даже целых войсковых единиц, ходатайствующих о таковом выделении их, из больной массы нынешней армии, а затем путем подбора также добровольцев и охотников самими чинами кадров.

Добровольцы должны набираться прежде всего в тылу из числа уже служивших в частях и состоящих в запасных частях, тыловых учреждениях. Позднее, я уверен, когда новое формирование вполне определится и приобретет популярность в стране, большая часть людей, состоящих в рядах нынешней армии, добровольно примкнет к новым формированиям.

Большое количество офицеров, состоящих ныне в резерве и вполне боеспособных, должно также принять участие в деле создания новой армии. При этом вновь формируемым частям должно быть предоставлено право выбора из резерва офицеров, им известных.

4. Новые части должны быть хорошо снабжены всеми техническими средствами борьбы, образцово одеты и отлично продовольствуемы.

Это вызывает необходимость широкой помощи правительству со стороны частных жертвований. Необходимо популяризировать идею до такой степени, чтобы в жертвовании приняли участие в самых широких размерах американцы и англичане.

5. С наступлением зимы в целях финансовой экономии и по мере образования новых частей явится возможность совершенно расформировать некоторые старые, совершенно больные части, употребляя их личный состав для образования рабочих сил, не только на фронте, но и внутри страны. Тех же, кто захочет, направлять на укомплектование новых частей.

Я не считаю опасным сокращать в зимнее время некоторое число частей на фронте: во-первых, потому, что противник держит против нас почти только сторожевое охранение; во-вторых, больные части никакой фактической силы из себя не представляют; в-третьих, даже частные отходы назад не могут иметь существенного влияния зимой на наше общее положение.

6. Намеченное мероприятие должно пройти в жизнь в известной последовательности, вытекающей как по причинам внутренне-политическим, так и военно-техническим.

Я полагаю, что наиболее благоприятным моментом приступить к окончательной организации новой армии явятся двадцатые числа ноября, когда вполне уже определится направление Учредительного собрания и внимание партий сосредоточится вокруг него.

До тех пор наша работа должна идти в двух направлениях:

1) в мобилизации нужных общественных сил;

2) в образовании кадров будущих частей, в виде специально подготовляемых ударных технических команд для фронтов.

7. Во исполнение последнего, в связи с количеством губерний, наиболее участвующих в мобилизации армии, а равно и в связи с населенностью и нынешними средствами губерний, я предлагаю:

а) Теперь же, дабы скрыть от противника действительную нашу цель, учредить на фронтах, в глубоком их тылу базы формирования кадров инструкторов, а именно: на Северном фронте — 8 (восемь) баз, на Западном — 9 (девять) баз, на Юго-Западном и Румынском фронтах — по 12 (двенадцать) баз на каждый.

На каждой базе собрать первоначально из состава частей фронтов небольшие кадры из добровольцев определенной губернии, которые позволили бы впоследствии, постепенным их развертыванием сформировать на каждой базе 4 (четыре) ударных батальона.

Базы каждого фронта объединить под руководством инспектора по формированию ударных частей, подчинить их первоначально главнокомандующим фронтами.

Общее руководство специально военною подготовкою возложить на главного полевого инспектора по подготовке ударных частей.

б) Не объявляя:

Теперь же наметить лиц, кои образуют Главное управление по формированию новой армии.

Поручить им теперь же приступить к разработке положения во всех подробностях по формированию Русской народной армии.

На этих же лиц возложить теперь же:

а) организацию газетной пропаганды идеи Народной армии, призыв к пожертвованиям и организацию сборов пожертвования;

б) подбор лиц и организацию будущей связи новых частей с землей;

в) подготовку почвы для привлечения к участию американцев и англичан;

г) подготовку обеспечения новых частей помещениями, банями, прачечными и культурно-просветительными занятиями и развлечениями.

8. В двадцатых числах ноября, когда все будет уже подготовлено, изъять из ведения главнокомандующих фронтами все указанные базы и инспекции, включить их в ведение Главного управления по формированию Народной армии и циркулярными распоряжениями, а не приказом объявить основание намеченного мероприятия для проведения его в жизнь.

9. Считая, что намечаемые мероприятия по обстоятельствам текущего времени совершенно исключительной государственной важности и значения для всей будущей истории российского государства, я не считаю возможным базировать решение вопроса по созданию новой армии только на одной вышеуказанной системе инструкторских кадров: она может не удасться.

Поэтому одновременно, чтобы добиться цели, считаю необходимым развить вторую систему организации Народной армии на нижеследующих началах:

а) воспользоваться всеми теми существующими ныне войсковыми частями, которые добровольно заявляют себя сторонниками дисциплины, порядка, верности родине и Временному правительству, и на тех же территориальных условиях, как было изложено выше, размножить их добровольцами и новобранцами.

В случае крушения первой системы Россия обопрется на части второй системы:

б) из вышеупомянутых частей уже в настоящее время заявили свои желания следующие части: русский состав 6-го армейского корпуса, 1-й и 2-й пограничные ударные батальоны, ударные батальоны 77-й и 129-й пехотных дивизий. По сведениям, приходящим из армий, можно сказать с уверенностью, что таких частей найдется еще много. Пример заразительный, и стоит первым начать, как найдутся подражатели.

10. Наконец, я считаю нужным сохранить на время нынешнюю организацию по формированию революционных и георгиевских батальонов. Необходимо будет постепенной агитацией со временем достигнуть слияния этой организации с учреждаемым Главным управлением по формированию новой армии.

Начальник штаба верховного главнокомандующего
генерал-лейтенант Духонин

Генкварверх, генерал-майор Дитерихс

На документе резолюция Керенского:

Утверждаю

Верховный главнокомандующий А. Керенский

АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 141, лл. 56—61.— Заверенная копия.

№ 9

Письмо руководителя петроградской конторы американского Христианского союза молодых людей Джерома Дэвиса А. Ф. Керенскому о расширении прав Союза в России

17 октября 1917 г.[1]

Всемирный христианский союз молодых людей с начала войны организовал на фронтах союзников свыше 3000 солдатских клубов. Старое правительство не разрешило Союзу организаций таких же клубов на русском фронте. Со времени революции Союз открыл несколько солдатских клубов в Москве, Иркутске, Казани, Одессе и др. Клубы охотно посещаются солдатами, и их культурно-просветительная работа отмечена рядом организаций и командным составом.

Ныне Союз решил покрыть целой сетью солдатских клубов все фронты действующей армии и все крупные города России. Чтобы иметь представление о значительности предполагаемой работы Союза в России, достаточно указать на сделанные им заказы. Союз выписал из Америки 300 американских инструкторов, 3 млн. долларов на текущие расходы в течение года, 50 тысяч пар солдатских сапог, полные комплекты зубоврачебных кабинетов, 20 тысяч пудов сахара, бисквитов и конфект, миллион бульонных кубиков, 100 кинематографических аппаратов, пишущие машины и т. п.

Для правильной деятельности Союзу необходимо признание за ним следующих прав:

1) провоз всех грузов Союза по всем железным дорогам бесплатно и вне очереди;

2) освобождение от таможенных пошлин и сборов всех товаров, следующих из-[за] границы для нужд Союза;

3) беспрепятственная выдача платных билетов по всем железным дорогам деятелям Союза;

4) прикомандирование для организации и деятельности клубов солдат и офицеров;

5) право пересылки солдатских писем, написанных в наших клубах и снабженных печатью Союза, бесплатно;

6) предоставить Союзу совместно с соответствующими органами право реквизиции в городах больших центрально-расположенных зданий для устройства в них помимо солдатских клубов и офицерских гостиниц. В частности, Союз желал бы получить в Петрограде и Киеве здания Дворянского собрания, а в Москве — Большую залу консерватории, занятую под Виленский лазарет, ныне эвакуируемый; аренду этих помещений Союз будет оплачивать;

7) разрешить заказать бесплатно во Всероссийском земском союзе 40 фанерных домов по прилагаемому образцу в дополнение к таким же 40 домам, заказанным уже нами;

8) разрешить представителям Союза во Франции и Салоники устроить такие же очаги для находящихся там русских солдат.

Имею честь оставаться Вашим покорнейшим слугою

Представитель Всемирного христианского союза
молодых людей Джером Дэвис

ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 2, д. 26, лл. 99—100.— Гектограф.

---

[1] В «Ведомости делам, заслушанным Временным правительством в заседании 20 октября 1917 г., в 9 час. веч.» под № 22 записано: «О предоставлении ряда льгот Христианскому союзу молодых людей. Принято». (ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 65, л. 94.)

№ 10

Постановление Временного правительства о правах и преимуществах лиц, поступающих в ударные батальоны

20 октября 1917 г. [1]

Временное правительство постановило:

1. В отношении прав и преимуществ лиц, поступивших на службу в революционные батальоны из волонтеров тыла, формируемые на основании приказа верховного главнокомандующего от 13 июня 1917 г. за № 439 [2], установить:

а) служба в сих батальонах приравнивается во всех отношениях к действительной военной службе в строевых частях армии;

б) офицеры, военные чиновники и солдаты, поступившие из частей войск, учреждений и заведений военного ведомства волонтерами (добровольцами) в названные выше революционные батальоны, пользуются всеми приобретенными до поступления в эти батальоны правами и преимуществами как в отношении лично себя, так и в отношении своих семейств, если только службою в означенных батальонах не приобретут больших прав, и

в) волонтеры, поступившие в революционные батальоны из числа лиц, не обязанных военною службою или не призванных еще на таковую, считаются состоящими на действительной военной службе в качестве охотников, согласно положению о приеме в военное время охотников на службу в сухопутные войска, объявленному в приказе по военному ведомству 1914 г. № 454.

2. Права и преимущества, предоставленные чинам запаса статьею 40 Устава о воинской повинности (Св[од] зак[онов], т. IV, изд. 1915 г.) и примечанием I к сей статье, распространить на тех из лиц, не обязанных по закону военною службою или не призванных еще на таковую, которые с государственной гражданской службы поступят в революционные батальоны из волонтеров тыла, формируемые согласно приказу верховного главнокомандующего от 13 июня 1917 г. за № 439 и

3. Предоставить военному министру по соглашению с Министерством юстиции освобождать от суда или следствия, а равно от наложенного по суду наказания, тех из волонтеров, указанных в пункте 2 революционных батальонов, кои совершили преступные деяния, не порочащие доброго имени гражданина.

ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 65, л. 94.— Типографский экз.

№ 11

Постановление Временного правительства о мерах поддержания дисциплины в войсках

20 октября 1917 г.

В видах поддержания на должной высоте воинской дисциплины и порядка в частях войск Временное правительство, в дополнение действующих правил о дисциплинарной ответственности военнослужащих, постановило установить нижеследующее:

I. В тех войсковых частях и командах, где положено иметь дисциплинарные суды (приказы по военному ведомству 1917 г. №№ 213 и 233), если таковые в двухнедельный со дня опубликования на месте настоящего постановления срок вовсе не будут образованы, власть по наложению дисциплинарных взысканий предоставляется, впредь до начала действия избранных судов, единолично военным начальникам: власть ротного суда — батальонному командиру, если же в части или коман-

[1] Дата принятия проекта (ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 65, л. 94).
[2] См. док. № 1.

де нет начальника, соответствующего батальонному командиру, то — командиру роты; власть полкового суда — командиру полка и высшим его начальникам. Единоличная дисциплинарная власть военных начальников осуществляется ими впредь до начала действия надлежаще избранных дисциплинарных судов.

II. В случае, когда дисциплинарный ротный или полковой суд в течение 48 часов по возбуждении в нем дела о дисциплинарном поступке какого-либо подлежащего его ведению лица, не постановит своего решения, то означенное дело немедленно изъемлется из судов и передается для разрешения единоличной власти командира батальона (а при отсутствии в части или команде начальника, соответствующего батальонному командиру, власти командира роты), если дело находилось в ротном суде, или полкового командира, если дело находилось в полковом суде.

III. Те отдельные части войск и их подразделений (роты, батальоны и т. п.), в которых произойдут крупные многочисленные массовые нарушения долга службы, порядка и воинской дисциплины в виде отказа от повиновения законным властям, неисполнения приказов боевого значения, нежелания вести занятия, насильственных действий или чего-либо подобного при очевидности и важности означенных нарушений, подлежат объявлению на особом дисциплинарном положении властью командующего армиею (главного начальника военного округа) или главнокомандующего армиями фронта, по соглашению с соответствующими войсковыми комиссарами и подлежащими армейскими комитетами, или властью верховного главнокомандующего и военного министра.

Часть или команда, объявленная на дисциплинарном положении, получает в добавление к своему названию наименование «штрафной» части и лишается права иметь выборные войсковые организации, вследствие чего все комитеты и дисциплинарные суды этой части прекращают свою деятельность; дисциплинарная же власть переходит к начальникам на основаниях, в пункте 1-м настоящего постановления указанных.

Чины штрафной части или команды за исключением тех, которые будут признаны надлежащей властью, определившей переход на дисциплинарное положение, совершенно непричастными к вызвавшим эту кару беспорядкам или вовлеченными в них насилиями и угрозами, подвергаются, независимо от уголовного преследования, следующим последствиям:

а) не могут быть произведены в высшие чины и звания и представляемы к наградам;

б) не могут быть увольняемы в отпуска;

в) получают жалованье и другие виды денежного довольствия по окладам, существовавшим до марта 1917 г. и

г) содержатся на арестантском довольствии (приложение XXXI к ст. 1175 книги С[вода] В[оенных] П[остановлений] 1869 г., изд. 1911 г., табель провиантского довольствия пункт 10 и приварочного довольствия лит. В).

Перечисленные ограничения снимаются и подвергшаяся каре штрафная часть или команда восстанавливается во всех правах службы при условии отличного поведения в течение не менее месяца или выдающегося отличия в боевой обстановке той же властью, которою войсковая часть была переведена на дисциплинарное положение.

IV. В отношении офицеров, военных чиновников, кандидатов на классную должность и равных им по служебному положению лиц, за исключением состоящих членами войсковых выборных комитетов, ротных и полковых судов, дисциплинарная власть по наложению взысканий за маловажные проступки предоставляется единоличной власти военных начальников на основаниях Устава дисциплинарного (Св[од] воен[ных] пост[ановлений] 1869 г., кн. XXIII, изд. 4-е).

Разбор дисциплинарных проступков и наложение дисциплинарных взысканий на офицеров, военных чиновников, кандидатов на классную должность и равных им по служебному положению лиц, если они состоят членами войсковых выборных комитетов, ротных и полковых судов, предоставляется власти полковых судов, кото-

рые пользуются при этом властью полкового командира (Ст. 41-я Устава дисциплинарного); право внесения в полковые суды дел о дисциплинарных проступках означенных лиц предоставляется военным начальникам.

V. Настоящее постановление ввести в действие по телеграфу.

Министр-председатель А. **Керенский**

Товарищ военного министра Г. М. **Яхонтов**

На документе помета: Не сдано в печать ввиду заявления Войтинского [14] 21.X 1917 г.

ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 158, лл. 76—78.— Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) А. А. Брусилов состоял верховным главнокомандующим с 22 мая до 18 июля 1917 г. Перед этим он занимал должность главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.— 89.

2) Военным и морским министром Временного правительства в это время был А. Ф. Керенский.— 89.

3) Воззвание содержало очередной призыв к новым жертвам в связи с готовящимся наступлением.— 90.

4) Союз казачьих войск, Всероссийский союз георгиевских кавалеров, Военный союз личного примера — буржуазные оборонческие организации, активно агитировавшие за войну «до победного конца» и содействовавшие Временному правительству в проведении империалистической политики.— 91.

5) В каждом ударном батальоне числилось 1066 солдат и 22 офицера (см. ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 2, л. 26, лл. 16—21).— 91.

6) Генерал А. И. Верховский был назначен военным министром вместо А. Ф. Керенского, ушедшего с этого поста 30 августа. План Верховского состоял в том, чтобы убрать из действовавшей армии некоторых генералов — приверженцев царских порядков, и на их место выдвинуть капитанов и полковников, практически лучше связанных с армией, цементировавших, по мнению Верховского, ее боевую мощь. План Верховского предусматривал также резкое сокращение армии за счет небоевых формирований и тыловых учреждений.— 94.

7) Имеется в виду государственная миссия США в России в июне 1917 г., возглавляемая сенатором Э. Рутом — видным деятелем правого крыла республиканской партии, в прошлом государственного секретаря, военного министра США и неоднократного кандидата на пост президента. В состав миссии входили: крупный промышленник, владелец заводов сельскохозяйственных машин Мак-Кормик, банкир Бертрон, начальник главного штаба американской армии генерал Скотт — участник нескольких карательных экспедиций против повстанцев Кубы, генеральный секретарь американского Союза христианской молодежи богослов Мотт.

Миссия имела цель изучить способы экономического, политического и культурного сближения США и России и в связи с этим обсудить меры по увеличению американской военной помощи России для продолжения войны. Приведенная здесь точка зрения Рута отнюдь не является свидетельством меньшей заинтересованности Соединенных Штатов Америки в активных военных действиях со стороны России, чем Англии и Франции. В отчете миссии Рута, датированном 27 августа 1917 г., прямо указывалось: «Для Америки многое поставлено на карту. Если удастся помочь России сохранить свою армию и удержать солдат в траншеях, это заставит противника (т. е. немцев.— *Д. О.*) держать на Восточном фронте более 140 дивизий. Это имеет самое непосредственное отношение к размеру усилий и жертв Америки в войне» (См. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Russia, p. I, 1918, p. 148).— 94.

8) Военными агентами Временного правительства были: в Лондоне — генерал Десино, в Париже — генерал Занкевич М. А., в Риме — полковник Энкель.— 95.

9) Государственная милиция при Временном правительстве представляла собой реформированную полицию, в которой продолжали работать многие тайные и явные сотрудники царской полиции («специалисты сыска»). Использование армии для усиления милиции было реакционнейшим мероприятием, рассчитанным на подавление революционного движения.— 102.

10) Катастрофа состояла в том, что за десять дней наступления в Галиции русская армия бесцельно потеряла 60 тыс. человек, а занятую территорию в результате

контрудара немцев пришлось оставить. Основная причина катастрофы заключалась в полнейшей неподготовленности наступления. Временное правительство сознательно шло на риск провала наступления, рассчитывая получить политический выигрыш, свалив вину за провал на большевиков («максималистов»).— 103.

11) Керенский принял пост верховного главнокомандующего после отстранения генерала Корнилова, в свое время (18 июля) сменившего на этом посту генерала А. А. Брусилова. Военный министр А. И. Верховский, под именем которого Временное правительство афишировало план реорганизации армии, был снят со своего поста буквально накануне Октябрьской революции после того, как он с трибуны предпарламента заявил, что план перестройки армии хорош, но нереален, «паллиативен». Верховский пришел к выводу, что Временное правительство само должно «возбудить вопрос о заключении мира» («Былое», № 12, кн. 6, 1918, стр. 33—34).— 103.

12) Союзники подталкивали Временное правительство к эффективному осуществлению программы подавления революционного движения, которое они считали причиной поражений русской армии. В английских и французских газетах делались нападки, в частности, на солдатские комитеты. Временное правительство стремилось не допустить в солдатские комитеты действительно революционные элементы, чтобы затем уничтожить эти комитеты. Неслучайно в письме Керенского Ллойд-Джорджу упоминаются «военные комитеты», а не солдатские.— 104.

13) В районе Моонзундских островов в Балтийском море, северо-западнее Рижского залива, германский флот в период с 29 сентября по 6 октября 1917 г. предпринял наступательную операцию с высадкой десанта. Целью операции было захватить острова, обеспечить с моря фланг своих основных сил под Ригой для наступления на Петроград. Революционные моряки Балтийского флота и русские гарнизоны островов оказали превосходящим силам немцев героическое сопротивление; потопили 30 кораблей и сорвали заговор Временного правительства с международной реакцией о сдаче революционного Петрограда немцам.— 104.

14) В. С. Войтинский — комиссар Временного правительства на Северном фронте.— 111.

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЯПОНИЮ

13 сентября 1792 г. из Охотска вышла в открытое море бригантина «Святая Екатерина» под командой штурмана «ранга прапорщика» Василия Ловцова. Корабль взял курс к берегам Японии. На его борту находилось русское посольство, возглавляемое поручиком Адамом Лаксманом, сыном известного ученого Эрика (Кирилла) Лаксмана, члена Петербургской Академии наук. Задача посольства состояла в том, чтобы вступить в переговоры с японским правительством об установлении добрососедских отношений и торговли между Россией и Японией [1]. Эта мысль с начала XVIII в. интересовала русских государственных деятелей, ученых и купцов [2]. К развитию связей с Японией проявляли интерес и такие великие умы России, как **М. В. Ломоносов** [3] **и А. Н. Радищев** [4].

По мере освоения русскими людьми Камчатки, Сахалина, Курильских и Алеутских островов, земель на северо-западе американского континента, установление торговли с Японией приобретало немаловажное значение. Япония стала непосредственным соседом России на Дальнем Востоке. Предыдущие попытки завязать торговлю с Японией, носившие неофициальный характер и исходившие преимущественно от действовавшего в Сибири купечества в лице П. С. Лебедева-Ласточкина, Лосева и других, не дали результатов [5]. Конечно, в России кое-что знали о проводимой японским правительством политике запрета каких бы то ни было сношений японцев с иностранцами. Однако попытка мирными средствами убедить правительство «Нифонского государства» (как нередко именовали тогда русские документы Японскую империю) в целесообразности развития торговых отношений с ее северным соседом не считалась безнадежной [6]. Выдающийся революционный деятель японского народа Сен Катаяма впоследствии писал, что Россия в общем и целом вела по отношению к Японии миролюбивую политику и «добивалась открытия японских портов дипло-

---

[1] О посольстве А. Лаксмана имеется как дореволюционная, так и советская литература (см. ниже). Последние по времени исследования о нем принадлежат Э. Я. Файнберг. (См. ее работы: «Экспедиция А. Лаксмана в Японию в 1792—1793 гг.». «Труды Моск. ин-та востоковедения», сб. 5, 1947, стр. 201—233 и «Русско-японские отношения в 1697—1875 гг.». М., 1960, стр. 52—70).

[2] Сводку материалов о попытках установить торговлю с Японией до посольства А. Лаксмана см.: А. Сгибнев. Попытки русских к заведению торговых сношений с Япониею в XVIII и начале XIX столетий. «Морской сборник», 1869, № 1 (неофициальный отдел), стр. 37—72. Ср. также: С. И. Новаковский. Япония и Россия. Токио, 1918; С. Знаменский. В поисках Японии. Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Хабаровск, 1929.

[3] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VI. М.—Л., 1952, стр. 422, 477, 606.

[4] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. III, М.—Л., 1952, стр. 281; С. Н. Марков. Радищев и мореходы Тихого океана. «Омская область», 1940, № 4, стр. 61—62.

[5] П. С. Лебедев-Ласточкин — якутский купец. Неоднократно в 70—80-х годах XVIII в. отправлял свои суда к берегам Японии в надежде завязать торговлю с японцами. Эти экспедиции порой достигали северной части острова Хоккайдо и вступали в сношения с местными японскими властями.

[6] Еще во время второй Камчатской экспедиции В. Беринга полученные им «Правила» предписывали изыскать возможности вступления в торговые сношения с японцами, «дабы своею дружбою переменять их застарелую азиятскую нелюдность» (ПСЗ, т. VIII, № 6291, стр. 1008).

матическим путем»[1]. Одним из ярких свидетельств этого курса и явилась экспедиция А. Лаксмана. Поводом для этой экспедиции послужило спасение русскими моряками группы японцев, потерпевших в 1783 г. кораблекрушение около острова Амчитки (Алеутский архипелаг)[2].

Очутившись на несколько лет в России, спасенные японцы смогли убедиться в гостеприимстве и доброжелательности русских людей, о чем они рассказывали по возвращении на родину. Двое японцев добровольно согласились остаться в России; они приняли христианство и стали преподавателями японского языка в Иркутске. Капитан погибшего судна «Синсё-Мару» Кодаю и его товарищи посетили Петербург, где им была дана аудиенция у Екатерины II. Просьба Кодаю и двух его спутников (Исокити и Коити) о возвращении в Японию была встречена русским правительством положительно. Воспользовавшись этим случаем, правительство России распорядилось для сопровождения Кодаю и двух его товарищей отправить посольство в Японию.

Отсутствие дипломатических отношений с Японией, изоляционистская политика японского правительства осложняли осуществление посольской миссии. В Петербурге решили, что в интересах сохранения престижа России будет более целесообразно осуществить этот первый опыт официальных посольских сношений с Японией от имени царского наместника в Восточной Сибири — генерал-губернатора иркутского и колыванского И. А. Пиля, который и получил соответствующее предписание. Большую роль в организации посольства сыграли упоминавшийся выше Э. Лаксман и «Российский Колумб» — Г. И. Шелихов[3]. Независимо друг от друга они представили правительству свои проекты установления торговли с Японией, что и послужило толчком для снаряжения экспедиции А. Лаксмана[4].

Посольство А. Лаксмана не было допущено в столицу Японии Иедо. Переговоры велись с правительственными чиновниками в главном городе о. Хоккайдо, в то время как судно стояло на якоре в порту Хакодате. В меру своих сил и возможностей посольство выполнило возложенные на него поручения. Японские власти приняли возвратившихся на родину соотечественников. Правительственные чиновники были ознакомлены с письмом И. А. Пиля японскому императору. Хотя переговоры и не завершились заключением какого-либо соглашения о торговле между обеими странами, о чем выражалось пожелание в письме И. А. Пиля и речах русского посла, они все же дали некоторый результат. Лаксман получил письменное разрешение японских властей на приход одного русского судна в Нагасаки для продолжения переговоров о возможности торговых сношений, что уже было большим достижением, так как до этого из всех европейских стран только Голландия имела доступ в Нагасаки, единственный открытый для иностранной торговли город Японии.

Несмотря на то, что Лаксман и его спутники были лишены возможности общаться с жителями, они смогли убедиться в большом интересе населения к представите-

---

[1] С. Катаяма. Современная Япония. М., 1926, стр. 16.

[2] О судьбе экипажа этого судна см.: В. М. Константинов. Свидетельства японцев о России XVIII века. «Советское востоковедение», 1958, № 2, стр. 76—81; Его же. Сведения об экипаже корабля «Синсё-Мару». «Проблемы востоковедения», 1959, № 3, стр. 129—133. Его же. Письмо Дай Кокуя Кодаю из России в Японию. В кн.: «Китай, Япония. История и филология. К семидесятилетию акад. Николая Иосифовича Конрада», М., 1961, стр. 200—205.

Некоторые материалы (в том числе рисунки), отражающие пребывание Кодаю и других японцев в России, имеются в библиотеке Геттингенского университета: A. Buchholz. Die Rußlandsammlung, des Baron von Asch. В кн.: «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1955, Bd. 3, H. 2, S. 103—131.

[3] Г. И. Шелихов (1747—1795) — уроженец г. Рыльска Курской губ. Прославился своими плаваниями и открытиями в северной части Тихого океана, а также энергичной деятельностью по присоединению к России и заселению Аляски с прилегающими к ней островами. Г. И. Шелихов положил начало будущей Российско-Американской компании. В 70-х годах XVIII в. вместе с П. С. Лебедевым-Ласточкиным пытался установить торговые связи с Японией.

[4] Некоторые документы, характеризующие подготовку посольства, опубликованы в «Архиве князя Воронцова», кн. 24. М., 1880, стр. 188—213.

лям России. Благоприятное впечатление, произведенное русскими людьми из экспедиции А. Лаксмана на японцев, нашло отражение и в японских источниках. Добрая память об этом посещении русскими Японии сохранилась надолго[1]. Характерно, что самый богатый купец о. Хоккайдо радушно встретил русских людей, предложив им свой дом. Жители Хакодате стремились побывать на палубе «Екатерины». Об интересе японцев к русским свидетельствовало и обилие «зрителей» в окнах домов и на улицах во время следования посольства к месту переговоров. Об этом же свидетельствуют и замечания японских чиновников о возможных выгодах торговли с Россией. Все эти штрихи дополняют имеющееся в литературе мнение, что уже в конце XVIII в. осуществлявшаяся правящей феодальной верхушкой Японии политика изоляции начинала приходить в противоречие с интересами дальнейшего экономического развития Японии. Борьба по поводу последующего внешнеполитического курса империи по отношению к России затронула и придворные круги, в которых также были сторонники развития торговли с Россией[2].

Миссия Лаксмана, которая может быть по праву названа первым русским посольством в Японию, была мирным актом со стороны России, стремившейся установить отношения с соседним государством. При этом Россия исходила из опыта развития торговых связей с Китаем, имевших к тому времени более чем вековую давность. Нельзя не учитывать, что структура китайской и японской торговли была в те времена довольно сходной, чем и объясняется интерес к торговле с Японией.

Занятость царского правительства борьбой с революцией во Франции, смерть инициаторов отправки посольства в Японию — Э. Лаксмана и Г. И. Шелихова — и ряд других причин надолго отодвинули проведение в жизнь проекта повторения экспедиции в Японию в последующие годы. Лишь во время первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. материалы посольства А. Лаксмана сослужили свою службу при подготовке известной миссии Н. П. Резанова в Японию[3].

Экспедиция Лаксмана собрала ценные сведения о природе Северной Японии, доставила в Россию образцы возделываемых там культурных растений и злаков, а также флоры и фауны. Представляют интерес этнографические данные, сообщенные Лаксманом[4]. Одним из результатов экспедиции явились мероприятия Г. И. Шелихова по заселению южных Курильских островов[5].

* * *

В задачу А. Лаксмана во время выполнения им возложенной на него посольской миссии входило ведение подробного журнала, который должен был служить официальным отчетом посольства по прибытии на родину[6]. Являясь основным источником

[1] См. В. М. Головнин. Сочинения. М.—Л., 1949, стр. 167; Д. Позднеев. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России, т. II, ч. 2. Иокохама, 1909, стр. 62 и др.

[2] К. Военский. Русское посольство в Японию в начале XIX в. (Посольство Резанова в Японию в 1803—1805 гг.»). «Русская старина», 1895, октябрь, стр. 234—235; Э. Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг., стр. 56—59.

[3] Н. П. Резанов (1764—1807) — камергер, зять Г. И. Шелихова. Во время первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. был направлен послом в Японию. Принимал близкое участие в делах Российско-Американской компании.

[4] В. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890, стр. 278; Э. Я. Файнберг. Экспедиция А. Лаксмана в Японию в 1792—1793 гг., стр. 228.

[5] М. А. Сергеев. Курильские острова. М., 1947, стр. 101.

[6] В литературе иногда смешивают два разных источника об экспедиции. Так, А. Полонский указывает, что он приводит в своем сочинении выписку из «судового журнала», тогда как в действительности он пользовался журналом посольства, что далеко не одно и то же. Копию судового журнала «Св. Екатерины», или «лагбука», который вел В. Ловцов — капитан корабля, выявил в Архиве ЛОИИ А. И. Андреев (см. А. И. Андреев. Новые материалы о русских плаваниях и открытиях в Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVIII—XIX вв. «Изв. ВГО», 1943, № 6, стр. 34). (См. Архив ЛОИИ, Собрание Воронцовых, № 476, лл. 35—134 об.).

«Лагбук», представляя определенный интерес в качестве важного источника о путешествии, естественно, гораздо меньше внимания уделяет описанию самого хода посольства.

об экспедиции А. Лаксмана, этот журнал давно привлекал внимание ученых. Еще в 1804 г. краткие извлечения из него были почти одновременно изданы на русском [1] и немецком [2] языках. В 1806 г. петербургский издатель И. Мартынов опубликовал в журнале «Лицей» более или менее обстоятельное изложение «собственных записок г-на Лаксмана о сем путешествии», оговорив, что он «несколько выправил их в языке, а в иных местах переделал, удержав впрочем везде мысль автора» [3]. Спустя 16 лет в «Северном архиве» за 1822 г. появилась статья В. Н. Берха о посольстве А. Лаксмана, представлявшая собой сокращенный пересказ интересующего нас документа [4]. В 1871 г. о журнале посольства А. Лаксмана вновь напомнил А. Полонский, довольно подробно изложивший этот источник в своей статье «Курилы» [5]. Однако все указанные издания, не говоря уже об их большой библиографической редкости, не являлись полной публикацией журнала А. Лаксмана и потому не могут удовлетворить исследователя. Тем более, что все эти издания содержат немало фактических ошибок. Для осуществления научного издания этого источника было необходимо найти его архивный оригинал.

Между тем, еще в 1865 г. в печати промелькнуло сообщение о наличии среди документов статс-секретаря Екатерины II В. С. Попова, находившихся в местечке Решетиловке Полтавской губернии, «подробного дневника» путешествия А. Лаксмана в Японию [6]. Как выяснилось уже в советское время, фонд В. С. Попова поступил в Крымский областной архив, где проф. Е. В. Петухов разыскал этот источник и дал о нем заметку в местной газете [7]. Позднее А. И. Андреев включил сообщение о находке Е. В. Петухова в свои труды по истории географических открытий русских в XVIII в. [8]. В 1948 г. он отмечал, что ему не известна судьба этого ценного документа, поскольку Крым в годы Великой Отечественной войны подвергся нашествию немецко-фашистских захватчиков [9].

Работая над материалами коллекции Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края, автор этих строк в 1950 г. обнаружил в ее составе хорошо сохранившуюся копию журнальной записки А. Лаксмана, о чем было упомянуто в кратком обзоре фондов Государственного архива Красноярского края [10].

---

[1] «О первом российском посольстве в Японию под начальством Лаксмана». «Друг просвещения», 1804, ч. 4, стр. 249—270. Выпущено отдельным изданием под названием: «Известие о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Лаксмана» (М., 1805).

[2] H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift, bd. II. St.— Petersburg und Leipzig, 1804, S. 461—480.

[3] «Лицей, Периодическое издание Ивана Мартынова на 1806 год», ч. 2, кн. 2. СПб., 1806, стр. 77—90; там же, кн. 3, стр. 74—97; там же, ч. 3, кн. 1, стр. 59—76; там же, кн. 2, стр. 48—71; там же, кн. 3, стр. 48—78.

[4] В. Н. Берх. Путешествие в Японию Адама Лаксмана. Отрывок из истории географических открытий россиян. «Северный архив», 1822, № 3, стр. 245—273. В том же году статья была издана отдельной брошюрой. В. Лагус ошибочно утверждал, будто это отдельное издание включает полный текст отчета А. Лаксмана (см. В. Лагус. Ук. соч., стр. 205).

[5] А. Полонский. Курилы. «Записки имп. Русск. географ. общ-ва по отделению этнографии», т. 4. СПб., 1871, стр. 486—537.

[6] «Русский архив», 1865, кн. 1, стб. 563—566 (во втором издании — стб. 848—851). Это сообщение принадлежало проф. А. И. Ставровскому.

[7] Е. В. Петухов. Начало торговых связей между Россией и Японией (Дневник Адама Лаксмана). Газ. «Красный Крым». 29 мая 1935 г.

[8] А. И. Андреев. Ук. соч., стр 34; его же. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (Обзор источников и литературы), в кн.: «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». (Сборник документов). М., 1948, стр. 74.

[9] «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.», стр. 74.

[10] См. «Вопросы истории», 1952, № 10, стр. 140.— Это копия начала XIX в. Ныне коллекция Г. В. Юдина находится (неполностью, она расформирована) в ЦГАЛИ СССР, где хранится и этот источник. Другая копия журнала была найдена в ЦГИАЛ Н. П. Дятловой в фонде 1-го Сибирского комитета (оп. 1, д. 577, лл. 42—89), о чем она любезно сообщила автору этих строк. Еще одна копия данного источника разыскана Э. Я. Файнберг в АВПР (см. Э. Я. Файнберг. Японцы в России в период самоизоляции Японии. Из истории возникновения русско-японских отношений 1697—

По наведенным нами справкам оказалось, что журнал (или дневник) А. Лаксмана, о котором писали Е. В. Петухов и А. И. Андреев, сохранился и находится в Государственном архиве Крымской области в фонде В. С. Попова. Благодаря любезному содействию сотрудников архива мы имели возможность получить микрофотокопию этого источника, который и положен в основу данной публикации. Поскольку оригинал, являющийся, согласно сведениям Государственного архива Крымской области, копией, имеет повреждения верхней части всех листов текста, пришлось прибегнуть к восстановлению утраченных слов путем сличения с другой, более поздней по времени, но достаточно исправной копией журнала из коллекции Г. В. Юдина. Последнюю мы условно именуем ниже «юдинской». Для той же цели привлечены опубликованные ранее выдержки из дневника А. Лаксмана.

Документ публикуется полностью. В архивном деле вслед за дневником А. Лаксмана помещен русский перевод ответа японского правительства на письмо генерал-губернатора иркутского и колыванского И. А. Пиля (лл. 47—48 об.). Этот документ нами опущен, так как он уже был опубликован [1].

А. А. Преображенский

Журнал посольства А. Лаксмана в Японию

13 сентября 1792 г.— 21 января 1794 г.

ЛАКСМАНА ЖУРНАЛ МОРЕПЛАВАНИЯ В ЯПОНИЮ [2]

1791 г. в 13 день сентября по высочайше пожалованному ее императорским величеством его высокопревосходительству господину генерал-порутчику, правящему должность иркутского и колыванского генерал-губернатора и разных орденов кавалеру Ивану Алферьевичу повелению о возвращении спасшихся от разбития судна при Алеутских островах японцов в их отечество на особо приуготовленном на кошт казны ее величества мореходном судне; для препровождения же сих японцов благоугодно ее императорскому величеству по представлению родителя моего надворного советника Лаксмана употребить меня 1).

Посему во исполнение таковаго высочайшего повеления его высокопревосходительство соизволил предписать мне ордером от 10 генваря 1792 г. о выезде в Охотск и о прочем, который получа того же года апреля 4 числа, ускорил майя к 30 числу прибытием в Охотск, где августа 1 числа и вторительно удостоился получить его высокопревосходительством от 10 майя посланное мне повеление с наставлением, касательное до совершения плавания и для руководства к выполнению всего долженствующего по вверенной должности.

Сентября 13 числа по приуготовлении всего нужного и по снаряжении и укомплектовании судна всем к путеследованию нашему потребным, также получив предписание для ведения лучшего порядка и книги за шнуром и печатьми для прихода и расхода от правящего тогда должность охотского коменданта господина коллеж-

1852 гг. «Япония. Вопросы истории». М., 1959, стр. 238. Ср. ее же. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг., стр. 55—64. Наконец, недавно с помощью проф. В. И. Дулова, которому автор выражает свою признательность, была получена из Иркутска находившаяся у писателя Кунгурова рукопись журнала А. Лаксмана, оказавшаяся копией начала XIX в. Таким образом, к настоящему времени известно по крайней мере пять копий этого источника. Наиболее ранняя из них и достоверная, та, которая хранится в Государственном архиве Крымской области.

[1] См. «Архив князя Воронцова», кн. 24. М., 1880, стр. 411—413. Ср. также примеч. 32.

[2] В «юдинской» копии заголовок документа гласит: «Журнальная записка, веденная ежедневно командированным от господина генерал-порутчика, правящего должность генерал-губернатора иркутского и колыванского и разных орденов кавалера Ивана Алферьевича Пиля, во исполнение высочайшего ее императорского величества повеления, за препровождением бывших в Российской империи Японского государства подданных японцов Кодая и Осакича, служащим в Иркутском наместничестве порутчиком Лаксманом 1792 года».

ского асессора Коха, по исполнении пролива морской воды из устья реки Охоты вышли в море благополучно.

Сентября 17 числа прошед около 300 верст прямо на полдень, увидели поутру с судна остров Святого Ионы и, пройдя мимо верст на семь расстоянием, сняли оного вид с восточной стороны; окружность же сего острова с имеющимися на восток и запад небольшими отделяющимися отпрядышами составит примерно около 6 верст, а перпендикулярная вышина, вышедшая к северу навислым утесом, казалась около 60 сажен быть, порода же камня по рассматривании в телескоп состояла из твердого граниту, в протчем как лесу, так и никакого кустарника на поверхности не примечено, исключая птиц как то: морских глупышей и обыкновенных чаек.

Сентября 26 числа оставя первый, продолжали плавание и, прошед 1150 верст, вторично на рассвете увидели вдали к южно-восточной и южно-западной стороне простирающуюся землю, которая по исчислению, веденному на судне и по ясности горизонта находившимся вольнонаемным мещанином Шабалиным [2], островах Курильских, простирающихся грядою от Камчатской лопатки к южно-западной стороне, как на оных прежде обращался, и имея довольное сведение, им опознана и составляла 19-й остров, именуемый Итароп [3], откуда, следуя к юго-востоку вдоль берега сего острова, сентября 28 числа увидели сопку, коей поверхность, покрытая снегом, наподобие сахарной головы представлялась; по сведению же Шабалина составляла 20-го острова Кунашири северную оконечность, простираясь же далее, перешли пролив, оные верст на 40 разделяющей, положили намерение, чтоб пройтить проливом между островами 20-м и 22-м; но за неспособным ветром и по сомнению, как слышали, что оный кривлеват, местами узок и никогда еще судами не проходили, оное намерение оставили, и, сделав поворот, обратно лавировали против проливу 19-го и 20-го острова до 6 числа октября, в которое, прошед оной, шли восточною стороною параллельно вдоль берега 20-го острова, и не дошед гавани, имеющейся в южной оконечности, у оного острова бросили в вечеру якорь, но как грунт был ненадежной и судно начало дрейфить, снялись с оного места, лавировали и поверетаясь на другой день в полдень поблизости верст на 7 расстоянием против северного берега 22-го острова бросили якорь и, остановясь, рассмотрели мохнатых курильцов [4] летние стойбищи, спустили байдару, в коей и отправился на берег в 13 человеках вооруженных людей для разведывания о пристойной гавани для отстою к прозимовке судна, и что не живут ли где поблизости японцы.

Но вышедши на берег, никого в юртах за убегом их от нас не нашли; почему возвратились обратно, рассматривая же по берегу, увидели бегущих от нас трех человек курильцов, коих однако упоминаемый Шабалин, разумевши несколько по-курильски, остановил и когда мы подошли к ним, они, присевши на коленях, в знак приветствия и благодарности руки свои над головою складывали и, опущая вниз по бороде, делали оными разные движения; чрез полчаса собралось их до 15 человек и звали нас в другое, находящееся поблизости, селение, объявляя, что там живут старшины и начальники. Но как уже время подходило к вечеру и начинало смеркаться, разделил им по нескольку листков черкасского табаку; от них же получил свежей рыбы, а между тем временем матросы налили бочку воды, в чем им и курильцы вспомоществовали, и, когда были совершенно в готовности, отправился обратно на судно.

Октября 8 числа поутру отправили вторично байдару с японским переводчиком Туголуковым [5] и штурманом Олесовым [6] в другие стойбища, показываемые вчерашнего дня курильцами, называемые по имени речки Нипшец, кои по объявлению пристав к берегу были встречаемы множеством курильцов и японцами, из которых последние, встретя, просили их в свои домы, где жили в 6 человеках; из коих первый был надзиратель от начальства матмайского для сбору податей и разных пошлин с продаваемых курильцами японским купцам товаров, другой прикащик матмайского купца, которой на островах 20-м и 21-м, и на сдешнем, некоторые пристани на откупу от губернатора имеет; прочие же 4 человека были их служители. Всех же служителей, в разных местах поблизости живущих по стойбищам мохнатых курильцов, находилось 23 человека, из коих всех первой ежегодно переменяется.

Далее же спрашивали их, что не имеется ли поблизости сего места для отстою судна удобной гавани? Объявили, что есть в недальнем расстоянии удобная бухта, которую вам покажем, где и наши суда нередко по одному и по два зимуют, и, угостив людей наших по своему обыкновению обедом, согласился второй из них с тремя служителями и с курильцами в их деревянной байдаре ехать на наше судно, откуда прибыли обратно также и упомянутые японцы с мохнатыми курильцами, привезшие с собою в знак приветствия один пуд пшена сорочинского [7]) и несколько табаку мохового в подарок, за что отдарили им головою сахару, после чего говорили с ними о бухте и что нет ли где безопаснейшей гавани? Отвечали, что есть на полуденной стороне называемая гавань Аткис, но в нынешнее время в разсуждении тесного между подводными полевыми каменьями около восточного мысу сего острова проходу весьма следовать до оной опасно, и, не советуя нам туда следовать, возвратились обратно, оставя у нас на судне двух стариков из мохнатых курильцов для указания назначенной бухты, называемой Нимуро, которой и план под литерою «А» назначен [8]), куда в последующий день вспомоществованием буксира втянулись и поутру в 9 часов октября 9 числа бросили якорь, потом другой и совершенно офартовились.

К вечеру того ж числа прибыл японской надзиратель со служителями в курильских лодках к пристани, на которой у них выстроен был дом, анбар и травою крытой сарай. От стойбища же Нипшец, где у них такое же строение на 24 версты расстоянием, и видя с судна, что оне лодки опростали и, вытянув оные на берег, переносили все в дом; курильцы же поставили по берегу шалаши или их летние юрты наподобие конусов, и как покрыли оные похожими на циновки, сделанными из травы и тонкого камышу, называемыми на их языке цирелами, каковыми и во внутренности всю юрту кругом около раскладываемого посредине огня устилают, выехал я на берег и, вошед в их дом, был принят весьма ласково, и так как по их обыкновению на пол не садимся, поставили скамейки, покрытые цирелами, просили, чтоб на оные садиться, угощали чаем и приуготовили ужин, от которого в первый раз отказался.

Далее же имели разговор о причине нашего следования в разсуждении прозимовки, о построении на берегу светлицы и казармы, также не будем ли иметь какого беспокойства от мохнатых, на что уверяли, что их суда стоят безвредно, построиться же можем возле них, что ж касается до беспокойства от мохнатых курильцов [1], хотя дальнего ожидать ныне и не можно, однако для соблюдения предосторожности должны будем в здешнем месте обще с вами зимовать; в протчем же всегда уезжаем нынешним временем в Матмай [9]), а сюда приходим с первыми судами в майе месяце, исключая некоторых служителей, кои остаются для наблюдения по пристаням над строением и оставшимися вещами, чтоб не могли от курильцов быть сожженными или похищенными. После сего спрашивали о числе людей, у нас на судне находящихся, для подробного донесения обо всем своему начальству, о чем объявя им, спросил их: скоро ли и когда пошлют в Матмай и просил, чтоб от меня препроводили к матмайскому губернатору письмо, в чем были согласны и обещались через двои сутки исполнить.

Также спрашивал о имени их губернатора, о поспешности, через сколько дней посланный от них может до Матмаю дойтить и в каком расстоянии от здешнего места. Отвечали, что величают их губернатора Шимано Камисама, о поспешности же, что скорее 30 дней выйти не могут, так как путь землею весьма неблизок, считая от здешнего места триста японских ри [2], сверх того места сплошь гористые и топкие и большая часть дороги от здешнего места занимается стойбищами курильскими верст по 20 и до 40, неравно по расположению мест состоящими, также в других местах бывает переход и морем возле берегов в байдарах курильских. После сего, простившись с ними, возвратился обратно на судно.

---

[1] Японцы мохнатых курильцов называют эзо джилито, землю же или северную часть, на которой мохнатые живут — Эззо. Мохнатые же называют себя аино.— *Примечание документа.*

[2] Ри — японская верста, имеющая 2160 сажен, что и составит 1246 верст и 300 сажен российских.— *Примечание документа.*

Октября 12 числа отправлено написанное мною письмо с передовым японским, переведенное переводчиком и бывшими препровождаемыми японцами следующего содержания [10]:

Великого Нипонского государства Матмайской губернии главнокомандующему Шимано Камисама.

Извещая сим главнокомандующего Матзумайской губернии начальника о воспоследовавшем следовании нашем Японского государства в главное начальство назначенному по случаю его тензин-кубосского величества торгующих подданных Кодаю с товарищами, спасшихся по разбитии их судна при островах Алеутских, где российские промышленники за два года до сего подобное же в разбитии судна злоключение претерпели и ожидали тут других, за промыслом зверей разъезжающих около тех мест судов, по природному и свойственному человеколюбию и чувствительной сострадательности, соболезнуя о несчастном жребии старанием своим из разбитых своего и тензин-кубосского величества судов, построили одно удобное к путешествию судно, вывезли их в ближайший оттуда российский город Камчатку, а сего города начальники, как исполнители человеколюбивых великой всероссийской императрицы узаконений, повелевающих всем странствующим оказывать всевозможное покровительство и вспоможение, употребляли все силы для лучшего истребления из памяти их того претерпеваемого страха и нужды, коими одолеваемы были, доставили их в наместнической город Иркутск, откуда при первом о несчастии их сведении ее императорское величество всепресветлейшая российская государыня по высокоматернему и единственно о благе человечества пекущемуся покрову указать соизволила великого Российского государства войск ее императорского величества генерал-поручнику Иркутского и Колыванского наместничеств государеву наместнику и разных орденов кавалеру Ивану Алферьевичу Пилю, чтоб упомянутых подданных великого Нипонского государства возвратить в их отечество, чтоб они могли видеться со своими родственниками и отчичами.

Вследствие таковаго высочайшего ее императорского величества повеления его высокопревосходительство и отправил нас как для посольства в великое Нипонское государство к главному правительству, так и для доставления оного государства подданных в свое отечество с подробнейшим описанием о их приключении и обо всем прочем по соседственной смежности.

Но как, дошед до сего берега, обитаемого курильцами, свиделись с служителями начальства вашего и почли за лучшей способ, как уже наступило позднее осеннее время, здесь зимовать рассудили для сведения вашего и собственной пользы нашей для безопасного будущей весны вперед путеследования просить о доставлении Вам, главному Матмайскому начальнику, письма нашего, которым просим, чтоб Вы от себя великого Нипонского государства главному правительству возвестили о нашем туда шествии с таковым расположением, дабы главное начальство на случай, естьли по приближении нашем к берегам оного государства мы иметь будем, не дошед главной пристани, либо в рассуждении погод или других могущих встретиться случаев необходимую нужду в пристанище, предписано своим подданным, чтоб нам, как соседственным союзникам, без всякого препятствия безвозбранной вход позволяли, не считая нас за противоборствующих и нечестивых противников. Уведомляя же Вас сим письмом, также просим, что когда Вы получите из главного начальства на уведомление свое по сему письму нашему для продолжения нашего путеследования соответствие, нас в рассуждении, чтоб мы не могли упустить удобного времени, о сем главного начальства предписании поспешить уведомлением не оставить.

Октября 14 числа выезжали на берег для осмотру места под строение светлицы и казармы к прозимовке, которое и назначили обще с японцами поблизости от их строения расстоянием в 60 саженях.

17 числа Аткинской гавани надзиратель с одним курильцом были у нас на судне, из коих последней, разумевши несколько по-японски, рассказывал: в особливом место, что за три года до сего времени, видел он на здешнем острову трех человек, кои во всем были нам подобны, имели волосы русые и платье такое же. А каким

образом, откуда зашли и куда оные отправлены, оный курилец объяснить не мог, как только что награждены были от матмайского начальника пшеном и платьем [11]).

18 числа по предписанию в данном мне наставлении, как было от меня приказано переводчику, чтоб старался выведать у японцев, что не было ли у них с мохнатыми какого несогласия, которой, спрашивая о сем у многих их служителей и по их разговору объявил следующее: что 1788 года в майе месяце пришло японское судно с разными на курильскую руку товарами в пристань, называемую Чуруй при речке Шимпец, до которой от здешней пристани Нимуро на северо-запад вытребают лодками в два, а пешими выходят в три дни, где из зависти на имеющиеся привезенные товары здешние и 20-го острова курильцы, сговорясь между собою, сделали нападение и побили 75 человек японцев, а товары по себе разделили. Однако вскоре о сем от не бывших в согласии дано было знать в ближние места, где жили японцы и от них в город Матмай, почему и был прислан из оного чиновник со 150 человеками для разбирательства и усмирения по делу сего бунта, и, собравши тех курильцов в пристань, называемую Нотка, состоящую к восточной оконечности сего мыса на 13 верст отсюда расстоянием, и тут казнил начинщиков оного бунта из их тойонов [12]) и старшин 35 человек, коих головы, для ясного свидетельства осоливши, увез в Матмай, а тела приказал разбросать.

Также от их же служителей слышно было иначе, что курильцы в разных около здешних мест пристанях и их стойбищах, живущих по 5 и 7, смотря по селению, оное число японских служителей побили, как и думать должно, что ни из чего другого, как оттого, что японцы с ними весьма поступали свирепо и все, что только курильцы промыслить могли, у них отбирали, даже и принужденно их к промыслу и ко всяким тяжким работам принуждали, что самое из речей мохнатых, сказанных Шабалину, явствует. Сверх того рассказывали японцы, что мохнатые курильцы по северному берегу сего острова до упоминаемой пристани Чуруй верны, а далее против 20-го острова, равно как и на западной стороне живущие, весьма непостоянны и сумнительны.

26 числа был у нас на судне одного чина с прежними в трех человеках японской чиновник, которой объявил, что по приказанию их губернатора имел разъезд для описания переписи и разных сборов на островах 17-м, 18-м, 19-м, 20-м и 21-м.

27 числа выехали на берег и были у японцов, где жил и прибывшей из разъезду, у коего и видели несколько тюков, собранных от курильцов с бобрами и выдрами, также показывали нам лисиц как сиводушек, так и красных. После были у своего строения, куда только и выезд с судна во всякое время имели, которое продолжалось весьма медлительно по причине подкомандующих служителей, кои все оное время одержимы были болезнями: головною, удушьем, кашлем и кровавыми поносами.

Ноября 2 числа нарочно ездили к японскому надзирателю и к живущему с ним прикащику с тем, чтоб продали нам для больных служителей сорочинской пшены, но оные от сего отказались, приговаривая, что таковой продажи за деньги или на промен товаров ни под каким видом исполнить не смеют, а для надобности нашей могут оною служить, не приемля от нас ничего, имея же оную в шелухе, как и во всей Японии большею частию нечищенная продается и в каждом доме собственно про себя в имеющихся деревянных ступах очищается, нам по изготовлении пришлют, на что мы, чтоб получить оную даром хотя и отказывались, однако они 6 числа с почтением прислали оной два пуда, которую приняв, их отблагодарили.

17 числа по окончании на берегу строения перебрались в светлицу, а люди в казарму, оставя на судне караул, которой помесячно и сменялся.

Декабря 12 числа приехал из Матмая начальствующей чиновник по фамилии Сузиги по имени Кумазо Шигеилоши и при нем лекарь по фамилии Катоо по имени Кенто Киотоши, чин же начальствующего назывался митзуге.

13 числа приехавший чиновник с лекарем были у нас в светлице и, вынув первый лист написанной бумаги, прочитал следующее: Посланное от вас письмо губернатором нашим получено и с донесением от себя оное оригиналом препровождено в столицу Эдо, зачем и прислан, чтоб Вас о сем уведомить и быть здесь как для охране-

ния вас от притеснений, могущих встретиться от курильцов, так и для вспомоществования, естьли вам в чем надобность случится.

После сего всем по своему обыкновению поклонившись, спрашивал о числе людей и имянно как ково зовут записывал, также щет и несколько слов российских, потом вынул из книжки сложенной лист, на котором было землеописание обеих половин земного шара, и, указывая, выговаривал четыре части света: Европа, Азия, Африка и Америка, но как оное было, по-видимому, самого древнейшего издания и многотысячная копия, совершенно не согласующая с нынешними описаниями, показали ему большой напечатанной вновь глобус и карты четырех частей света, которые увидя, свой положил и по оным любопытствовал и был мною как о разделении частей света и всех государств, так и о пространстве оных показанием удовольствован, равно как и показанными в географии печатными гербами.

По окончании ж сего, будучи весьма довольным, просил, как будет обще с нами зимовать, чтобы мы его равным образом дружески посещали и по взаимном приветствии и угощении простившись, ушел домой.

14 числа рассудили по общему согласию для лучшего знакомства послать имянно от особы его высокопревосходительства подарок, состоящей из нескольких аршин сукна, верверту [13] и двух сафьянов, которой с переводчиком и послан, но он от оного отказался, рассказывая ему, что их закону и обыкновению принять за опасением до того времени не может, покуда на донесение о нашем прибытии от главного начальства их императору не доложено будет и от его величества не последует предписания о позволении нам следовать, куда от начальства своего отправлены, почему оной и принес обратно. Сверх того объявил, что упомянутой Кумазо [1] просил, чтоб ево одолжить на короткое время глобусом и географиею для любопытства, а что естьли позволено будет, намерен скопировать, которые ему и отосланы.

На другой день был у него и видел, каким посредством копировал: наложа на карту лежащую свою тонкую склеенную бумагу, через которую совершенно было можно читать самую мелкую надпись, и по оной обводил кистью искуснейшим образом без малейшей ошибки. Еще видел у него их сочинения карту острова Матмая или Эззо с приобщением острова, называемого Карап [14], которой состоит против сего острова с северо-западной и южно-западной стороны, и оную по прозбе для скопирования получил. Скопировавши же и по надписании оной по-японски лекарем Кеньго, остались у штурмана господина Ловцова [15] для лучшего соображения в плавании.

22 числа приехал из Матмая другой чиновник такого же чина прежнему в сотоварищество, которой пришед к нам и объявил те же самые слова, как и первой и также по угощении и взаимном приветствии ушел домой.

23 числа по приказанию переводчику, чтоб выведать у японцов обстоятельнейшим образом о Караптинском острове по осведомлении рассказывал, что остров Карап состоит под владением матмайского губернатора, люди же живут на нем такие же как и на здешнем острову в великом множестве, с коих как и со здешних собирается подать сушеною разною рыбою, жирами, сушеного разного рода грибами, также отчасти и лисицами, а матмайцы привозят к ним пшено, вино, дабы [16], табак, разные железные поделки, чугунные котлы и деревянную под лаком посуду, что оные караиты торгуются с корейцами, которых японцы называют сандан аино, с оного ж острова до матерой земли корейцов через пролив щитают четыре [ри] японских, что составит 17 верст и 140 сажен российских. Корейцы привозят к ним разные корольки [17], дабы и китайки [18], а от караптов получают разных зверей пышные товары и имянно: соболей, лисиц и кожи диких коз, кои доставляют китайцам.

29 числа прибыли в пристань Нимуро жившие в городе Матмае по особливому делу столичного города двое чиновников, первого чин гофушин ягу, фамилия Танаби, имя Ассузо, второго чин огобито мецуке, фамилия Такусакова, имя Ренжиро и при них лекарь, коего фамилия Ген-Наню и имя Ген-Нан.

---

[1] Во всем государстве японцы друг друга однем именем называют, а хотя фамилия и поставляется напереди, но оная только единственно в письменном производстве употребляется.— *Примечание документа.*

30 числа вышеозначенные чиновники с лекарем были у нас с изъявлением почтения и объявили, что будучи в Матмае, известившись о нашем прибытии предприняли следовать в здешнее место единственно по своему любопытству, чтоб нас увидеть. Потом спрашивали об отдаленности нашего государства, о величине и пространстве оного и о разных обыкновениях, видя ж разные вещи — о фабриках, заводах и о разных рукоделиях; рассматривали золотую, серебряную и медную монету, также карту землеописания обеих половин земного шара, которую также просили, чтоб скопировать.

На все оное любопытство старался их удовольствовать самым подробнейшим через переводчика истолкованием, но как они жили совершенно на щет матмайского губернатора и как здешние чиновники, получа известие, должны были построить к их приходу другую травенную казарму и, перейдя в оную, очистить свой дом, весьма приметно было, что они под видом собственного любопытства были нарочно присланы наперед для совершенного рассмотрения и изведания нашего настоящего намерения, так как мы, по-видимому, сумнительными казались.

В продолжение же времени и познакомясь ближе, посещались между собой нередко. С нашей же стороны ходили мы и к матмайским чиновникам, но они по прибытии эдовских к нам уже ходить не смели. Что же касается до переводчика, то ему для обучения их языка велено было от меня, чтоб ходить к ним вседневно, о чем и они просили, как был им нужен перевод с подписей на картах, кои из них всякой иметь старался.

В видимости же нашей могли мы приметить, что японцы были весьма прилежны и трудолюбивы, не оставили наше судно, чтоб не сделать ему модели, и для оснастки просили человека, почему и был послан квартирмейстер. Сняли чертеж с октанту [19], даже с находившегося при мне токарного станка, и с инструментов — деревянные лекала.

1793 г. генваря 31 числа были мы формально званы чрез посланного матмайского чиновника от эдовских, чтоб сделали им посещение для их нового года и по обещанию данному у них были.

Год у японцов разделяется по течению месяца на 12 и через три года в четвертый на 13 месяцов, так что иногда новой год бывает в феврале и марте месяцах; дни же отдохновения от работ или праздничные бывают обыкновенно 1 и 15 числа каждого месяца, в которые ни один мастеровой не работает.

Накануне же нового года зажигают пред своими идолами курительные свечи и, ходя по углам, бросают горстью жареной горох, произнося с криком следующие слова: онива сото фуку уджи, значущие: дьявол, вон — добро, останься! И каждой, сколько от роду ему лет, съедает по стольку числом горошин. Еще бросают, когда после нового года в первой раз бывает гром. Также поставляют в передней угол сделанные наподобие хлеба из муки и пшена сорочинского колобки и украшают домы елками, обставляемыми вокруг с навязанными бумажными листами, ленточками вдоль перевязанными; в новый год одеваются японцы в самое их лучшее платье, ходят везде со своими семействами, желая одне другим щастия, и пребывают почти весь первый месяц в покое.

Время разделяется не по часам, но по горящему скрученному из отрепья наподобие веревочки фитилю, которой равными перевязанными узлами разделяется так, что когда зажжется и до узла догорит, покажет прошедшее известное время и днем возвещается в их храмах ударами колокола, а в ночное время через часовых, которые, ходя по улицам, ударяют сделанными деревянными брусками.

Младенцу родившемуся считается всегда один год при окончании года, хотя бы он в последние дни последнего месяца пред новым годом родился. Их летоизчисление имеет свое начало от Нин-О [1] или за 660 лет до рождества Христова. Небесных знаков считают равно как и в прочих местах 12, но только что имеют другие названия

[1] Нин-О был первой монарх в Японском государстве, которой между ими вел летоисчисление, разделив время на годы, месяцы и дни, и вовсе переменил прежние законы в их правлении.— *Примечание документа.*

против европейских, как то: 1-й не — крыса, 2-й уши — бык или корова, 3-й тора — тигр, 4-й уу — заец, 5-й татсу — дракон, 6-й ми — змея, 7-й унма — лошадь, 8-й хитцузи — баран, 9-й сару — обезьяна, 10-й тори — петух или курица, 11-й ину — пес, 12-й и — кабан.

Месяцы в рассуждении неравного течения никогда совершенно не соответствуют против настоящего исчисления, но считаются числом все по 30 дней равно, как то: первой месяц, второй и так дале до последнего: шиогватс, нигватс, сангватс, шингватс, гогватс, рокугватс, хичигватс, хачигватс, кугватс, джугватс, джюйчигватс, джунингватс; высокосной же год называют урунотоши.

Февраля 10 числа, как старался всегда, напоминая переводчику, чтоб узнать расположение и мысли японцов о российском народе, которой между протчими разговорами от вышеобъявленных эдовских чиновников Яссузо[1], Ренжиро и лекаря их Ген-Нана слышал секретно следующего содержания разговоры: давно уже у нас в Японии о Российском государстве по довольном уверении от торгующихся с нами голландцов известно, что хотя бы какого владения и закону люди ни были, когда к вам в Россию попадутся, со всеми таковыми жестоко и варварски поступают, почему по известному разглашению матмайские и эдовские начальствующие чиновники, хотя посланное через Матмай письмо о посольстве вашем из России произшедшем по человеколюбию и по соседственной смежности для препровождения наших подданных и соответствующего к заключению совершенного дружественного союза на будущее время и получили, но по оному основательно увериться не могли, даже и мы шли в здешнюю пристань Нимуро с великою опасностью[2].

Затем и думаем, что и далее по получении известия о вашем прибытии по разглашению, вышедшему от голландцов, император наш в рассуждении предприятия к содружному обхождению и к заключению союза будет сомнительным, покуда отправленное нами письмо из здешнего места не получится, в котором не оставили о вашем расположении более к составлению дружбы относящемся, о ласковом обхождении в бытность вашу изведанном.

Особливо, как мы уверены были от природных наших людей, привезенных вами, кои по жребию попавшись на самые отдаленнейшие острова, под российским владением состоящие, по случаю прилучившихся российских людей сохранены, во-первых, от глада и, во-вторых, от нападения островских жителей, без помощи и призрения которых могли бы быть побитыми. Сверх того по врожденной российских людей добродетели были вывезены во внутренние пределы вашего государства, и что великая российская государыня, что такие маленькие не породного состояния странствующие люди по их желанию, не считая за ущерб, не поставляя за опасность для людей своих морское путеследование, благоволили приказать препроводить в свое отечество.

По получении же и по рассмотрении справедливого и настоящего от нас о поведениях и добродетели вашей донесения надеемся, что последует к лучшему вашему успеху предписание. Еще проговаривал Яссузо: я думаю, естьли император наш позволит своим подданным производить торговлю с подданными вашего государства, голландцам не весьма оное понравится в рассуждении, как мы видим, у вас все то же, что и они к нам привозят, только в том разница, как, по-видимому, Российское государство весьма в близком расстоянии от нас, нежели в какой отдаленности Голландия.

Марта 20 числа прислано было к эдовским чиновникам предписание, чтоб с поспешностью следовали в Матмай обратно, и при нем также получили партикулярное письмо, которым извещены были, что из Эдо для нашей экспедиции отправлены в

---

[1] Танаби Яссузо сказывал, что служил 9 лет в городе Нангасаки при голландцах и разумел несколько слов на их языке, имел их азбуку и алфавит, голландцами писанный и литерами японскими переведенной с описанием выговора терминов.— *Примечание документа.*

[2] Присланной первый с объявлением о получении от нас письма из Матмая чиновников именем Кумазо также переводчику признавался, что, отправляясь в здешнее место, как будто на отчаянность, был от всех провождаем со слезами и сам плакал.— *Примечание документа.*

Матмай двое из больших чиновников, кои и едут в большой свите из нижних чинов, составляющейся из 500 служивых людей.

29 числа вышеобъявленные эдовские чиновники и лекарь Ген-Нан отправились обратно в Матмай.

Апреля 6 числа приехал вновь из Матмаю с прежними одного чина чиновник по фамилии Матсумае [1], по имени Фейкагу, который на другой день, пришед к нам, объявил следующее: как послан от матмайского губернатора для сотоварищества находящимся здесь чиновникам и для объявления вам, что для точного уведомления в ответ на посланное от вас письмо едет в здешнюю пристань посланной от прибывших в Матмай по повелению нашего императора двух 5-й степени чиновников: один из их старшей чиновник и при нем двое младших, коих фамилии и имена: 1-го — Мурата Хиозаемон, 2-го — Иноуве Тацуноске, 3-го — Отай Хикобе, и при них матмайские чиновники двое из старших: 1-й Кондо Киджи Заемон, 2-й Кудоо Феемон, да еще четверо из младших: 1-й — Тагахаши Феизо, 2-й — Мея Яссуджиро, 3-й — Ода Шенширо, 4-й — Тамура Тамуимлон и при них для прислуги служивых 60 человек. 9 числа пополуночи в 3 часа вошло японское судно и остановилось на якоре.

11 числа поутру помер в цынготной болезни матроз; всех же больных в оной болезни во все весеннее время до 15 человек находилось, чего для и никакого байдарою разъезду за осмотром к описанию поблизости лежащих мест исполнить не было возможности.

Того ж 11 числа были из любопытства на японском судне, которое было довольно велико и поднимало, по уверению японцов, около 7 000 пудов грузу, который состоял из пшены сорочинской, гороху, вина, табаку, чугунных котлов, разных железных поделок, курительных трубок, желтой меди, игол, бумажной дабы, простой деревянной под лаком посуды, прядева и других разных мелочей, на руку мохнатых курильцов. На нем одна мачта и один большой парус в две дабы, стеженой и чрез каждые две полосы, наподобие шнуровки в переплет стягиваются так, что в хождении по силе погоды, а особливо в шквал, когда не успеют спустить, надувается, и как шнуры весьма слабы, каждые две полосы раздвинутся по себе особо, и ветр сквозь проходить может свободно. Парус поднимают имеющимся в каюте воротом, коим иногда по нужде и мачту опущают, а после опять поднимают, равно и во всякой пристане руль на верх. Елбот же на воду спущается. Зад у их судна полой, так что в даль открытым морем итьти опасно; с самой же средины спущается острота к носу, киль имеют выгнутой луком, все же углы оконечности и киль под носом были околочены медью.

В каюте весьма было чисто убрано и все покрыто лаком; также был шкаб, где их морские идолы хранились. Палуба их также для дальнего пути кажется быть безнадежною, потому что составляется из небольших сборных дощечек, кои при погрузке и выгрузке все до одной раскрываются и на себе воды нисколько терпеть не могут. В дождливое же время, сделав легкую из камышевого тростника клетчатую кровлю, покрывают оную из соломы сорочинского пшена сделанными рогожами; якорей имеют по семи, которые четверорогие, наподобие кошек; далее же о расположении и постройке судов японских можно видеть из описания Кемпфера на страницах 159-й и далее, где и вид оных на рисунке представлен [20].

Японцы же у мохнатых курильцов берут следующие товары: сушеную и соленую всякую рыбу, но по большей части красную, которую вокруг Пенжинского моря промышляют, как то: кету, нерку, горбушу и сельди; китовой, сивучей, нерпичей и рыбей жир, за которым курильцы для промыслу и за покупкою на промен с японскими товарами, совокупляясь как со здешнего и 21-го острова, на 20-й и оттуда в половине марта месяца с тамошними отправляются ежегодно в пятистах байдарах на острова 19-й, 18-й, 17-й и 16-й, и оттуда майя в последние числа с привозом к рыбному про-

---

[1] Матсумае есть породная фамилия матмайского губернатора. Приехавший же был ближний родственник губернатора, которой и прежде приезжал по вышеобъявленному случившемуся бунту для усмирения и учинения казни курильцам.— *Примечание документа.*

мыслу возвращаются; в великом множестве сушеные разных родов грибы, медвежье сало и весьма дорого берут медвежью желчь, также из пышных товаров привозные с прочих островов бобры и выдры и здешние бледные соболи и лисицы, медвежьи и козьи кожи.

Что же касается до подробного описания мохнатых курильцов, сего исполнить совершенно неможно было. Во-первых, что мы не могли их к себе приласкать и с ними иметь переговоры, даже и редко видеть их случалось по причине, как японцы все свои силы прилагали к отдалению их от нас, дабы мы не могли от них чего изведать. Так что, когда просили их, чтоб нарядили мохнатых за ельником или для собирания черемши для больных, все оное исполняли, и когда приносили, были всегда за присмотром их японцы, при которых и сами мохнатые из подобострастия пред японцами не только, чтоб говорить, но и за труды даваемой им табак принять сами собою смелости не имели, но чрез японцов был разделяем.

Во-вторых, что не имели знающего их разговор толмача.

Курильцы в северной оконечности сего острова сплошь мохнаты, так что уже у 25-летнего борода бывает довольно велика и только одне щоки и то под самыми глазами голы остаются; волосы подрезывают спереди пальца на два выше бровей, а сзади по самой затылок. Женщины же обстригают в кружок весьма высоко, так что весь лоб наруже, а сзади выше затылку перста на три. Губы также помощию искусства у всех черные, равно как и на руках разные выведенные знаки и черты. Платье носят как мужеской пол, так и женской одинакое: летом тканое из льна своего рукоделья, похожее на халаты с широкими рукавами и, перепоясав себя веревочками из лыка же, привешивают к оному трудницу, трубку курительную и деревянной небольшой бурак [21]) с крошеным табаком, а зимою — шитые из медведин, козьих кож, из выдер и по большой части лисьи; на ноги же надевают обувь, также шитную из козьих кож; с самой же весны до поздней осени или до выпаду снегов ходят босые, головы свои во весь год не покрывают ничем.

Живут по большей части около берегов, изключая зимы, в которую от стужи уходят в лесные места по вершинам речек. Юрты имеют квадратные с выведенными крышками, на кровлю похожими; вся же юрта с начала как и со всех четырех сторон, так и сверху покрывается содираемой с разных дерев корою, кою сверху и со сторон устилают толсто травою, накладывают тонкие слеги и перевязывают спивкою насквозь веревочками, оставляя вверху небольшое отверстие для дыму против огня, обыкновенно посреди юрты раскладываемого. Во внутренности же юрты очаг окладывают камнем, на землю настилают цирелы, по углам у лучших ставятся японские под лаком ящики, в коих хранят мелкую лаковую посуду, чашки, подносы и прочее.

В пищу сверх привозимого японцами в зернах разного рода хлеба собирают разного рода грибы, разные коренья, собираемые по берегу выкидные морские произрастания и всех родов ракушки, также выкидных китов, промышляемую нерпу и разных родов морскую рыбу и птиц. В лесах же промышляют медведей и бьют диких коз, сверх того даже собак нарочно откармливают и, не претерпевая голоду, бьют для употребления, исключая крыс, кои везде около селений и в берегах имеются; рыбу промышляют ставами, вязанными из привозимого японцами прядена, около мысов, вытянувшихся в море.

Из птиц зимуют на оном острове: лебеди, гуси, дикие утки, тагары, большие морские и обыкновенные чайки; в лесах же кроме хищных птиц: орлов, филинов, сычей, мышеловок и множества ворон, никаких других родов не примечено.

Леса, растущие на сем острове, а именно: клен, разных родов дуб, береза, ольха, ива, липа, тальник, ветла, осина, белой бук, бангаут, сосняк, ельник, пихтовник, ясень, илим, гардобина, цареградские и воложские орехи, каштаны, виноград зеленой и красной, яблонь, слива, вишня, ребина, черемуха и боярышник; из кустарников: можжевельник, таволожник, курослепник, ерьник, пищальник, кизильник и багульник; ягоды на себе имеющие: калина, малина, жимолостник, красная смородина, шипишник. По речкам же и в низких водяных местах около берегов разного рода камышник, ягодники, клюква, брусника, земляника, голубица, ежевика, шикша; моху также

по топким тундренным местам как белого, черного и к строению годного зеленого изобильно.

Из непрозябаемых произрастений: чемерица, чернобыль, крапива, дягиль, хвощ, пырей, полевой папоротник, черноголовник, лебеда, болиголов, борщь, черемша, белая белена, заячья капуста, конский щавель, петрушка, гусиной горох, чистотел, цыкория, белоголовник или медуница, мокрец, лук слизун, подорожник, василисник, чертополох, дикой огурешник, стародубна, лютик, повелица, пестики, репейник, сарана зубчатая большая, сарана малая крупчатая, семянник, рута, серпинка или серпуха, цетловина, купена, лупена, тысячнолистник, полевая гвоздика, лилия, спаржа.

Апреля 22 числа поутру чрез нарочно посланного были уведомлены, что японской чиновник Кумазо умер. Я велел спросить, как жили далее четырех месяцев вместе весьма дружно и соболезнуя о его смерти, что можно ли к ним зайтить, на что ответствовано: чего на покойника смотреть и чтоб не ходить. Однако, как переводчик им был весьма близок, послал ево, чтоб высмотреть обряд всей церемонии, при погребении употребляемой, который, возвратившись ввечеру по окончании похорон, объявил следующее: с начала, как скоро помер, были зажжены курительные свечки перед их идолами и читана по их закону молитва. По окончанию же оной обрили покойнику на голове волосы и положили в особое место [1], после сего обмыли и одели в лучшее платье, заткнули за кушак обе сабли [2]. По изготовлении же гроба, которой был три фута английских длиною, в два фута шириною и в два с половиною вышиною, в оной посадили, пригнув несколько голову вперед и надев на правую руку четки, обе руки сложив вместе, совершенно так, как обыкновенно молятся. Потом, покрыв шелковою черною материею, поставили в переднее место и перед ним — на маленьком столике сваленые из теста сорочинского пшена белые хлебки с украшением вместо цветков нарезанными бумажками. Затем, несколько помедлив, зажгли их обыкновенные свечки [3] и, прочитав молитву, закрыли крышку и заколотив гвоздями, перевязали гроб белою дабою, продернули в верху длинной четверогранной брус для носки, подняли с обеих концов по два человека и понесли. Между тем все закричали, а другие еще ударяя в гроб, означенные термины: «маку — гуни икашари», значущие: «Прямо ты поди, назад не приходи!».

Несли же гроб таким образом: впереди шел один с фонарем, а за ним другой нес поставленные на маленьком столике колобки, за коим следовали двое рядом чиновников и за ними несли покойника; прочие же чиновники и служители шли сзади. Дошед же до могилы, которая была вырыта в два аршина квадратные, в оную спустили, и поставя от могилы на сажень расстоянием четверогранный столб с надписью его имени, когда родился и когда помер, а на прочих сторонах с написанными молитвами, прощались, бросая каждой горстью землю. И кроме служителей, кои остались загребать, прочие чиновники, воротясь в дом покойного, сделали воспоминовение, при котором ели пареное сорочинское пшено и жареной горох. На могиле ж ввечеру был выставлен фонарь, а на другой день был поставлен сделанной треножной таган с висячим крюком, на которой вешают чайник, и поставлены были две чашки лаковых,— одна с водою, а другая с пареною сорочинскою пшеною, чем и весь обряд церемонии кончился.

Апреля 29 числа ввечеру прибыли эдовские и матмайские чиновники с 60 человеками японцов и с 150 проводниками из мохнатых курильцов.

---

[1] Будучи хорошей породы, богатой человек, также имея в Матмае отца и многих родственников, за неимением здесь их духовных чинов не мог совершенно похороненным быть; оные волоса и трубка, из которой покойник курил, будут отосланы в Матмай, где над ними равно как бы над ним самим исполнится вторичная с большим обрядом церемония.— *Примечание документа.*

[2] Все японские чиновники до последнего носят по две сабли, из коих одна долгая, другая короткая; торгующие же купцы имеют право только по одной носить.— *Примечание документа.*

[3] Свечи японцы делают из вывариваемого фирнису, называемого дерева khus vernix или suxcendanca, по-японски же оное дерево называется фаси-по ки, которое у них произрастает почти во всех местах, как доктор Тунберг в описании о Японии на стр. 78 объясняет [22].— *Примечание документа.*

30 числа пополудни в третьем часу помер в цинготной болезни из препровождающихся японец Коичь[1], чего для послал о сем сказать японцам, а особливо лекарю, которой его пользовал, и чтоб приказали скорее похоронить по их обряду, впрочем, естьли откажутся, мы сами схороним. Но японцы пришли в тот же час для свидетельства, приказали сделать гроб, вырыть могилу; японским же служителям ево вынести в поставленную палатку, где обмыли и сошив рубашку с кулем, на покойника надев, посадили в принесенной гроб, как вышеобъявленного чиновника, потом прочли молитву и, наложа крышку, заколотили и перевязав, как у прежнего, в седьмом часу понесли на могилу и схоронили.

Майя 1 числа до полудни были у нас в светлице прибывшие 29 числа прошедшего месяца эдовские и матмайские чиновники с объявлением о своем прибытии и что посланы по препровожденному письму нашему от 12 октября прошедшего года присланными их императором в Матмай 5-й степени чиновниками; для объяснения ж дела, с коим сюда присланы, просили, чтоб их после полудни не оставили своим посещением, что исполнить и обещались.

После полудни, шед к ним, были встречены на улице матмайскими двумя чиновниками, у коих в воротах поставлены были два человека с копьями. В покоях же, как у них вместо стен перегораживается передвижными бумажными щитками так, что из многих покоев по надобности можно сделать большую залу, которая у них для приему и была таким образом устроена.

Пришедши в покой, были вторично встречены двумя младшими эдовскими чиновниками с приветствием и сажаемы на сделанные ими нарочно для нас стулья, на кои когда сели и оне равно по своим местам с прочими сидящими, угощали чаем, также поставленными закусками и подносили в лаковых маленьких чашечках вино, называемое на их языке сакке, которое выквашивается из сорочинского пшена. Потом по приказанию старшего эдовского чиновника вынял старшей из матмайских лист бумаги, прочел следующие слова: По посланному вашему письму к матмайскому губернатору от декабря 12 числа прошедшего года и представленному от него при донесении в столицу нашу на рассмотрение для должного по оному исполнению; чего для его величество наш император и благоволил послать для распределения и совершенного разрешения в 4-й день генваря сего года в Матмай двух 5-й степени чиновников, которые туда 26 февраля и прибыли, и нас трех человек от себя, и четырех матмайских чиновников марта 18 числа в здешнюю пристань как для встречи вашей, так для объявления вам, начальствующему российскому чиновнику и кому следует, чтоб итьтить до города Матмаю с ними вместе сухим путем, что все исполнили и теперь вам объявили.

Услышав такое несообразное против намерения к выполнению нам данным предписаниям, хотел об сем обдумать, но так как бывшей со мною штурман господин Ловцов мне говорил, что не будет согласным, отвечал им сими словами: распределение нашего пути присланными из столицы в Матмай вашими начальствующими, в рассуждении, чтобы мне следовать до их землею, мною исполнено быть не может, вследствие, как имею от начальства предписание, чтоб препровождаемых подданных ваших при письме представить прямо туда, куда по предварительному от нас письму назначено будет не иначе, как на судне. Сверх того, известный дальный и затруднительный путь, которой с возвратом может сделать продолжительное замедление и довесть до вторичной прозимовки в здешней для судна опасной пристани, даже самый климат нам не обыкновенной, согласиться к таковому следованию и чтоб разделиться совершенно не позволяет.

Что выслушав, оные чиновники просили, чтоб сего дня о сем деле разговор до

---

[1] Цынготной болезни японцы вовсе не знают, но так как покойник был предан к своим, хотя и был по выходе с Алеутских островов в Камчатку оною болезнию одержим, и получил облегчение от употребления черемши, оную, по предложению их лекаря, пренебрег и лечился от него разными деногтами и акупунктирацией[23]), о которой Кемпфер в описании на странице 423-й упоминает обстоятельно.— *Примечание документа.*

последующего дни оставить и что они об оном будут иметь между собою совет, по окончании которого о заключении дадут нам знать через переводчика.

2 числа созвал нашего переводчика, говорили ему объявить нам, что и они вместе с нашим судном на своем, имеющемся в Аткинской гавани судне, итьтить соглашаются; но с тем, как им приказано звать нас земляным путем, а не на судне, должны прежде о сем отнестись своим начальникам и сождать на оное повеления, о чем и нас просят, чтоб до того времени подождать согласились.

3 числа был вторично для переговору у объявленных японских чиновников и говорил следующее: будучи уведомлен от переводчика, что вы и судами итьти вместе соглашаетесь только с тем, чтоб сождать о позволении повеления; но я известен, что такое донесение и обратно для исполнения на оное предписание не может ранее двух месяцев совершиться, то тогда, хотя и позволено будет итьти нам на судне, еще столь же долго в хождении с обратом до здешнего места продолжится и по времени дойдет до самой поздой осени и до наступления ветров, обыкновенно от севера наклонность имеющих, кои нас могут довести до сказанной вторичной прозимовки — также на оное согласиться не могу.

На что из них говорил старшей: как послан с обратом землею и, чтоб везде по дороге нужное исправить к продовольствию вашему все по нашей возможности приуготовить, также со своей стороны не могу иначе решиться, как по объявленному. Затем уверяю вас, что решительное соответствие июня к 20 числу получить можем или дней через сорок. Потом были их слова: что император их или Кубоо сама ведая, сколь хождение морем есть опасное, то может быть для предохранения нас на таком основании указать повелел; впрочем они и сами знают, что землею не ранее, как в месяц успеть можно, на судах же с хорошим ветром в трои сутки выбегают. Еще спросили: что может ли наше с их судном вместе итти, ибо они всегда при противном ветре и в туманы по пристойным местам, подходя к берегу, коего и никогда из виду не упускают, становятся на якорь и пережидают до попутного ветра; а что мы, напротив того, удаляемся далеко в море, и через то можем с ними разойтиться.

На кои слова сказаны были им разные изъяснения с доказательствами, чтоб они о том не сумневались, и что мы по исчислению хотя б за противным ветром не пристали и продолжали б оное время на море, но по перемене оного вскоре опять на том же месте будем. В противном же случае можем установить денные и нощные сигналы способом фонарей и пушечными выстрелами; но они отказались, что пушек не имеют, на что им предложили, что естьли угодно, мы их для сего одною до Матмаю наделим; в том отказались, сказывая, что их обыватели без причины звуку сего слышать не приобыкли и что чрез самое могут притти в смятение. Тогда перерва их разговор, говорил: когда вредно и установление сие, изключая фонарей, можем оставить без исполнения.

И так старались от продолжения вдаль морского ходу отвращать разными опасными следствиями, повторяя и советуя еще, чтоб согласиться землею итьти для того, естьли с нами встретится какой-нибудь противной случай, должны они будут отвечать, зачем и не находят иного средства, чтоб не сождать на сие определительного повеления.

Далее же из любопытства спросили меня: от самой ли государыни к их Кубоо Саме или от кого и к кому имею доставить посланное письмо? Изъяснил им, что по собственному соизволению великой российской государыни написано от генерал-губернатора двух губерний Иркутской и Колыванской от ближайшего по соседству в рассуждении расстояния чрез море к главным правителям их света.

Напоследок, слушая таковые их отводы и упорчивое настояние, удивляясь, спросил у них: неужели находящиеся посланные от Кубоо Самы в Матмай главные чиновники не предварили их в данном приказании или наставлении, что на случай, естьли мы не согласны будем разделиться и не пожелаем следовать землею, чтоб на такой раз иным посредством или заключительно с нами не могли решиться и что естьли единственно на таком расположении они сюда присланы, то нам более нечего делать, как не можем пережидать такого в их пересылках замедления, как следовать

по имеющимся у нас повелениям и готовиться вперед или обратно, почему и нужен нам прямой их ответ, дабы мы ведали, на какой путь нам себя приуготовлять. Выслушав которую речь, обдумавшись говорили, что для них мудрено, и что они о сем намерены пересоветоваться с матмайскими чиновниками и нас на завтре посетить с ответом.

По выходе же нашем из дому отозвали матмайские начальники нашего переводчика к себе в дом, говорили ему, что эдовские приказали им спросить, не имеем ли сумнения о недостатке своим служителям в харчевых припасах и естьли для сего не соглашаетесь следовать землею, приказали объявить вашим начальникам, что они за долг поставляют тех, которые команды вашей здесь останутся, чтоб до того времени продовольствовать. Естьли же наша пшена вашим людям к всегдашнему употреблению будет не по привычке,то мы можем вскоре доставить и пшеничною мукою.

4 числа пополудни посещены были эдовскими начальниками и матмайскими чиновниками, из коих старший после обыкновенного нашего приветствия и угощения начал говорить следующее: что они советовали между собою, но, находя опасным путь нам предлежащей около мыса сего острова, в рассуждении многих мелких островов, также надводных каменьев, весьма тесный и кривлеватый проход составляющих, и в доказательство принеся с собою листок, на коем примерно были назначены оные и путь, коим их суда проходят. На вопрос же: как они считают расстояние в самом узком месте? Полагали, что не более 50 сажен и, чтоб мы для достоверности послали оной осмотреть, на что отвечали, что сего, конечно, наперед исполнить не упустим, но, когда они проходить безопасно могут, полагаясь на бога, также безвредно пройтить уповаем, а в противном случае, естьли усмотрим заподлинно оной проход для нас опасным, можем, минуя все сии островки и каменья, обойтить далее морем, даже 21-й остров Шикоту и, пройдя пространнейшим проливом, пройти к ним в Аткинскую гавань, где их судно. Показывая им наши карты и глобус, коих они видеть желали, рассказывая им о разных хождениях по морю как и до здешнего места, также о проливах и рифах, от мысов обыкновенно в море простирающихся и так далее.

После чего они опять начали разговор, что когда они ничем нас отвлечь не могут, и что мы, видя опасность с надеждою на бога пущаемся всюду, то по благополучном приходе в Аткис не согласимся ли мы, оставя наше, на их судне следовать с ними вместе, от чего отреклись, говорили: каким образом они, когда и сами, щитая свои суда за отчаянные, и на оных ходить не отваживаются, кроме простых людей, с нами следовать предпринимают, то в таком случае, естьли что приключится, кажется более отвечать должны будут. Мы же, не щитая наше за столь опасное, когда им угодно примем лучше их на свое для препровождения. Чему они смеялись, сказывая, что такого приказания не имея, сего исполнить не могут. Продолжая старший из матмайских чиновников: жалеем, что сколько ни старались отвращать вас от опасного морского путеследования, просили вас следовать землею, соглашали также итьтить на нашем судне, однако ничем от предпринятого вами намерения вас отвести и на наше предложение склонить не могли. Худая надежда на бога, когда, презирая все и не сберегая себя, видя опасность, попущаться на оную отваживаться.

На что особо господин Ловцов отвечал, как он, будучи 32 года по морской должности при Охотском порте и уже достаточно многими вояжами практикован, такого пути, по которому они равно и всякой ходит, опасаться не может. После чего и начали было собираться итьти, но я, задержав их, говорил, что же они нам ничего решительного не сказали, и доколе наш переговор и на чем в продолжение останется.

Отвечал старший эдовский чиновник: на том и останется, чтоб следовать вместе обоими судами, но просим вас сождать прежде сюда наше судно, а без того нам в Аткис итти нельзя, вследствие потому, что когда они не на судне, а землею отсель до Аткису отправятся, тогда их начальство заключит, что они нам подали повод к продолжению и к прибытию туда морем, им, указывая на свою шею, казнь учинена быть имеет.

Прервав такие слова, говорил им, что не желаем никому такого последствия, но единственно для их же облегчения и скорейшего возврату, как известны, что их суда весьма долго медлят для проходу чрез сие место, пережидая самую тихую попутную погоду, тоже будет продолжительно. Однако, естьли иначе им не можно, соглашаемся с прошением, чтоб они поторопились послать о сем приказание и могут ли надеяться дней в 10 или чрез какое время полагают оному сюда быть. Говорили что сего прямо сказать не могут, а смотря по погоде как ветры стоять будут, естьли попутные, то не замедлят и скоро перейдут до здешнего места; и за сим, простившись, ушли.

14 числа майя, по обратном прибытии штурмана Олесова, посыланного до Аткинской гавани обще со штурманом с судна японского, состоящего в помянутой гаване, посыланного для осмотру тесного проходу около восточного мыса сего острова и протчего, который и объвил, что японской штурман не ранее, как чрез 5 дней хотел вытти из Аткиса, для чего и ходил к эдовским чиновникам, чтоб объявить слышанные речи их штурмана и, объявя, говорил им, что, конечно, их мореход весьма мало слушает их приказания, как явно видеть можно по ево медлительности.

Отвечали: когда он будет пренебрегать нашими приказаниями, то не довольно, что ему, но и находящимся здесь посланным от матмайского губернатора чиновникам очень дурно воспоследовать может. Замедление же ево ни от чего иного происходит, как по неизготовлении перечищаемой пшены, заготовляемой в продовольствие для предлежащего пути в оной гаване. На сие сказал им что для сего, кажется, ваш штурман напрасно длит время, ибо опять туда обратно мимоходом за тем зайти можно. Нам же здесь в рассуждении опасной пристани и как судно совершенно погрузкою кончено и к выходу исправлено, за малою глубиною долее стоять, дабы не последовало какого вреда, опасно; они же уверяли, что завтрешнего числа пошлют нарочного с наистрожайшим подтверждением, как наивозможно своим прибытием поспешил.

Майя 16 числа был созван переводчик к эдовским чиновникам, куда по приходе ево говорили: как слышали от матмайского чиновника Фейкагу, которому ваш мореход сказывал, что вы только до 20 числа будете дожидаться наше судно, а естьли к оному не будет, то намерены вытти в море, о чем и просим спросить и нас о сем обстоятельно уведомить. Но он их спросил, которое у них сего дни число,— отвечали, что 18 апреля, напротив чего говорил: у нас 16 число майя, то может быть и правильно, как еще 4 дни до приходу вашего судна остается. Между тем ходил я чрез мыс на полуденную сторону к морю, и, возвращаясь обратно, зашол также к ним, где вышепрописанные слова мне пересказывали, просили, чтоб помедлить до сождания их судна с уверением, что когда получит их мореход от нарочного посланного о выходе приказание, далее мешкать не будет. Еще спросил меня: неужели в самом деле, не сождав их судна, с 20 числа выйдем в море, отвечал, что точно, далее медлить и ожидать не будем.

18 числа в бытность переводчика у японских чиновников получено известие из Аткиса от их морехода, которой еще за поправлением мачты и за солением рыбы продолжал прошедшее время, ныне же по исправлении с 20 числа последует в здешнюю пристань.

19 числа ходил нарочно к эдовским чиновникам для следующего объявления: хотя по условию и было наше согласие итьти вместе, чему уже прошло 15 дней, в кои бы ваше судно троекратно оборотиться могло; но как самое замедление происходит за разными вашими неисправностями с отговорками за неизготовлением пшена в дорогу, за перелаживанием мачты, напоследок, что еще рыбы недосолено и, по-видимому, чем далее, тем более всего будете возобновлять новые выдумки к продолжению; нам же как время для переду весьма нужно, имею объявить, что мы положились через два дни здешнее место оставить, затем по обещанию вашему, естьли можете для следования нашего определить нам одного человека, знающего до Матмаю береговое положение, будем обязаны благодарностию. Ответствовали: человека, хотя и двух дать они согласны, только за неприходом судна таких здесь не имеют, но по прибытии оного могут избрать лучших. Говорил: что сего ожидать долго.

Лишь бы было их определение, можем оных, проходя мимо Аткиса, чрез высылку байдары принять. Отвечали: такого приказания дать не могут.

Когда не могут,— говорил им,— то и без них обойтиться можем, будучи известны, что о нашем следовании везде ведомо. Отвечали: не ведомо, что одне судном последуете, потому мы с тем посланы, чтоб вас звать землею, а хотя от нас и отправлен нарочной с известием, что вы не согласились, но затем будем судами вместе, когда же покажетесь одни, не могут вам делать во встрече такого приветствия; но будут, не видя нас, в сумнении и расстройстве. Говорил: не для чего о сем сомневаться, мы не бессловесны и можем объясниться; напротив того, думаю, что и вы также за нами вскорости прибыть не замедлите; естьли ж замедлите, то может быть чрез такое время и к обратному следованию готовы будем. Я и так сожалею, что вы чрез всю зиму столько излишних затруднений в беспрестанных до здешнего места следованиях имели, о чем в посланном письме совсем не просили и когда б не ваш приезд, мы бы уже давно препорученное нам следование до настоящего места исполнить могли.

Отвечали: конечно, слова ваши справедливы; но вы сýдите так, не зная наших законов. Сей ваш приход есть еще первый, и когда вы более для доставления людей наших предпринимали затруднений, в таком случае мы также по повелению Кубоо Самы как для встречи вас, так и для установления со стороны нашей лучшего порядка посланы, за труд не считаем. Вы же теперь не хотите нас сождать, не зная о расположениях как мест, так и всего к собственной пользе вашей нужного, когда что будет и на чем решится. Доныне же еще между государствами нашими никакого союзу к содружеству не заключено, сего для просим лучше сождать наше судно, и так как мы единственно для того присланы, итьти с нами вместе; чего для по утру послано мореходу нашему приказание, чтоб не пропуская способного ветра, наискорее поспешил прибытием, и уверяем вас, что чрез четыре дни непременно здесь будет.

Говорил: но естьли по прибытии сюда здесь столь же долго медлить будут? Отвечали: что их сборешень не велик, они и в полдня собраться могут. Говорил: что хотя и наверно утверждают, но я один сам собою без всякого между нами согласия такой отсрочки им не обещаю, и, объявя господину Ловцову их просьбу и на чем вообще с ним положимся, могут услышать, естьли после обеда посетят нас своим приходом.

Касательно же до выговоренных вами речей, что еще не заключено союзного содружества между государствами, то здесь не место распространять рассуждение. Мы, исполняя повеленное нам следование, как посланные имеем при доставлении ваших подданных вручить письмо с объяснением всего долженствующего,— и хотел итьти. Но они еще спрашивали, почему я как начальствующий не могу один собой сделать сей отсрочки. Отвечал: что мы по должности разделены, каждой по себе особо [24]). Господину Ловцову, как мореходу, вверено для распоряжения судно с служителями; следственно имеет настаивать в сбережении оного к скорейшему выходу, ибо довольно известна чрез зиму в случае погоды сей пристани опасность, хотя выгружено и разснащено было и более могло противиться ветрам; ныне же, условившись итти вместе, совершенно к выходу исправились, естьли же по их замедлению в продолжении времени последует какое в погоду, особливо при убылой воде, как бухта недовольно глубокая и грунт имеет из каменьев и плитника, может от волнения на качке, ударяясь о дно, получить повреждение или вовсе сокрушиться. Также последствию за оное отвечать должен будет, и для того без согласия ево я один им отсрочки сделать не могу. Засим просили, чтоб мы в последние на их предлагаемую просьбу согласились, обещаясь после обеда притти обще с матмайскими чиновниками для услышания нашего общего мнения.

Майя 21 числа объявил мне переводчик, что был у эдовских чиновников, где в присудствии его получили почту, в которой им предписывают об нашем следовании: естьли по зову следовать землею будете не согласны, чтоб звать обще на судах без потеряния времени. На вопрос же: почему ныне посланная ваша почта обратно та

ускорить мотла, отвечали: от нас посланная еще до Матмая не дошла; а оное предписание исполнено по прибытии туда бывших здесь чиновников Яссузо и Ренжиро, которые, может быть, им о сем донесли.

26 числа послал переводчика к японским чиновникам, чтоб известил их о нашем переходе на судно для ожидания попутного ветра к щастливому выходу, что они услышав, хотели итьти к нам для переговору, но так как мы перебирались на судно, отложили, то спустя короткое время был зван господин Ловцов к матмайским чиновникам, куда пришед с ним говорили: мы слышали чрез переводчика, что вы переходите на судно и имеете намерение, не дождав нашего судна, следовать в Матмай, на что отвечал: довольно уже по совету и просьбе вашей пережидали полагаемые неоднократные отсрочки, а как по узаконению нашему следует, не упущая, записывать в журнал все, что делали в каждые сутки, которой по обратном прибытии будет свидетельствован, и естьли какое упущение, особливо в рассуждении времени отыщется, отвечать должен буду. Говорили ему, чтоб о сем простое не сумневался, естьли угодно будет, наши главные начальники могут отнестись в ваше правительство и просили, чтоб обождать их судно, упоминая, что, может быть, оное севоднишним попутным ветром и вышло. Потом советовал им, что могут погрузить весь их екипаж в наше судно, а сами следовать до Аткиса землею или в курильских деревянных байдарах и там перегрузить в свое судно. Отвечали: что ево предложение справедливо, которое и не оставят объявить эдовским чиновникам и с ними пересоветуют.

Того же числа пополудни в 6 часов совершенно перевезлись на судно.

27 числа прислали эдовские чиновники для указания прохода тесного места и якорных мест до Матмая двух человек, одного лоцмана с помощником.

28 числа пополуночи в 3 часу было против прочих чрез всю зиму бывших почасту отменно сильное землятресение, приведшее на судне всех в расстройство.

Майя 31 числа пополудни в 1 часу увидели шедшие матмайские суда, из коих первое и вошло пополудни в 7 часов, прочие же июня 1; 2-е пополуночи в 7 часов, 3-е и 4-е в 8 часов, 5-е пополудни в 6 часов; 6-е — 2 числа пополудни в 3 часа. В числе которых было пришедшее из Аткиса назначенное для переезда японских чиновников собственно матмайскому губернатору принадлежащее.

Июня 3 числа приезжали к нам на судно как эдовские, так и матмайские чиновники для условия о выходе, которое и положили, что естьли завтра будет попутной ветр, чтобы исполнить.

4 числа поутру, хотя и слабой был ветр, но попутной; рассудили чрез пушечной выстрел, как условленость была вчерашнего дня с японцами, известить их о нашем выходе; в 6 часов подняли якорь, распустили парусы и вышли.

В 11 часу до полудня прошли в 13 верстах мимо японского строения и курильских стойбищ под названием Нотка, где курильцам 35 человекам за вышеописанной сделанной ими бунт и побитие японцов учинена была казнь. В исходе того часа обошедшее нас японское судно с чиновниками, возвратясь обошло нас поблизости кругом, единственно для того, чтобы сказать нам и кричали с судна, что ветр сей к проходу тесного места не способен, почему, дойдя до острова против оного места лежащего, называемого Суйшо, встали б на якорь, где и они стоять будут. Но так как мы дойтить не могли, а ветр сделался противной, и на том месте на якорь не стали, потому что господин Ловцов думал лавировкою дойтить ближе, но ветр усилился, почему мы имели хождение весьма опасное в квадрате между островами 20-м, 21-м, 19-м, 22-м, становясь неоднократно на якоре, будучи вблизи берега и по перемене ветра снимались по 11 число, в которое, поверетаясь против пристани Нимуро на 3 версты расстоянием, где и стояли на двух якорях до полудня.

В 11 часов приезжал с пристани японец и объявил, что их чиновники, пройдя давно тесной проход, стоят на полуденной стороне у островков, называемых Ерури и будучи в сумнении о нас разослали курильцов по всем пристаням и известным местам, куда только возможно было с тем, чтобы старались получить известие.

14 числа снялись с якорей, лавировали по 16 число, в которое вторично поверетаясь поутру прямо Нотки, уведомлены были выехавшим к нам на судно японцом,

что их начальники вчерашнего числа с судна прибыли в Нимуро и приказали ему, когда увидит нас, что просят выехать к ним для переговору. Но мы не согласились, потому как сделался штиль, то и положились пройтить тесной проход буксиром, чего для и посланного просили, чтоб для вспомоществования к проходу послал несколько байдар, помощию коих прошли оное часто упоминаемое опасное место, и дошед поутру в 6 часов к островкам Ерури, где японское судно во ожидании стояло, бросили якорь.

17 числа пополудни в 3 часу прибывшие обратно из Нимуро на судно эдовские и матмайские чиновники были у нас и просили, чтобы мы кого-нибудь из наших подкомандующих для следования отпустили на их судно. Но когда им сказал, что такое распределение случается только по сумнению с непросвещенными и дикими народами, например, как у них с мохнатыми курильцами, с коих по родам для верности можно брать аманатов, а не с просвещенных отправленных из Великороссийской империи для посольства чиновников. Напрасно они в нас сумневаются в том, что мы пройдем далее назначенной по условию гавани, называемой Эдомо, и с тем кончили далее о сем распространять.

18 числа за безветрием, стоя у означенных островков, ездил на оные, кои составляли на поверьхности тундренные площадки; окружность же оных состояла из крутых утесов с выдавшимися в море отпрядышами твердого пещаного камня и слепившихся с глиненною породою голышей. Перпендикулярная высота оных была около 12 сажен, пролив же, оные разделяющий, был около двух верст шириною и наполнен подводными полевными камнями, коим, как и тесному около восточного мыса, называемого по-курильски Муиому-Шири, учинен план, под литерою «В» означающейся.

19 числа ездил на берег Матмайского острова, в котором месте составлялась пещаная бухта с земляным яром, обросшим елевым, пихтовым и березовым лесом; по берегу же сплошь были стойбища мохнатых курильцов, кои упражнялись в рыбном промысле и тогда уже появлялась после промысла сельдей, трески и палтусины красная рыба: кета, нерка и горбуша, коей для продовольствия у них довольно, а особливо служители закупили. Покупали же оную за серебреные мелкие деньги весьма дешево; между покупкою один мохнатой курилец матрозам променял на мелкие серебряной рубль, о чем будучи уведомлен, приказал спросить, где он взял. Отвечал: что получил от таких же мохнатых на Карaптинском острове [25].

21 числа поутру в 5 часов прошло мимо нас в пристань Нимуро матмайское судно. 23 пополуночи подняли якорь и, простираясь при слабом ветре, обошли нас японцы с 5 судами и ушли вперед из вида.

Пополудни в 8 часов поверетались против небольшого островка, называемого Кидаб, около коего также находится удобное место для отстою судам во время штурма.

24 числа пополудни в 6 часов поверетались против гавани Аткиса, а в 9 часов бросили на 10 сажен глубины якорь.

28 числа выезжали с судна во внутренность гавани к японскому строению, где также жил надзиратель и несколько их служителей, впрочем около сей гавани были сплошь мохнатых стойбища. Оная гавань довольно пространна и как для судов, так и для больших кораблей весьма удобная, грунт имеет глинистый, от ветров защищается вокруг средней величины горами, обросшими разных родов лесом; для чего и вид оной положили на план, под литерою «С». В бытность нашу в доме помянутого надзирателя поутру в 9 часов было землетрясение.

29 числа поутру в 9 часов подняли якорь и вышли с рейду оной Аткисской гавани, оставя тут два судна японских, которые стояли на якорях за ожиданием южного ветра к проходу тесного места до пристани Нимуро.

Июля 1 числа пополуночи в 5 часов по примеченной быстроте бросили якорь и для опознания места выезжал поутру на другой день японской лоцман в нашей коженной байдаре на берег, откуда возвратясь обратно, сказывал, чтоб следовать на север и что находимся на полуденной стороне гавани Эдомо. В 11 часов поднялся туман и видно было на берегу японское селение, окружающееся пашнями.

3 числа поутру в начале 6 часа подняли якорь и лавировали. Ввечеру же вдруг за слышанным бережным от буруна происходившим шумом, находясь не более 400 сажен от берегу, бросили якорь и другой, спустили байдару и завезли дрек [26], помощию которого поутру на другой день равно как и буксиром избавились сего опасного места. Тогда японской лоцман признался, что 2 числа не на полуденной стороне против гавани Эдомо, но в самом Цунгарском проливе возле матерого острова Нипона стояли.

Того же 4 числа пополудни в 3 часу прибыли к рейде гавани Хакодаде, где и бросили якорь.

В начале 4 часу приезжал к нам на судно дайгван, или города начальник, которой после ласкового приветствия вызвался, что имеет повеление для вспомоществования во всем от нас требуемом своим пособием, почему и возвратясь выслал из города до 30 больших лодок, чтоб вели наше судно буксиром в гавань. На судне же оставил караул из 4 человек служителей с одним чиновником, за коим как и за начальником по отличности находился копьеносец.

В рассуждении, чтоб не имели беспокойства от великого множества народу, вокруг судна в лодках разъезжающего, кои любопытства ради нередко, к судну приставая, просили о дозволении им взойтить, но были весьма от находящихся приставленных имеющимися у них железными палочками провожаемы, даже бросали в народ поленьями и, съезжая с судна в караульном елботе, били людей без всякой пощады, отганивая их далее. Однако, как ветр был противной, также и против усилившегося течения на убыль морской воды, очень тихо вперед подавались, для чего к облегчению людей бросили якорь, но в 7 часу были опять присланы от начальника, с своими дреками и тросами, и тянули до самых сумерек.

5 числа поутру на рассвете приехали опять и тянули сначала по дреку, вошед же в гавань, шли до якорного места буксиром.

После обеда приехал на судно начальник города с тремя чиновниками в их парадном платье и привезли нам в гостинец 20 рыб палтусины, за что, равно как и за сделанное вспомоществование в постановлении судна на место, их отблагодарили. После объявили: что эдовской чиновник, отправившейся из пристани Нимуро наперед землею, по дошедшем известии о нашем прибытии в Матмай, оттуда сюда прибыл, которой и сам в полчаса за ними приехал, и когда первые ушли, объявил: что оставленные нами назади ево товарищи завтре прибудут и чтоб мы между тем назначили число людей, кои с нами до Матмаю последуют и вес всех тягостей, дабы ведали по сему, сколько лошадей и проводников нарядить потребно будет, с чем и уехал. Ввечеру же прислал на команду трехведерной боченок их вина, или сакке.

6 числа поутру таковой же боченок был прислан от городского начальника; в полдни приехал эдовской чиновник и, приказывая чрез своих людей поставить судно ближе к берегу, звал нас в город, предлагая свои ванны: не желаем ли после такого пути вымыться и когда согласились, уехал с тем, чтобы по исправлении нас уведомить.

По прошествии же двух часов был прислан на судно хозяин дома знаменитой по всему острову купец с двумя чиновниками, в двух больших лодках, с коими и съехали на берег, где по правилу встречены начальником и шестью чиновниками, стоящими в ряд по левую сторону в уборном платье, и провожаемы по улице на недальнее расстояние между множеством собравшихся обоего пола по обе стороны сидящих людей до дому, у коего дверей была выставлена доска с надписью: «российской дом». Тут вторично встречены эдовским чиновником и введены в покои, кои были на запад открыты к небольшому саду, представляющему аллегорической вид утесных положений, составленных из навозных больших каменьев, искусно складенных и разного рода мохом и кустарниками украшенных. Деревья же были персиковые, цареградские орехи, вишневые и яблонные.

Вымывшись в нарочно исправленных двух ваннах, угощали нас на поставленных двух столиках кушаньем, изготовленным по большей части из соленых и вареных разных морских произрастаний и ракушек: вместо хлеба же употребляют

сплошь пареное сорочинское пшено. Впрочем чиновники все оное время находились в своих парадных платьях и по угощении проводили нас обратно до берегу и на судно с такою же церемониею.

7 числа приехали в город бывшие с нами в Нимуро матмайские и эдовские чиновники, которые все с приехавшими вновь из Матмая четырьмя эдовскими ж чиновниками.

8 числа были у нас на судне и объявили, что оне присланы спросить: почему мы не в назначенную гавань Эдомо, но в здешную пришли. Ответствовано: как земли было в продолжение сего пути за туманами от самой гавани Аткиса не видно и по большой части стояли штили, из-за чего мимо показанной гавани пронесло нас быстротою течения, а когда их лоцман узнал землю, был ветр туда противной, и так как место было для отстою весьма опасное, принужденно сюда бывшим попутным следовать должны были. После спрашивали о числе людей, которые в Матмай итти намерены. Объявлено, что исключая препровождаемых, 12 человек. Между тем просили их, чтоб отвели нам место, где б могли пересушить и хранить до обратного прибытия наши припасы, что исполнить обещались.

9 числа поутру прислали эдовские чиновники столарей для делания ящиков, в полдни назначили анбар для поклажи и пересушки припасов, кои и перевозили. После полудни позволили нам выехать с одним матмайским чиновником на лежащей против города северной берег, куда выехав, ходили до деревни, называемой Хамеда, и видели по обе стороны дороги засеянные поля пшеницей, чечевицей, льном, коноплями, горохом и табаком. В огородах же произрастали овощи: репа, редька, морковь, свекла, бобы и огурцы, подобные турецким, и разного роду горох. Что ж касается до рогатого скота, то как японцы четвероногих в пищу не употребляют, исключая лошадей, не примечено из птиц также кроме кур. Впрочем в каждом доме собаки, а особливо кошки содержатся.

Ввечеру по возвращении на судно застали мы трех чиновников, кои спрашивали о числе подвод, сколько имянно мест, каких тягостей и не понадобятся ли цыновки на обвертку мест, также и для покрышки от дождя, зачем и показывали им места. И сочтя все тягости, объявили, что не менее 60 лошадей и 150 цыновок потребуется, кои последние для вяски немедленно и привезены на судно были.

10 числа намерены были испытать, не позволят ли нам по улицам в городе проходиться. На что все чиновники, совокупясь, говорили посланному переводчику, дабы объявил нам, чтоб мы не огорчались тем, что они сего позволить не могут, ибо их закон запрещает: а имели бы терпение до въезду в Матмай, где их большие чиновники властнее в таком случае распоряжать могут. Еще просили переводчика, чтоб спросил меня, каким порядком будем следовать при въезде в Матмай, где для нас будет церемониальная встреча.

11 числа поутру послал переводчика, чтоб истребовал позволение к выезду служителям на берег для перемывки белья, но эдовские чиновники сами приехали на судно и объявили, во-первых, что на посланное их донесение о причине приходу нашего в здешнюю гавань, получили предписание, что все, которые назначены мною были к выезду в Матмай, могут следовать, а судно с достальными людьми за их вспомоществованием чтоб препроводить в назначенную по условию гавань Эдомо.

На что отвечал: как судно вверить в чужие руки совершенно нельзя и следственно исполнить по предложению не можем. Впрочем, нам переходить из гавани в гавань и предаваться опасностям по их прихотям, не лучше ли будет начальствующим вашим господам приехать сюда и решить здесь на месте все их в рассуждении нас препорученное?

Говорили: что они иначе решиться не могут, имея закон непеременчивой и чтоб мы не думали, что здесь так вольны, как на курильской земле в пристане Нимуро.

Отвечал: всякому известно, что везде в государствах должны подданые повиноваться законам, но так как имеем на наших судах несообразную против ваших судов оснастку, почему и требуется отменное правление, которое вашим мореходам есть неведомое и единственно для сего более в их распределение вверить опасно.

Однако напоследок решились, чтоб судну стоять здесь до тех пор, покуда мы в Матмай прибудем, где по сему делу могут решить их начальники. Далее продолжали разговор о церемонии при входе в Матмай и объявили, что не доходя за две версты до городу находится селение, где можно исправиться.

Сказал: что сего исполнить не упустим, для стирки же белья отвели особой дом.

12 числа препровождали с самого утра чрез чиновников и служителей японских все вещи и припасы, следующие с собою в Матмай на берег в дом, назначенной для постою, куда и сами в 5 часов съехали, будучи приняты по-прежнему с церемонией и трактованы ужинным столом, каждой по себе на отведенном месте особо. Для спанья же были нарочно сделаны нары и покрыты голевыми покрывалами, также каждому, по их обыкновению, поставлен был для курения табаку лаковой прибор с бронзовыми чашечками для угольев, табаку и слюны, но для меня отличной работы с серебряным прибором.

13 числа июля поутру доложили, чтоб пред выездом позавтракать и когда каждому поставлено было, также принесли небольшой столик с маленькими чашечками, в коих от всех приправ изготовленной для нас пищи было наложено по маленькой частице, и как и везде и всякой раз, когда завтракали, обедали и ужинали, проходил один из чиновников и ел изо всех в виду нашем, дабы мы не сумневались, чтоб могли быть изготовлены к нашему вреду, и после просили, чтобы мы позавтракали, угощая наперед вином также описанным обрядом.

Всех же чиновников, бывших при нас для распоряжения и гостеприимства как эдовских, так и матмайских, было 16 человек, за каждым из коих носили по одному копью, что составляет у них отличность и знак начальства.

Поутру в 7 часов отправились два чиновника наперед с тем, чтоб встретить и принять нас в селении, где по дороге изготовлен будет обед и после ужин, где будет ночлег, так как попеременно до самого Матмаю и следовали.

В 8 часов пришли чиновники и объявили, что все к выезду исправлено, и препроводили нас до передних дверей, к коим поднесены были норимоны, похожие на европейские портчезы. Когда же сел в норимон, понесли оной 4 человека и четверо шли возле для смены, и переменялись через каждые полчаса на ходу без остановки и сверх шли того по обеим сторонам по два человека надзирателей из нижних чинов для прислуги; также назади двое вели подручную оседланную лошадь, на случай, естьли желание буду иметь ехать верьхом. Далее несли господина Ловцова и за ним волонтира, которой был сын правящего в Охотске должность коменданта господина коллежского асессора Коха. Также прочие же — переводчик Туголуков, геодезии сержант Иван Трапезников [27], купцы Влас Бабиков [28] и Иван Полномошной [29] и пять человек служителей — ехали верьхом на лошадях, кои были за повод ведены, и также каждой имел по два служителя из японских надзирателей, шедших по обе стороны для присмотра.

Наперед же ехали двое матмайских чиновников, за коими несли по копью и за перьвым шли шесть, а за вторым три человека, как и позади за нашими служителями равно таким же образом, а за теми следовали протчие их чиновники и препровождаемая кладь на вьюшных лошадях, и пешие люди с легкими ношами, коих всех с служителями и чиновниками находилось 450 человек.

Продолжая таким порядком следование, шли мимо селений и чрез речки по сделанным мостам, похожим на китайские, коих всех названия описаны на плане, под литерою «Д» означенном. При входе же, пред каждым селением видел вышедших сидевших вниз головою по два, по три и, смотря по величине селений, и до десяти человек в уборном платье для встречи, кои были надзиратели сельские также и старшие из обывателей, равно как и на выезде из селения сажен за 150 расстоянием. В два часа пополудни приехали в селение, называемое Мохетжи, [где] был назначен дом для обеда с выставленною надписью, как в городе в Хакодаде, что и по всем местам до города Матмаю, где приставали, исполняемо было и сверьх того оные домы для отличности, исключая внутреннего убранства, раставляемого росписанными ширмами, около стен поставленными, обтягиваемы были снаружи в 6 полос спитою бе-

лою дабою с напечатанными матмайского губернатора гербами, куда по прибытии были у дверей встречены уехавшими вперед чиновниками и введены в покои, в которых у них уже все по их обыкновению исправлено было. Другие же из чиновников, переменяя прежних, отправились вторично вперед и таким образом сменялись во всю дорогу и, тут отобедавши, простирались далее до селения, в котором назначен был ночлег, называемого Изумизава, где также, как и при перьвой остановке, исправили. В каждом прошедшем селении как и здесь были выстроены их капища, при коих также в особо выведенном над входом или крыльцом возвышенном месте были навешаны колокола; расстоянием же оное место от города Хакодаде на 34 версты и до 30 сажен.

14 числа поутру в 10 часу вышли в селение, называемое Килона, откуда, пообедавши, продолжали далее и пришли в пространное селение, называемое Шириуджи, где был назначен ночлег, расстоянием от Изумизавы на 20 верст и 310 сажен. В оном селении сверьх капища находились также мелочные лавки.

15 числа поутру в 6 часов пошли с ночлегу и, следуя чрез гористое положение мест, в 11 часов [пришли] к выстроенным нарочно двум травяным сараям, из коих назначенный для нас как снаружи, так и во внутренности был обтянут опрятно обшивною белою дабою с разными выпечатанными знаками и обнесенными вокруг скамейками, в коих отобедавши, отправились далее. И перешед через гору, поднялись на другую весьма высокую; шли по самой гриве поверхности и спущаясь весьма круто на речку, по коей выехали в 3 часу в селение, называемое Фигушима, расстоянием от Шириуджи на 26 верст и 300 сажен, где и ночлег был назначен. Дорога же по всем местам, особливо в крутых кривлевато выведенных спусках, была рытая и, по-видимому, стоила великой работы.

16 числа поутру отправились и, дошед до селения Иошога, в оном отобедали; в следовании же приметил, что берег морской был размежеван на 100 сажен и более гранями, выведенными подобно как грядами из крепкого галешника, и на вопрос, для чего, объявили: что у них на каждого человека, смотря по семейству, разделяется часть берега для собирания выкидной морской капусты, разных произрастений и ракушек, и что каждой только на отведенном ему месте и против оного в море промышлять может.

Откуда шли 8 верст до селения Рееригe берегом, а из оного начали подниматься на гору, которая, по объявлению японцов, была всех выше на Матмайском острове и, поднявшись на самую верьхушку, остановились у поставленной палатки, где матмайцы спрашивали: не угодно ли кому пить чаю или ключевой воды. С поверьхности же оной на полверсты расстоянием чрез распадок [30] находилась в виду из имеющихся на сем острове трех, одна огнедышущая гора, коей исходящей густой дым был виден. Сверьх того рассказывали матмайцы, что в имеющихся на ней в полугоре горячих ключах, которые весьма целительны, так как их народ, пользуясь оными, сплошь получает от разных болезней облегчение.

С поверхности оной горы спустились, и прошед на трех верстах по берегу два селения, пришли в третье, называемое Осамасура, в котором остановлены и приняты в дом, где покуда переодевались, занимались их чиновники распределением порядка церемонии, потому что для смены шедших с нами прислано из Матмаю утроенное число чиновников и служителей, кои были в разном уборном платье как по чину, так и по заимствующей должности.

Исправившись же, последовали в следующей церемонии: напереди ехал эдовской чиновник в белом платье, у коего лошадь вели двое под узду, также двое служителей шли по обе стороны, а позади двое с копьями и двое с черными лаковыми ящиками, за коими по два в ряд 12 человек в черных лаковых шляпах с копьями. За ними же двое несли копейное знамя, состоящее на долгом ратовье [31] с позолоченными тремя маковицами, из коих под самой большой внизу было обвернуто алым сукном, разрезанным к низу на аршин ленточками; и за оным 8 человек в ряд по два с копьями. Затем шли 12 человек с луками и колчанами, и ехал матмайский чиновник, подобно первому, за коим также несли два копья и луковóе знамя, состоящее

на долгом же ратовье с тремя выгнутыми железными, похожими на полумесяц значками, под коими тоже было немного обвернуто алым и разрезанными к низу на аршин из белого сукна ленточками, позади коего также шли с луками 8 человек и ехал другой матмайский чиновник, за коим также несли два копья и шли 4 из их надзирателей. Потом шли двое в ряд: один с копьем, другой с большим на долгом ратовье подсолнешником, за коим несли 4 ящика под лаком, покрытые чехлами из зеленой вощанки.

За сими же несли меня 8 человек нарядных в уборном платье в губернаторском норимоне; за мною же следовали также в двух норимонах: в 1-м из препровождаемых мною японец Кодай, во 2-м же матмайский чиновник и за ними несены были копья, коим последовал господин Ловцов на верьховой лошади, у коего также вели двое под узду и двое шли по сторонам, как и у ехавших за ним переводчика Туголукова, геодезиста Трапезникова, волентира Коха, у двух купцов, у препровождаемого японца Исокича и у пяти человек служителей. Между каждым же из оных шли по два человека матмайских чиновников, за коими несены были копья; напоследок ехал эдовской чиновник равного с передним чина Хиозаемон, который был в пристани Нимуро, и все прочие их чиновники также церемониально; позади же их вся кладь на вьюшных лошадях, но по большей части несли их люди оную на себе.

Пополудни в 3 часу вошли в город Матмай, где по всем улицам, по коим следовали, были домы раскрыты и наполнены обоего пола зрителями. Впрочем как ходящих, так и встречающихся никого не примечено, исключая уличных начальников и надзирателей, кои у каждого перекрестка в уборном платье с копьями стояли. Подходя же к дому, были еще встречены церемониею с ружейным позолоченным знамем, которое представляло шарообразной вид с тремя нарисованными матмайскими гербами и было также посажено на длинном ратовье, которая, сообщась впереди с прежними, следовала к воротам до дому, назначенного нам под постой, у коих стоял по обе стороны фрунт из 60 человек. На правой стороне с ружьями, кои держали полого на правом плече, а в левой же руке зазженные фитили, а на левой с луками и колчанами, где остановясь, были встречены матмайскими чиновниками и, шед через двор, в котором также был караул, пред коим стояли 7 копий выстановленных.

Вошед же в покой, были встречены эдовскими чиновниками и разведены по разным горницам, из коих каждому отведена была особливая, в коих и расположились.

Чрез час времени пришли два чиновника, посланные от губернатора, во-первых, чтоб поздравить с счастливым прибытием, и во-вторых, чтоб объявить от имени его, что послал их по полученному от государя своего повелению, в рассуждении исполнения всего к удовольствию нашему потребного, чтоб находились при нас безвыходно для услуги, и естьли когда нам в чем надобность случится, о сем бы их уведомляли; назывались же по фамилии и имени: Нида Катоода, Куджикура Угенда.

Дом, в котором жили, был нарочно для нас исправлен и убран, что приметил как поделаны были столы, стулья, скамейки и места для постель, также новой пол без постилок; прочее же украшение состояло из картин, лаковых ящичков для бумаги, чернильных и для курения табаку приборов. Перед домом же был сад с разными деревьями и поставленными из твердого гранита для горшков круглыми пиедесталами, вокруг коего был низкой забор, но верьх оного обтянут сшитою белою и синею дабою в пять полос так, что из покоев хотя и были не низки, ничего чрез оной видеть было неможно.

В 6 часу пришли ко мне двое эдовских чиновников и спрашивали меня об обряде, с каким мы можем притти к их начальствующим чиновникам, так ли, как у них в обыкновении без сапогов и башмаков, чтоб кланяться в землю и сидеть на коленях или лежать на одном боку? Говорил им: что всего сего исполнено быть не может, во-первых, как имеем не такое как у них длинное и пространное платье, в котором они хотя и вовсе будут ходить босыми, не может быть приметно снаружи; естьли же в нашем раздеться, не будем уже совершенного по обряду с обыкновением сообразующего должного виду иметь. В рассуждении же поклонения в землю и чтоб сидеть на коленях, у нас сего и в обыкновении нет, чтоб пред начальниками, такими же

смертными людьми столь низко унижаться, даже во всей Европе и сами государи такого поклонения, одному богу приличного, не приемлют. Далее показывал им, как кланяемся в засвидетельствовании почтения, что видя говорили: что у них стоять есть непочтительно. Отвечал: мы сего от них не требуем, для нас равно в каком бы положении они ни были. За тем и мы против своего обыкновения ничего в противность сделать не можем, для чего хотели о сем доложить и чрез два часа пришли с ответом, что их начальники на все, как нам угодно, соглашаются.

Июля 17 числа пополудни в два часа объявили эдовские чиновники, которые из числа свиты 14 человек безвыводно очередно по 3 и по 4 человека при нас находились, что церемония к следованию нашему в дом, определенной для переговоров, находится в совершенной готовности, и спрашивали: в норимоне ли или пешими следовать намерены? В рассуждении, как день был ясной, сказали, что пешими; почему и последовали в церемонии как и прежде, изключая, что ружейное знамя было впереди с двумя прежними и по обе стороны возле нас шли 8 человек матмайских чиновников, из коих за каждым несли по копью, совершенно устроена была по-прежнему. Прошед же более двух верст и не доходя до дому сажен за двести, стояли по обе стороны между столбами на развезях до 30 лошадей, оседланных в лучшем уборе. Далее же к дому, которой стоял на высоком яру, имеющем сажен 6 в перпендикуляре, всходили по сделанному крыльцу, по обе же стороны до самого верху к воротам от уборных лошадей простирался по обе стороны забор, которой также сверьху был обтянут сшивною синею и белою в семь полос дабою, под коим также до 150 человек находилось сидящих на коленях японских служителей, на одной стороне с ружьями, кои были приставлены возле каждого по правую сторону к забору, а по левую горели зазженные фитили; напротив же их на другой стороне — с луками и колчанами.

Дошед же до крыльца, были встречены чиновниками и отведены в особливой покой, где были угощаемы чаем; чиновники же все 14 человек, составляющие свиту их посольства, изключая двух старших, коих еще не было, были в самом великолепном платье с разными лакированными черными на голове касками, в пространных сверх платья красных и белых шелковой плотной материи мантиях, в голевых широких и длинных шароварах, кои, когда ходили, волочились за пятою на пол-аршина.

Показывали мне залу и место, на котором должны будем находиться, также как вчерашнего числа предупредили меня, что от нас по нашему посольству никакого переговору па первой раз не будет; а только приглашены для взаимного свидания и чтоб нам объявить и отдать наперед своего государя узаконение, дабы мы знали их расположение в рассуждении прихода иностранных людей к их государству. Показывали также в саду покладенных сто кулей пшена сорочинского, которым их государь определил наградить препровождающего его подданных.

Увели в прежней покой, куда пришли посланные от матмайского губернатора старшие по нем 6 человек чиновников, из коих первой, вынув лист и прочтя следующее содержание: препровожденное от вас чрез людей наших российское с переводом японским письмо, как о достижении вашем до пристани Нимуро, так и о уведомлении, что вдаль до столичного города Эдо следовать намерение имеете и о прочем, нами получено; но по незнанию языка и письма чрез перевод совершенно смысл оного надлежаще истолковать и по оному исполнения до дальнейшего рассмотрения положить не можем; почему в сходность узаконений наших и возвращаем обратно. И, вруча мне прочтенной лист и посланные от меня письма, возвратились обратно, потом объявили, что их начальствующие пришли и препроводили нас па показанное до сего место, куда, пришед и остановясь против их сажени на четыре, им по своему обыкновению кланялись, каким порядком и оне нам соответствовали.

Прочие все чиновники сидели на коленях в ряд по левую сторону, засим приказывали раздвинуть против саду правую стену и показать мне упомянутые сто кулей: из другой же горницы вынести ящик и поставить передо мною, и когда я смотрел, унесли оной в покой, где находились прежде.

Между тем же вынесли лист, которой один из чиновников, подползши на коленях, подал одному из главных, и сей, прочтя оной, поклонясь другому, и тот ему

обратно, что значило общее согласие, приказал тому же чиновнику вручить мне, от которого и принял [32]), и после в приеме дал от себя расписку следующего содержания: «японским императором предписанное мне прочтенное и после истолкованное, по возвращении же в свое отечество для представления главному начальству вверенное узаконение принял А. Л[аксман]».

По сем были препровождены в прежний покой, где стояли стулья, просили, чтоб сели и угощали чаем, также поставлены были пред каждым на маленьких столиках для курения табаку приборы; равно и они также в другие покои на короткое время выходили, после же вскоре прислали чиновника, чтоб объявил нам, что они по вручении мне предписанного их государем узаконения желают в том же зале с нами видеться, для чего и вышли вторично в залу, где они на прежних местах стояли, но прочие как и прежде сидели.

Говорил им чрез переводчика: Милостивые государи! Будучи вы известны по посланному от нас письму к здешнему губернатору о причине посольства нашего до столичного города Эдо, хотя не письменно, но чрез посланных нас уведомили, чтоб прежде зайтить в здешнее место, куда вы единственно для рассмотрения сего посольства прибыли, зачем последуя их словам и видя теперь вас лично, имею засвидетельствовать великого Российского государства Иркутской и Колыванской губернии от генерала-губернатора и разных орденов кавалера Ивана Алферьевича Пиля, так как от ближайшего правителя пределов российских к границам великого государства вашего вам почтение и изъявление удовольствия, что его высокопревосходительство чрез произшествие такого случая, при доставлении вашего государства подданных в свое отечество, исполнившегося по собственному соизволению и точным словам великой российской государыни, мог истиннейшим и справедливейшим образом не токмо одним описанием о несчастном с ними приключении уведомить, но и о всем долженствующем в принадлежащем к составлению между обоими великим государствами на будущее время союзного содружества и совершенного согласия.

Собственно же имею честь сим объявить, что препровождаемых поданных при письме по данному мне повелению предписано представить прямо великого Нифонского государства его тензин-кубосского величества к главным правителям ками великого града Эдо.

Отвечали: что как они ныне собственно для сего по соизволению его тензин-кубосского величества сюда присланы и не оставят по рассмотрении, чтоб не исполнить всего в рассуждении нашего посольства долженствующего. Потом продолжали о нашем пути, которой почитали весьма затруднительным.

Я же с нашей стороны принес им благодарность за ласковое обхождение, вспомоществование и разные одолжения от их чиновников нам по их предписаниям последовавшие. По сем же вели рассуждение о приходе нашем с судном в гавань Хакодаде, и по объяснении им разных следствий, кои припужденно в оную войтить принудили. Хотя и почли справедливым, но говорили, что против их закону оное тут стоять не может и, чтоб препроводить оное в назначенную гавань Эдомо, для чего и предпишут туда, что к вспомоществованию в дополнение числа людей от нас оставших, чтоб определено было тамошним начальником два лоцмана и 10 человек служителей и чтоб мы о сем также туда от себя предписали.

За сим же по взаимном почтении разошлись и, зашед в особой покой, объявили оставшие их свиты чиновники, чтоб, следуя домой, мимоходом зайтить к их главным начальникам для изъявления благодарности за доставленные ими от кубосского величества мне подарки. Почему шед обратно с тою же церемониею, и заходили в их домы; но как оных самих не видали, а были только встречаемы их чиновниками у дверей, коим объявя, что зашел для отдания благодарности, хотели им о сем донести, чем все и кончилось.

Оттуда поднесли мне норимон, в которой и сел, господину же Ловцову подведена была, по его желанию, уборная верховая лошадь. Возвратились с церемонии домой.

В 7 часов пополудни принесли эдовские чиновники в мою горницу ящик с тремя саблями, каковые употребляют только их владетельные вельможи, в церемониях пред

коими также и копья, прикрепляя к ратовьям в два аршина с половиною, носят, и принеся оным записку, спрашивали меня о пшене, куда оные сто кулей перевозить. Просил, чтоб доставили в гавань Хакодаде для погруски в судно, что по сему и исполнили.

В 8 часов после первых пришел чиновник от матмайского губернатора с почтением и, чтоб в знак его усердия принять посланной с ним подарок, состоящей из 20 ящиков листового табаку, одного ящика с лисицами и одного ящика с лаковыми подносами. Потом пришли от эдовских начальников их чиновники с посланными собственно от них в подарок вещьми, которые состояли в японской бумаге и в ценинных [33] чашках, за кои приказал посланным, чтобы засвидетельствовали мою благодарность.

18 и 19 числа приходили нарочно наряженные от главных начальников два старшие чиновника, коих фамилии и имена были: первого — Готоо Джеджиро, второго — Тониями Мотоджуро, чтобы находились при мне для истолкования слов к переводу данного от них листа.

Того ж 19 числа приходили еще два чиновника, посланные нарочно от их начальствующих с тем, дабы спросить у нас о времени, в какое можем возвратиться до Охотска и не имеем ли для подчиненных служителей недостатка в харчевых припасах и какие имянно потребны им бы объявили, так как их начальствующие имеют от его тензин-кубосского величества повеление, чтоб снабдить всем потребным на случай недостатка. На что отвечал: во-первых, что к достижению до Охотска, в рассуждении разных встречающихся в морском хождении перемен, о продолжении времени заключительно положить неможно; что ж касается до припасов, оных также с продовольствием на два месяца имеем, в истечение какого времени и непременно, если путь будет благопоспешный, дойтить надеемся. В противном же случае, когда будем принуждены зимовать не дошед, на каком-нибудь пустом острову, тогда, конечно, станем претерпевать во всем нужду. Сверх того также и требовать у вас положительно не можем. Затем спрашивали: по скольку каждому служителю в месяц харчевых припасов производится, в чем любопытство их удовольствовали.

После полудни приходил матмайского губернатора товарищ с следующим по нем чиновником, кои, поздравляя с прибытием, также спрашивали о здоровье и не имеем ли в чем недостатку. За какое посещение и сделанное приветствие, объявя, что все здоровы и, никакого ни в чем недостатку не имеем, их отблагодарил, с чем и ушли.

Ввечеру кончили перевод листа и имели рассуждение о вручении посланного со мною письма от его высокопревосходительства Ивана Алферьевича, которое в силу предписанного узаконения их императором принять не хотели и сверх того, как надпись была не собственно на их имя и чин подписана, говорил, что самое не составляет важности, ибо о именах не можно было знать, равно как и о подробном различии в состоящих между ими чинах, если же не примут, не будут должного и следующего о прямой причине и намерениях заключающих наше посольство иметь сведения. С каким объяснением могут им представить препровождающихся их государства подданных и как последую обратно, не исполнив повеления по данному мне предписанию, чего для ходили о сем докладывать к их начальствующим и, пришед обратно, говорили, что они на таком расположении, чтобы мне самому распечатать оное и им прочесть, выслушать, соглашаются.

Отвечал: что сего также исполнить не могу, как только прочесть из данного мне наставления во многом и сходственность письма согласующееся предписание, из-за сего вторично ходили докладывать и, возвратясь, говорили, что, может быть, когда вы им покажете, оное и примут; в противном же случае, если раздумают, тогда уже можете прочесть, как сказывали. Почему, имея препровожденную от его высокопревосходительства при наставлении с посланного письма копию, приуготовился, когда и подлинно не примут, чтоб им оное прочесть.

20 числа поутру с общего согласия послал от имени его превосходительства к начальствующим двум чиновникам из разных вещей состоящие подарки.

Того ж числа пополудни в 3 часу по объявлении чиновниками, что церемония

в совершенной готовности к следованию, вышел и был оною по-прежнему провожаем в назначенной дом для переговоров, куда пришед был также с бывшими при мне, изключая переводчика, геодезии сержантом, волентиром и купцами отведен в особливой покой, где были сажаемы и угощаемы. Когда же пришли их чиновники начальствующие, оставя прочих, вышел с переводчиком к ним в зал, и на сей раз был препровожден гораздо ближяе прежнего, чиновники же находились в таковом же обряде, как и при прошедшем переговоре. Тогда начальствующие, встав на ноги и подошед ко мне вплоть и поклонясь, просили за посланные и ими полученныя подарки, чтоб засвидетельствовать его высокопревосходительству их благодарность, и когда возвратились на свои места, говорил им следующую речь:

Милостивыя государи! Если соизволение его тензин-кубосского величества было вверить вам рассмотрение и все долженствующее к распределению посольства нашего, поставляю за долг поверенное мне от его высокопревосходительства иркутского и колыванского генерал-губернатора и разных орденов кавалера Ивана Алферьевича Пиля для передачи письмо с достодолжным моим высокопочитанием вручить, лаская себя надеждою пользоваться счастием, что и в доставлении по соизволению его тензин-кубосского величества великого нифонского государя от вас и к его высокопревосходительству для обстоятельнейшего донесения её императорскому величеству великороссийской государыне таким же в ответ согласным письмом удостоен буду. Вручив же письмо, имею честь и подданных ваших представить в покровительство и призрение ваше. соболезнуя о третьем умершем в Нимуро, что не достиг сего щастия.

Письмо было подано чрез их свиты старшего чиновника, которой также с оным к ним подползши и подав им оное, хотел возвратиться на свое место, но они, осмотря надпись, приказали ему вручить мне обратно и говорили: что изключая города Нангасаки, не может в другом месте никакое предписание принято и чрез оное препровождено быть в начальство, как уже вам и самим по полученному от нашего государя узаконению известно. Что ж до людей касается, указал на старшего чиновника, чтоб оных ему по получении от него росписки за их именами и печатьми сдать.

Затем было читано посланное его высокопревосходительством письмо чрез переводчика на японском диалекте, которое выслушав со вниманием, говорили: что здесь по оному никакого заключения сделать неможно; а как имеют лист с знаком государя их, могут нам прописать на оном свободной вход в Нангасаки, куда впредь для заключения трактату и условия, естьли вновь какое намерение с нашей стороны предпринято будет, так как там нарочные для сего определенные начальствующие чиновники находятся, с оным прибыть можем, впрочем и туда, не имея такового вида, итьти никому не позволяется.

Кончив сим переговор и взаимно откланявшись, вышел в другой покой, где оставлены были прочие упомянутые нашей свиты, возвратились с церемониею в отведенной нам для постою дом.

Ввечеру сдал пришедшему упомянутому старшему чиновнику препровождаемых японцов Кодая и Исокича, где также были два чиновника из их свиты, которые назначены были для препровождения их в столицу Эдо; по сдаче же упомянутых нами привезенных японцов уже более не видали.

21 числа принесли от начальствующих чиновников в принятии ими своих подданных Кодая и Исокича росписку [34], кою тут же и перевели. Чины их были шен-юши, фамилии и имена: первого — Ишикава Шиооген, второго — Мура-Ками Дайкаку.

Того же числа объявил эдовским чиновникам, что имею намерение итти к матмайскому губернатору для личного засвидетельствования со стороны нашей благодарности, так как будучи в прозимовке на сем острову и в проезде до здешнего места по повелениям от него разосланным везде чиновниками начальства его наилучшим образом принимаемы и вспомоществуемы были, равно как и здесь ныне ежедневно во всем с продовольствием угощаемы; далее же, как он есть самый ближайший правитель по соседству к границе предел великого государства нашего, имею также для лучшего впредь знакомства от имени его высокопревосходительства ему представить

подарок из разных российских вещей. О сем также ходили докладываться и, пришед обратно, говорили: касательно до засвидетельствования здешнему губернатору Вашей благодарности, совершенно не для чего потому, как он до Вас так и Вы до него никакой надобности между собою иметь не можете, а что он для Вас сделал и делает, сие исполняет по полученному от его тензин-кубосского величества повелению, да и чего на его смотреть — он мальчик (показывая с презрением рукой малой рост человека). Впрочем, если имеете какие в подарок для него вещи, можете к нему переслать чрез его товарища, которой приходил с поздравлением и изъявлением государева повеления, чтоб Вам до всех нужд относиться к нему.

Однако, изведав довольно, что их столицы чиновники во всех прочих местах с отличным уважением принимаются, сами прочими всеми пренебрегают, несмотря, что их выше достоинствами и состоянием, рассудили с общего согласия в рассуждении, как весьма приметно было, что сукна и прочие товары у них за великую редкость поставлялись, особливо в здешнем щитающемся у нас отдаленном краю, подарить от имени его высокопревосходительства на случай для будущего времени как ближайшего правителя, дабы лучшие имели мысли о российском народе, в соседстве с ними живущим; почему и отослали ему часть разных товаров.

За сим хотели также подарить эдовской свиты 14 человекам, каждому по небольшой части разных вещей, но они отозвались и ни под каким предлогом принять ее согласились, равно и матмайские 4 чиновника, бывшие в пристани Нимуро.

Еще имели рассуждение с пришедшими четырьмя старшими чиновниками о расторжке товаров, имеющихся у купцов, находящихся при нас. Хотя и известны по полученному ныне узаконению, что кроме Нангасакской гавани нигде с иностранцами ваши не торгуются, но так как на первой раз единственно для одного только опыту имеем при себе купцов с небольшим количеством разных товаров, которые нарочно из разных мест нашего государства ими доставлены были, не можно ли будет хотя каким ни есть посредством для обоюдной на будущее время пользы позволить разменяться.

Отвечали: напрасно вы в том настаиваете, чего мы для вас сделать не можем, самое оное дело есть важное и только может быть позволяемо по особому повелению государя нашего, какая бы с нашей стороны нужда была иметь против сего наблюдение, естьли б не столь строгое о сем было предписание. Вы от нас довольно, кажется, слыхали, что самая малая естьли приметится за нами ошибка, стоит нашей жизни.

22 числа приходил от матмайского губернатора его товарищ с засвидетельствованием его высокопревосходительству благодарности за посланные подарки.

Того же числа послал от себя к начальствующим эдовским чиновникам в подарок два больших зеркала, пару пистолетов, разной стеклянной посуды и два термометра, и через них разные посланные от родителя моего в столицу Эдо с тремя письмами к их ученым людям разные редкие вещи по натуральной истории и три термометра, которыми как первые от меня, так и последние для препровождения были приняты [35].

Также и к матмайскому губернатору послал в подарок два зеркала, разной стеклянной посуды и один термометр, которым также все оные вещи были приняты и немедленно прислал чиновника отблагодарить.

23 числа пополудни в 4 часу по объявлению чиновниками, что церемония в совершенной готовности к следованию нашему до определенного для переговоров дому, почему как оная церемония была в городе последняя, ходили все, исключая двух нижних чинов служителей, кои оставались всегда на крыльце. Пришед к дому, были встречены и препровождены в особой покой, сажаемы и угощаемы как прежде; по сем пришли и объявили, что их начальствующие в готовности нас принять, вышли к ним в залу. Прочие же остались в покое, в котором по сделанным чрез поклоны взаимном приветствии, начал один из них говорить: как известны мы теперь из письма, прочтенного вами при прошедшем свидании, что великая ваша российская государыня для союзного по соседству содружества, которое ничем столь подкреплено быть не может, как обоюдными между подданными ее императорского величества и

его тензин-кубосского величества чрез торговую связь, но так как здесь нами такого открытия в рассуждении торга в силу наших узаконений совершенно установить неможно; имея же вверенной нам от Кубоо Самы с его знаком белой лист, на котором повелением его тензин-кубосского величества подписали позволенной вход в Нангасаки, и вручая вам оной лист (которой чрез чиновника мне и подан), если будет с вашей стороны для согласного заключения по письму от вас читанному какое вновь предприятие, можете с оным туда следовать [36]).

И затем разошлись по покоям, где, посидя некоторое время с их чиновниками, пришли вторично звать, дабы вышли в залу для дружеского взаимного приветствия и чтоб проститься, ибо до сего как было с обоих сторон дело государственное. Затем по нашему обыкновению и никаких посторонних разговоров произносить за запрещением не можно. Вышед же к ним, стояли как мы, так и они друг против дружки очень близко, начали говорить мне: что приносят благодарность за препровожденных доставленных их подданных людей, также и за присланные подарки.

Отвечал: что доставить их подданных исполнил по возложенной на меня должности; касательно же до подарков, то было от усердия взаимная благодарность, чтоб отслужить за полученные. За сим благодарил как чрез всю прозимовку, так и в путеследовании до самого здешнего места везде пользовались по поведениям их от нижних чиновников приветствием и вспомоществованиями.

Потом просил, чтоб с таким же расположением и в обратное последование в гавань Хакодаде до судна свое старание о вспомоществовании для нас имели. Однакож их приветствии и попечительности по возвращении буду отзываться совершенно довольным его высокопревосходительству господину генерал-губернатору иркутскому и колыванскому и разных орденов кавалеру Ивану Алферьевичу Пилю, так как от имени его сюда послан, на что они, поклонясь, говорили: в том состоит их долг, чтоб нас до самого отбытия в море во всем вспомоществовать и исполнить сего не оставят. За коими последними речьми кланялись, взаимно желая как они нам, так и мы им благопоспешествующего обратного пути и затем разошлись по покоям, из коих с прежнею церемониею возвратились домой.

24 числа пришли посланные от начальствующих два чиновника, кои принесли к нам для показания один куль со пшеницею и записку, означающую число оных кулей. Говорили: что на случай недостатка в обратный путь харчевых припасов повелением его тензин-кубосского величества для выдачи в раздел на команду по рассуждению их начальствующих послано к вам на судно, а имянно: ржи 61, пшеницы 27, гречухи три, всех 91 куль, козьего соленого мяса 6 боченков; сверх того для молотья муки жернов ручной один и два сита, из коих одно проволошное красной меди, которую приняв, просил засвидетельствовать за их попечение нашу благодарность.

25 числа приходили посланные от начальствующих два чиновника спрашивать о намерении нашем к выезду, и так как положились, чтоб ехать завтра, оные с тем и ушли. Потом вскоре прислали человек с десять работников для перевязки и укладки вещей.

26 числа поутру в 10 часов выехали из Матмаю с такою же церемониею, с какою и вошли, также теми же эдовскими и матмайскими чиновниками, изключая губернаторского товарища, который в свите нашей до города Хакодаде находился, провожаемы были; по тем же селениям как и вперед следовали, останавливались.

30 числа пополудни в 5 часу прибыли в город Хакодаде и стали на постой в дом, которой еще по приходе был отведен.

Августа 3 числа объявил мне переводчик Туголуков, что двое из эдовских чиновников потаенно от меня просили ево, чтоб дал им копию с читанного при переговорах в Матмае письма, посланного от его высокопревосходительства в их начальство; из чего можно было заметить, что были настроены от своих начальствующих, чтоб оное не формально, но секретным образом получить. Чего для, почитая за нужное, чтобы они оное имели, приказал им отдать имеющуюся у него копию, что и исполнил. Ими же немедленно была переписана и ему собственная возвращена.

5 числа в полдни переехал с земли на судно; 6 числа поутру приехали эдовские и матмайские чиновники, из коих первые, простившись с нами, оставили последних с бывшими при них лодками для вспомоществования к выходу судна на рейд; в 9 часов подняли якорь, но без помощи их вышли на оной и в 10 часов бросили якорь, после чего по взаимном сделанном приветствии также с ними простились.

С оного же числа принуждены были стоять на рейде за продолжающимися юго-восточными ветрами по 11 число.

С самого прибытия судна в гавань Хакодаде и до выходу оного в море стоящее в 10 саженях расстоянием небольшое гребное судно под названием для наблюдения, чтоб не имели от городских жителей беспокойства.

11 числа поутру в 5 часов приказал господин Ловцов выстрелить из пушки, чтоб таким сигналом известить японцов о нашем выходе; в 6 часов подняли якорь и, распустив паруса, шли с рейду оной гавани в море.

В 7 часов нагнал нас в морской лодке матмайской чиновник, которой был послан спросить, зачем выстрелили из пушки и что самое весьма их начальствующим не понравилось. Отвечали: что для ведома их о нашем выходе в море, с чем и возвратился.

15 числа во 2 часу пополудни против 21-го курильского острова видели мы позади нас два следовавших японских судна, которые видя, можно думать было, что посланы для наблюдения нашего ходу и не будем ли где иметь пристанище.

19 числа пополудни в половине 6 часа по очищении горизонта увидели оконечность 19-го острова и поворотили в пролив.

20 числа шли проливом за маловетрием весьма медлительно. По обе же стороны, как видимы были 19-го и 18-го островов оконечности, коих и сняли вид, под литерою «Е» означающийся.

Сентября 3 числа поутру в 7 часов увидели Марикан то-есть, состоящей кряж хребтов, вышедшей против Охотска мысом на 15 верст расстоянием с северо-восточной стороны.

8 числа, стояв на якоре в Охотском рейде, в 3 часу пополудни выехал на прибывшем к судну елботе по совершении 28-дневного плавания в город Охотск благополучно, о чем охотскому коменданту господину полковнику и кавалеру Виттену письменным рапортом имел честь донесть.

На другой день 9 числа господин Ловцов в 1 часу пополудни вошел помощию буксира в устье реки Охоты судном благополучно.

Будучи же в Охотске за сдачею вещей и припасов за расходом оставшихся с принятыми реэстрами документами и книгами, за удовольствованием всех нижних чинов служителей аттестатами и жалованьем прошедшего года по 1 число октября.

Сентября 29 числа без предписания и не имея никакого подробного по експедиции о делах произшедших при переговорах в японском городе Матмае сведения, охотской комендант господин полковник и кавалер Виттен приказал по повелению его тензин-кубосского величества от бывших присланных 5-й степени чиновников при записке мною в подарок сто кулей сорочинского пшена полученных, из судна выгрузить и под сохранение свое принять, о чем хотя и донесено от меня было рапортом, но никакого также о исполнении сего предписания не получено, почему и должен был оставить до дальнейшего по сему делу изыскания, дабы мог воспользоваться собственно мне принадлежащими получением.

Октября 4 числа исправил все по вверенной мне должности препорученное, и получа для следования подорожну из Охотска отправился, и сего [1794] года генваря 21 числа прибыл в Иркутск благополучно [37]).

Государственный архив Крымской области, ф. 535, оп. 1, д. 2034, лл. 1—46 об.— Копия конца XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Указ опубликован в ПСЗ, т. XXIII, № 1685, стр. 249—251.—117.
2) Дмитрий Шебалин участвовал в экспедициях 1778—1779 и 1783—1785 гг. на Курильские острова, посещал гавань Аткис на о. Матмае и вел переговоры с японскими властями об установлении торговли (см. А. Полонский. Курилы. «Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии», т. 4, СПб., 1871, стр. 445 и сл.).— 118.
3) О-в Итароп — это Итуруп. Курильские острова кроме названий в русских источниках имеют еще и порядковые номера, считая с севера на юг. Здесь и далее в публикации сохранена транскрипция имен собственных, встречающаяся в документе. В частности, названия отдельных островов приводятся иногда в устаревшем виде (например, Кунашири вместо Кунашир, Шикоту — Шикотан).— 118.
4) «Мохнатыми курильцами» русские источники называли айнов — жителей Курильских островов.— 118.
5) Егор Туголуков обучался японскому языку в Иркутске, где существовала специальная школа, в числе преподавателей которой были выходцы из Японии, оставшиеся в России и принявшие христианство.— 118.
6) Василий Олесов — один из наиболее опытных мореходов, ранее плавал в качестве штурмана на судах, принадлежавших Г. И. Шелихову.— 118.
7) «Сорочинское пшено» — рис.— 119.
8) Этого плана, равно как и других, упоминаемых на стр. 134, 137, 146 текста дневника, при публикуемом документе нет. Два плана из числа составленных экспедицией Лаксмана изданы В. Лагусом (В. Лагус, Ук. соч., приложения). Карту плавания «Екатерины» см. в кн.: Э. Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг., между стр. 64 и 65.— 119.
9) Остров Матмай, Матсмай, Иезо (в русских источниках известен как 22-й остров Курильского архипелага) — прежние наименования о. Хоккайдо. Главный город острова также назывался Матмай.— 119.
10) Этот документ опубликован в «Архиве князя Воронцова», кн. 24, стр. 408—410.— 120.
11) Данный факт подтверждает, что, невзирая на политику изоляции, проводимую японским правительством, население северных районов Японии (не исключая местных властей) вступало в дружественные отношения с русскими людьми. Более того, контрабандная торговля северных кланов с русскими достигла заметных размеров и внушала тревогу Бакуфу, вызывая зависть других кланов, лишенных возможности торговать с Россией (см. Э. Я. Файнберг. Экспедиция А. Лаксмана в Японию в 1792—1793 гг., стр. 205). Ср. также стр. 124 публикуемого документа.— 121.
12) Тойонами русские называли родоплеменных старшин местного населения Алеутских и Курильских островов.— 121.
13) Верврет (вероятно, искаженное вельвет) — плотная хлопчатобумажная ткань с ворсом, по виду напоминающая бархат.— 122.
14) О-в Карап (по-видимому, искаженное Карафуто) — Сахалин. О присоединении Сахалина к России в XVII в. и о последующем его освоении в XVIII — начале XIX в. см. Б. П. Полевой. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1960, стр. 58—87.— 122.
15) Здесь имеется в виду штурман «ранга прапорщика» Василий Ловцов. В литературе иногда участие в экспедиции А. Лаксмана приписывают Григорию Ловцову.— 122.
16) Даба — хлопчатобумажная ткань.— 122.
17) Корольки — разновидность бус.— 122.
18) Китайка — сорт хлопчатобумажной ткани. —122.
19) Октант — угломерный инструмент, применяемый в мореходной астрономии и при выполнении гидрографических работ.— 123.
20) Имеется в виду сочинение Кемпфера о Японии.— 125.
21) Бурак — здесь коробка.— 126.
22) Речь идет о сочинении Тунберга (C. P. Tunberg. Flora Japonica, Upsala, 1789).— 127.
23) Акупунктирация, акупунктура — способ лечения посредством уколов.— 128.
24) Действительно, согласно полученным инструкциям, В. Ловцов был независим от А. Лаксмана в решении вопросов, связанных с командованием кораблем, выбором маршрута и т. п. (см. А. Полонский. Ук. соч., стр. 479—485).— 132.

25) Этот факт лишний раз свидетельствует о связях русских с населением о. Сахалина ранее XIX в.— 134.

26) Дрек — вспомогательный якорь малых размеров. Здесь имеется в виду цепь или трос, служащие дреку канатом.— 135.

27) Иван Трапезников состоял в экспедиции в качестве геодезиста.— 137.

28) Влас Бабиков — иркутский купец.— 137.

29) Иван Полномошной (или Поломошный) как и Д. Шебалин, являлся доверенным лицом и приказчиком Г. И. Шелихова. Это — дополнительное свидетельство большого интереса «Колумба Российского» к освоению торгового пути в Японию (ср. П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. 1, СПб., 1861, стр. 100—102).— 137.

30) Распадок — узкая долина.— 138.

31) Ратовье, ратовище — древко, рукоятка.— 138.

32) Текст ответа японского правительства в русском переводе напечатан В. Н. Берхом (В. Н. Берх. Сношения русских с Японией или образцы японской дипломатики. «Северный архив», 1826, ч. 22, стр. 212—216), а позже в «Архиве князя Воронцова» (кн. 24. М., 1880, стр. 411—413). «Бумаги, данные от японского правительства Лаксману» (в копиях не позднее 1813 г. на японском языке с переводом на русский) находятся в ЦГИАЛ, ф. 1-го Сибирского комитета, оп. 1, д. 577, лл. 24—30.— 141.

33) Ценинная посуда — глиняная и фаянсовая расписная посуда.— 142.

34) Расписка опубликована в «Архиве князя Воронцова», кн. 24. М., 1880, стр. 414.—143.

35) Отец А. Лаксмана академик Э. Лаксман имел переписку с некоторыми японскими учеными. Им он и адресовал свои письма и подарки, доставленные посольством А. Лаксмана в Японию на судне «Екатерина».— 144.

36) Этот «лист» японского правительства на разрешение одному русскому судну посетить Нагасаки для переговоров о торговле между Россией и Японией опубликован в «Архиве князя Воронцова», кн. 24. М., 1880, стр. 414. См. также Д. Позднеев. Ук. соч., стр. 58. В наше время перевод этого текста с японского дан Э. Я. Файнберг (в ее ст. «Экспедиция А. Лаксмана в Японию в 1792—1793 гг.», стр. 218, прим. 2).— 145.

37) О результатах экспедиции А. Лаксман и В. Ловцов сообщили И. А. Пилю специальными рапортами. Пиль отправил Екатерине II донесение о благополучном возвращении посольства из Японии (см. «Архив князя Воронцова», кн. 24, стр. 391—407). Затем Э. Лаксман и А. Лаксман выехали в Петербург, где доложили о результатах экспедиции правительству и Академии наук. Участники экспедиции особым царским указом были пожалованы производством в очередные чины и получили другие награды. Г. И. Шелихов со своей стороны уведомил об исходе миссии А. Лаксмана наследника престола Павла Петровича. Известия о посольстве в Японию просочились за границу и вызвали там большой интерес. Екатерина II в своей переписке с иностранными деятелями просвещения была вынуждена (правда, очень уклончиво и нарочито безразличным тоном) удовлетворить любопытство своих корреспондентов на этот счет (см. письмо Екатерины II Ф. М. Гримму, опубликованное в «Сборнике РИО», т. 23. СПб., 1878, стр. 609).— 146.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ XVI в.

Документов по истории Российского государства XVI в. сохранилось сравнительно немного. Даже такие важные материалы, как посольские дела, погибали прежде всего от небрежного хранения. Архивы правительственных учреждений сильно пострадали во время страшных московских пожаров 1547, 1571 («в приход крымского царя») и 1626 гг., а также в годы польской интервенции. Описи Царского архива 1570-х гг. и архива Посольского приказа 1614 г. упоминают о разнообразных документах, значительная часть которых известна нам только по названиям.

Особенно мало документов уцелело по истории социально-экономических отношений и внутренней политики. Их судьба во многом зависела от реорганизации местного управления, перемен в постановке делопроизводства [1]. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что документы такого рода сравнительно быстро утрачивали ценность и зачастую использовались в качестве черновиков или просто уничтожались за ненадобностью. Это можно проследить, например, на судьбе документов Арзамасской приказной избы, где уже в 1615 г. чиновники воеводского управления употребляли для черновиков текущего делопроизводства чистые оборотные стороны листов ненужных им документов 1606 г. [2]. Плохо сохранились и документы частных архивов светских лиц — на протяжении десятилетий, не говоря уже о столетиях, часто менялись владельцы земель и промыслов, прерывались родственные связи. Уничтожались документы и во время народных восстаний, участники которых старались стереть память о кабальных обязательствах и феодальных повинностях.

Наиболее сохранились и дошли до нас документы монастырских архивов, так как имущество монастырей было неотчуждаемо, а документы здесь, как правило, находились в каменных помещениях, уберегавших от пожара. Но и в этих архивах небрежное отношение к документам привело к исчезновению множества ценных материалов. Тем не менее, последовательное изучение остатков монастырских архивов вводит в научный оборот новые источники по истории Российского государства XVI в.

В частности документы такого рода сохранились в Государственном архиве Архангельской области. Полнее всего сохранились там документальные материалы Михаило-Архангельского монастыря (ф. 57), состоящие в настоящее время, как любезно сообщила Е. С. Полуянова, из 1184 ед. хр. за 1510—1918 гг., в том числе 90 ед. хр. XVI в.

Документы эти неравноценны по своему историческому значению. Большинство из них интересны в основном тем, что они конкретизируют наши представления о социально-экономических отношениях на севере Руси в XVI в., сообщая любопытные детали быта того времени. Но среди них имеется и такой первостепенной важности источник по истории внутренней политики Российского государства, как публикуемая

---

[1] И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960, стр. 101.

[2] В. И. Корецкий. К истории восстания И. И. Болотникова. «Исторический архив», 1956, № 2, стр. 126.

ниже указная грамота Ивана Грозного на Двину от 19 ноября 1575 г. Ниже мы помещаем восемь документов из фонда Михаило-Архангельского монастыря. Древнейший из них — договор на равное владение землей 1523 г. Интересны формулировки, четко отражающие делопроизводственную практику: договор заключен на основании словесного опроса и по записям («в том деле промеж себя по пословице сложыли да книге») (см. док. № 1).

Раздельная между крестьянами — двоюродными братьями «статками» от дов 1528 г. (см. док. № 2) показывает, что дележу подлежали только дворы и движимое имущество, а земли и воды оставались в совместном владении («А землями есмя не делилися, ни водами. А земли и воды у нас вмести»).

Об имуществе местных жителей можно судить по духовным 1534 г. и 1571 г. (см. док. №№ 3,5).

Яркую картину взаимоотношений монастырей-владельцев соляных варниц на далеком Севере рисуют документы №№ 7 и 8. В Ненокском Усолье варницы четырех монастырей — Кириллова, Соловецкого, Михаило-Архангельского и Николо-Корельского — были в 1588 г. записаны в одну сошку и приказчики монастырей договаривались между собой о доле каждого монастыря в «государевых податях» и о выполнении государственных повинностей. Однако два богатейших и влиятельнейших монастыря — Кириллов и Соловецкий — уклонялись от государственных повинностей и во время войны со Швецией не дали ратных людей, оружие, оброки и дани, которые «доправили» поэтому с близлежащих Михаило-Архангельского и Николо-Корельского монастырей. Взаимоотношения церковных феодалов, подобно взаимоотношениям светских феодалов, характеризовались стремлением более богатых действовать за счет более бедных.

Для изучения истории государственных учреждений и делопроизводства середины XVI в. небезынтересна грамота Ивана IV земским судьям 1558 г. (см. док. № 4), живо запечатлевшая типичные черты делопроизводства той эпохи в центре и на местах с его «волокитой», взяточничеством и злоупотреблениями.

Указная грамота Ивана IV (см. док. № 6) относится к числу тех немногих документов, которые дошли до нас от того времени, когда Иван Грозный, посадив на русский трон Симеона Бекбулатовича, именовал себя «князем московским». Она представляет собой столбец из четырех составов с дьячими пометами на обороте. Бумага иностранная, разрезанная пополам вдоль листов. Водяной знак — кувшинчик с одной ручкой и короной с розеткой наверху. Буквы на кувшинчике трудно разобрать, так как они приходятся на место разреза листа. Это — самая ранняя из известных грамот периода «великого княжения» Симеона Бекбулатовича [1].

Грамота на Двину 1575 г.— единственный документ с полным удельным титулом Ивана IV: «князь московский, псковский и ростовский». Ее содержание и приведенный в ней титул существенно обогащают наши знания о так называемом «политическом маскараде» 1575—1576 гг. Факты удельного управления территориями, названными в титуле, подтверждаются и другими источниками, хотя титул и не полностью отражает масштабы удельных владений Ивана IV [2]. Грамота помогает также примерно определить территорию, оставленную Иваном IV себе в «удел».

Титул Ивана Грозного в указной грамоте облегчает и поиски ответа на вопрос о политической направленности акта временной передачи Симеону Бекбулатовичу великокняжеского титула. Нельзя не обратить внимания и на то, что в удельнокняжеском титуле Ивана IV сохраняется последовательность полного царского титула.

Титул «князя московского» вобрал в себя титулатуру всех других удельных князей, «тянувших» прежде к московскому великокняжескому столу (верейских, дмитровских, старицких, углицких и др.). Несвойственный удельной практике титул «кня-

---

[1] В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси». «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 150.

[2] См. С. М. Каштанов. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича (конец 1575—1576 гг.). В кн. «Труды Московского гос. историко-арх. ин-та», т. 16. М., 1961.

зя псковского» также должен был подчеркнуть политическую самостоятельность Ивана IV, выделив его из среды всех других удельных князей, ранее бывших на Руси. Тем самым ущемлялся и Великий Новгород, не утративший еще памяти о своей политической независимости.

Это отвечало настойчивому стремлению Ивана Грозного унизить Новгород, отсечь всякую возможность рассчитывать на его поддержку в осуществлении сепаратистских замыслов противников московского «самодержавства».

Титул «князя ростовского» в полном ц рском титуле писался первым среди титулов государей других северо-восточных земель, в частности, впереди титула «князя ярославского», которым так кичился за рубежом А. М. Курбский. Ивана Грозного, находившегося еще в плену удельных представлений, очень коробило то, что Курбский, горделиво подчеркивавший, что и его род «влеком от великого Владимира», именовал себя князем ярославским. В ответном послании Курбскому — и в пространном тексте, предназначенном для зарубежной публики, и в кратком, рассчитанном на русского читателя,— Грозный ядовито упрекает Курбского в том, что он «восхотел своим изменным обычаем» быть ярославским владыкой [1]. Родовые гнезда многих княжат, не забывших еще годы относительной удельной самостоятельности, как раз находились на территории Ярославо-белозерско-ростовской епархии с архиерейской резиденцией в Ростове, где к этому времени уже возвращались земли княжатам, уцелевшим в пору опричного террора. Присвоение титула князя ростовского должно было также ущемить и Новгород, напоминая о том, что многие северные земли некогда принадлежали ростовским князьям (вассалам великих князей московских), возрождая более древнюю, более удобную для московского государя традицию XIV в.

Наконец, легко установить, что в «удел» Ивана IV были взяты территории, менее разоренные сравнительно с землями, пострадавшими от опричного террора (Тверская и Новгородская) и от крымского нашествия (южные земли). Очевидно, и это имело значение для осуществления военно-финансовых задач реформы. Грамота много дает для понимания жестокой практики выбивания налогов с населения.

Содержание грамоты убеждает в том, что в Двинской земле полностью сохранялись прерогативы прежней власти государя, представители которой, как и раньше, выполняли все свои административные и финансовые функции.

Дальнейшее изучение грамоты в сравнении с другими современными ей источниками, несомненно, углубит наши представления о времени «великого княжения» Симеона Бекбулатовича, о причинах, поводах и характерных чертах этой, до сих пор еще недостаточно исследованной, реформы Ивана Грозного.

Представляют интерес для исследователя и документы XVI в. из этого фонда, не включенные в настоящую публикацию. В частности, они содержат любопытные данные об организации делопроизводства. Так, в архиве Михаило-Архангельского монастыря хранилось два экземпляра «дельной» от 6 мая 1546 г. (Алексея Туминова Пятутина и Терентья Александрова Дудырева на Ермолинскую деревню Чевакина), написанных на одинаковой бумаге одним и тем же почерком (д. 51). Уцелел и большой «столп», состоящий из копий шести «грамот» («отступных», «купчих», «данных»), составленных в 1525—1598 гг. Переписчик отметил и существовавшие на подлиннике пометы и подписи: «а на другой стороне пишет Федька: пожню продал и руку приложил». Текст продолжается и на другой стороне ставa; причем для того, чтобы прочесть его, столп надо перевернуть, так как строки расположены там снизу вверх сравнительно с основной стороной столпа (д. 9).

Небезынтересны и другие грамоты XVI, а также XVII вв., хранящиеся в фонде Михаило-Архангельского монастыря. Древние акты хранятся, безусловно, и в других областных архивах, хотя они до сих пор малоизвестны и поэтому малодоступны исследователям. Выявить и создать условия для их использования — важная задача советских архивистов.

С. О. Шмидт

---

[1] Послание Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 10, 126.

№ 1

Договорная запись на пользование землей

22 сентября 1523 г.

Се яз, Олферей Павлов сын, да яз, Нестер Софронов сын, что есмя давали на паруки в земле Степана Карзина и Назара и его братия сына Еську, и мы в том деле промеж собя по пословице сложыли да книге, как будет написана та земля в книгэ, и нам ровнятца теми землями по книге и худою и доброю, и лесом к тем землям ровнятца. А, выслушав великого князя книгу, а которой не учнет ровнятца теми землями и лесом, ино на том наместником великого князя два рубля, а истцу три рубли.

А на то послуси: Тимофей Григорьев сын Шейн да Яков Чюпреянов сын.

А запись писал Гридя Аристов сын лета 7000 тритцать втораго сентября в 22 день.

На обороте: Яз Тимофей послух и руку свою приложил.

Государственный архив Архангельской области, ф. 57, оп. 2, д. 7.— Подлинник.[1]

№ 2

Раздельная запись двоюродных братьев об имуществе их отцов

25 мая 1528 г.

Се яз, Ермола, да яз, Леонтей, да яз, Архип, Остафьевы дети Вороньих Глаз розделилися есмя с своею братьею, з дядинымa детьми с Ываном да с Кирилом, да с Осипом со Авраамовыма детьми Федорова отцев своих статками: долгом и слободою, и хлебом, и платьем, и скотом, и всеми животами. Что ни было животов у отцев наших, ино все есмя розделили равно по любве и в добрые воли. А землями есмя не делилися, ни водами. А земли и воды у нас вмести. А дворами есмя делилися. Ино по ся мест нет нам делу: Ермоле и Леонтью, и Архипу Остафьевым детям до братьи до своей до дядиных детей до Ивана и до Кирила, и до Осипа; и ни им делу с нами нет съ Ермолою да с Леонтьем, да с Архипом с Остафьевыма детми. А на то послуси. Карп Исаков сын Тойватовьской да Василей Тимофеев сын Ушак, да Онфим Езекейлеев сын Туйко.

А дельную писал архангельской дьячишко Степанко Ондреев сынишко лета 7030 шестаго месяца маия в 25 день.

На обороте: А к сей делне яз Архип и руку свою приложил меншей брат.

Д. 11.— Подлинник.

№ 3

Духовная грамота инокини Палладии Степановой

5 мая 1534 г.

Во имя отца и сына и святаго духа. Се яз, раба божья Поладья инока Степанова дочи, пишу сию духовную при своем животе своим целым умом и разумом: кому ми что дати и у кого ми что взяти. Дати ми зятю своему Григорью Фомину два алтына. А что у меня статков кивота моего: однорядка бывала колтыр[2] — вишним цветом держана, ино та однорядка дочери моей Федотьи, а цена той однорядки пять алтын, да котелик с пятки живота моего, а цена котлу две гривны, а тот котел от меня дочере моей Окулине; а меньшей котлик в два алтын, ино тот котлик дочере ж моей Федотьи.

А что государь мой муж Иван, отходя сего света, отписал архангилу Михаилу вътчину свою землицу на Ондреянове берегу в дом, а владети тою землицею велел мне до моей смерти, а празги давати по гривне с тое землице в дом архангилу. И яз

[1] В дальнейшем легенды приводятся в сокращенном виде.
[2] Колтыр —сорт сукна.

ту землю давала делати после мужа своего зятю своему Григорью Фомину себе на прокорм, а дань и службу, и всякие попоги [1], и розметы земские платил с тое земли и празгу в дом архангилу зять мой Григорей своими денгами. Де ведет ми бе смерть, ино та земля по приказу мужа моего и по моему та земля в дом архангилу и в века без отъимки.

А иных статков живота моего не осталось ничего, ни мужних, ни моих.

А приказ приказываю и духовную свою господину своему зятю Григорью Фомину и дати и взяти, и душе помянути. А за тем не виновата, есми, никому ничем, разве богу душею.

А у сей духовной седел отець мой духовной архангельскай игумен Феодосей.

А на то сведители Омельян Перхурьев сын Ушак да Елисей Зеновьев сын, да Семен Нефедьев сын Глухого.

А духовную писал дьяк Онтонец Никитин сын лета 7000 четыредесят втораго маия в 5 день.

Д. 12.— Подлинник.

№ 4

Грамота царя Ивана IV земским судьям Нижней половины Двинской земли о суде над бывшими судьями в волоките, проестях и других злоупотреблениях

25 апреля 1558 г.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Двину Нижние половины выборным судьям земским Макарику Григорьеву с товарыщи.

Били нам челом з Двины Архангельского монастыря слуга Васька Нефедов да Никольского монастыря слуга Тараска Никитин сын, да Якушко Дмитреев сын сотцкого на прежних выборных судей Нижные половины, на Степанка на Окулова да на Поздячка на Негодяева с товарыщи.

А сказывают: искал де Васка Нефедов в 60 шестом году, в сентябре, перед теми выборными судьями, перед Степанком с товарыщи, на Юшке на Омельянове сыне Савина тоньского насильства да пятнатцати рублев убытка, а Тараско Никитин искал в шездесят шестом году, в сентябре, на островцех на Пантелейке на Иванове сыне Афонасьева, да на Мишке на Семенове сыне Прощолыкина, да на Левке на Савастьянове, да Гридке на Малафееви, да на Гришке на Рычкове тоньского ж насильства да убытков в насильстве на два году тридцати рублев.

А Якуш де сотцкой искал перед теми ж судьями, перед Степанком с товарыщи в шездесят пятом году, в декабре, на Ваське на Голыше да на Онашке на Орлове, да на Олексейке на Онтомонове с товарыщи по кабале сорока трех рублев с четвертию. И те де заимщики, Васюк с товарыщи, на суде кабалы не лживили и в деньгах ся повинили. Да Якушко ж сотцкой искал в шездесят в шестом году, в июне, на Степанидке на Онтонове жене диякова по кабале и по записи штинадцати рублев без четверти соляных денег.

И срочили де те судьи, Степанко с товарыщи, в тех делех обоим [и]стцом за судными списки перед нас к Москве; срок учинили стати на Москве в той ж день по зборе лета 7060-шестаго. И обои де истци, ищей и ответчики, на срок на зборное воскресение к Москве в тех делех за судными списки стали, да судья де Поздячко Негодяев с судными списки на тот срок на Москве стал же, да, норовя де Поздячко ответчиком: списков перед нами не положил, да и Москвы с ответчики збежал. А они де, Васька с товарыщи, после сроку и по ся места на Москве за теми делы жили и проедалися, и в волоките они одолжали и промыслу они отстали.

И будет так, как нам Васька Нефедов бил. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б старых судей, Степанка Окулова с товарыщи, и тех судей, с кем их те судьи в тех делех, про которые в сей грамоте писаны, судили: Юшко Савина с товарыщи велели поставити перед собою с Васьком с Нефедовым и сь его товарыщи с

[1] Так в тексте.

очей на очи. Да с прежними бы есте их судьями в волоките и с проести судили и в прежние их дела, про которые в сей грамоте писаны, сыскали да, и управу меж ими сыскав, горазно в том учинили.

А в чем будет вам меж ими управы учинити не мощно, и вы бы с суда своего и обыску список и обоих истцов за поруками прислали к нам к Москве на тот срок, как з Двины поедут с оброком, и мы им в том указ учиним здесь на Москве.

Писана на Москве лета 7066-го, апреля 25 дня.

Д. 24.— Список XVI в.

№ 5

Духовная грамота Павла Созонтьева

18 апреля 1571 г.

[Се яз] [1], Павел Созонтьев сын, пишу сию духовную грамоту при своем животе, своим целым умом и разумом: кому ми что дати и у кого что взяти. Дати ми Павлу Песту на Прилуке три деньги да Онтуфью Ермолину сыну кожевнику дать три деньги, да Барса Олтупиеву сыну дать [2]... Вершинина четыре алтына да без навгородки без кабальной, а в дом отписываю [святому] [1] Михаилу архангилу участок земли на наволоке, двор и дворище, орамые земли отца своего статки, что от братьи з делу досталось, свою треть и пожни, да и Пештерех пожни того же земли опричь... вькой [2] земли и с поскотиною.

Свой участок прикупной отписываю брату своему Нечаю Созонтиеву сыну; да на Мяндине моя доля треть земли Вознесенью Христову в дом на поминанье. И того земли и в Попколине участок да в Суме пожни на Усть-Сумы тоня, мой участок, братьи моей Нечаю да Ивану да двое лошадей, да шесть овец, да нетел на третьем году, да быченко, да юнды, да сети частые. И то братьи моеи все тот живот. Да жене моей Зеновьи две коровы: корова комола, а другая черна да два теляти: теля годовое, а другое новаски [3] да жерновы, да котлишко и две сковороды [4], да белое платье. То все ей, да серебряное душах [3] и на вороте, да кафтан заечинной, две шубы бораньи да сукно, да сермяга, да кавтан белов. И все жировное и судовое, и платяное. И то все жене моей. И жито, и мука, да дрова в Ненексе, в лесе за Гавриловым озером — то братьи моей. Да вознесенским священикам два сорокоустья по матке по моей да по мне — две коровы: черьная, другая чернопестра; да гривна денег к тем же коровам. Да на воск и на темьян на мед — гривна. Да сестре моей Фетиньи корова бела с пестринами да плуго и с колесы и плужник, и почюг. Брату моему Ивану да брату моему Нечаю взяти у Петры четыре алтына без навгоротки. А поминати у пречистой у архангела, у Вознесенья Христова отца моего Созонтия да матушку мою Настасью скимнецу, да меня, Павла.

А приказываю сю духовную грамоту братьи моей Нечаю да Ивану, у кого что взяти и кому что дати и по души поправ.

А затем, есми не виноват ни кому ничем, разве богу душею.

А у духовной грамоте седел отець мой духовной Макарья Иванов сын да мужи седели люди добрые: Сава Микитин сын да Иван Григорьев сын Елцин, да Патрак Фалалеев сын.

А духовную грамоту писал Ивашко Юрьев сын Верещага лета 7079 апреля, в 18 день.

На обороте: Снимок з духовной грамоте слово в слово. А большая матица у меня, у Нечая, и понадобитца матица и вынуть и мне, Нечаю, класти безденежно.

Д. 30.— Подлинник.

---

[1] Текст испорчен. Восстановлено по смыслу.
[2] Текст испорчен.
[3] Так в тексте.
[4] В тексте: «стовороды».

№ 6

Указная грамота царя Ивана IV населению обеих половин Двинской земли о посылке сына боярского Сутормы Хренова для сбора налогов

19 ноября 1575 г.

От государя князя Ивана Васильевича московского и псковского, и ростовского на Двину в обе половины старостам и целовальником [1] и всем посадцким людем лутчим и середним, и молотчим, и в Двинской уезд в станы и в волости старостам и целовальником, и всем черным людем.

Которые станы и волости четвертными доходы 83-м году были в четвертях у наших дияков у Ивана у Собакина да у Офонасья у Демьянова, нынечи Двина обе половины, весь Двинской уезд — станы и волости и всякие денежные свои доходы пометили есмя к собе в удел. А на 84 год з Двины с посаду с обеих половин и со всего Двинского уезда со всех станов и с волостей пометили есмя всяких наших денежных доходов четыре тысячи восемьсот тритцать девять рублев и тритцать один алтын и четыре деньги. А велели есмя вам с теми со всеми своими деньгами быти к Москве на Николин день осенней 84-го году, потому ж как естя з Двины, с обеих половин и со всего Двинского уезда, всякие наши подати заплатили на Москве в нашу казну на тот же срок, на Николин день осенней в 83-м году. А тем есмя вас в 83-м году пожаловали, приставов к вам на подводах и с прогонов не посылали.

А нынеча послали есмя к вам на Двину в обе половины и [2] во весь Двинской уезд в станы и в волости по деньги своего сына боярского Суторъму Хренова. Да и наказ есмя ему о даньских доходех дали. А, приехав на Двину на посад в обе половины, велели есмя дати вам о двинских всяких доходех сю свою грамоту. А велели есмя вам говорити, чтоб вы по сей нашей грамоте з Двины с обеих половин с посаду и со всего Двинского уезда наши всякие подати на 84 год собрали тотчас. А, собрав все деньги по окладу по сей нашей грамоте сполна, велели есмя вам з деньгами ехати к Москве с сыном боярским с Сутормою с Хреновым. А деньги велели есмя вам вести за вашими печатьми. А срок вам в деньгах велели есмя Сутормы дати на неделю. А как будет учнете нашеми устюжскими всякими доходы промышляти оплошно или не учьнете наших денег збирати и на срок к нам з деньгами со всеми сполна не приедете, и мы велели те деньги по окладу на вас правити Сутороме. А велели есмя вас Казарину бити на правежи нещадно от утра и до вечера за ваше ослушание.

И как к вам ся наша грамота прийдет и сын боярской нашь Сутормa Хренов с сею нашею грамотою приедет, а у вас будет з Двины с посаду с обеих половин и со всего Двинского уезда станов и с волостей нашеи всякии подати по окладу на 84-й год собраны все сполна без недобору, и, что у вас в зборе наших податей прибыло ис пуста в жило на 84 год, и вы бы с теми со всеми нашими двинскими денежными доходы ехали к нам к Москве с нашим с сыном боярским с Сутормою с Хреновым.

А будет у вас денег в зборе половина окладу или большии или меньшии, и вы одноличнo деньги на Двине на посаде в обиих половинах и в Двинских уездех во всех станех и в волостех добирали, чтоб одноличнo у вас деньги были все сполна в зборе. А собрав деньги, ехали б естя к нам в Москве наспех. А были бы у нас на Москве з деньгами одноличнo на срок на Николин день осенней нынешней 84 году. А не будете с нами з двинскими со всякими денежными доходы на срок на Николин день осенней, и вам лутчим людем посадцким и волостным быти казненым торговою казнью — битым по торгом посадским людем на посаде, а волостным людем по волостем, где хто живет.

---

[1] В тексте «целовальникои».
[2] В тексте «и» повторено дважды.

А прочекли[1] бы естя сю нашу грамоту и списав с ней, наш указ розсылали в Двинской уезд во все станы и в волости к старостам и к целовальником, и ко всем черъным людем. А велели те грамоты писати земским диячком да х тем грамотам прикладывали руки свои и печати, и велели им[2] из станов и из волостей ехати с деньгами к себе на Двину.

А которых станов и волостей в Двинском уезде старосты и [це]ловальники[3] учнут ослушатись, а з деньгами к вам на Двину не поедут, и вы б тем станом и волостем урочищь и тех волостей и станов старостам и целовальникам[4] имена давати сыну боярскому нашему Сутороме Хренову за своими руками. А мы по наказу[5] Сутороме велели на тех людех деньги с тех станов и волостей правити. А давали бы естя памяти в станы и в волости на старост и целовальников в наших деньгах не по дружбе в правду по нашему крестному целованью, и убытков бы есте и продаж христьянству для своей недружбы не чинили никоторыми делы.

А не учнете на Двине и на посаде в обеих половинах и во всем Двинском уезде на християн наши всякие[6] подати класти не по животам и не по промыслым, другжа своему племяни и заговору, или учнете с собя наши всякие подати складывати а учнете класти на середних и на молотчих людей не по их животам и не по промыслом, а опосле, то сыщетца и будут на вас челобитчики[7], и то ваше воровство доведут на вас до прама, и вам за то быти кажненым смертию.

А будет у вас на Двине и на посаде, и в Двинском уезде в станех и в волостех прибыло колько вытей ис пуста в жило или который вышли изо льготы, и вы б те прибылые выти и с тех прибылых вытей всякие наши доходы писали в книги порознь.

А учнете на Устюге на посаде и в Устюжском уезде в станех и в волостех жило писати в пусто или не учнете тех вытей писати в жило, которые выти вышли ис пуста изо льготы, а учнете на посаде з дворов, а в станех и в волостех с вытей всякие наши подати имати себе, или учнете с тех людей, которые на тех вытех живут посулы и поминки имати и дружка и подружке в наших податех учнете покрывати, и вам за то[8] быти кажненым. А тем людем на посаде и в уезде, которые люди с своих[9] дворов и с вытей для своей лести учнут вам посулы и поминки давати, [быть] кажненым торговою казнию: битым кнутом — посадцких людей на посаде, а волостным людем в станах и в волостях, где хто живет. Да на них же велели есмя имати свои всякие подати, счестчи на прошлые годы.

А которово дни и числа к вам на Двину сын боярской наш Суторома Хренов приедет и колько у вас на Двине наших всяких денежьных доходов в зборе и с посаду и с уезду [с] станов и с волостей заедет, и которого дни и числа вы с нашими денежными доходы к нам к Москве с сыном боярским с Сутормою с Хреновым, и вы бы всему тому за своими приписьми и за земских людей руками[10] письмо привезли к нам с нашими денежными доходы вместе, что бы то было нам ведомо.

А сыну боярскому бы естя нашему Сутороме Хренову посулов и поминок не давали ничево ни от чего никоторыми делы. А что сыну боярскому Сутороме Хренову дадите, а сыщетца то опосле и нам на вас на себя велети взяти тоже число, что нам пишите нам во своих челобитных на нашего сына боярского на Суторму; да вам ж от нас быти в великой опале. А что естя ему дали, то у вас пропало.

Писана на Москве лета 7084-го ноября в 19 день.

Снимок з грамоты слово в слово[11].

---

[1] Так в тексте.
[2] В тексте «велелим».
[3] В тексте описка: «ловальники».
[4] В тексте описка: «целевальником».
[5] В тексте описка: «по назу».
[6] В тексте описка: «всвякие».
[7] В тексте описка: «челобитчки».
[8] В тексте «то» повторено дважды.
[9] В тексте описка: «с соих».
[10] В тексте описка: «руми».
[11] В тексте описка: «сово».

А припись у грамоты дияков Улана Айгустова[1] да Ивана Собакина.

На обороте по склейкам: Данной список. Яким Романов.

Д. 36.— Список XVI в.

№ 7

Полюбовная запись приказчиков Кириллова, Соловецкого, Николо-Корельского и Михаило-Архангельского монастырей об уплате налога с варниц Ненокотского Усолья

26 февраля 1588 г.

Лета 7090 шестаго февраля в 26 день. Кирилова монастыря старец Павел да Соловецкого монастыря старец Гурей, да Никола Корельского монастыря старец Варсонофей, да Архангильского монастыря старец Еуфимей — приказщики Ненокоцкого Усолья монастырских промыслов — приговорили меж себя полюбовно. Платити нам Ненокоцкого Усолья с монастырских промыслов с сошки по письму князя Василья Андреевича Звенигородцкого с товарищи: плати[ть] нам дань и оброк, и всякие государевы подати. На нынешной лета 7090-шестой год: Кирилова монастыря мне, старцу Павлу, да Соловецкого монастыря мне, старцу Гурью, да Никола Корельского монастыря мне, старцу Варсонофью. И нам, приказщиком трех монастырей старцем, в один поклад давати по рублю. А Архангельского монастыря мне, старцу Еуфимью, перед ними давати вполы в один поклад по полтине. И в ыные поклады згибати нам [по] тому же.

А си есмя приговорные памяти написали меж себя по противнем слово в слово и розняли себе по памяти.

А письмо дьяка одного.

А приговорные памяти писал церковной дьячек Бурнаш Алексеев сын Офутина.

На обороте: К сей приговорной полюбовной пам[я]ти Климесовской черной поп...[2]

...Орлов в дети своих духовных и руку приложил[3].

Д. 52.— Подлинник.

№ 8

Грамота царя Федора Ивановича о порядке уплаты налогов с монастырских варниц Ненокотского Усолья с подтверждениями Бориса Годунова и Василия Шуйского

8 июня 1592 г.

Список з государевы грамоты.

От царя и великого князя Феодора Ивановича всея Русии на Двину данному старосте Юрью Иванову с товарыщи или хто по вас на Двине иные данные старосты вперед будут.

Били нам челом з Двины, от Студеного моря, Корельского монастыря игумен Варлам да Архангильского монастыря игумен Федор. А и сказали: в Двинском де уезде в Некотцком[4] Усолье у них, у двух монастырей, варничной промысль. А тяглом де написал ихь писець, нашь князь Василей Звенигородцкой с товарыщи, в од-

---

[1] В тексте описка: «Айгустови».

[2] Далее текст испорчен.

[3] Внизу оборотной стороны листа надписи: «ни года, ни числа» (чернилами, почерк конца XVIII — нач. XIX вв.), «ты, брат, еще глуповат» (карандашом).

[4] Так в тексте.

ну сошку четыре монастыри: ихъ, Корельской, да Архангильской, да Кириловской да Соловецкой монастыри. И они де по князя Васильеву письму Звенигородцкого с товарыщи все четыре монастыри в нашей дани и в оброки, и в службе, и во всяких податех верстались меж себя сами по промыслом повытно. А тянули де они четырех монастырей с тех промыслов в нашу казну дани и оброки, и в службу по 100-й годь.

И в нынешнем де в 100-м году те Соловетцкого и Кириловского монастыря старци в нашу службу на каянские немци с тое сошки с своих промыслов ратных людей и лошадей, и всякого оружья по розчету не дали. И за то де за Соловетцкой и за Кириловской монастыри в нашу службу на каянские немцы ратных людей и лошадей, и всякое оружье наши посланники доправили на тех двух монастырех, на Никольском да на Архангильском, сильно. И те де Соловетцкого монастыря старцы от их монастырей, от Никольского монастыря да от Архангельского, своею долею обжею без осьмой доли отписались прочь. А им де с ними потому же в кладстве быти немочно, для того, что им от нихь обида чинитца великая.

И будет так, как нам Корельского монастыря игумен Варлам да Архангильского монастыря игумен Федор били челом. И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы сь ихь Корельского и Архангильского монастыря промыслов нашу дань и оброки имали по писцовым книгам с обжи с осьмою долею на них, на дву монастырех. А за Соловецкой и за Кириловской монастырь сь их промыслов и с сошного письма по писцовым книгам князя Василья Звенигородцкого с товарыщи на Никольском да на Архангильском монастыре нашие дани и оброки и в службу служилых людей и лошадей не имали, а имали бы есте по писцовым книгам нашу дань и оброки, и служилых людей, и лошадей с тех Ненокоцкихь угодей и с Кириловского и с Соловецкого монастыря.

А прочет бы есте сю нашу грамоту и списав с ней себе противень слово в слово, отдали Корельского монастыря игумену Варламу да Архангильского монастыря игумену Федору, и они ее у себя держат вперед для иных данных старост и целовальников и денежных зборщиков.

Писана на Москве лета 7100-го июня в 8 день.

На заде грамоте: царь и великий князь всея Русии; подписал Андрей Щелкалов.

А печать: на черном воску орел двоеглавой.

Лета 7107-го, генваря вь 25 день государь царь и великий князь Борис Федорович всея Русии сее жаловальные грамоты слушал, а выслушев сю грамоту Двинсково уезда Николы Корельсково монастыря игумена Варламея з братьею да Архангильсково монастыря игумена Федора з братьею или хто по них в тех монастырях иные игумены будут, пожаловал: велел имь сю грамоту подписати на свое государево царево и великого князя Бориса Федоровича всея Русии имя. И сее у них грамоты рушати и рудити не велел никому ничемь, а велел у них ходити о всем по тому, как у них в сей грамоте писано. Подписал государевь царевь и великово князя Бориса Федоровича всея Русии диак Иван Нарматцкой.

Лета 7115-го февраля вь 18 день государь царь и великий князь Василей Иванович всея Русии сею жаловальные грамоты слушал, а выслушав Николы Корельского монастыря игумена Калистрата з братьею да Архангильского монастыря игумена Варсунофья з братьею пожаловал: велель им сю грамоту подписать на свое государево царево и великого князя Василья Ивановича всея Русии имя, и сее у них грамоты рушати и рудити не велел никому ничем, а велел у них ходити всем по тому, как у них в сей грамоте писано. Подписал государевь царевь и великого князя Василья Ивановича всея Русии дияк Григорей Елизаров.

Д. 55.— Список XVII в.

Дневники
Воспоминания

ЛЮДИ НАУКИ НА УРАЛЕ В ДНИ ВОЙНЫ [1]

Дневник академика Л. Д. Шевякова (1941—1943 гг.)

2 января я неожиданно получил очень теплую приветственную телеграмму от секретаря Свердловского ГК ВКП(б) т. Косова и председателя Свердловского горисполкома т. Головина, которая меня очень растрогала. Привожу текст телеграммы:

«Шевякову Льву Дмитриевичу.

Поздравляем Вас, дорогой товарищ, с Новым годом! Вы честно, как подобает истинному патриоту Родины, поработали в 1942 г., пусть же год 1943 принесет Вам новые успехи на трудовом фронте.

Секретарь ГК ВКП(б) Косов
Председатель горисполкома Головин»

Вот мой ответ:

«Секретарю Свердловского ГК ВКП(б) т. Косову
Председателю Свердловского горисполкома т. Головину
Дорогие тт. Косов и Головин!

Ваша новогодняя поздравительная телеграмма не только доставила мне глубочайшее удовлетворение, но и, должен признаться, душевно растрогала меня. В этом знаке внимания я вижу черту, столь характерную для Советского строя — заботиться о людях во всех отношениях — в том числе и о моральном самочувствии человека.

Такое приветствие мне было особенно отрадно получить в дни борьбы с ненавистными гитлеровцами.

Крайне ценно для меня и то, что приветствие это исходит от руководящих партийных работников Свердловска. Будучи беспартийным советским гражданином, я полностью разделяю все задачи и стремления Коммунистической партии, как безусловно правильные, справедливые и благородные.

Благодарю вас, дорогие товарищи, за приветствие и прошу принять мои искренние пожелания дальнейших плодотворных успехов в вашей ответственной и трудной работе в наступившем 1943 г.

Ваше внимание к моей работе обязывает меня представить вам о ней краткую информацию, почему я прилагаю копию отчета президиуму Академии наук СССР о моей деятельности в 1942 г.

Академик, Лауреат Сталинской премии Л. Шевяков»

3 января состоялось очередное заседание бюро ОГГН, где было оглашено сообщение о кончине 8 декабря 1942 г. в Ташкенте выдающегося специалиста по вопросам мерзлотоведения М. И. Сумгина. Слово его памяти посвятил акад. В. А. Обручев. Я же рассказал о том глубоком впечатлении, которое производит чтение книг покойного, интереснейших по содержанию и блестяще художественно написанных.

[1] Окончание.

5 января на очередном совещании по исследованию авиасвечей под председательством акад. В. С. Кулебакина (ныне генерал-майора), были доложены результаты исследований трофейных германских свечей в лабораториях УФАН — металлографически (В. Д. Садовский), спектрально (Н. В. Лизунов), методами структурно-рентгеновского анализа (А. П. Комар), химически (П. А. Волков), петрографически (керамика, член-корр. Д. С. Белянкин). Чрезвычайно интересно сопоставление результатов исследования различными методами, дополняющими и корректирующими друг друга. Это — один из примеров преимуществ академических исследовательских учреждений, вооруженных разнообразными методами исследования и располагающих высококвалифицированными специалистами в различных областях науки. Дискуссия была очень интересной.

В тот же день состоялся ученый совет ИМ, незадолго перед тем получившего права присуждения ученых степеней. На этом заседании защитил кандидатскую диссертацию о явлениях роста зерна аустенита металлограф УФАН К. А. Малышев, ученик покойного члена-корр. С. С. Штейнберга. Искомая степень была присуждена единогласно.

6 января в бюро Комиссии по мобилизации ресурсов выступила с докладом группа ученых, ездившая на Алтай для изучения вопросов развития промышленности цветных металлов. Основными докладчиками были: проф. В. И. Смирнов (руководитель бригады, специалист по цветной металлургии), проф. К. А. Пожарицкий (геолог), проф. И. Н. Плаксин (обогатитель и металлург), К. М. Чарквиани (горный инженер), М. И. Атошков (горный инженер). Получился чрезвычайно обстоятельный и важный по значению доклад, насыщенный конкретными предложениями. Собрание было многолюдно. Председательствовал акад. И. П. Бардин, присутствовали академики Э. В. Брицке, А. А. Байков, С. Г. Струмилин, В. А. Обручев, М. А. Павлов, Н. Т. Гудцов, П. И. Степанов, Л. Д. Шевяков.

13 января 1943 г. 7 января музей СГИ организовал доклад проф. Я. С. Эдельштейна, собравший очень большую аудиторию; присутствовало много работников Академии наук. Докладчик высказал ряд интересных мыслей; могла бы возникнуть оживленная дискуссия, однако из-за позднего времени она была перенесена на 11 января.

РК ВКП(б) Сталинского района созвал 9 января 1943 г. большое собрание (присутствовало около 900 научных работников), посвященное деятельности научно-исследовательских учреждений района в 1942 г. и задачам на 1943 г. Присутствовали академики А. А. Байков, Н. Т. Гудцов, В. С. Кулебакин, С. Г. Струмилин, Л. Д. Шевяков, член-корр. Д. С. Белянкин и много других сотрудников академических учреждений.

Основной доклад сделал первый секретарь райкома т. Шаламов. Затем было несколько выступлений, в том числе В. С. Кулебакина и мое. В. С. Кулебакин говорил об общих задачах науки и обязанностях ученого, я рассказал о роли УФАН и о своей работе в 1942 г.

В заключение состоялось вручение грамот «стахановцам науки» — в том числе и мне — «за самоотверженную работу, высокие показатели производительности труда в социалистическом соревновании».

Вчера, 12 января, состоялось полуофициальное совещание в Академии наук, в котором приняли участие акад. С. Г. Струмилин и я, профессора В. В. Данилевский и Коценбоген. Последний от имени обкома профсоюза высшей школы поставил на обсуждение вопрос о том, не следует ли реализовать давнишнее намерение об организации большого общественно-политического собрания, посвященного положению и успехам науки, искусства и литературы в союзных с нами странах — Англии и США.

После всестороннего обсуждения было единодушно признано, что в данный момент нет достаточно ярких и определенных событий, которые позволяли бы считать организацию подобного ответственного собрания вполне своевременной. Но было признано желательным провести его, как только произойдут какие-либо события, подчеркивающие тесные взаимоотношения и помощь союзников.

Вчера же состоялось собрание сотрудников всех учреждений Академии наук, находящихся в Свердловске (за исключением УФАН), для выборов объединенного «центрального местного комитета».

15 января 1943 г. Вчера я посетил секретаря Сталинского РК ВКП(б) А. К. Шаламова, чтобы выяснить предварительно его отношение к вопросу, который мне представляется чрезвычайно важным: о перспективах работы и структуре УФАН.

Я развил следующие тезисы:

Исключительная роль Урала в жизни Советского Союза, выявившаяся во время войны, несомненно сохранится и в послевоенный период. Изучение и использование природных ресурсов Урала будут углубляться и расширяться, промышленность расти, возникает много новых задач в сельском и лесном хозяйстве, соответственно возрастет значение энергетики, водного хозяйства, транспорта. Предстоит громадная работа по подъему культуры населения Урала.

В военный период на Урале выполняли очень большую работу многие академические учреждения, причем некоторые из них, как например знаменитая отныне Комиссия акад. В. Л. Комарова по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны, отчасти даже ИГН, начавший в последний год работать гораздо лучше, и др., именно на Урале нашли себя. Но скоро все учреждения Академии, кроме УФАН, покинут Урал.

Структура же УФАН — три его института — Горно-геологический, Институт металлофизики, металлургии и металловедения и Химический — уже не смогут в полной мере обслужить потребности Урала.

В УФАН должны обязательно входить институты или секторы их по живой природе, рассчитанные на обслуживание нужд лесного и сельского хозяйства, а также секторы по энергетике, водному хозяйству, гидрогеологии, особый сугубый интерес представляет также своеобразная и красочная история уральской промышленности, для изучения которой тоже должен быть организован специальный сектор.

Кроме того, нормальной работе УФАН и выполнению его роли по объединению и координации науки на Урале чрезвычайно препятствует территориальная оторванность зданий УФАН от города. В связи с почти полным отсутствием автомобильного транспорта в Свердловске и крайним ухудшением работы трамваев, стали совершенно неосуществимыми вечерние собрания и почти неосуществимыми дневные.

Конечно, когда по окончании войны транспортные средства восстановятся, связь с городом будет легче, но и тогда без городской служебной базы в виде помещений работа УФАН будет хиреть.

Было бы хорошим выходом из положения, если бы после выезда академических учреждений УФАН было предоставлено здание президиума АН (Почтовый, 7). Здесь, помимо удобной связи со всеми организациями и учреждениями города, можно было бы развернуть широкую работу по популяризации научных знаний и научно-технической пропаганде.

Товарищ Шаламов отнесся к моим предложениям весьма сочувственно и просил изложить наши пожелания кратко в письменной форме, чтобы доложить о них руководству Свердловской области.

Вчера же было проведено длительное заседание в комбинате Свердловскуголь. Начальник производственно-технического отдела комбината, кандидат наук С. Д. Постнов просил меня и других специалистов собраться, чтобы обсудить проблему эксплуатации нового буроугольного Буланашского месторождения.

Так как в силу своей сложности и остроты эта проблема была включена в план работ ГГИ УФАН на 1942 г., то вопрос этот был уже подготовлен исследованиями скромнейшего, но дельного и. о. старшего научного сотрудника И. Н. Сидорова.

В совещании приняли участие акад. Л. Д. Шевяков, профессор В. И. Геронтьев (ИГД), А. М. Цейтлин (ИГД), научные сотрудники СГИ, комбината Свердловскуголь и инженеры с производства. С докладом выступил И. Н. Сидоров. Собравшиеся дали положительную оценку научно-исследовательской работе УФАН по эксплуатации Буланашского месторождения (за исключением некоторых деталей).

Сегодня я получил письмо от 7 января 1943 г. из Москвы от Е. М. Ферсман, где она пишет, что Александр Евгеньевич не в состоянии ответить на мое письмо по минералогии Урала, так как «к сожалению, он сейчас тяжело болен, находится в больнице».

20 января 1943 г. Позавчера состоялось очередное заседание бюро ОГГН. Среди других было заслушано сообщение зам. директора Института мерзлотоведения А. М. Чекотилло о работе московской группы Института в 1942 г. Выполнены очень важные работы по использованию льда в оборонных целях, для сооружения укреплений и укрытий для войск.

Вынесено решение об учреждении в составе ИМ группы по исследованию льда и снега по весьма широкой теоретической и прикладной программе (а не только в связи с вечной мерзлотой).

Вчера я беседовал с вице-президентом АН А. А. Байковым о структуре и помещениях УФАН, изложив ему соображения, записанные выше (15 января с. г.). Александр Александрович со всеми моими соображениями согласился, за исключением вопроса об учреждении Биологического института УФАН. Целесообразность этого мероприятия он подверг сомнению по следующим мотивам: 1) сельское хозяйство на Урале все же будет иметь подчиненное значение по сравнению с промышленностью; 2) трудно получить необходимые кадры и научно-исследовательскую базу.

Вчера же вечером акад. В. Н. Образцов и я выступали с обширными докладами — лекциями в железнодорожном клубе им. Андреева в Свердловске, по инициативе и просьбе, как мне сообщили в Совете по научно-технической пропаганде АН,— партийных, городских и районных организаций. Владимир Николаевич, естественно, говорил о работе и задачах транспорта, я же рассказал о природных богатствах Урала, значении Урала в борьбе за победу в Отечественной войне, о выполнении уральцами обязательств в 1942 г. и о задачах на 1943 г.

Собрание прошло с подъемом, особенно в связи с радостными известиями, ежедневно поступающими с фронта.

23 января 1943 г. Вчера исполнилось 80 лет проживающему ныне в Свердловске акад. М. А. Павлову. Утром московское радио передало сообщение о награждении его орденом Ленина. Торжественное чествование решено провести в конце января.

21 января в заседании бюро ОГГН было принято решение провести в Свердловске в марте текущего года торжественное заседание геологических и минералогических учреждений по случаю 80-летия акад. В. И. Вернадского (родился 13 марта 1863 г.). Намечен ряд докладов, посвященных научным работам юбиляра.

Вчера же московское радио сообщило, что в марте текущего года АН СССР устраивает в Свердловске заседание по поводу 300-летия со дня рождения И. Ньютона.

27 января 1943 г. 24 января по приглашению ГК ВКП(б) я принял участие в делегации «знатных людей» (в количестве 12—15 человек) в воинскую часть, расположенную в нескольких десятках километров от Свердловска. Поездка была исключительно интересной, так как эта боевая часть (ее в ближайшее время предположено отправить на фронт) расположена в лесу, в обстановке, максимально приближающейся к условиям жизни на фронте. Мы посетили подразделения, «занимающие оборону», здесь сооружены окопы, блиндажи, дзоты, пути сообщения; они снабжены всеми видами современного вооружения.

Бойцы и командиры живут в дзотах и землянках, стоят часовые и т. д. Так как в последние недели уральские морозы доходят до 33—35°, то эта тренировочная подготовка к боевой обстановке довольно тяжела. Нас вел генерал-майор в сопровождении нескольких полковников и других командиров. Вообще делегаты получили яркие впечатления.

25 января президиум и общественные организации АН устроили вечер, посвященный памяти В. И. Ленина. Торжество проходило в скромной обстановке, участ-

ников собрания было сравнительно немного, по-видимому из-за плохой — морозной и ветреной — погоды. Председательствовал акад. А. А. Байков.

В тот же день состоялся ученый совет ИМ. Председательствовал акад. Э. В. Брицке, присутствовали академики Байков, Струмилин, Шевяков, академики УССР Луговцов и Свешников. Ожидали прибытия акад. М. А. Павлова, которому был заготовлен приветственный адрес по случаю его 80-летия, но нездоровье не позволило ему быть на заседании. Совет заслушал защиту кандидатской диссертации С. Г. Перель о бессемеровском производстве. Ученая кандидатская степень была присуждена единогласно.

Замечательную работу оборонного значения выполнили в последний год физики УФАН Я. С. Шур и С. В. Вонсовский. Они построили весьма компактные и удобные в производственном отношении дефектоскопы для приемки артиллерийских снарядов. Прибор не только обнаруживает дефекты металла, но и, что самое главное, позволяет определить степень дефектов; это дает возможность избежать брака изделий напрасно, поскольку мелкие дефекты не имеют практического значения.

В результате УФАН получает очень много запросов о присылке чертежей таких аппаратов. Товарищи Шур и Вонсовский молодые, талантливые научные работники, только что (в декабре 1942 г.) защитившие диссертации на степень доктора физико-математических наук.

ИГН в последние месяцы систематически организует открытые заседания ученого совета с научными докладами своих сотрудников. Так, в последние недели были заслушаны доклады геологов Коржинского, Кротова, Куплетского — все по Уралу.

На днях возвратился из поездки в Москву А. А. Скочинский. Он рассказал, между прочим, о своих посещениях наркома угольной промышленности В. В. Вахрушева и руководящих работников Госплана.

И наркомат, и Госплан проявили большой интерес к выполненной ИГД АН работе об основных направлениях технической политики при восстановлении и дальнейшем строительстве угольных шахт Донецкого бассейна. Сейчас эта работа оказалась как нельзя более своевременной, так как успехи Красной Армии на юге — блестящи, и время освобождения Донбасса недалеко.

Получила также полное одобрение наша работа по добыче бурого угля на Урале открытым способом. Нарком просил, чтобы Академия наук продолжала оказывать помощь предприятиям по всемерному увеличению добычи угля именно этим способом.

Еще в конце 1941 г. в коллективной работе «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны», удостоенной впоследствии Сталинской премии, я сделал наибольший упор на необходимость развития на Урале добычи именно бурых углей и именно открытым способом, так как знал, что эта мера может дать наиболее эффективный и верный результат и в наиболее короткое время. Действительно, в 1942 г. темп роста этой добычи был колоссален.

Нарком просил нас также по-прежнему обращать больше внимания на Караганду.

28 января 1943 г. Сегодня я беседовал о структуре УФАН с акад. И. П. Бардиным. К моим наметкам (запись 15 января 1943 г.) он отнесся сочувственно, но полагает, что в систему УФАН желательно ввести проектируемую Ивдельскую базу, а также Ильменский заповедник.

6 февраля 1943 г. «Объединенный геологический кружок СГИ, ГИ АН СССР, УФАН, Всероссийского минералогического общества, Уральского геологического управления и Всесоюзного научного горного общества» продолжает организацию докладов, собирающих довольно много слушателей. Такое громоздкое название «кружка» выписываю здесь полностью потому, что оно отражает концентрацию геологических, в частности академических, сил в Свердловске в настоящее время.

Собрания происходят в кабинете директора Геологического музея СГИ, а когда там бывает холодно — в кабинете директора Института.

В этом кружке 28 января с. г. В. П. Ренгартен сделал доклад «Верхний мезозой и кайнозой Восточного склона Урала», а 4 февраля с докладом на тему «О напряженном состоянии массива горных пород» выступил я.

Заседания кружка собирают обычно много публики. Впрочем, из действительных членов Академии регулярно бываю один я, почти всегда присутствуют член-корр. Д. В. Наливкин и Д. С. Белянкин, много сотрудников геологических учреждений АН, в том числе Я. С. Эдельштейн, В. П. Ренгартен, Г. А. Соколов, Д. П. Григорьев.

30 января состоялось чествование академика М. А. Павлова в связи с его 80-летием. Чествование было огранизовано президиумом АН, Всесоюзным научным обществом металлургов, Гипромезом, Институтом металлургии АН УССР, оперативной группой НКЧМ, Уральским индустриальным институтом, Институтом черных металлов, Институтом качественной стали и ферросплавов, редакцией журнала «Сталь». Этот список характерен и тем, что он показывает, какие большие учреждения и силы в области черной металлургии сосредоточены сейчас в Свердловске. Впрочем, с этой точки зрения список далеко не полный: нет здесь ИМ Академии наук СССР, ИММ УФАН и др. Следует добавить, что все эти учреждения также приветствовали юбиляра.

Доклад о жизни и деятельности Михаила Александровича сделал акад. А. А. Байков, в котором блестяще охарактеризовал научную деятельность акад. Павлова.

Юбиляр отвечал на приветствия очень бодро и рассказал о своем жизненном пути много интересного. После торжественного заседания был организован очень скромный товарищеский «чай».

Несколько дней тому назад в Свердловск прибыл представитель НКО, который обратился в Академию наук с просьбой дать консультации по ряду рудников с точки зрения их использования для обороны страны.

Так как академики А. А. Скочинский и Л. Д. Шевяков с этими своеобразными рудниками были хорошо знакомы, то мы имели возможность немедленно дать исчерпывающие заключения и советы.

Окончательное заседание прошло под председательством вице-президента АН акад. А. А. Байкова. Кроме трех упомянутых академиков и представителей НКО, в этом деле приняли участие геологи Я. С. Эдельштейн и В. А. Крылов.

В последние дни опять была проведена серия заседаний и совещаний по вопросам, связанным с исследованиями Урала и вообще Востока СССР.

Так, 29 января бюро Комиссии по мобилизации ресурсов заслушало сообщение акад. А. А. Скочинского о своей поездке в Москву и просьбах НКЦМ и НКУП исследовать ряд интересующих эти наркоматы вопросов. НКЦМ, крайне заинтересованный в расширении сырьевой базы, добыче бокситов и производстве цинка, просил Комиссию также проконсультировать по «комплексному» методу эксплуатации медно-колчеданных месторождений.

НКУП ждет от Комиссии развертывания работ по Караганде, всемерного увеличения добычи угля на Урале, особенно открытым способом. Были также заслушаны сообщения акад. В. Н. Образцова о транспорте, М. К. Расцветаева — о развитии лесотехники и лесохимии в Пермской области, Л. М. Сапожникова — об исследовании углей Кузбасса, наконец, Г. А. Соколова — о плане работ по Орско-Актюбинскому промышленному узлу.

6 февраля в Комиссии по ресурсам состоялось совещание (академики: А. А. Скочинский, Л. Д. Шевяков, геологи И. И. Горский, т. Пронин, горняки: тт. Геронтьев, Грамматиков и др.) по вновь открытому участку с мощными пластами бурого угля в Волчанском месторождении Богословского района. Благодаря этому открытию, сделанному в конце 1942 г., удалось обнаружить на Урале еще один пункт, где могут быть развиты более выгодные открытые угольные разработки и могущие быть более быстро развиты, чем шахты с подземной добычей.

4 февраля на совещании по ресурсам бокситовых руд под председательством акад. И. П. Бардина основное сообщение сделал член-корр. Д. В. Наливкин. Он по-

казал, к каким громадным результатам привела целеустремленная работа геологов в самые последние годы в смысле открытия новых мест залегания бокситовых руд и увеличения степени изученности и соответственно роста запасов ранее известных месторождений.

Наконец, 6 февраля в Комиссии по ресурсам были приняты в окончательной форме предложения бригады по Алтаю (см. запись от 11 января 1943 г.). Основными работниками этой бригады были: геолог К. Л. Пожарицкий, горные инженеры К. М. Чарквиани и М. И. Агошков, специалист по металлургии цветных металлов проф.-доктор В. И. Смирнов.

Сейчас находится в стадии организации новая бригада для экспедиции в Западную Сибирь, особенно в Кузнецкий бассейн, с охватом не только угольной промышленности, но также добычи железных, марганцевых и полиметаллических руд и некоторых других областей промышленности. Эту бригаду должен был возглавлять акад. И. П. Бардин, но так как его вызвали в Москву, то его заменит А. А. Скочинский.

2 февраля Уральская комплексная экспедиция и ИГН сделали краткий отчет о работах по экспедиции в 1942 г. Деятельность этих учреждений была плодотворна, что, в частности, явствует из присуждения им при соревновании академических учреждений третьей премии. Основной доклад сделал заместитель начальника экспедиции Г. А. Соколов, краткий содоклад — директор ИГН член-корр. Д. В. Наливкин. Все материалы о достижениях этих научных учреждений содержатся, конечно, в их отчетах.

При ОТН АН имеется «Группа истории техники», руководимая известным специалистом проф. В. В. Данилевским. Впрочем, я не знаю, входит ли кто-либо еще в эту «группу», кроме ее руководителя. Во всяком случае, эта группа 2 февраля организовала превосходно прочитанную, интереснейшую лекцию В. В. Данилевского «Дмитрий Иванович Менделеев и Урал».

Своим чередом шла и работа бюро ОГГН.

1 февраля мы заслушали и обсудили интересный доклад проф. А. В. Гавемана о работах по аэросъемке и план работ Геологического института Армянского филиала Академии.

Напротив, бюро ОТН, по крайней мере его Свердловская группа, собирается редко и нерегулярно. Но 3 февраля было созвано, наконец, расширенное заседание, где среди других были рассмотрены следующие вопросы.

Акад. А. А. Скочинский доложил о работах руководимого им ИГД по направлениям технической политики при восстановлении шахт Донецкого бассейна. В связи с блистательными и громадными успехами наступления Красной Армии на Юге и на Кавказе это дело становится не только необычайно важным, но и более чем злободневным. ИГД первым в системе Академии поставил подобные работы, по инициативе заместителя наркома угольной промышленности Е. Т. Абакумова и акад. А. А. Скочинского (см. записи от 2 сентября — 31 декабря 41 г.). Так как в том же заседании был заслушан доклад члена-корр. В. И. Вейца вообще о постановке работ по вопросам технической политики восстановления промышленности западных районов, то опыт ИГД в выполнении подобного исследования оказался как нельзя более кстати.

Бюро заслушало также сообщения зам. директора Института металлургии проф. Р. Л. Певзнера и руководителя секции транспорта акад. В. Н. Образцова о планах этих учреждений на 1943 г.

2 февраля в ученом совете ИМ АН СССР В. В. Рикман, лауреат Сталинской премии, блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Перспективы развития черной металлургии в центральном Казахстане». Серьезная работа вызвала, как это часто бывает, и серьезную дискуссию с очень ярким выступлением акад. И. П. Бардина в пользу тезисов диссертанта.

5 февраля президиум УФАН рассмотрел и принял мой доклад о желательной структуре УФАН.

На днях в Свердловске был получен объемистый № 11—12 журнала «Под знаменами марксизма», полностью посвященный работам ноябрьской сессии 1942 г. АН СССР, проводившейся в Свердловске. В этих материалах содержится много сведений, прямо или косвенно имеющих отношение к работе Академии наук на Урале в период Отечественной войны.

11 февраля 1943 г. На днях были разосланы протоколы заседаний президиума АН от 18, 21 и 22 декабря в Москве. Запишу относящееся к Уралу.

Во временной структуре Издательства АН в Свердловске утверждена «Оперативная редакционно-издательская группа» и отделение конторы «Академкнига».

При ОГГН организована «Комиссия по запальным свечам» (председатель — акад. В. С. Кулебакин; члены: академики А. А. Байков, Н. Т. Гудцов, Л. Д. Шевяков; члены-корр.: Д. С. Белянкин, П. П. Будников, Б. М. Вул; профессора: Р. Л. Певзнер, Г. И. Чуфаров и др.). Таким образом, почти весь состав Комиссии сейчас проживает в Свердловске.

По премированию победителей в социалистическом соревновании среди академических учреждений окончательное постановление было принято 22 декабря 1942 г.

Две из четырех премий по 10 тыс. руб. присуждены работавшим в 1942 г. на Урале ИГН совместно с Уральской комплексной экспедицией и лабораторией кристаллографии. Премия в 20 тыс. руб. и переходящее Красное знамя президиума АН СССР и президиума ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений присуждено в результате итогов соревнования между комиссиями и филиалами Академии наук — Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны.

9 февраля ученый совет ИММ УФАН заслушал подробный доклад металлографа В. Д. Садовского о работе группы сотрудников УФАН под руководством докладчика и в сотрудничестве с производственниками одного из заводов по изготовлению боеприпасов. Работа имела очень серьезное военное значение. В связи с этим было решено представить ее на соискание Сталинской премии.

Сегодня по приглашению Сталинского райкома ВКП(б) Свердловска я прочел собранию секретарей первичных партийных организаций лекцию о природных богатствах Урала и их оборонном значении. Слушали очень внимательно.

Вчера состоялось очередное заседание бюро ОГГН. Мы заслушали годовой отчет ученого секретаря лаборатории кристаллографии Л. М. Беляева о работах лаборатории и плане на 1943 г. Было принято постановление о возбуждении ходатайства перед президиумом Академии о преобразовании лаборатории в институт.

Был также рассмотрен и утвержден отчет Отделения ГГН.

13 февраля 1943 г. Вчера в ученом совете СГИ проф. И. И Горский сделал сообщение о совместной работе СГИ и ИГН Академии по детальной структуре месторождения шахты № 2 Егоршинского антрацитового района. Эта работа получила весьма положительную оценку промышленных организаций; выполнена она главным образом сотрудниками Академии наук — геологом А. А. Петренко и проф. И. И. Горским.

Вечером состоялось заседание оргбюро Всесоюзного научного инженерно-технического горного общества. В качестве председателя общества я сделал доклад о его работе в 1942 г. С обстоятельным сообщением о работах ИГН при восстановлении шахт Донецкого бассейна выступил акад. А. А. Скочинский. Это сообщение вызвало живейший интерес. В дни победоносного наступления Красной Армии именно в Донецком бассейне тема оказалась как нельзя более актуальной.

2 апреля 1943 г. Длительный перерыв в записях объясняется тем, что с 16 февраля по 27 марта я выезжал с бригадой Комиссии АН по мобилизации ресурсов в Западную Сибирь.

Собственно говоря, выезд бригады из Свердловска был назначен на 14 февраля, но в этот день вагон бригады не был прицеплен к поезду из-за перегруженности состава.

Я воспользовался этой отсрочкой и 15 февраля побывал у первого секретаря обкома ВКП(б) В. М. Андрианова, чтобы переговорить с ним по вопросу о расширении структуры УФАН (в духе записей от 15 января 1943 г.), и встретил его полное сочувствие.

Итак, бригада Академии выехала из Свердловска 16 февраля в «собственном» мягком вагоне. Иметь свой вагон для подобных поездок сейчас совершенно необходимо, так как поездка в общем порядке чрезвычайно затруднена из-за перегруженности поездов.

Цель бригады: 1) выяснить состояние местной рудной базы для сибирской черной металлургии (точнее для первого и второго кузнецких металлургических заводов); 2) подвести итоги уже производившихся работ по выявлению производственной мощности шахт Кузнецкого каменноугольного бассейна; 3) выявить состояние и меры к улучшению энергетических ресурсов в промышленных центрах Западной Сибири. Кроме того, предполагалось, что член-корр. Д. М. Чижиков проведет некоторые дополнительные работы по цветной металлургии в Сибири.

Бригада была скомплектована в следующем составе: руководитель бригады акад. А. А. Скочинский (горное дело), зам. руководителя бригады — М. А. Стекольников (водное хозяйство), акад. Л. Д. Шевяков (горное дело), акад. АН УССР М. В. Луговцов (металлургия), инженер А. А. Сигов (металлургия, УФАН), инж. К. М. Чарквиани (горное дело, УФАН), инж. М. И. Агошков (горное дело, ИГД АН), доктор геолого-минералогических наук К. Л. Пожарицкий (геология, ИГД АН), член-корр. Д. М. Чижиков (цветная металлургия), член-корр. В. И. Вейц (энергетика), инженер А. В. Колегаев (энергетика), инженер Б. А. Гуревич (энергетика).

Наш вагон прибыл в Новосибирск 19 марта. Там к нам присоединился В. М. Гальперин, живший в последнее время в Новосибирске, чтобы координировать работы Академии по мобилизации ресурсов в Сибири.

В день приезда и на другой день мы провели совещания в связи с работами в комбинате Кузбассуголь (начальник комбината К. И. Поченков; заместитель наркома угольной промышленности, главный инженер комбината С. М. Островский) и в Западно-Сибирском Геологическом Управлении, где геолог И. В. Дербиков ознакомил нас с геологическими материалами по месторождениям железных и марганцевых руд.

21 февраля наш вагон вышел из Новосибирска и 22 прибыл в Сталинск.

Утром того же дня я вышел из вагона на ст. Усяты, чтобы побывать в Прокопьевске для ознакомления с состоянием работ нашей комиссии по Кузбассу.

История этих работ была такова. Осенью 1942 г. нарком угольной промышленности В. В. Вахрушев издал приказ, обязывавший Кузбасский научно-исследовательский угольный институт (КузНИУИ) организовать работы по выявлению производственных мощностей шахт Кузбасса и организации мероприятий, необходимых для поднятия добычи. Эта работа должна была вестись по программам, разработанным Академией наук и при ее участии. Для собирания материалов было организовано 8 бригад — по числу трестов Кузбасскомбината. В каждой бригаде принимали широкое участие руководящие работники производства данного треста. В Прокопьевске была учреждена центральная комиссия под руководством директора КузНИУИ К. Д. Нестеренко. В комиссию входили представители Академии наук — акад. А. А. Скочинский, проф. А. Е. Пробст, ст. научн. сотрудник А. П. Судоплатов, профессора Донецкого индустриального института (временно эвакуированного в Прокопьевск) — В. И. Белов, Г. И. Гойхман, С. С. Герчиков и др.; профессора Томского индустриального института — Д. А. Стрельников и Н. А. Чинакал.

Как я понял на месте, «душой» и истинным руководителем всей работы фактически был академический сотрудник А. П. Судоплатов, который жил в Прокопьевске с декабря 1942 г. Он на своих плечах вынес всю тяжесть этого дела и довел его до благополучного конца, что, несомненно, потребовало много настойчивости и такта, помимо наличия специальных знаний. С начала февраля в Прокопьевске находился и проф. А. Е. Пробст, специалист по экономике угольного дела.

Ко времени моего приезда уже были собраны не только почти все исходные материалы по всем действующим 47 шахтам Кузбасса, но и подготовлено большинство сводных обзоров, очень пестрых по качеству. Внимательно ознакомившись со всеми записками, я обсудил их с А. П. Судоплатовым, высказав свои соображения о необходимых поправках и дополнениях; 23 февраля к вечеру я уже был в Сталинске.

Пока я находился в Прокопьевске, акад. А. А. Скочинский провел в Сталинске совещания с дирекцией Кузнецкого металлургического комбината (КМК) о задачах нашей бригады. Вечером 23 февраля мы созвали совместное совещание по марганцево-рудной базе КМК. На другой день ознакомились с положением проектировочных работ по железным рудникам для КМК и вечером выехали на предприятия Горной Шории. В этой поездке приняли участие только геологи, горняки и металлурги, так как энергетики остались для работ в Сталинске.

В течение нескольких дней мы побывали на железных рудниках Таштагол, Темир-Тау, Тельбесс, Одра-Баш, также ознакомились с добычей доломитов (Темир-Тау) и кварцитов (у ст. Чугунаш) и осмотрели Мундыбашскую обогатительную и агломерационную фабрику. Работа шла дружно и интенсивно: днем — осмотр шахт (в том числе и подземных работ), вечером — совещания, ночью — переезды на новое место. Поездка была блестяще организована сопровождавшим нас главным инженером Горного управления КМК П. Е. Следзюк.

Особенно памятен день, проведенный в поезде на новый рудник Одра-Баш. Месторождение открыто в очень красивой, горной местности, ехать туда на лошадях было трудно. Всюду чистейший снег, чистейший воздух, красивые горные леса.

Мы возвратились в Сталинск 1 марта, и уже на другой день А. А. Скочинский и я уехали в Прокопьевск заниматься вопросами угля, а наши энергетики (и совместно с ними М. А. Стекольников и В. М. Гальперин) направились в Кемерово. Остальные товарищи остались в Сталинске для работы над вопросами добычи руд и подготовки их к плавке.

В Прокопьевске мы с А. А. Скочинским пробыли неделю: за это время — внесли дополнения и коррективы в подготовлявшиеся записки по углю, участвовали в заседаниях центральной комиссии, дали значительное количество консультаций по техническим вопросам.

По просьбе ГК ВКП(б) мы участвовали в собрании инженерно-технического актива, в повестке которого стояли два вопроса: 1) мой доклад «Богатства Урала и Сибири — фронту» и 2) совещание по системам разработок мощных крутопадающих угольных пластов в Кузбассе.

Основной вывод, какой сделало собрание по моему докладу, сводился к тому, что Урал в деле обороны развил гораздо более широкую и интенсивную деятельность, чем Сибирь.

Достаточно сказать, что Кузнецкий угольный бассейн за 1942 г. снизил свою производительность по сравнению с 1941 г. примерно на 20%, тогда как за тот же год Урал повысил добычу угля примерно на 40—45%. В результате Кузбасс, обладающий запасами угля в недрах в 450 млрд. тонн, причем угля превосходного качества, дает в год примерно столько же, сколько и Урал, обладающий всего каких-нибудь 5—6 млрд. тонн запасов в недрах, притом угля посредственного.

Конечно, это вопиющее положение объясняется рядом сложных обстоятельств, но едва ли можно сомневаться, что некоторое значение здесь имела и развернутая на Урале кипучая деятельность общественных, патриотических сил, в частности коллективов научных работников АН СССР.

В Кузбассе такой напряженной общественной деятельности совсем не чувствуется. Работы нашей бригады по Кузбассу выявили там наличие огромных резервов в производственных мощностях шахт. Основное препятствие для развития угледобычи — недостаточная работа транспорта по планомерному вывозу угля.

Воспользовавшись пребыванием в Прокопьевске томских профессоров — горняков Н. А. Чинакала и Д. А. Стрельникова,— мы вместе с А. А. Скочинским обсудили

с ними вопрос о желательности и возможных формах организации Сибирского филиала АН СССР. Позднее, 22 марта, об этом же важном деле мы беседовали в Новосибирске с председателем облисполкома т. Гришиным.

Помимо прямой работы по выявлению производственной мощности Кузбасса, мы обсудили с отдельными инженерами и их группами ряд интересовавших их технических вопросов. В качестве председателя Всесоюзного горного НИТО я занимался там и делами Прокопьевской ячейки общества.

Закончив работы в Прокопьевске, мы возвратились в Сталинск (8 марта) и, посовещавшись с нашими геологами, горняками и металлургами, сделали детальные доклады о местной рудной базе заводов черной металлургии сначала техническому совещанию при Горном управлении КМК, а потом дирекции КМК.

Удалось несколько часов «выкроить» и для осмотра мартеновского и прокатного цехов Кузнецкого металлургического завода. Мне приходилось видеть величайшие заводы в Европе и Америке, и могу сказать, что наш сибирский гигант не уступает им ни по масштабу, ни по уровню оборудования.

Закончив наши работы и по углю и по рудам, мы сочли своим долгом доложить о них руководству Кемеровской области. Эта область ко времени нашей поездки только что образовалась, будучи выделена из состава Новосибирской области. В частности, в новую Кемеровскую область был включен и весь Кузбасс.

16 марта состоялся наш доклад в Кемеровском обкоме ВКП(б). Председатель (первый секретарь обкома т. Задионченко) вел заседание беспорядочно, поэтому все присутствующие получили из наших сообщений значительно меньше полезных указаний и сведений, чем могли бы получить.

18 марта мы приехали в Новосибирск, где 21 марта сделали детальный доклад техническому совещанию при начальнике комбината Кузбассуголь (А. А. Шелков) о положении Кузбасса и мерах к поднятию его производительности. Это собрание было очень содержательным.

В Новосибирске к нам присоединились К. Л. Пожарицкий и М. И. Агошков, которые, пока мы ездили в Кемерово, посетили ряд небольших месторождений (марганцевые руды, киноварь и др.) в Салаирском районе.

22 марта акад. А. А. Скочинский, я и В. М. Гальперин посетили председателя Новосибирского облисполкома т. Гришина и кратко рассказали ему о работах Академии наук по Сибири. Затем мы поставили вопрос об учреждении Сибирского филиала Академии, который по существу должен обслуживать все (или некоторые) сибирские области. Главная задача филиала — изучение производительных сил Сибири и координация научных сил. Тов. Гришин отнесся к нашим соображениям весьма сочувственно.

Из Новосибирска наш вагон вышел в ночь на 23 марта, но в Свердловск мы возвратились только 27 марта.

18 апреля 1943 г. Продолжаю записи в хронологическом порядке.

Приехав в Свердловск 27 марта, я получил постановление президиума АН СССР от 19 марта «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии наук СССР в Москву» — во исполнение соответствующего постановления СНК СССР от 13 марта 43 г. Призидиум АН должен переехать в Москву немедленно, а учреждения — в три срока: в середине мая, в июне и в октябре. По городам, в которых сосредоточены сейчас академические учреждения, назначены уполномоченные «по обеспечению переезда учреждений Академии наук»; по Свердловску таким уполномоченным был назначен я, заместителем — Н. Е. Калиновский.

Из бесед с отдельными лицами выясняется, что большинство желает переехать в Москву как можно скорее, меньшинство находит этот переезд преждевременным ввиду возможности налетов на Москву вражеских аэропланов и вообще трудностей московской жизни.

В центральных газетах 23 марта было опубликовано сообщение Академии наук о выборах академиков и членов-корреспондентов. По отделению геолого-географических наук объявлены три вакансии для действительных членов и одна для члена

корреспондента. В момент получения газеты я как раз находился у В. А. Обручева, который был очень огорчен малым числом вакансий для Отделения ГГН.

Получил письмо от председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского с уведомлением о назначении меня членом Совета научно-технической экспертизы Госплана СССР. Соответствующее уведомление было получено мной и от секретаря АН. В связи с этим мне предстояло к 19 марта быть в Москве, но все эти извещения были получены с большим запозданием, и потому в Москву я не поехал.

В конце марта получил телеграмму о назначении меня членом Комиссии по разработке мероприятий по борьбе с вредными последствиями оползня в Богословских угольных карьерах. Назначение это последовало по приказу наркома угольной промышленности. Свердловская группа Комиссии (акад. Л. Д. Шевяков, профессора Д. Н. Оглоблин, В. И. Геронтьев, И. И. Горский, М. О. Клер) выехала в Богословск 2 апреля, а двумя днями позже туда же приехали из Москвы инженер Д. Ф. Борисов (председатель Комиссии), проф. Е. Ф. Шешко и др.

Работа оказалась очень сложной, интересной и своевременной, так как грандиозный размер оползня (около 4 млн. куб. метров ползущей массы горных пород) и сложный клубок мнений и взаимоотношений руководителей различных промышленных организаций создали вокруг этого дела крайне напряженную атмосферу.

Ввиду важности Богословского буроугольного района для Урала, да еще во время войны, к этому вопросу было привлечено внимание членов правительства. Работы нашей Комиссии внесли в вопрос должную ясность. Рекомендованные мероприятия имеют слишком специальный технический характер, чтобы здесь говорить о них. Мы сделали подробный доклад бывшему в то время в Богословске заместителю наркома угольной промышленности М. Ф. Горшкову.

Богословские угольные карьеры находятся около г. Карпинска, названного так в честь и память многолетнего президента Академии наук акад. А. П. Карпинского.

По просьбе городского партийного комитета я прочитал участникам пленума, партийно-техническим активистам г. Карпинска, в клубе угольщиков 10 апреля доклад «Богатства Урала — фронту».

Мы возвратились в Свердловск 14 апреля.

В последнее время в ИГН состоялись доклады М. Ф. Нейбур «Развитие работ по стратиграфии угленосных отложений Кузбасса» и В. И. Лучицкого «Минералогия боксито-каолиновых отложений Каменского района».

15 и 17 апреля состоялись совещания под руководством акад. А. А. Скочинского по окончательному редактированию выводов бригады АН по мобилизации ресурсов Кузбасса и Горной Шории.

15 апреля было созвано очередное заседание бюро ОГГН. Присутствовали академики В. А. Обручев, П. И. Степанов, Л. Д. Шевяков, член-корр. Д. С. Белянкин, проф. Я. С. Эдельштейн, геологи С. А. Кашин, Г. А. Соколов, А. А. Петренко.

Среди ряда других был рассмотрен вопрос об организации полярно-уральской экспедиции. Идея экспедиции блестяща и сулит огромные результаты: предположено произвести детальные исследования геологии и месторождений полезных ископаемых вдоль новой железной дороги, построенной от Котласа далеко на северо-восток и на дальнейшей трассе этой железной дороги вплоть до Полярного моря. Так как эта железная дорога в значительной части проходит в местностях со столь сложным и разнообразным геологическим строением, как Полярный Урал и Тиман, то нет сомнения, что намеченные исследования приведут к открытию многих новых месторождений полезных ископаемых и расширят наши познания известных месторождений. Работа экспедиции рассчитана на пять лет.

Акад. П. И. Степанов, только что возвратившийся из Москвы, рассказал о работах геологов в Москве. К величайшему огорчению, здоровье акад. А. Е. Ферсмана внушает серьезное беспокойство. Во всяком случае в ближайшее время надеяться на его полноценную работу, к несчастью, не приходится.

Возвратившись 14 апреля 1943 г. в Свердловск, я нашел у себя уже новый приказ заместителя наркома УП, которым предписывалось акад. А. А. Скочинскому, мне

и нескольким профессорам выехать в Кизел в связи с тем, что в шахте № 6 появились газовые струи (так называемые суфляры). Так как имеется основание предполагать, что состав газа в данном случае не совпадает с обычным составом рудничного газа каменноугольных месторождений и отчасти зависит от подстилающих пород с признаками нефтеносности, то уже были взяты и доставлены в Свердловск пробы этих газов для анализа. К сожалению, бутыли с пробами были повреждены в дороге и пробы пропали. Решено с выездом задержаться, пока не будут закончены анализы новых проб.

30 апреля 1943 г. Отмечу, что за период от предыдущей записи до сегодняшнего дня произошли следующие события.

По поручению Совета по научно-технической пропаганде я прочитал рукопись В. В. Данилевского «Менделеев на Урале». К сожалению, работа явно носила характер спешки. Автор предполагает издать ее в виде отдельной брошюры в Свердловском областном издательстве.

21 апреля в заседании ученого совета СГИ были выдвинуты кандидатуры для предстоящих довыборов в Академию наук (член-корр. Д. В. Наливкин — в академики и проф. И. И. Горский — в члены-корр.). Выдвижение было принято единодушно.

22 апреля я сделал подробный доклад о работах по Богословскому оползню техническому совещанию в комбинате Свердловскуголь.

Акад. В. Н. Образцов в качестве заместителя председателя Совета по научно-технической пропаганде Академии наук в последние месяцы неоднократно беседовал со мной о том, что при предстоящей реэвакуации Совета из Свердловска в Москву следовало бы на Урале, и именно в Свердловске, сохранить работника Совета для продолжения уже довольно широко развернутой деятельности по пропаганде. Причем, по мнению В. Н. Образцова, следовало бы иметь соответствующую ячейку при УФАН под моим руководством. Я согласился с этим предложением, но при непременном условии, чтобы после реэвакуации академических учреждений из Свердловска УФАН получил какой-либо городской дом, всего лучше здание (Почтовый, 17), занимаемое сейчас частично аппаратом президиума и некоторыми академическими учреждениями. Если же УФАН останется только в своих загородных зданиях, то фактически никакая широкая пропагандистская деятельность будет невозможна.

Работа Совета по пропаганде была развернута довольно широко. Так, за 1-й квартал 1943 г. в Свердловске (а также в Нижнем Тагиле, Ревде, Каменске-Уральском, Перми) по поручению Совета было прочитано 125 лекций, а также организованы многочисленные передачи по радио и пр.

Среди сотрудников Академии, эвакуированных в свое время из Москвы, замечается огромная тяга обратно. Мотивы сложны: желание быть дома, воспоминания о довоенной жизни в Москве на фоне трудностей военного времени в чужом, суровом, переполненном жителями и плохо снабжаемом продовольствием Свердловске; опасения потерять в Москве квартиру или место работы и пр. Эти настроения, захватывая особенно людей менее устойчивых, отражаются в известной мере и на интенсивности работы. Поэтому редакция стенной газеты академических учреждений в Свердловске просила меня написать к 1 Мая соответствующую статью, что, разумеется, и было мною сделано.

27 апреля на заседании ученого совета ИМ состоялась защита докторской диссертации проф. В. М. Гуськова о получении сверхчистого алюминия рафинированием, принятая почти единогласным голосованием (при двух воздержавшихся).

На днях меня посетил член-корр. И. Н. Вознесенский, проживающий сейчас в Челябинске. Он поставил вопрос об учреждении в УФАН группы по теории машиностроения, особенно по водяным турбинам,— проблеме, близкой его научному профилю. Вопрос о целесообразности таких работ в УФАН мне представляется сомнительным, так как до сих пор принципиальной установкой УФАН являлось проведение исследования по проблемам, важным и специфическим для Урала. Вопросы же машиностроения для Урала не являются первоочередными.

28 апреля делегация академических работников во главе с вице-президентом А. А. Байковым посетила Свердловский подшефный госпиталь для раненых командиров. На «встрече» с ранеными великолепную краткую речь произнес А. А. Байков, затем я немного рассказал о минеральных ресурсах Урала и их использовании; с простодушной, но горячей и образной речью, обратился к присутствующим Н. Е. Калиновский. Затем мы посетили много палат с больными, которые по состоянию здоровья не могли присутствовать в общем зале. Стало очевидно, что шефство Академии, особенно совет жен-общественниц под руководством А. Д. Байковой, супруги академика, принесло большую пользу в оборудовании и обстановке палат, организации бесед с ранеными и т. п. Сильное впечатление производят спокойные лица раненых, людей, которым пришлось пережить так много.

Вчера состоялось торжественное собрание сотрудников всех (к сожалению, кроме УФАН) академических учреждений Свердловска, посвященное празднованию 1 Мая. Председательствовал А. А. Байков, кроме того присутствовали академики В. П. Волгин, П. И. Степанов, Э. В. Брицке, Л. Д. Шевяков. Было очень тесно, так как помещение маловато, но чувствовалась приятная атмосфера непринужденности и товарищества.

5 мая 1943 г. 30 апреля в УФАН состоялось предмайское собрание коллектива с политическим докладом и оглашением результатов социалистического соревнования. Переходящее Красное знамя было передано лучшей лаборатории УФАН — лаборатории магнитных явлений за работы чисто оборонного значения. Наиболее важные достижения в этом направлении достигнуты Я. С. Шуром, С. В. Вонсовским, П. А. Халилеевым. Была исключительно товарищеская, теплая атмосфера.

Потом я был недолго на общегородском торжественном собрании, организованном Свердловским городским Советом депутатов трудящихся. Из академиков я видел там А. А. Байкова, В. С. Кулебакина.

В этом году в Свердловске не было ни первомайской демонстрации, ни военного парада. Поэтому дни 1 и 2 Мая я и моя семья использовали для вскапывания огорода под картофель. Отмечаю это потому, что «огородные» дела сейчас являются заботой всех работников Академии, вплоть до высших рангов. Сотрудники УФАН еще более увеличили по сравнению с прошлым годом площадь огородов, используя каждый клин земли и разделывая целину, местами на участках с пнями и каменистыми грунтами.

1 Мая СГИ также было проведено майское собрание профессуры и студентов. Как и в прошлом году, мне было присвоено звание «отличника».

4 мая после долгого отсутствия возвратился, наконец, в Свердловск президент Академии В. Л. Комаров.

Меня посетила писательница Сюзанна Иосифовна Люм, которая предполагает написать очерки и даже, быть может, книгу о работе людей науки на Урале в период Отечественной войны. Между прочим, она мне сообщила, что живущая в последнее время в Свердловске писательница М. С. Шагинян написала очерки об академиках В. Л. Комарове и С. Г. Струмилине.

18 мая 1943 г. Получена с большим опозданием выписка из постановления президиума АН с выражением благодарности академикам А. А. Скочинскому, А. М. Терпигореву, Л. Д. Шевякову, члену-корр. А. С. Ильичеву, проф. А. О. Спиваковскому и инж. А. П. Судоплатову за исследование «Основные направления технической политики при восстановлении производственной мощности Донецкого бассейна». Это постановление было принято президиумом АН 19 апреля 43 г. в связи с письмом НКУП СССР.

10 мая на заседании президиума УФАН, посвященном выдвижению кандидатов на предстоящие выборы в АН СССР, было принято решение выдвигать только лиц, имеющих непосредственное отношение к УФАН. Кандидатами в действительные члены АН СССР выдвинуты Д. С. Белянкин и Я. И. Френкель, в члены-корр.— Г. И. Чуфаров, А. Г. Бетехтин, Д. С. Коржинский. Голосование было тайное. К моему удив-

лению и огорчению, кандидатура проф. И. К. Кикоина, казавшаяся мне безусловной, «не прошла».

11 мая состоялось заседание бюро ОГГН — последнее в Свердловске, так как принято решение о переезде бюро в Москву. На этом последнем уральском заседании присутствовали академики: В. А. Обручев, П. И. Степанов, Л. Д. Шевяков, член-корр. Д. В. Наливкин, геологи Я. С. Эдельштейн, В. М. Куплетский, А. А. Иванов, А. А. Петренко. Так как оставаясь в Свердловске я уже не мог бы систематически, как в последние годы, участвовать в работах бюро, я обратился с просьбой освободить меня от чрезвычайно ценного и лестного звания члена бюро ОГГН. Однако все присутствовавшие запротестовали и просили меня этого вопроса не ставить, так как для связи с Уралом желательно иметь постоянно живущего здесь члена бюро. На этом же заседании было рассмотрено много других вопросов.

13 мая состоялось очередное совещание комиссии по авиационным свечам под председательством акад. В. С. Кулебакина.

В тот же день на заседании ученого совета ИГН выступил А. Г. Бетехтин с докладом о месторождениях марганцевых руд в СССР.

На другой день, 14 мая, в помещении СГИ состоялось совещание по учреждению Уральского геологического общества. Собрание было немноголюдным — почти исключительно научные работники ГИ. Председательствовал Я. С. Эдельштейн. Была избрана комиссия для разработки устава и проч.

15 мая проживающие в Свердловске академики были приглашены на организованную областным отделом по делам искусств и редакцией газеты «Уральский рабочий» выставку фото-работ М. А. Инсарова «Урал в дни Великой Отечественной войны». Здесь имеются превосходно выполненные портреты академиков (особенно удачны фото А. Е. Ферсмана, В. Н. Образцова, В. А. Обручева, П. И. Степанова, А. А. Скочинского и других) и снимки заседаний академических учреждений. Хорошо бы сохранить эти снимки в архиве Академии для ее истории.

8 июня 1943 г. Опять долгий перерыв в записях, объясняемый тем, что я был чрезвычайно занят. Делаю заметки в хронологическом порядке.

В середине мая в Свердловске было получено постановление Президиума АН с решениями по УФАН: разрешено организовать секторы обогатительный и гидрогеологический в составе ГГИ УФАН и лаборатории коллоидной химии и органического синтеза в Химическом институте филиала. Кроме того, Президиум Академии поручил президиуму УФАН представить соображения о возможности организации в УФАН двух новых институтов — Историко-экономического и Биологического — и вводе в структуру УФАН Ивдельской базы и Ильменского заповедника. Это решение явилось результатом ходатайства по данному вопросу, представленного в Академию УФАН и поддержанного руководящими организациями Свердловской области.

Чтобы подготовить должным образом материал к реализации данного постановления, я провел много бесед и совещаний с соответствующими специалистами и получил от них ряд записок.

Так, 18 мая я беседовал с вице-президентом АН В. П. Волгиным, который передал мне для президиума УФАН записку о примерной тематике будущего отдела истории Историко-экономического института, а также список лиц, которые имеют непосредственное отношение к историческим наукам и находятся сейчас на Урале. Вячеслав Петрович особенно настаивал на организации именно Историко-экономического института, в котором должным образом были бы представлены исследования по истории Урала не только в области хозяйства, но и по истории общественных движений, древних обитателей Урала и т. д.

В. П. Волгин говорил также, что было бы желательно во главе этого института иметь акад. С. Г. Струмилина.

Я приветствовал это предложение при условии, что Станислав Густавович будет систематически приезжать на Урал в установленные сроки. Вячеслав Петрович сказал также, что президент АН В. Л. Комаров вполне одобряет высказанные им соображения по организации Историко-экономического института УФАН.

Несколькими днями позднее я подробно беседовал с научным сотрудником Механобра Н. Н. Чипкиным о том, как лучше организовать обогатительный сектор УФАН, и вскоре получил от него записку по этому вопросу.

Аналогичные совещания я провел со специалистами-экономистами (В. В. Рикман, А. Е. Пробст, М. К. Расцветаев, И. А. Дорошев), лесоводами (В. Н. Козлов, И. П. Орлов, Семенов), а также со специалистом по водному хозяйству (М. А. Стекольников), транспорту (Д. М. Морек), огнеупорам (Р. Л. Певзнер) и др. Все они представили краткие записки или сообщения для сводного доклада президиуму АН.

21 мая я беседовал с А. А. Скочинским, только что вернувшимся из Москвы. Он рассказал, что работы Академии (совместно с другими учреждениями) по Кузнецкому бассейну (запись 2 апреля 43 г.) были встречены Госпланом и НКУП с большим удовлетворением и что нарком НКУП В. В. Вахрушев просил организовать подобное исследование и по Караганде, а также решить вопрос о возможности развития угледобычи на южном Урале; НКЦМ, Наркомат металлургии просили провести исследования по добыче бокситов.

После приезда акад. А. А. Скочинского возобновились заседания бюро Комиссии по мобилизации ресурсов, преимущественно по вопросам организации работ на летний период.

Правда, эти собрания становятся все более малолюдными ввиду отъезда из Свердловска академиков и других академических работников, преимущественно в Москву, в связи с начавшейся реэвакуацией. Так, окончательно уехали в Москву академики П. И. Степанов, В. Н. Образцов, Н. Т. Гудцов, И. П. Бардин, С. Г. Струмилин, очевидно, и А. Е. Ферсман. Уже подолгу живут в Москве академики А. А. Байков, В. П. Волгин, Э. В. Брицке, на днях уезжает В. С. Кулебакин; на все лето уехали из Свердловска в Алма-Ату В. Л. Комаров и В. А. Обручев. Окончательно уехали члены-корреспонденты В. И. Вейц (в Москву), Б. Б. Полынов (в Среднюю Азию); Д. М. Чижиков, А. В. Шубников, Н. Н. Яковлев (тоже в Среднюю Азию), давно уехал М. И. Авербах.

В настоящее время живут на Урале и не собираются уезжать отсюда по меньшей мере ранее осени академики А. Н. Заварицкий (живет и работает в Ильменском заповеднике), М. А. Павлов, А. А. Скочинский, Л. Д. Шевяков, члены-корреспонденты П. Ф. Антипин (живет в г. Каменске-Уральском, работая на Уральском алюминиевом заводе), Д. С. Белянкин, И. Н. Вознесенский (Челябинск), В. В. Голубев, М. М. Карнаухов, Д. В. Наливкин, Н. И. Никитин, В. Н. Сукачев. Таким образом, пока остаются почти исключительно ленинградцы.

Аналогичная картина с реэвакуацией наблюдается и среди других работников Академии, тем более что в плановом порядке возвращаются в Москву целые учреждения Академии или их значительные части. Так, в последнее время направились в Москву ИМ (почти полностью), ИГД (частично), лаборатория кристаллографии ОГГН, несколько лабораторий ИГН и др.

Несмотря на массовый характер реэвакуации, едва ли она своевременна. Думается, и акад. А. А. Скочинский, например, всецело придерживается той же точки зрения, что так как война еще далеко не кончилась и так как Урал продолжает быть «становым хребтом победы», то прежняя дружная и горячая работа Академии на Урале была бы еще чрезвычайно нужна нашей стране. Конечно, все ощутительнее становится надобность в работе Академии в самой Москве, но если говорить об основной массе людей Академии, то они на Урале и вообще на Востоке сейчас еще более нужны.

Последнее время и я получил телеграфные просьбы от наркома угольной промышленности В. В. Вахрушева и от вице-президента Академии А. А. Байкова приехать в Москву, но в обоих случаях просил меня освободить от этого, чтобы не прерывать работу на Урале.

В течение последнего месяца было очень много защит диссертаций. В ИГН защитили диссертации: И. С. Рожков «Мезозойские россыпи Среднего и Северного Урала» (31 мая, кандидатск.), В. И. Матвеев «Геология района Адуйских гранитовых

пегматитов» (31 мая, кандидатск.), И. М. Покровская «Четвертичные отложения Онежско-Ладожского перешейка (1 июня, кандидатск.), А. А. Иванов «Месторождения осмистого иридия» (1 июня, докторск.), В. В. Лапин «Опыт петрографической характеристики металлургических шлаков» (2 июня, кандидатск.), С. Н. Иванов «Микроскопическое исследование руд глубоких горизонтов Дегтярки» (2 июня, кандидатск.).

В ИГД защита диссертаций (кандидатских) состоялась вчера, 8 июня 43 г., это с основания Института первые защиты. Е. М. Фаерман, ученый секретарь ИГД, защитил диссертацию «К теории расчета рудничных водоудерживающих перемычек». Эта тема была рекомендована ему мной четыре года назад. Другой сотрудник ИГД, Б. А. Розентретер, выступил с защитой диссертации «Машинная зарубка угольных пластов опасных по газу и пыли». Обоим диссертантам ученые степени были присуждены единогласно.

Сегодня я закончил обработку статьи об УФАН для сборника о филиалах, подготовляемого к печати Советом по филиалам и базам АН.

31 мая я был приглашен на собрание интеллигенции Ленинского района Свердловска, созванное райкомом ВКП(б) и исполкомом Ленинского райсовета.

На повестке дня стоял доклад секретаря райкома т. Басина о задачах советской интеллигенции. Из академических работников выступали проф. Я. С. Эдельштейн и я. Оба мы, в числе большой группы научных работников, были награждены грамотами, в частности я — «за активную помощь горной промышленности и отличную работу по подготовке инженерных кадров для горной промышленности в дни Отечественной войны».

16 июня 1943 г.— в железнодорожном вагоне на пути из Свердловска в Караганду.

4 июня А. А. Скочинский, я, Д. В. Наливкин и К. М. Чарквиани (УФАН) выехали по поручению Комиссии АН по мобилизации ресурсов на нужды обороны в Каменский бокситовый район (Средний Урал). Цель поездки — разработать мероприятия по увеличению добычи бокситовой руды и улучшению ее качества. Мы уже были в этом районе год назад почти в том же составе (запись 20 мая 42 г.).

Выехали из Свердловска утром 4 июня автомобилем, расстояние до Уральского алюминиевого завода (УАЗ) с прилегающими к нему бокситоносными участками около 110 км. День приезда был занят предварительными собеседованиями с управлением завода, а в следующие два дня мы посетили Соколовский и Пироговский бокситовые рудники, Богарякское месторождение бокситов и Богарякский известняковый карьер УАЗ.

Оказалось, что на Соколовском руднике за год были достигнуты большие успехи, хотя бесспорно обнаружилось и много недостатков. Значительно медленнее развивается Пироговский рудник, главным образом потому, что все еще не закончено подведение к нему ширококолейной железной дороги, а также из-за того, что месторождение небогато и по особенностям геологического строения очень трудно для эксплуатации.

Особое внимание мы обратили на необходимость использования так называемых «глиноподобных» бокситов, которые, несмотря на очень хороший химический состав, сейчас почти не идут на завод из-за их сильнейшей измельченности, затрудняющей технологию извлечения из них чистого глинозема.

Прогресс добычи бокситов в данном районе несомненно связан с учреждением при УАЗ горного отдела, что и было сделано по нашей настоятельной рекомендации при посещении УАЗ в прошлом году.

7 июня утром мы обсудили наши замечания и предложения по дальнейшему улучшению добычи бокситов с управлением УАЗ и горным отделом, а вечером уже были в Свердловске.

10 июня на заседании бюро Комиссии по ресурсам А. А. Скочинский сделал об этой поездке краткое сообщение.

В том же заседании рассматривался детальный план работ большой бригады

ученых, направляемой Академией на Южный Урал, в район Орска и Актюбинска. Цель поездки, почти экспедиции — поднятие производительных сил этих областей. Бригада должна была отправиться из Свердловска вчера, 15 июня, но выезд задержался на несколько дней из-за затруднений с оформлением права пользования отдельным вагоном.

11 июня я еще раз прочел, на этот раз по просьбе Ленинского райкома ВКП(б), лекцию «Богатства Урала — фронту» для секретарей первичных партийных организаций.

В тот же день А. А. Скочинский и я выступали официальными оппонентами на защите докторской диссертации А. И. Веселова в СГИ. Тема диссертации «Рационализация шахтного водоотлива в медных рудниках Урала».

11 июня член-корр. В. В. Голубев выступил с докладом «Ньютон и его механика» в Свердловском физико-механическом обществе. К сожалению, я не имел возможности послушать этого превосходного ученого и лектора.

12 июня А. А. Скочинский и я приняли участие в областном совещании энергетиков промышленных предприятий Свердловской области по вопросу экономии электроэнергии. Инициатором и одним из организаторов этого совещания являлась Комиссия Академии наук по мобилизации ресурсов на нужды обороны.

14 июня я опять был официальным оппонентом при защите в СГИ докторской диссертации Б. Н. Крамарева — «О бетонитовой крепи подземных горных выработок».

14 июня А. А. Скочинский и я были приглашены в Свердловский обком ВКП(б) для участия в совещании по обеспечению Свердловской области солью. Вопрос обсуждался довольно подробно; кроме нас в совещании приняли участие три геолога и три работника обкома. Учитывая трудности военного периода, мы рекомендовали обратить основное внимание на Соликамские калийные рудники, в месторождениях которых имеются богатейшие залежи каменной соли, и предостерегли от попыток строительства нового рудника около ст. Шумково (близ г. Кунгур), так как гидрогеологические условия для проходки шахтных стволов здесь были бы очень трудны.

Вчера я передал в Совет по филиалам и базам АН очерк об УФАН для сборника о филиалах и базах Академии.

Вчера же я отправил в Москву, в президиум АН, копии И. П. Бардину — записки об организации в УФАН двух новых институтов — Истории и экономики и Биологического.

Эти записи делаю в вагоне по пути в Караганду.

История поездки такова.

Будучи в апреле — мае текущего года в Москве, А. А. Скочинский получил очень хорошую оценку в Госплане и НКУП нашей работы в Кузбассе (запись 2 июня 43 г.). В. В. Вахрушев просил А. А. Скочинского организовать подобную работу и по Караганде.

Немедленно был издан приказ по Наркомату об организации комиссии «для разработки совместно с Академией наук СССР мероприятий, обеспечивающих развитие угольной промышленности Карагандинского бассейна в 1943—45 гг., и в первую очередь для увеличения добычи углей, идущих на коксование». Из академических работников в состав Комиссии назначены академики А. А. Скочинский (председатель комиссии), Л. Д. Шевяков, профессора А. Е. Пробст, Л. М. Сапожников, инженер А. П. Судоплатов (зам. председателя). Комиссии предложено «проводить работу в тесном контакте с Академией наук СССР (Комиссией по мобилизации ресурсов Урала, Казахстана и Западной Сибири на нужды обороны)». Срок начала работ — 15 июня с. г.

Мы выехали из Свердловска в Караганду точно в срок, вчера, 15 июня. Сейчас в вагоне, предоставляемом Академией наук при подобных поездках в наше распоряжение, находятся члены комиссии А. А. Скочинский, я, А. П. Судоплатов и вспомогательные работники — инженеры, сотрудники ИГД АН З. М. Федоров, П. П. Нестеров и Н. А. Соколов.

29 июня 1943 г. Сегодня мы возвратились в Свердловск из поездки в Караганду (о начале этой поездки сказано в предыдущей записи).

Так как от ст. Курган до Караганды мы ехали товарными поездами, то добирались до Караганды почти четверо суток. Впрочем, так как движение поезда прерывалось частыми остановками на разъездах, то было возможно не только серьезное чтение, но и писание и длительные совещания по организации предстоящей работы.

В день приезда, 19 июня, мы были у начальника комбината Карагандауголь Г. Г. Спицына и главного инженера комбината Д. П. Ляпина (оба члены комиссии).

На другой день мы посетили первого секретаря Карагандинского обкома ВКП(б) Л. Г. Мельникова, а в последующие дни провели ряд совещаний и бесед с участниками этой коллективной работы. На этот раз мы давали практические указания и проводили инструктирование более уверенно на основании опыта аналогичной работы, успешно выполненной в Кузнецком бассейне. Наши предложения были приняты с большой готовностью проф. А. А. Гапеевым (геолог), проф. Н. С. Поляковым (горный инженер), инженером В. Я. Бровманом (специалист-шахтостроитель) и другими. Непосредственным руководителем работ комиссии в Караганде остался А. П. Судоплатов, а А. А. Скочинский и я 26 июня выехали обратно в Свердловск с тем, чтобы вернуться в Караганду еще раз в половине августа.

В Караганде мы осмотрели подземные работы шахты № 50, где мощный пласт «Верхняя Марианна» в последние месяцы начали эксплуатировать так называемой «трехслойной системой разработки» по нашему предложению, сделанному при поездке в Казахстан год назад.

На другой день после нашего приезда в Караганду была получена телеграмма от наркома угольной промышленности, вызывающего А. А. Скочинского и меня в Кузбасс, однако мы телеграфно просили освободить нас от этой поездки ввиду ранее запланированного выезда на Южный Урал.

6 июля 1943 г. В последних числах июня в Свердловск приехал акад. И. П. Бардин, сопровождающий наркома черной металлургии т. Тевосяна в его поездке по заводам Урала. 1 июля И. П. Бардин, А. А. Скочинский и я подробно обсудили план предстоящих работ Комиссии по ресурсам в области горного дела.

Затем заместитель председателя Совета по филиалам и базам АН Б. Н. Митрейкин и я беседовали с И. П. Бардиным о реализации принципиального постановления президиума АН о расширении структуры УФАН. К нашему удивлению и даже недоумению, И. П. Бардин (председатель президиума УФАН и вице-президент АН) отнесся к этому делу более чем сдержанно, приводя очень странные доводы в пользу того, что с этим делом следует повременить. Так, например, он рекомендовал сначала договориться с привлекаемыми в новые институты людьми, а потом уже принимать решение в президиуме АН об учреждении этих институтов. Между тем, ни с одним серьезным человеком нельзя было вести сколько-нибудь серьезные и конкретные переговоры о его переходе на работу в... несуществующий институт.

Такое отношение И. П. Бардина к вопросу о расширении УФАН было тем более прискорбно слышать, что только несколько месяцев тому назад был учрежден совершенно новый филиал в Киргизии с целым рядом институтов. Наконец, в самое последнее время президиум АН принял постановление об учреждении еще одного филиала — Сибирского. Тем более, казалось бы, естественно и необходимо расширение работающего уже 10 лет Уральского филиала.

4 июля А. А. Скочинский и я обсуждали вопрос о выезде в Орск и Актюбинск, где уже находилась большая группа работников Академии для комплексных исследований. Однако как раз в момент разговора, а потом и ночью еще два раза звонили из комбината «Свердловскуголь» о том, что получено телефонное сообщение из Новосибирска с просьбой от имени наркома угольной промышленности В. В. Вахрушева к академикам А. А. Скочинскому и Л. Д. Шевякову немедленно выехать в Новосибирск по вопросам форсирования добычи углей, пригодных для коксования. Нам сообщили также, что уже дано распоряжение о предоставлении для нас аэроплана.

Как ни жаль было нарушать намеченный план поездки на Южный Урал, но все же мы решили, что ехать в Сибирь еще более необходимо.

К сожалению, на другой день оказалось, что аэроплан есть, но нет для него бензина, и полет был отложен. Предполагалось завтра выехать поездом, если не последует из Новосибирска извещения, что поездка может совсем отпасть (если нарком не сможет дольше задержаться в Кузнецком бассейне).

30 июля 1943 г. Весь период времени от предыдущей записи до сегодняшнего дня был занят главным образом вторичной в этом году поездкой в Кузнецкий каменноугольный бассейн.

Акад. А. А. Скочинский и я выехали из Свердловска 7 июля: через два дня были в Новосибирске, а еще через день — в г. Прокопьевске. Там мы ознакомились с приказом по НКУП об образовании комиссии по установлению надлежащих систем разработки угольных пластов в Прокопьевско-Киселевском районе Кузбасса. Председателем комиссии был назначен начальник технического отдела Наркомугля Г. А. Ломов, членами комиссии, кроме меня и А. А. Скочинского, профессора Донецкого индустриального института (временно находящегося в г. Прокопьевске), а также профессор Томского индустриального института Н. А. Чинакал, известный изобретатель так называемой «щитовой» системы разработки угольных пластов, и ряд видных инженеров с производства и из Наркомугля. Впрочем, комиссия собиралась лишь один-два раза, да и то больше по формальным соображениям, а по существу работа в отношении собственно систем разработок была выполнена инженерами Г. А. Ломовым, А. М. Ильштейном, И. И. Ильиным и др., а также проф. Н. А. Чинакалом и мною, а в области разработки мероприятий по борьбе с подземными пожарами — акад. А. А. Скочинским, проф. И. М. Печук, инженерами Е. С. Курмей и др. Мы посетили подземные разработки в нескольких шахтах.

16 июля по просьбе председателя комиссии сущность выводов была мною доложена В. В. Вахрушеву.

К большому сожалению, акад. А. А. Скочинский был вынужден накануне выехать обратно на Урал для участия, вернее для руководства работой совещания на Белорецком заводе (район Магнитогорска) по изготовлению стальных канатов.

Во время моей беседы с наркомом угольной промышленности присутствовал также зам. председателя Госплана СССР А. Д. Панов — горный инженер по образованию.

Принятые после обсуждения положения комиссии были затем облечены в форму проекта приказа, который несколькими днями позднее, 22 июля, был детально обсужден на совещании при заместителе наркома угольной промышленности А. Ф. Засядько.

Окончательно этот приказ будет рассматриваться, как сказал В. В. Вахрушев, коллегией НКУП.

Тщательность проработки вопроса, в частности привлечение к этому делу академиков, объясняется чрезвычайной важностью сущности дела. Прокопьевско-Киселевский район Кузнецкого каменноугольного бассейна обладает исключительно богатыми по количеству и прекрасными по качеству месторождениями угля — одного из самых замечательных на земном шаре.

Но так как пластов много и некоторые из них имеют очень большую мощность, преобладает крутое падение — то техника разработки их очень затруднительна. Радикальной мерой является заполнение выработанных пространств пустыми породами, так называемой «закладкой», но эта работа оказывается очень трудоемкой. Отказ от закладки так или иначе приводит к потерям угля под землею, что может привести и к несчастью. Так, вследствие самовозгорания скоплений измельченного угля могут возникать подземные пожары.

Недостаток рабочей силы, затруднения с получением крепежного леса и некоторые другие соображения вынуждали в период войны отказываться от закладки. Руководствуясь теми же мотивами, эту основную установку была вынуждена принять и наша комиссия. Детальнейшие технические указания по этому вопросу из-

ложены в проекте приказа, равно как и рекомендуемые мероприятия по предотвращению подземных пожаров и борьбе с ними.

Кроме этой основной работы, мы посетили Осиновский рудник, расположенный на самом юге Кузбасса, за Сталинском. Там шла речь об обеспечении устойчивой добычи углей марки ПЖ (т. е. «паровичный жирный» уголь). В результате поездки я представил наркому специальную записку по развитию основной шахты (Капитальная 1), дающей эти угли, и устно сообщил свои соображения зам. председателя Госплана А. Д. Панову.

Инженер Г. А. Ломов как начальник технического отдела Наркомугля в последние месяцы усиленно возбуждал вопрос о необходимости широкого использования американского опыта работы в угольных шахтах, где, как правило, достигается очень высокая по сравнению с нашими и западноевропейскими шахтами производительность труда.

Так как этот вопрос действительно злободневен по любому признаку, в том числе и чисто политическому, то мне пришла мысль организовать посвященный этому вопросу вечер для широкой технической общественности с докладами специалистов. При поддержке и полном сочувствии ГК ВКП(б) Прокопьевска в лице первого секретаря горкома М. И. Гусева такой вечер был проведен 18 июля в клубе. Выступали я, инженер Г. А. Ломов и проф. Н. А. Чинакал на тему «Опыт работы американских угольных шахт». Это было тем более уместно, что Н. А. Чинакал и я бывали в США. Вечер прошел очень удачно.

Нарком просил меня представить ему доклад о причинах высокой производительности труда в угольных шахтах США.

Из Сибири я возвратился в Свердловск 27 июля.

14 августа 1943 г. Делаю записи за период с конца июля до сегодняшнего дня.

Возвратившись из Кузбасса, я нашел у себя письмо акад.-секретаря президиума АН Н. Г. Бруевича с просьбой принять участие в работах северной экспедиции Академии.

В частности высказывалось пожелание о моей поездке в Воркуту для участия в конференции по производительным силам Коми АССР, созываемой в ноябре — декабре 1943 г. в Сыктывкаре. Считая задачи этой экспедиции очень важными (запись от 18 апреля 43 г.) я, конечно, охотно согласился и уведомил Н. Г. Бруевича, а также руководство экспедиции о том, что хотя сейчас выезд в Воркуту для меня был бы невозможен в связи с предстоящей поездкой в Караганду, а затем в Москву на выборные Общие собрания Академии, но что в дальнейшем я бы хотел принять участие в работах конференции в Сыктывкаре.

Тогда же акад. В. Н. Образцов прислал мне телеграмму из Москвы с просьбой выехать 7—10 августа в Магнитогорск для прочтения лекций об Урале совместно с ним, акад. Л. С. Штерн и член-корр. А. Н. Ивановым. Эти лекции организуются по просьбе ЦК ВКП(б). К сожалению, предстоявшая поездка в Караганду помешала мне принять это предложение.

9 августа совместно с И. С. Пустоваловым, одним из секретарей Свердловского обкома ВКП(б), был у вице-президента АН В. П. Волгина. Мы втроем еще раз обсудили вопрос о расширении структуры УФАН, главным образом с точки зрения наличия кадров. И. С. Пустовалов также обещал полную поддержку в получении для УФАН здания, ранее занимаемого президиума АН (Почтовый пер., 7).

6 и 7 августа происходили заседания Комиссии по мобилизации ресурсов под председательством акад. А. А. Скочинского. Основным вопросом был доклад бригады Академии, только что возвратившейся из Орско-Актюбинского района. Мы заслушали сообщения об общем порядке работ бригады (Г. А. Соколов), о работах по углю (И. И. Горский), по рудам черных металлов (Б. П. Кротов), по хромитам (Г. А. Соколов), по нерудным ископаемым (П. С. Мамыкин), по технологии получения никеля (В. И. Смирнов) и кобальта (Н. П. Диев), по горнотехническим вопросам (А. Х. Бенуни), по энергетике (В. П. Иванов) и по водному балансу (М. А. Стекольников).

Вторым был доклад акад. А. А. Скочинского о прошедшей в конце июля конференции по изготовлению канатов на Белорецком заводе. Выяснилось, что конструкцию канатов можно значительно улучшить, в частности в сторону уменьшения их диаметра.

Наконец, я сделал сообщение о работах, выполненных в июле текущего года в Кузнецком бассейне.

В заседании присутствовали академики М. А. Павлов, Э. В. Брицке и А. Е. Порай-Кошиц (проездом через Свердловск из Кузбасса — точнее Кемерово).

На днях в Свердловск приехал из Алма-Аты вице-президент АН А. А. Байков. Он сообщил, что 23 августа совсем уезжает в Москву, также окончательно покидал Урал акад. А. Н. Заварицкий. Возвратившийся на днях из Москвы акад. В. С. Кулебакин уезжает туда совсем в начале сентября. Словом, «уральский период» жизни Академии наук СССР близится к концу.

Сегодня А. А. Скочинский и я снова едем в Караганду, чтобы подвести итоги и обобщить опыт производящейся тем большой работы по выявлению производственных возможностей Карагандинского каменноугольного бассейна (см. запись от 16 августа 1943 г.).

13 октября 1943 г. Делаю запись о поездке в Караганду.

Из Свердловска мы (акад. А. А. Скочинский, я, ст. научн. сотрудник ИГД П. П. Нестеров) выехали 15 августа и уже 18 рано утром были в Караганде.

Уже с половины июня здесь находится ст. научн. сотрудник ИГД А. П. Судоплатов как заместитель председателя комиссии по увеличению добычи угля в Карагандинском бассейне. Следует подчеркнуть выдающуюся деятельность А. П. Судоплатова. Он сумел привлечь к работе и организовать в один коллектив громадное число инженеров и научных работников.

На каждой шахте работали небольшие группы, составившие краткие описания шахты и, главное, выявившие недостатки ее работы и мероприятия, необходимые для их устранения.

На основе этих материалов были составлены сводки по трестам (их в Караганде уже четыре) и по комбинату Карагандауголь в целом. Наконец, группы специалистов приступили к составлению записок по отдельным отраслям угольной промышленности Караганды, начиная от геологии до рабочего вопроса. Таких записок было составлено 34. К нашему приезду значительная часть этих материалов была уже подготовлена, и мы организовали обсуждение и редактирование изложенных в них положений. Кроме того, началось составление сводных записок, общим количеством около 600 машинописных страниц. В этих материалах были освещены все вопросы Карагандинского угольного бассейна в связи с его развитием в ближайшие годы. Выполнение столь большой работы в столь короткий срок оказалось возможным только потому, что в ней приняли энергичнейшее участие многие десятки людей, знатоков своего дела.

Заседания комиссии, происходившие по вечерам и ночью, прерывались сообщениями о победах Красной Армии: 30 августа — о взятии Таганрога, 31 августа — Ельни, 2 сентября — Сум. Особенно «кстати» было получено сообщение о занятии Сталино и освобождении Донбасса 8 сентября в момент, когда мы были на заседании бюро Карагандинского областного комитета ВКП(б). На собрании присутствовало 120—130 человек; среди них было много работников Донецкого бассейна. Энтузиазму не было границ.

В этом собрании акад. А. А. Скочинский, А. П. Судоплатов и я сделали подробные доклады о выводах комиссии, встреченные вполне сочувственно. Излагать здесь даже сущность выводов, ввиду множества вопросов, нередко весьма специальных, нет надобности.

В Караганде мы находились до 9 сентября. Интересны были поездки на новые участки в районы Сарань, Чурубай-Нура, а также на Самаркандское водохранилище с осмотром построенной около него большой электростанции.

В Свердловск мы возвратились 13 сентября.

14 октября 1943 г. В Свердловске 15 сентября происходило последнее на Урале заседание бюро Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны — точнее сказать небольшой части этого бюро, так как основной его состав уже находился в Москве. В этом последнем заседании присутствовали: академики А. А. Скочинский и Л. Д. Шевяков, ученый секретарь Комиссии И. А. Дорошев, профессора К. Л. Пожарицкий, К. С. Семенов, М. А. Стекольников, научные сотрудники В. В. Рикман, К. М. Чарквиани, М. И. Агошков. Были рассмотрены вопросы о преемственности работ на Урале по лесной, рыбоводной и сапропелевой группам комиссии с решением концентрировать их деятельность около УФАН.

Затем К. Л. Пожарицкий доложил о результатах работ на свинцовых рудниках Средней Азии. А. А. Скочинский сделал сообщение о наших работах в Карагандинском каменноугольном бассейне. После официального закрытия заседания участники еще довольно долго обменивались мнениями и воспоминаниями о работе Комиссии и разошлись не без некоторой грусти, чувствуя, что закончился некий период совместной, исторически важной работы.

За время нашей поездки в Караганду, в Свердловске пробыл несколько дней проездом из Алма-Аты в Москву — возвращаясь туда окончательно — президент Академии В. Л. Комаров. Как рассказывали, в эти дни Владимир Леонтьевич устроил прощальную «чашку чая» для ведущих работников Академии с приглашением местных деятелей. Выступавшие много говорили о роли и работах Академии наук на Урале в годы Отечественной войны.

В. Л. Комаров уехал окончательно в Москву 13 сентября с. г. На вокзале его провожал первый секретарь обкома ВКП(б) В. М. Андрианов. Я воспользовался благоприятной обстановкой, чтобы получить окончательное согласие т. Андрианова, «хозяина области», на передачу здания по Почтовому пер., 7 — УФАН.

Фактическое занятие УФАН постепенно освобождаемых помещений этого дома началось тогда же и заканчивается сейчас.

Главная масса сотрудников Академии реэвакуировалась в Москву в половине и конце сентября, последний большой эшелон отправляется завтра, 15 октября.

ИГД, руководимый акад. А. А. Скочинским, возвратился в Москву (за исключением одной лаборатории) в конце сентября.

Уместно еще раз отметить и подчеркнуть правильность эвакуации этого Института именно на Урал, где его работа, по общему признанию, оказалась очень плодотворной.

Кстати сказать, 12 августа НКУП наградил ряд ведущих сотрудников ИГД значком «Отличник социалистического соревнования», мне же, как награжденному этим значком ранее, был вручен «Похвальный лист».

Очередная сессия Академии наук на этот раз проходила в Москве, куда я и приехал 22 сентября. Так как эта сессия уже не носила «уральский» характер, то делать о ней здесь записи неуместно. Отмечу лишь, что при довыборах в Академию были избраны ученые, представленные уральскими учреждениями: в академики — Д. С. Белянкин (УФАН) и В. Н. Сукачев (Уральский лесотехнический институт); в члены-корр.— И. К. Кикоин (УФАН), Д. С. Коржинский (УФАН) и И. И. Горский (СГИ).

Будучи в Москве я получил приглашение Радиокомитета принять участие совместно с академиками Б. А. Келлер, Б. Д. Грековым и В. Н. Образцовым в передаче на тему «Наука — фронту». Передача состоялась 27 сентября. Я рассказал о значении Урала для обороны Родины и о роли науки на Урале во время Отечественной войны.

К ВОПРОСУ О КАТАЛОГИЗАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

М. И. АВТОКРАТОВА

Всестороннее использование документальных материалов советских архивов в интересах строительства коммунизма является главной задачей архивных учреждений, которой в настоящее время должны быть подчинены все основные виды их деятельности. Решение этой задачи возможно лишь при наличии четкой, научно построенной системы справочного аппарата.

До настоящего времени научно-справочный аппарат государственных архивов складывался почти исключительно из путеводителей и инвентарных описей. Имеющиеся в незначительном количестве (и не во всех архивах) тематические обзоры, обзоры фондов, алфавитные и другие картотеки не меняют общей картины.

Ценность инвентарных описей для научных исследований и архивных работ общеизвестна и не требует разъяснений.

Раскрывая суммарное содержание документальных материалов фондов, они излагают его в том порядке, в каком хранятся единицы хранения. В ряде случаев эта система безусловно себя оправдывает, особенно если тема исследования локальна и материалы избранных для изучения фондов компактно отвечают на поставленные исследователем вопросы. Чаще, пожалуй, приходится наблюдать бесконечные поиски необходимых источников по описям многих фондов. Поиски эти бывают тем удачней, чем лучше исследователь знаком с историей учреждений, происхождением и составом самих фондов, чем увереннней он ориентируется в бесконечных описях, составленных в разное время, на основании различных методических установок и далеко не на одинаковом научном уровне.

На просмотр описей, перелистывание дел, значительная часть которых зачастую оказывается для исследователя ненужной, затрачивается масса времени. Тем не менее даже опытный ученый или архивист никогда не может быть уверенным, что он «не проглядел» ценных дел и даже целых фондов, в которых сосредоточен важный материал по теме его исследования.

Следовательно, в дополнение к инвентарным описям совершенно необходимо добавить еще одно звено научного аппарата. Попытки усовершенствовать систему научно-справочного аппарата делались давно: в отдельных случаях на наиболее важные и ценные дела составлялись подробные «внутренние описи», содержание некоторых документов аннотировалось в заголовках, практиковалось создание подробных научных описаний, обзоров, обозрений и т. д. Нет сомнения, что и впредь следует практиковать все эти приемы и виды описательных работ, но при этом следует иметь в виду, что потраченные усилия принесут лишь локальный результат.

Значительный, пока еще не всеми осознанный эффект может быть достигнут исключительно путем создания наряду с инвентарным описанием *новой* системы на-

учно-справочного аппарата путем каталогизации всех документальных материалов государственных архивов, которая позволит заменить существующий порядок подчас случайных исканий нужных материалов рациональной системой поисков.

Имеется в виду создание справочника, в котором сведения о содержании архивных документов занесены на карточки, расположенные в соответствии с определенной схемой классификации. Последним достигается объединение по систематическому принципу сведений, почерпнутых не только из разных дел, но и из разных фондов, что резко облегчит поиски необходимых документов, а стало быть и их использование в научных, народнохозяйственных и иных целях.

Наибольший эффект будет достигнут в результате перекрестного использования каталога и инвентарных описей, которые в сочетании принесут исчерпывающие искомые сведения.

Вот почему в настоящее время архивные учреждения придают особо важное значение вопросам каталогизации. Это не значит, конечно, что этим вопросам не уделялось внимания раньше, что в архивах каталогизацией не занимались в прошлые годы. Наоборот, каталогизация в советских архивах имеет давнюю традицию[1].

В довоенные годы архивисты провели значительную работу по созданию предметно-тематических каталогов (по истории фабрик и заводов, по истории гражданской войны и др.). Выявленные сведения интенсивно использовались в интересах развития советской исторической науки и социалистического государства.

Проведенная работа позволила тогда же сделать некоторые выводы и методические обобщения. В 1930-е гг. Центрархивом, а затем ЦАУ РСФСР были разработаны инструктивные указания по тематическому выявлению и организации каталогов, а также форма тематической карточки. Некоторыми центральными и областными архивами делались попытки составления схем классификации каталогов. В 1936 г. изданы «Правила составления предметно-тематических каталогов архивных материалов»[2], определившие основные направления каталогизации документов на ряд лет и, в известной мере, не потерявшие научного значения до настоящего времени.

Практика создания каталогов в довоенные и первые послевоенные годы[3], а также методическая разработка этой проблемы в довоенный период позволили сделать ряд теоретических выводов по вопросам каталогизации документальных материалов советских архивов. Так, в ряде работ К. И. Рудельсон были поставлены вопросы о создании наиболее целесообразных видов каталогов архивных материалов. Основные выводы автора вытекали из существовавшей практики и сводились к мысли о необходимости создания в архивах *предметно-тематических каталогов* путем *тематического выявления* материалов[4]. Правда, нельзя не заметить известной эволюции во взглядах К. И. Рудельсон: в одной из последних своих работ и на некоторых совещаниях архивистов она стала высказываться о возможности и даже целесообразности создания центрального (всесоюзного) каталога по *систематическому* (*отраслевому*), а не предметно-тематическому принципу[5].

В целом же К. И. Рудельсон изучала проблему именно предметно-тематического каталога, преимущество которого она видела в том, что в нем содержание документов «раскрывается и формулируется применительно к темам, соответственно запросам исследователей и тематике, разработанной архивом»[6].

---

1 К. И. Рудельсон. Из истории предметно-тематического каталога в советском архивоведении (1918—1941 гг.). «Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та», т. V. М., 1954, стр. 185—211.

2 См. «Архивное дело», 1938, № 2 (39), стр. 115—125.

3 В период войны каталогизацией в архивах почти не занимались.

4 К. И. Рудельсон. Предметно-тематический каталог документальных материалов в центральных государственных исторических архивах СССР. Автореферат. М., 1950; Ее же. Каталогизация документальных материалов в архивах СССР. М., 1958.

5 К. И. Рудельсон. Каталогизация архивных материалов, стр. 57—58.

6 Там же, стр. 16; «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 227.

Однако в этих словах и отражаются негативные качества предметно-тематического каталога: ограниченность его содержания искусственно подобранным кругом вопросов или тем. Нетрудно предугадать, что в силу этой причины предметно-тематический каталог станет бесполезным, как только тематика исследований выйдет за рамки намеченной в нем проблематики.

Иные возможности заключены в систематическом каталоге. Здесь сведения о содержании документов группируются по отраслям общественной деятельности людей и знаний и поэтому охватывают всю совокупность материалов архива и не ограничиваются какой-либо субъективно избранной тематикой. Поэтому только систематический каталог способен полностью выполнить роль научно-справочного аппарата нового типа.

В послевоенные годы во многих архивах начали накапливаться отдельные картотеки, явившиеся результатом тематических выявлений по локальным запросам, подготовки сборников документов и т. д.

В 1955 г. Главное архивное управление издало новую инструкцию по тематическому выявлению документов[7], теоретической посылкой которых являлось (так же, как в правилах 1936 г.) тематическое выявление и создание предметно-тематических каталогов.

Дело в том, что систематических каталогов в архивах не существовало, а предметно-тематические картотеки уже имелись; вследствие этого вся проблема каталогизации представлялась как создание развернутых предметно-тематических каталогов.

В этом отношении показательны результаты заседания Научного совета Главного архивного управления (декабрь 1955 г.), которое обсудило вопрос об опыте составления и использования предметно-тематических каталогов в государственных архивах и приняло решение об активизации этой работы. В частности было решено, что Главное архивное управление и Московский государственный историко-архивный институт должны разработать соответствующие методические указания об основных принципах составления *предметно-тематических* каталогов и их примерную схему. В связи с этим решением многие архивы более интенсивно приступили к созданию предметно-тематических картотек по целому ряду важнейших вопросов.

Постановление Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств» особенно активизировало эту работу.

Однако практика работы по тематическому выявлению показывала, что, как бы широко оно ни проводилось и какие бы силы на него ни затрачивались, оно не исчерпывает возможностей, заложенных в самой идее каталогизации документальных материалов. К тому же создание тематических каталогов в архивах никем не координировалось, а сами каталоги составлялись на различных и не всегда достаточно обоснованных системах классификации, что значительно затрудняло их использование.

Необходимо было найти новую форму этой важнейшей работы, ликвидировать разнобой в составлении каталогов и в дальнейшем каталогизацию проводить на базе единых методических принципов и общих организационных приемов. Первое, с чем столкнулись научные сотрудники государственных архивов, было отсутствие единой схемы классификации сведений о содержании документальных материалов в каталогах. В связи с этим работники ЦГИАМ и ЦГАОР СССР поставили перед Главным архивным управлением вопрос о разработке такой схемы.

В этот же период Главное архивное управление приступило к кодификации существующих методических указаний и созданию единых «Правил работы государственных архивов»[8]. Естественно, что один из разделов этих правил должен был быть

[7] «Инструкция о порядке тематического выявления документальных материалов в государственных архивах СССР и организации научной информации планирующих, хозяйственных и научно-исследовательских учреждений». М., 1955.

[8] См. А. А. Кобяко. Единые «Правила работы государственных архивов». «Исторический архив», 1958, № 5, стр. 235—236.

посвящен принципам каталогизации и классификации. Поскольку инструкция 1955 г. говорила об этих сюжетах весьма глухо и не исчерпывала всей сложности вопросов каталогизации, сделав основной упор на тематическое выявление документальных материалов, их в сущности предстояло разработать заново.

Поэтому в 1957 г. в Главном архивном управлении было принято решение создать группу сотрудников для изучения этого вопроса и разработки единой классификационной схемы. В августе 1958 г. группа приступила к работе, начав с создания схемы классификации документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР советского периода. Классификация документов дореволюционного времени была признана последующей важной задачей.

Разработанный в 1958—1959 гг. проект схемы, или «Основной таблицы сводного классификатора каталогов документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР (советский период)», базировался на систематическом принципе организации сведений о содержании документальных материалов, которые разделялись на 20 разделов, соответствующих отраслям государственного управления, народного хозяйства, знаний [9], охватывая тем самым всю совокупность сведений о материалах Государственного архивного фонда Союза ССР советского периода. Каждое из отраслевых делений детализировалось в более мелких понятиях, в пределах которых была принята логическая система расположения сведений по ряду конкретных вопросов.

Составители полагали, что применение систематической группировки материала позволит с наибольшей полнотой отразить содержание документов в логической последовательности: раскрытие общего в конкретном частном.

В марте 1959 г. проект схемы обсуждался на заседании Методической комиссии Главного архивного управления с участием преподавателей МГИАИ и был одобрен в качестве документа для широкого обсуждения [10], а затем разослан для рецензирования более чем 350 научно-исследовательским организациям, учреждениям, предприятиям, архивным учреждениям и архивам. Полученные ответы свидетельствовали, что идея каталогизации документальных материалов к этому времени получила значительное распространение не только у архивных работников, но и в широких кругах научной общественности. Основной принцип составления каталогов, определяющий его тип, был принят по-разному. Некоторые рецензенты отдавали предпочтение не систематическому, а предметно-тематическому каталогу, аргументируя свои взгляды тем, что в архивах уже созданы предметно-тематические картотеки, которые, по их мнению, в основном, себя оправдали. Они считали перестройку имеющихся картотек крайне нежелательной.

Большинство отзывов свидетельствовало, что Главное архивное управление правильно избрало тип каталога, тем более, что многие архивы в практике работы сами пришли к необходимости создания систематических каталогов, построенных по отраслевому принципу, хотя ошибочно и называли их предметно-тематическими. Об этом свидетельствуют разработанные в ряде архивов схемы классификации (схемы Архивного управления БССР, ЦГАОР, УССР, ЦГИАЛ, ЦГВИА БССР и его филиала, Государственного архива Витебской обл. и др.).

Многие рецензенты отмечали, что систематический каталог раскрывает содержание не отдельных тематических комплексов, а всего объема документов, сосредоточенных в архивах. Они говорили также, что систематический каталог позволяет рассматривать каждый отраженный в нем документ с разных точек зрения, примени-

---

[9] 1) Государственное устройство, управление, право; 2) Общественно-политическое устройство; 3) Международные отношения и связи; 4) Вооруженные силы, охрана границ, войны; 5) Народное хозяйство (общие экономические сведения); 6) Промышленность; 7) Сельское хозяйство; 8) Транспорт; 9) Связь; 10) Торговля; 11) Финансы и кредит; 12) Строительство и архитектура; 13) Коммунальное хозяйство; 14) Народное образование и просвещение; 15) Наука и научные учреждения; 16) Печать, радиовещание, телевидение; 17) Литература и искусство; 18) Здравоохранение; 19) Физкультура и спорт; 20) Социальное обеспечение и страхование.

[10] См. «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 226—227.

тельно к нескольким темам и проблемам, тогда как предметно-тематический каталог раскрывает содержание документа лишь в одном определенном аспекте. В то же время схема классификации систематического каталога, поскольку она строится на основании научной классификации знаний, помогает избежать субъективного подхода к оценке содержания конкретных документов. Самое существо ее влечет за собой значительно более объективный подход к источнику, чем субъективные попытки подогнать его содержание к заранее определенной теме.

Наиболее спорным явился вопрос о группировке в каталоге сведений по объектам, иначе говоря по фондообразователям. Так, проф. А. В. Чернов, сотрудники ЦГАОР СССР М. Ф. Фросина, А. В. Аваева, белорусский архивист Д. З. Снетков [11] и другие высказывались за то, чтобы внутри отраслевых разделов, на одной из первых ступеней деления схемы классификатора, сведения о содержании материалов группировались по «объектам» — фондообразователям. Иначе говоря, имелось в виду на этой ступени повторить описание документальных материалов в порядке их архивной систематизации — по описи.

Защитники «объектного принципа» полагали, что это позволит без труда выявлять и использовать материалы фондообразователей и изучать все стороны их деятельности. Уязвимость этого взгляда легко доказать не только тем, что применение «объектного принципа» разрушило бы самые основания систематического каталога, опирающегося на конкретные вопросы, а не на исторически отложившиеся комплексы материалов, но и тем, что освещению содержания последних посвящаются описи и обзоры фондов, цель же систематического каталога — в освещении конкретной деятельности всех объектов (предприятий). Объект фигурирует в каталоге на самой последней ступени деления, внутри определенного вопроса. Например:

Сельское хозяйство.
  Животноводство.
    Крупный рогатый скот.
      Породы.
        Колхоз «Рассвет»; колхоз «Заря» и т. д.
      Кормление и содержание.
        Колхоз «Рассвет»; колхоз «Заря» и т. д.
      Выращивание молодняка.
        Колхоз «Рассвет»; колхоз «Заря» и т. д.

А не так:

Сельское хозяйство.
  Животноводство.
    Колхоз «Рассвет»; колхоз «Заря» и т. д.
      Крупный рогатый скот.
        Породы.
        Кормление и содержание.
        Выращивание молодняка...

Некоторые архивисты предлагали отражать в разделах «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Транспорт» и других вопросы здравоохранения, строительства, культурно-просветительной работы, касающиеся указанных отраслей, несмотря на наличие таких же самостоятельных разделов. Но это нарушило бы систематический принцип построения схемы и затруднило пользование каталогом.

Ряд рецензентов высказались за включение в схему специального раздела «Кооперация». Несмотря на внешнюю заманчивость этой идеи, она оказалась неосуществимой, поскольку ее реализация разрушила бы такие разделы, как «Сельское хозяйство», «Промышленность», «Торговля» и т. д. Однако составители сочли возможным выделить самостоятельно общие вопросы кооперации.

[11] См. Д. З. Снетков. О разработке классификационной схемы тематической картотеки. «Исторический архив». 1960. № 1, стр. 187—190.

Полученные отзывы и замечания обсуждались Методической комиссией в июне 1960 г., и ряд ценных предложений был принят: об упрощении раздела «Государственное устройство, управление, право», о дополнении схемы новым основным делением «Великая Октябрьская социалистическая революция» и подразделами «Классовая борьба», «Водное хозяйство» и др. Кроме того, первоначальная индексация делений схем, оказавшаяся слишком сложной для произношения и запоминания, была заменена смешанной буквенно-цифровой (серийной).

В результате была выработана «Схема единой классификации документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР (советский период) в каталогах государственных архивов», одобренная 6 июня 1961 г. научным советом ГАУ и готовящаяся в настоящее время к печати.

В окончательном варианте схема состоит не из 20 разделов, а из 5 крупных отделов: 1) Великая Октябрьская социалистическая революция, установление и упрочение Советской власти; 2) Государственное строительство, государственная власть, охрана государственности; 3) Общественно-политическая жизнь; 4) Народное хозяйство; 5) Культура.

Эти отделы позволяют более компактно (по сравнению с 20 разделами проекта) сгруппировать сведения о документах, касающихся однородных отраслей управления, народного хозяйства и культуры. Первый отдел, хотя и выходит за рамки отраслевого принципа, включен в схему в силу особого значения документации данного периода для истории советского народа.

Каждый отдел состоит из более мелких разделов, построенных, как правило, также по отраслевому принципу [12].

К схеме классификации приложена вспомогательная таблица, включающая вопросы общие как для всех (или многих) разделов, так и для вполне определенных делений [13]. Основное назначение вспомогательной таблицы — закрепление места, связи и взаимообусловленности определенных однородных понятий всех разделов схемы. Поэтому им присваивается общий индекс. Так, «Решения партийных и советских органов» во всех разделах будут иметь индекс «(02)», «Рационализация и изобретательство» — «(33)» и т. д. Поэтому решения партийных и советских органов по вопросам промышленности индексируются «М(02)», а по вопросам сельского хозяйства — «Р(02)» и т. д., поскольку в основной таблице раздел «Промышленность» обозначается индексом «М», а «Сельское хозяйство» — «Р».

Итак, вспомогательная таблица детализирует понятия, включенные в основную таблицу. Разработанная схема единой классификации ляжет в основу классификации сведений о содержании документальных материалов в каталогах всех государственных архивов. Однако последние не обязаны копировать ее целиком; они могут использовать ее лишь частично, взяв в свои схемы только ту совокупность делений, которая необходима для раскрытия конкретного содержания хранящихся у них материалов.

В то же время, по мере необходимости, каждый архив сможет детализировать схему в соответствии со спецификой своих документов. Однако для сохранения единства классификации все вносимые в архивах изменения в заиндексированную часть схемы должны быть согласованы с архивным учреждением республики и Главным архивным управлением.

Острая необходимость каталогизации документальных материалов побудила сотрудников многих архивных учреждений создать собственные схемы классификации. Так, в 1959 г. Архивный отдел Туркменской ССР разработал единый предметно-тематический классификатор документальных материалов республики дореволюционного и советского времени. Попытки создать классификационные схемы имели

---

[12] Так, отдел «Народное хозяйство» состоит из разделов: «Труд», «Социальное обеспечение», «Планирование», «Финансы, финансирование», «Статистика, учет», «Промышленность», «Транспорт», «Сельское хозяйство», «Связь», «Торговля» и др.

[13] Вспомогательная таблица состоит из понятий такого рода: «Законодательство», «Решения партийных и советских органов», «Руководство, организация управления», «Материальные ресурсы», «Оснащение, оборудование», «Заказы, поставки» и т. д.

место в Архивном управлении и ряде архивов Белоруссии, в ЦГИАМ, ЦГАВМФ, ЦГВИА, ЦГИАЛ.

Ряд местных архивов создал схемы классификации по отдельным темам. Так, ЦГА ЛатССР разработал схемы по таким темам: «Революция 1905—1907 гг. в Латвии», «Советская власть в Латвии в 1919 г.», «Сельское хозяйство буржуазной Латвии» и др. Государственный архив Ростовской области — «Жизнь и деятельность В. И. Ленина и выдающихся деятелей КПСС и советского государства», «Революционное движение на Дону в 1900—1916 гг.», «Борьба за установление Советской власти на Дону» и т. д. Архивисты Грузии подготовили схемы классификации по сельскому хозяйству, просвещению, торговле, истории городов и т. д.

Накопленный в результате этой работы значительный опыт позволит архивистам успешно применить разработанную Главным архивным управлением единую схему советского периода к специфике своих материалов и окажет существенную помощь при разработке аналогичной схемы классификации дореволюционных документов.

Работа по созданию каталогов привела к заметному увеличению во многих архивах количества тематических карточек (особенно за последние два-три года). Об этом свидетельствуют следующие данные.

Составлено тематических карточек

	1956	1957	1958	1959	1960
По некоторым центральным государственным архивам СССР					
ЦГАОР СССР	5 626	17 498	66 320	116 000	105 440
ЦГВИА	5 336	3 689	9 581	18 042	12 788
ЦГИАМ	1 095	704	7 447	17 800	23 000
ЦГАВМФ	845	3 438	6 388	7 370	12 534
По некоторым союзным республикам					
Белоруссия	9 041	9 314	23 653	36 689	38 243
Украина	18 759	16 397	38 786	31 285	58 959
РСФСР	47 633	89 812	90 057	113 274	107 000

Сотрудники ряда архивов приобрели значительный опыт каталогизации (ЦГАОР СССР, ЦГИАЛ, ЦГИАМ, ЦГВИА, ЦГАВМФ, ЦГАОР БССР, ЦГАОР и ЦГИАЛ УССР, ЦГА КазССР, государственные архивы Ростовской, Ленинградской, Гродненской, Брестской, Гомельской областей и др.).

Как уже отмечалось, до последнего времени каталоги создавались почти исключительно путем тематического выявления, т. е. путем поисков материалов по определенным темам на ограниченной документальной базе, каковой является обычно один или несколько фондов архива. Так, в Государственном архиве Брестской области в 1953—1959 гг. были разработаны материалы по 23 темам («История фабрик и заводов Полесского воеводства в 1921—1939 гг.», «Полезные ископаемые Брестской области», «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за воссоединение с БССР» и др.)и составлено 11 734 тематических карточки. В ЦГАОР СССР в послевоенные годы (с использованием карточек, заполненных еще до войны) в результате тематического выявления созданы картотеки по таким темам, как: «Жизнь и деятельность В. И. Ленина», «История Октябрьской революции и гражданской войны», «О месторождениях полезных ископаемых», «История театра»; В ЦГВИА — «История русской военной техники» и др.

Однако многолетняя практика выявления документальных материалов на определенные заданные темы по одному или группе фондов (или даже по материалам всего архива), несмотря на положительную роль, которую она сыграла в условиях

1930—1940-х гг., показывает, что при современном состоянии архивного дела в стране этот путь создания каталога является в целом наименее целесообразным и не оправдывает затраченных на него усилий.

Как правило, такое выявление проводится по документам заранее установленных групп или комплексов материалов, в которых наличие материалов по намеченной теме не подвергается сомнению. При таком порядке обычно выявлением не охватываются другие, менее изученные фонды, и нет уверенности, что будут закаталогизированы все ценные документы, из имеющихся в архиве, и что среди них обнаружены наиболее важные.

Кроме того, практика тематического выявления свидетельствует, что подчас одни и те же материалы подвергаются просмотру столько раз, по скольким темам оно проводится.

Поэтому сейчас многие архивы отказываются от *тематического выявления* как формы работы по созданию и пополнению каталогов (проводят его или попутно с другими работами, или по запросам учреждений) и переходят к детальной *тематической разработке* фондов, т. е. выявлению документов по всем темам, нашедшим отражение в материалах фонда.

В связи с этим нелишне напомнить, что тематическая разработка в форме так называемого «сплошного выявления» материалов по фондам имела место в практике работы советских архивов в начале 1930-х гг. Однако эта работа не дала тогда желаемого эффекта, так как она проводилась по не приведенным в порядок материалам. В результате каталоги оказались перегруженными сведениями о документах, не имевших научной и практической ценности.

Увлечение «сплошным выявлением» проводилось к тому же в ущерб созданию инвентарных описей — основного справочного аппарата по фондам. Вот почему в 1934—1935 гг. архивисты вынуждены были отказаться от неоправдавшей себя практики «сплошного выявления» и перешли к тематическому выявлению, что в тех условиях было единственно правильным путем каталогизации.

В настоящее время документальные материалы государственных архивов почти целиком упорядочены и имеют инвентарные описи. Значительный опыт тематического выявления позволил выработать единые приемы и методы каталогизации, строить каталоги на основе общих принципов и единой схемы классификации. Поэтому в наше время наиболее правильной и эффективной является тематическая разработка фондов и создание на ее базе в каждом архиве единого систематического каталога, о преимуществах которого по сравнению с предметно-тематическими каталогами говорилось выше.

Многие архивы уже имеют опыт тематической разработки. Так, ЦГАОР СССР в течение трех последних лет разрабатывает фонды СНК РСФСР, Госплана СССР, ВЦИК, Верховного Совета СССР, Наркомпроса РСФСР и Главпрофобра; ЦГАОР УССР — материалы ВУЦИК; ЦГАОР ГрССР — фонд республиканского совнархоза; ЦГИАМ (с 1959 г.) — материалы Особого отдела Департамента полиции и других фондов. В Государственном архиве Минской области разработаны фонды Минского губернского по фабричным и горнозаводским делам присутствия, старшего фабричного инспектора Минской губернии и др. Количество подобных примеров можно увеличить во много раз.

Наряду со специальной тематической разработкой все большее распространение получает в архивах «попутная» каталогизация документальных материалов, т. е. заполнение тематических карточек в процессе всех видов работ с документами.

Вполне оправдывает себя сочетание каталогизации с научно-технической обработкой. Такое сочетание является весьма реальной формой пополнения каталога во многих архивах (особенно с небольшим штатом научных сотрудников). Ценный опыт такого рода имеется в ЦГИАЛ[14] и в некоторых архивах Белоруссии. Так, сотрудники

[14] И. Ф. Петровская. Система научно-справочного аппарата к документальным материалам и пути ее усовершенствования. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 10. М., 1958, стр. 36—37.

Государственного архива Минской области, сочетая описание материалов с тематической разработкой, обнаружили и занесли на карточки весьма много ценных документов из тех фондов, в которых трудно было предположить их наличие. В частности, в журнале заседаний Минской губернской земской управы были найдены: подлинник приказа № 1 Минского губернского военно-революционного комитета (декабрь 1920 г.), который считался утерянным, о восстановлении на территории губернии Советской власти и другие, весьма важные, документы. Естественно, что при специальном тематическом выявлении материалов о борьбе за Советскую власть в Белоруссии такого рода документы не стали бы искать в данном фонде.

Существуют и другие формы «попутной» каталогизации: заполнение карточек при наведении тематических запросов, в процессе подготовки сборников, в читальных залах и т. д. Так, в ЦГИА УССР из 8030 карточек, составленных в 1959 г., 560 составлено в читальном зале исследователями по просьбе администрации и обслуживающим персоналом. Такая же практика имеет место в ЦГАВМФ, в архивах Казахстана, Таджикистана, Могилевской, Оренбургской, Свердловской и Тюменской областей.

Однако многие архивы не используют всех возможных путей пополнения каталога. Особенно непростителен отказ от использования такого широкого канала притока карточек, каким является их составление в процессе публикаторской работы. Известно, что не все выявленные ценные документы включаются в сборники (главным образом из-за ограничения листажа последних). В результате работа по выявлению этих источников оказывается затраченной впустую [15].

Низкие темпы пополнения каталогов отмечены в работе ЦГАДА, центральных архивов Армении, Азербайджана, Прибалтийских республик, Киргизии, ряда архивов РСФСР. Так, на 1 января 1960 г. в РСФСР на 52 с лишним млн ед. хр. было составлено всего 620 629 карточек. И это неудивительно, если учесть, что, например, в Башкирской АССР на 1959 г. планировалось составить 50 карточек! (Этот план был перевыполнен: составлено 54 карточки!)

Одним из условий успешного проведения каталогизации является правильная организация этой работы. В последние годы в ряде архивов назначены специальные сотрудники или даже целые группы лиц, призванные осуществлять каталогизацию (ЦГАОР СССР, ЦГИАЛ, ЦГАОР УССР, ЦГИА ГрССР, ЦГА КазССР, государственные архивы Брестской и Гродненской областей и др.), а в ЦГВИА, ЦГИАМ и ЦГАВМФ даже созданы специальные отделы, занимающиеся каталогизацией.

Так, на отдел каталогов и микрофотокопий ЦГВИА возлагается: а) прием, паспортизация и обеспечение сохранности каталогов; б) научная разработка принципов и методики их построения; в) координация этой работы в архиве путем осуществления контроля за качеством этих работ и обобщения опыта; г) создание самих каталогов; д) организация их использования; е) подготовка каталогов к изданию; ж) изучение соответствующего опыта советских и зарубежных архивов.

Несомненно, что правильные организационные формы каталогизации будут способствовать ее широкому и планомерному развитию.

Многие архивы и архивные учреждения стали включать мероприятия по созданию каталогов в свои перспективные планы работы, указывая в них намеченные к тематической разработке фонды, объем материалов и предполагаемое количество тематических карточек, которые будут составлены.

Так, ЦГАОР СССР намечает до 1965 г. закончить тематическую разработку наиболее используемых фондов: ЦИК СССР (1923—1937 гг.), СНК РСФСР (1917—1922 гг.), СНК и СТО СССР (1923—1946 гг.) и др., предполагая довести количество тематических карточек до одного миллиона; ЦГИАМ намечает осуществить каталогизацию 50 тыс. ед. хр. и составить к 1965 г. 150 тыс. карточек и т. д.

---

[15] В то же время некоторые архивы поступили иначе. Так, в процессе выявления документов для серии сборников о первой русской революции 1905—1907 гг. в ЦГВИА была создана прекрасная картотека, охватывающая все фонды, в которых содержались материалы этого периода.

К сожалению, еще не везде эта работа налажена правильно. В ряде архивов каталогизация не планируется, ею никто не руководит, карточки заполняются эпизодически, от случая к случаю. До последнего времени почти повсеместно отсутствовал учет просмотренных дел и составленных карточек. В результате во многих архивах проводилось выявление по одной и той же теме и одним и тем же материалам несколько раз. До настоящего времени многие архивы не могут определить правильное место каталогизации среди других видов архивных работ, вследствие чего составляются явно нереальные планы этой работы. Так, в перспективном плане развития архивного дела в Киргизской ССР было намечено в 1960—1965 гг. создать тематические каталоги на документальные материалы ЦГА республики, областных и районных (!) государственных архивов и центрального республиканского каталога! Выполнить такой план в течение пяти-шести лет можно будет лишь в том случае, если забросить все другие архивные работы и переключиться исключительно на каталогизацию.

Не всегда продуманно подходят архивы и к выбору фондов для тематической разработки. Так, в ЦГА КазССР в течение двух лет на карточки расписывались постановления республиканского Совнаркома, тогда как все они опубликованы.

Поскольку все фонды нельзя одновременно подвергнуть тематической разработке, целесообразно, в первую очередь, осуществить ее по таким материалам, содержание которых недостаточно вскрывается существующим научно-справочным аппаратом. Именно так поступили сотрудники ЦГИАМ, которые запланировали тематически разработать интенсивно используемые, но неудовлетворительно описанные фонды, предполагая усовершенствование последних сочетать с каталогизацией.

В центральных государственных архивах представляется целесообразным начинать каталогизацию с фондов высших и центральных органов власти, а в областных — с фондов местных органов власти и управления, содержащих ценные сведения по всем отраслям народного хозяйства, культуры, государственной деятельности.

Необходимо предостеречь от увлечения детализацией описания материалов на тематических карточках и планировать работу не только по количеству составленных карточек, но и по количеству дел, намеченных для просмотра; это будет сдерживать стремление занести в каталог малосущественные сведения [16]. Такое увлечение особенно сказывается при работе с таким видом источников, как протоколы, содержание которых иной раз разносится на десятки карточек, невзирая на то, что они подчас содержат сведения по мелким организационным, хозяйственным и т. п. вопросам. В частности, это отмечается в работе по каталогизации материалов ЦГАОР СССР.

В значительной степени эти недостатки проистекают из-за недостаточной методической разработанности вопросов каталогизации. Правда, в ряде архивов уже сделаны первые шаги по обобщению полученного опыта, составлены рабочие инструкции (ЦГАВМФ, ЦГИАЛ, ЦГИАМ, ЦГИА ГрССР, ЦГА ЛатССР, ЦГАОР СССР, ЦГА РСФСР, в Брестском и Гомельском областных архивах и др.), в дополнение к которым иногда практикуется создание планов тематической разработки фондов или тематического выявления по определенным вопросам. До разработки в архиве схемы единой классификации и создания единого систематического каталога такие планы могут служить удобной схемой классификации карточек [17].

---

[16] Подробнее об этом см.: Б. Н. Богатов. О каталогизации документальных материалов в государственных архивах. «Вопросы архивоведения. Научно-информационный бюллетень ГАУ МВД СССР», № 4 (14). М., 1959, стр. 35.

[17] Так, при каталогизации фонда ВУСПС за первые годы Советской власти в ЦГАОР УССР был составлен следующий план тематической разработки (и он же — схема классификации): 1. Решения партийных и руководящих органов по вопросам профсоюзной работы; 2. Организационное построение профсоюзов; 3. Производственно-экономическая деятельность; 4. Организация, формы и методы труда; 5. Материально-бытовое обслуживание трудящихся; 6. Социальное страхование, социальное обеспечение, медицинское обслуживание; 7. Профессиональное образование; 8. Культурно-просветительная работа; 9. Физкультурно-спортивная работа; 10. Участие проф-

Пристального внимания заслуживает разработка методики передачи содержания документальных материалов на каталожных карточках.

Объектом описания на карточке является отдельный вопрос, отраженный в отдельном документе или его части, в отдельной единице хранения или даже в нескольких из них. Повопросное описание на тематических карточках является наиболее желательным методом отражения сведений о документальных материалах в каталоге. Однако для ускорения создания каталогов в практике допускается так называемое поединичное описание, при котором на карточку заносится содержание дела в целом, независимо от количества вопросов, освещаемых в нем. Такая карточка затем «размножается» по числу вопросов, и каждая из них занимает свое место в сложной структуре каталога. При этом, в качестве характеристики содержания дел часто используются их заголовки (по описи), однако это может иметь место лишь в том случае, если опись составлена на высоком уровне.

Идея «поединичного описания» принадлежит сотрудникам ЦГИАЛ, она была воплощена ими в жизнь и положительно встречена исследователями, пользовавшимися составленными каталогами. Этот метод был изучен работниками Главного архивного управления и в 1958—1959 гг. предложен другим архивам в качестве одного из возможных способов каталогизации.

Правда, вначале некоторые сотрудники архивов встретили это предложение сдержанно. Дело в том, что в делопроизводстве многих учреждений, особенно первых лет Советской власти, существовала практика формирования дел сразу по многим вопросам. Выдвигавшиеся возражения сводились к мысли о нецелесообразности дублирования в каталоге заголовков описи. Однако при этом не учитывалось, что дублированные карточки в научно-справочном аппарате нового типа будут расположены в совершенно ином порядке, соответственно схеме классификации систематического каталога, значительно облегчив тем самым поиск сконцентрированных сведений о составе и содержании материалов по самым различным вопросам.

По-видимому «поединичное» описание даст наибольший эффект в сочетании с научно-технической обработкой: в таком случае карточки, на которых составляются заголовки дел, послужив исходным материалом для перепечатки с них листовых описей, должны быть пересистематизированы и влиты в соответствующие разделы систематического каталога. Конечно, поединичное описание не исключает, а, наоборот, предполагает подокументное заведение карточек, когда это необходимо.

«Поединичное» описание на карточках наиболее применимо в архивах, хранящих материалы дореволюционного периода, сформированных, как правило, по одному вопросу, не требующих детальной тематической разработки. Так, при подобном описании фонда Минского по городским и земским делам присутствия из 1291 ед. хр. только 23 потребовали дополнительной тематической разработки.

Нельзя обойти вниманием и вопрос о судьбе существующих в архивах картотек разного типа. Часть их, по-видимому, придется расформировать и влить в систематический каталог. Однако если в архиве имеется целый комплекс уже сложившихся на разной основе каталогов, освещающих содержание значительного количества материалов (как, например, в ЦГИАЛ), разрушение их нецелесообразно. Эти каталоги следует объединить указателем, построенным по систематическому принципу, с системой отсылок на соответствующие разделы каталогов. Отдельные предметно-тематические картотеки могут существовать наравне с систематическим каталогом, дополняя его.

Естественно, что далеко не все вопросы организации и методического обеспечения каталогизации могут быть освещены в одной статье. С каждым годом эта работа

союзов в вооруженной защите Родины; 11. Международные связи профсоюзов и борьба за мир; 12. Шефская работа профсоюзов.

Все эти вопросы находят отражение в единой схеме классификации материалов ЦГАОР УССР, построенной на основе классификации, разработанной Главным архивным управлением. Следовательно, когда карточки на материалы ВУСПС будут влиты в единый каталог этого архива, они сразу же найдут в нем свои места.

будет приобретать все больший размах и перед архивистами возникнут новые, требующие разрешения проблемы.

Некоторую помощь в этом отношении окажут архивистам соответствующий раздел новых правил работы государственных архивов, выпуск которых намечен на текущий год, а также подготовленные сотрудниками Главного архивного управления методические указания, которые будут приложены к схеме единой классификации.

Перспективный план развития архивного дела в нашей стране на 1959—1965 гг. предусматривает значительное расширение работ по каталогизации материалов всех государственных архивов. Впоследствии созданные в архивах единые систематические каталоги могут быть дублированы с целью создания при Главном архивном управлении сводного каталога[18].

Коротко подведем итоги. Каталогизация документальных материалов является важнейшим современным видом архивных работ. Основываться она должна на систематическом принципе. Систематические каталоги и существующие параллельно с ними инвентарные описи документальных материалов в совокупности создадут такую систему научно-справочного аппарата, которая послужит мощным средством всестороннего использования Государственного архивного фонда Союза ССР в интересах строительства коммунизма. Наиболее целесообразным путем создания и пополнения систематического каталога является тематическая разработка фондов. Однако должны быть использованы и все другие каналы притока тематических карточек.

Залогом успеха этой работы является ее правильная организация и четкое методическое обоснование. Исследование методики каталогизации должно в самое ближайшее время стать важной научной работой советских архивистов.

О МЕТОДИКЕ ИЗДАНИЯ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Л. А. ГОЛЬДЕНБЕРГ, О. М. МЕДУШЕВСКАЯ

Картографические произведения прошлого являются важным источником не только для изучения истории картографии и географии, но, в первую очередь, самого исторического процесса, а также истории ряда наук и научных дисциплин, применяющих картографический метод исследования[1]. В дореволюционной и советской археографической практике накоплен значительный опыт публикации картографических источников, имеющих свою определенную специфику, но этот опыт еще не обобщен. Приемы публикации картографических источников не находят должного отражения в методических пособиях и правилах публикации документов; в обзорах советских изданий исторических источников публикации картографических материалов не анализируются и даже не упоминаются. В публикаторской деятельности Института истории АН СССР и Главного архивного управления все графические материалы рассматриваются лишь как наглядные приложения к текстовым материалам[2]. Даже специальное методическое пособие по археографии не различает собст-

---

[18] Проблема создания сводного каталога заслуживает самого внимательного, специального рассмотрения. Такой справочник даст в руки исследователям систематизированные сведения о содержании всех государственных архивов СССР. На всесоюзном совещании архивистов в марте 1961 г. о желательности образования при Главном архивном управлении сводного каталога говорил известный литературовед и собиратель исторических документов И. Л. Андроников.

[1] М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. 1, 1940, стр. 218; К. А. Салищев. О картографическом методе исследования. «Вестник МГУ», 1955, № 10, стр. 161—170; В. К. Яцунский. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР. «Труды МГИАИ», т. 11, 1958, стр. 139.

[2] Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда. М., 1945; Правила издания исторических документов. М., 1956; Теория и практика архивного дела в СССР. Учебное пособие. М., 1958, стр. 277.

венно картографических источников *от исторических карт,* рассматривая те и другие как «иллюстрации». Это смешение понятий закреплено в пособии крайне неудачным примером «иллюстрации», в котором приведены рядом архивный документ — «Чертеж рек Маи и Юдомы», хранящийся в ЦГВИА, и рисунок художника, изобразившего на обложке сборника маршрут В. Беринга к берегам Америки [3].

Прежде всего, необходимо провести четкое разграничение между картографическими произведениями, современными изучаемому периоду, и графическими материалами, созданными на основании различных источников и являющимися историческими исследованиями, облеченными в графическую форму (исторические карты). Если географические и специальные карты имеют источниковедческое, а также справочное значение, то исторические карты представляют, в основном, историографический интерес. Составление исторических карт имеет свою методику и специфику, которые нами не рассматриваются.

Следует внести ясность и в терминологию, связанную с изучением картографических материалов, к которым относятся географические и специальные карты, планы, атласы и первичные графические документы съемок (планшеты, аэрофотоснимки и т. д.), а для XVI—XVII вв. также карты-«чертежи» и планы, не имеющие математического обоснования. В источниковедческой и археографической практике термины «картографические материалы» и «картографические источники» равнозначны. В географии же и картографии картографическими материалами (или источниками) называются все материалы, в том числе и литературные, привлекаемые для составления новой карты [4].

Особенность картографического произведения как специфического источника заключается в том, что его содержание выражено комплексом графических и художественных средств в сочетании с текстом. Графика (условные знаки), расцветка основных элементов содержания карты, применяемая для качественной характеристики изображаемых объектов; надписи, дополняющие изображение количественной и качественной характеристикой, дают в целом законченное произведение, весьма емкое по содержанию при сравнительно небольшом объеме. Особая ценность картографических материалов как исторических источников определяется прежде всего тем, что с их помощью можно показать размещение исторических процессов и явлений с такой точностью, с какою нельзя передать ни в одном описании. В то же время репродукция карты занимает гораздо меньше места, чем самое краткое ее описание.

В археографической практике картографические публикации применяются довольно часто в различных по назначению изданиях, и формы их достаточно разнообразны. Мы встречаем их в исторических исследованиях общего характера и в специальных, более узких по тематике или ограниченных локальными рамками, в исследованиях историко-экономических, историко-географических, военно-исторических, источниковедческих, в работах по истории географических открытий, географии, картографии, геологических знаний. Помимо исторических и других исследовательских трудов, публикации карт и планов можно найти в учебных пособиях, обзорах, каталогах и описях, библиографиях, мемуарной литературе, в сборниках документов, а также в журнальных и газетных публикациях.

Связь картографической публикации с тем произведением, в составе которого оно издано, может быть различна. Наиболее распространены аналитический и иллюстративный типы публикаций. Репродукцию карты, сопровождаемую ее подробным анализом, выяснением источниковедческого значения, детальным описанием, условно можно назвать «аналитической» публикацией [5]. Широкое распространение имеет «иллюстративная» публикация картографических источников; в этом случае ни

---

[3] Методическое пособие по археографии. М., 1958, стр. 262—265.

[4] К. А. Салищев. Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы. М., 1948, стр. 226; «Геодезия», т. 6, М.-Л., 1939, стр. 130.

[5] Л. С. Берг. Первые русские карты Каспийского моря. «Известия» Академии наук СССР, серия географическая и геофизическая, № 2, 1940, стр. 159—178; Р. Л. Золотницкая. Старинная карта Петербурга (XVIII в.). «Изв. ВГО», 1949, т. 81, вып. 5, стр. 505—512.

анализа, ни описания карты в тексте исследования не приводится, и назначение самой публикации является вспомогательным.

Тематическая публикация вводит в научный оборот группу источников, посвященных определенной проблеме или конкретному географо-территориальному понятию: «Великие русские географические открытия», «Карты Азиатской России», «Планы города Москвы XVII в.», «Карты и планы Полтавского сражения 1709 г.» и т. д.

При всем разнообразии форм и типов публикаций картографические источники еще недостаточно привлекаются к исследованиям, а возможности их опубликования используются далеко не полностью. Слабое использование возможностей картографических публикаций особенно заметно в историко-экономических исследованиях. Дело доходит до того, что даже в монографиях о размещении производительных сил не используются публикации карт [6]. Отсутствуют они и во многих трудах по истории народов СССР. Так, авторы «Очерков истории Дагестана» говорят «о перекройке» карты республики в экономическом отношении, но не приводят ни одной карты [7]. Многими ценными картами (географии хлебной торговли, транспорта и т. п.) мог быть дополнен сборник статей «Очерки экономической истории России первой половины XIX века» (М., 1959). Вызывает удивление отсутствие карт в работе В. Н. Скалона «Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в.» (М., 1951). Значительно шире могли быть использованы картографические публикации в исследованиях, посвященных анализу экономического развития отдельных районов страны.

Одной из основных причин недостаточного использования картографических источников можно считать известное преувеличение специфики исследования этого вида источников [8]. Например, Н. И. Павленко, всесторонне исследовавший фонд Берг-коллегии, совершенно не использует богатейшую коллекцию карт и планов фонда, ограничившись беглым замечанием о необходимости специальной подготовки для изучения картографических материалов [9]. Между тем, многие картографические источники могли быть использованы автором монографии, один из разделов которой освещает географическое размещение металлургической промышленности России.

Специфика картографического источниковедения и археографии картографических источников бесспорна. Однако все трудности вполне преодолимы и не могут служить препятствием к использованию ценнейших источников.

Методика публикации картографических источников определяется сочетанием общих методов и принципов советской археографии с учетом специфики источника, требующего применения специальных приемов. Прежде всего, археограф исходит из того, что он имеет дело с одним из видов исторических источников, которому, несмотря на все своеобразие содержания и формы, присущи закономерности и особенности, свойственные всем видам исторических источников. Опираясь на картографическое источниковедение, разрабатывающее методы изучения и использования картографических материалов, следует учитывать все возможности источника для полного и глубокого освещения избранной темы. Выяснено и признано, например, большое значение картографических источников для изучения истории географических открытий, размещения и развития экономики России, географии населения, истории военного искусства, истории географии и картографии, локализации географических названий и целого ряда других вопросов [10]. В соответствии с различными проблемами может быть намечена конкретная тема публикации.

Основным и определяющим критерием для исторических источников всех видов, в том числе и картографических, являются положения исторического материализма,

---

[6] Р. С. Лившиц. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955; Ее же. Размещение черной металлургии в СССР. М., 1958.

[7] Очерки истории Дагестана, т. 2. Махач-Кала, 1957, стр. 474.

[8] Л. А. Гольденберг. Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация. Л., 1958, стр. 14. (Автореферат.)

[9] Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953, стр. 25.

[10] В. К. Яцунский. Предмет и задачи исторической географии. «Историк-марксист», 1941, № 5, стр. 1—29.

требующие использования всей совокупности фактов в их взаимосвязи, учета происхождения и классовой направленности источника, достоверности фактов. Решая вопрос об отборе картографических источников для публикации, археограф исходит из оценки их значения, полноты и достоверности. Нельзя не учитывать также степень сохранности и времени создания источников. Необходимо соблюдать соответствие отобранных к печати источников тематике публикации и ее хронологическим рамкам. В данном случае ценность источников сама по себе решающим признаком не является [11].

Обстоятельства возникновения, истории создания и происхождения источника, его классовый характер и назначение, время создания источника, авторство, подлинность, достоверность — все эти вопросы источниковедческого анализа должны быть четко выяснены археографом и при решении вопросов выявления и отбора [12]. Ряд трудностей возникает в связи с существующей практикой хранения картографических источников в составе отдельных коллекций государственных архивов, рукописных отделов библиотек и музеев. Дело в том, что карты XVII—XVIII вв. часто имели текстовую часть — описание (по терминологии XVII в. «роспись»). Комплексный характер источника должен быть учтен при публикации, так как изучение только описания или только чертежа не дает полного представления об источнике. Между тем, существующая практика хранения ведет к разрыву источниковедческих связей карты и ее описания. Если к этому добавить, что ряд карт и планов сохранились в нескольких копиях в составе различных фондов и коллекций, а единые принципы их описания и классификации отсутствуют, то отыскание и отбор карт еще более усложняются. Для выяснения соответствия карты и описания необходим исторический и текстологический анализ (изучение содержания источника, обстоятельств его происхождения, текстуальное сопоставление искусственно разорванных частей источника [13] и т. д.).

Большинство картографических произведений иллюминовано, поэтому при издании имеет весьма существенное значение передача красок: следует стремиться к сохранению красочных тонов подлинника. Однако технические трудности воспроизведения красочного оригинала нередко приводят к тому, что цветная копия дает лишь общее представление о расцветке подлинника [14]. Вместе с тем раскраска многих современных карт (например, геологических) унифицирована, и даже незначительное изменение оттенков цветной шкалы приводит к существенным ошибкам.

Наибольшее распространение получили черно-белые публикации красочных оригиналов, хотя при этом не сохраняются присущие документам определенного исторического периода особенности, определяемые общим уровнем науки и состоянием картографической техники [15]. С этой точки зрения грубой ошибкой являются попытки модернизации красочных оригиналов: передача красок штриховкой или иными условными обозначениями, не свойственными подлиннику.

Главное значение при отборе документов для печати имеет вопрос об их подлинности. Трудности в определении подлинности карт отмечаются многими авторами

[11] Например, в сб. документов «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии» (М., 1951) помещен *ряд карт XVIII в.*, мало связанных с содержанием сборника. Это отмечено О. А. Евтеевым. См. «Вопросы географии», сб. 31. М., 1953, стр. 271.

[12] О. М. Медушевская. Картографические источники XVII—XVIII вв. М., 1957.

[13] См., например, О. М. Медушевская. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XVIII в. «Труды МГИАИ», т. 7. М., 1954, стр. 113, 116—121.

[14] См. цветные вклейки (БСЭ, II изд., т. 20, стр. 296): часть карты «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири» С. У. Ремезова; часть одного из листов топографической съемки 1803—1804 г., часть листа «Добывание и обработка минералов» из «Атласа промышленности» 1929—1931 гг.; Л. А. Шапошникова. Изображение леса на картах. М., 1957, рис. 4 («Карта заднепровским местам... 1745 г.»), а также рис. 5, 7, 14, 20—22, 28.

[15] П. А. Скворцов. О применении в картографии принципов живописи. «Вопросы географии», сб. 22. М., 1950, стр. 60—81.

при обобщении опыта практической работы с картами[16]. В этом деле большое значение имеет анализ содержания и внешних особенностей источника. Следует также учитывать наличие копий и вариантов одних и тех же карт в разных фондах и архивах. Поэтому, помимо сведений о подлинности или копийности публикуемых материалов, необходимо указывать место их хранения и предшествующие публикации. Отсутствие выходных данных лишает исследователя возможности обратиться непосредственно к первоисточнику[17]. Подобного рода ошибки особенно многочисленны при публикации карт в трудах по истории народов СССР. Так, в «Истории Молдавии» помещена карта под заголовком «Современная карта Молдавии Райхерсторфа 1541 года», в «Истории Казахской ССР» — «Часть карты Казахских степей геодезиста И. Красильникова. Середина XVIII в.», в «Истории Кабарды» опубликована «Карта Кавказа с показанием политического его состояния *до 1801 года.* Из актов Кавказской *археологической* комиссии», та же карта в «Истории Северо-Осетинской АССР» озаглавлена как «Карта Кавказа *1801 года.* Из актов *Археографической* комиссии»[18].

Способы передачи графики и текста картографических источников, в отличие от «текстовых» материалов, ограничены единственным факсимильным (фотомеханическим) путем[19]. Опубликованные карты различаются по способу издания: печатанные с клише высокой типографской печати (цинкография и др.), глубокой печати (гравюра на меди, гелиогравюра, меццо-тинто), плоской печати (литография, офсет). Следует иметь в виду, что и при факсимильном издании нередко допускаются искажения оригиналов по вине гравера или художника при литографировании и гравировании, а при фотомеханическом воспроизведении — из-за дефектов фотоотпечатков[20]. Большую роль в подготовке качественной публикации карт играют правильно экспонированные глянцевые фотокопии оригиналов, которые после предварительной подготовки (ретуширование) передаются для изготовления клише. В ряде случаев механическое ретуширование (без последующего сличения с оригиналом или контрольной фотокопией) приводит к серьезным ошибкам: пропадают отдельные детали оригинала, искажаются надписи и т. д. Так, например, после ретуширования фотоотпечатка уникального плана «диверсии» А. Д. Меншикова 7 мая 1709 г. под Опошней на плане не оказалось условного знака русского лагеря, а также значительного отрезка «марша» войск, обозначенного в оригинале пунктиром[21]. Зависимость между «грамотным» ретушированием, правильным клише и качеством публикации легко прослеживается на целом ряде изданий. Одна и та же карта в одном издании представляет собой серо-грязное изображение с неподдающимися для прочтения надписями[22], в другом — ясное и сочное изображение, четкую печать[23].

---

[16] Л. Л. Смоктунович. Из опыта научно-технической обработки картографических материалов. «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 181; О. М. Медушевская. Картографические источники XVII—XVIII вв. М., 1957, стр. 25.

[17] В ряде случаев неряшливое археографическое оформление публикации карт зависит от редакционной подготовки. Часто, несмотря на предусмотренный авторами научно-справочный аппарат публикаций, редакции по своему усмотрению производят изъятия ссылок, выходных данных, а иногда и заголовков документов в целом; см. «Український історичний журнал», 1959, № 3, вкл. к стр. 120.

[18] История Молдавии, т. 1. Кишинев, 1951, стр. 165; История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957, стр. 230; История Кабарды. М., 1957, вкл. к стр. 72; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, вкл. к стр. 168.

[19] Попытки подмены публикации карты ее самым подробным описанием не приводят к положительным результатам. См., например, Р. Л. Югай. О неизвестной карте Средней Азии и Казахстана. «Известия Узбекского филиала Географического об-ва СССР», т. 3, 1957, стр. 186—194.

[20] См. Д. С. Лихачев. По поводу статьи В. А. Черныха «О развитии методов передачи текста исторических источников». «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 191.

[21] См. «Вопросы истории», 1959, № 11, стр. 151.

[22] К. А. Богданов. Морская картография, ч. 1. Л., 1954, вкл. к стр. 16. Можно привести множество примеров плохого качества воспроизведения карт, см., например, «Географический сборник», т. III. М.— Л., 1954, вкл. к стр. 136, 144, 178 (статьи М. И. Белова) и т. п.

[23] К. В. Сидоров. Новая земля на картах XVII в. «Летопись Севера». М., 1957, вкл. к стр. 112. Из последних публикаций следует отметить хорошее качество издан-

Естественно, что картографические материалы необходимо воспроизводить в масштабе, обеспечивающем возможность чтения всех географических и специальных показателей, а также надписей [24]. Желательно воспроизведение источника в натуральную величину, а в ряде случаев даже необходимо его увеличение. Как показывает опыт, наиболее часто встречающаяся форма публикации, ведущая к значительному понижению читаемости карты, связана с уменьшением репродукции по сравнению с оригиналом.

Размещение репродукций в издании и формы публикации разнообразны; выбор должен быть сделан в зависимости от назначения и тематики публикации, а также с учетом полиграфических возможностей. Репродукции могут помещаться непосредственно в тексте, на отдельных вклейках, располагаемых рядом с относящимся к ним текстом, или в виде «вкладышей». Издание картографических источников может быть осуществлено как в виде отдельных сборников (атласы, альбомы) старинных картографических произведений, так и публикации отдельных карт или их фрагментов.

Фрагментарная репродукция применяется в тех случаях, когда оригинал весьма крупного формата и его полное воспроизведение сопряжено с серьезными, чисто техническими трудностями, а иногда и невозможно (например, трехметровый план обороны Киева 1706 г.) [25], либо когда необходимо сконцентрировать внимание читателя на изображении определенного района или же на специальных показателях содержания источника и его отдельных деталях (картуш, условные знаки, врезки), представляющих особый интерес в связи с тематикой исследования.

Все факсимильные воспроизведения (репродукции) русских карт-«чертежей» XVII в., большинства карт и планов XVIII в., а также картографических произведений с надписями на иностранных языках должны сопровождаться печатной передачей текста [26]. Для указанных групп картографических материалов транскрибированию подлежат: 1) заглавие или титул карты (над рамкой, в картуше или другом месте); 2) надписи географического (населенные пункты, реки и т. д.) и специального (в зависимости от содержания и назначения карты) характера; для чертежей XVII в.— также и цифровые данные, показанные древнерусской цифирью [27]; 3) объяснения («роспись», «реестр», «изъяснение», «описание», «экспликация» и т. п.) условных знаков (обозначений); 4) объяснительный (сопроводительный) текст карты.

Сложность печатной передачи текста картографических материалов заключается в том, что текст и графика этих документов по сути едины и неразрывны; именно в своей совокупности они и составляют содержание источника. Поэтому попытки искусственного отделения текста от графики при репродуцировании и передаче текста совершенно несостоятельны. Ярким примером неудовлетворительного решения вопроса передачи текста карты может служить публикация С. Баскина «Большой чертеж Камчадалской земли».

Обосновывая свои приемы публикации, автор, прежде всего, констатирует, что на «чертеже» значительная часть надписей нанесена «вниз головою». Видимо, это обстоятельство явилось столь неожиданным для автора, что у него не оказалось «никакой возможности воспроизвести все эти надписи в таком виде, как они даны на копии «чертежа», почему он и решил поместить их «в принятом в наше время начертании». При этом, продолжает далее С. Баскин, «для наглядности и для удобства чтения карта помещается нами отдельно от текстовой части. На карте оставлено только то, что

ных карт в сборниках «Проблемы источниковедения», тт. VII и VIII; сб. «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения», М., 1959.

[24] Характерный пример неудачной публикации см. «Вопросы истории», 1958, № 4, стр. 195. Многократное уменьшение в соединении с неудовлетворительным клише не дает возможности «прочесть» показатели и надписи репродукции.

[25] ЦГАДА, ф. 192, Киевская губ., № 14.

[26] Для иностранных карт в русском переводе (см. ук. сб. «Полтава». М., 1959, стр. 375). Обычно отличают язык карты (на котором даны на карте географические наименования) от языка титула или объяснительного текста на карте.

[27] «Проблемы источниковедения», т. VII, вкл. к стр. 304, рис. 2.

имеет непосредственное отношение к ней, а именно: названия рек, озер, гор и населенных пунктов. Все остальное помещается нами ниже (т. е. в тексте исследования.— *Авт.*) с указанием в каждом отдельном случае места данного текста на «чертеже». В результате авторское «исследование» свелось лишь к «привязке» текста к карте: «в правом углу карты надпись...», «против течения рек Шемячик и Березовой надпись...», «против южной оконечности Калигерской губы надпись...», «ниже этой надписи другая...», «еще ниже, против полуострова, замыкающего с юга залив, куда впадает р. Малкова, надпись...», «на мысе Лопатка надпись...» и т. д.

Помимо того, что автору постоянно приходится транскрибированный текст карты увязывать с ее географическими показателями, указанный способ передачи текста не исключает, а, наоборот, требует при чтении также постоянного обращения к источнику или его репродукции. В результате С. Баскиным издано схематическое и искаженное изображение источника, с произвольными изъятиями большинства надписей, выполненных, кстати, на публикации современным «чертежным» шрифтом. Эта схема является плодом творчества автора, но никак не ценнейшим источником 20-х гг. XVIII в.[28].

К сожалению, подобного рода приемы публикации, когда картографические источники подвергаются произвольным «улучшениям» и «исправлениям», получили значительное распространение. Например, «Карта Черкесии 1830 г.» публикуется с надписями, вычерченными современным шрифтом, «Карта народов, обитающих между морями Черным и Каспийским» дана с масштабом *в километрах* вместо указанных на оригинале верст[29] и т. д. В большинстве случаев различного рода «исправления» нигде не оговариваются, что вводит исследователя в заблуждение. Такие публикации в лучшем случае имеют лишь иллюстративное значение.

Более совершенным способом передачи текста является факсимильное воспроизведение, на котором археограф нумерует все надписи в заранее обусловленном или произвольном порядке. Чтобы эти номера отличались от цифр самого документа, на черно-белых репродукциях обычно проставляются красные номера, а на цветных — черные. Вслед за заголовком репродукции в порядке номеров следует транскрибированный текст. К изданиям подобного рода относятся некоторые старинные карты в «Атласе истории географических открытий и исследований» (М., 1959), а также французская копия грузинской карты Имеретии первой половины XVIII в.[30].

Последняя публикация отличается некоторыми особенностями. Точную передачу источника автор публикации подменяет таблицей «наименований мест на карте», состоящей из трех описательных статей: 1) транслитерация грузинского названия («Transliteration of georgian name»); 2) описание (Description»); 3) номер на карте. Наименования всех мест расположены по алфавиту. Во вторую графу внесены географические определения (категории) наименований: река, замок, церковь, порт, монастырь, село, собор, развалины, район, участок, манор, домен, предместье, крепость, город, башня, мост, столица, цитадель, дворец, «Осетинская дорога», «Сванетская дорога», залив, могила, озеро, жилой дом, деревня и др.: «Abascha — river — 8», «Adcha — meti — demesne — 55» «Aktchi — castle — 42» и т. д.

Так, по определенной системе передаются лишь выборочные сведения, существенно отличающиеся от подлинных надписей и текста оригинала, которые не транскрибируются.

Но и в лучшем случае, когда текст передан полностью и научно транскрибирован, при «нумерационном» методе, археограф вносит в репродукцию новые показатели (цифры), отсутствующие на оригинале. Этот способ, хотя и является более про-

---

[28] «Изв. ВГО», т. 81, вып. 2, 1949, стр. 226—238.

[29] Очерки истории Адыгеи, т. I. Майкоп, 1957, приложение; История Кабарды. М., 1957, вкл. к стр. 34.

[30] W. D. Allen. Two Georgian maps of the first half of the eighteenth century. «Imago Mundi», X, 1953, p. 102, вклейка («French copy of the Georgian MS map of Imereti»)

грессивным, нежели метод «исправлений» источников, также не может быть рекомендован.

Поиски рационального решения вопроса о печатной передаче текста карты с одновременным ее репродуцированием привели к разработке системы «прорисей». Сущность этого метода заключается в том, что наряду с репродукцией публикуется отдельно ее схематический чертеж (прорись), на котором обозначаются контуры всех графических элементов источника. Надписи подлинника в прориси не повторяются, а заменяются номерами. Транскрибирование подлинных надписей, номера которых обозначены на прориси, осуществляется в порядке этих номеров на отдельной странице (либо за рамкой прориси). Так выполнена, например, публикация плана г. Владимира 1715 г. в ценном, главным образом с методической стороны, исследовании Н. Н. Воронина. В этой работе автор приводит точную репродукцию плана, прорись к плану и печатную транскрипцию, при которой «подлинные надписи оригинала даны с раскрытыми титлами, по новой орфографии, но с сохранением особенностей языка. «Ъ» сохранен лишь в случаях необычного употребления. Номера соответствуют прориси чертежа» [31].

Положительное значение этого метода заключается в том, что он, во-первых, полностью исключает всякие попытки «исправления» или модернизации источников; во-вторых, довольно удачно решает проблему передачи текста графических документов. Единственным существенным недостатком этого способа является необходимость дважды воспроизводить один и тот же документ (сначала в виде репродукции, затем в виде прориси). Для устранения этого недостатка возможно применение простого и более совершенного приема, при котором прорись заменяется листом прозрачной бумаги, накладываемым на репродукцию. Все надписи нумеруются на прозрачной бумаге, а их транскрибирование осуществляется в указанном выше порядке. При печатной транскрипции текста карт XVII—XVIII вв. пользуются общепринятыми правилами передачи текста документов этого периода [32].

При издании картографических материалов заголовок помещается под публикуемым источником и по существу является «подрисуночной надписью».

Если для *печатных* картографических произведений (так же, как и для книг) при описании важно правильно и точно передать имеющийся собственный заголовок карты, так как это обстоятельство помогает установлению тождественности карт всего тиража [33], то для *рукописных* картографических источников в подрисуночной надписи (заголовке) необходимо точно и кратко отразить содержание публикуемого документа. Правда, до последнего времени отсутствуют единые правила научного описания рукописных карт [34], в связи с чем вопрос составления подрисуночных надписей (заголовков) является одной из наименее разработанных проблем картографического источниковедения. Существующие печатные описи и каталоги карт

---

[31] Н. Н. Воронин. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г. «Советская археология», 1946, VIII, стр. 150.

[32] Правила издания исторических документов. М., 1956, стр. 21—31; А. А. Зимин. Методика издания древнерусских актов. М., 1959, стр. 26; Методическое пособие по археографии. М., 1958, стр. 101—112.

[33] Единые правила по описанию произведений печати для библиотечных каталогов, ч. III. Описание картографических изданий. Л., 1950; С. А. Клепиков. Библиография печатных планов города Москвы XVI—XIX вв. Под ред. и со вступ. статьей акад. М. Н. Тихомирова. М., 1956.

[34] П. Ф. Коногоров. Основные положения инструкции по библиографическому описанию картографических материалов. Архив ЦНИИГАиК, д. НА/342, стр. 402—412; Б. В. Александров. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР. В кн.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.— Л., 1946; Л. Л. Смоктунович. Ук. соч.; В. Брилиант. Инструкция для описания рукописных картографических материалов. Машинопись. Картографич. отдел Гос. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1954; F. Engel. Über das Orden und Verzeichnen von historischen Karten und Plänen. Veröffentlichungen der Neidersächsischen Archivverwaltung. H. 9. Göttingen. 1958.

отличаются друг от друга как в методологическом, так и методическом отношениях [35]. Поскольку эта важная проблема должна стать предметом специального изучения и исследования, отметим лишь два основных направления в данном вопросе. Заголовки целого ряда публикаций воспроизводят полностью название карты, имеющееся в подлиннике, а если подлинный заголовок длинен, то он приводится частично, иногда в кавычках, иногда без них и даже без отточия в тех случаях, когда он дан не полностью. Однако подлинные заголовки карт XVII—XVIII вв. пестрят архаизмами, многочисленными «посвящениями», пространными описаниями, которые, удлиняя заголовок, никак не помогают раскрытию содержания источника. Так, например, заголовок карты 1779 г., целиком приведенный в одном из каталогов, занимает полторы страницы печатного текста и все же полностью содержания карты не раскрывает [36].

Для другого направления характерны принципы составления заголовков, примененные при описании карт Военно-ученого архива в 1948—1952 гг., где основным положением являлась «необходимость добиваться максимальной краткости и выразительности заголовка» [37].

За редким исключением, подлинные заголовки рукописных карт XVII—XVIII вв. могут быть опущены и заменены новыми, составленными археографом. Но и при кратком способе описания, до тех пор, пока не выработаны единые критерии для составления заголовков и описания карт, возможны весьма произвольные и субъективные решения этих вопросов. Последнее обстоятельство довольно наглядно поясняют два заголовка одной и той же карты, составленные разными авторами: «Карта Баренцова моря, скопированная с русского чертежа Э. Пальмквистом в 1673—1674 гг. Nägre widh Sidste Kongl Ambassaden till Tzaren Muskou giorde observationer öfver Ruszland.. Anno 1674. *(Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина»*. «Карта Вайгачского залива и части Сибири по копии Э. Пальмквиста (*не позже 1673 г.)*» [38].

Подрисуночные надписи издаваемых картографических материалов должны состоять из следующих элементов: 1) номер (порядковый) документа в издании; 2) дата составления (для копии — копирования); 3) собственно заголовок, коротко передающий основное общегеографическое и специальное содержание документа; 4) указание автора (составителя, копировщика, чертежника и т. д.); 5) указание подлинности или копийности источника; 6) масштабы подлинника, его размеры, а также обозначения степени уменьшения (увеличения) при репродуцировании; 7) сведения о способе воспроизведения оригинала, раскраске, материале; 8) архивный шифр; 9) данные об опубликованности или использовании издаваемого источника.

Дата обозначается в соответствии с правилами издания исторических документов. При составлении подрисуночной надписи одним из самых сложных и трудных вопросов является датирование карт, так как время составления их обычно не обозначено. Специфика картографических материалов определяет пути решения вопросов датировки [39]. Дата документа может быть выявлена с достаточной для использования

---

[35] Каталог Военно-ученого архива Главного штаба, тт. I—IV. СПб., 1905—1914; Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел реестр географическим атласам, картам, планам и феатрам войны, составленный в 1816 году, исправленный в 1828 году и дополненный по 1877 год. СПб., 1877; Б. Эвальд. Каталог атласов и карт, хранящихся в Депо морских карт и книг Главного гидрографического управления Морского министерства. Пг., 1917; Список картографических изданий Академии наук XVIII в. В кн.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент..., стр. 237—266.

[36] Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII вв. и половины XIX в., хранящихся в архиве центрального картографического производства ВМФ. Л., 1958, стр. 34—35.

[37] Л. Л. Смоктунович. Ук. соч., стр. 180.

[38] К. А. Богданов. Ук. соч., вкл. к стр. 16; К. В. Сидоров. Ук. соч., вкл. к стр. 112.

[39] М. А. Цветков. Первая карта лесов Европейской России. «Вопросы географии», сб. 11. М., 1949, стр. 154—155. См. также L. A. Goldenberg. Zur Frage der allgemeinen Ordnungsprinzipien für kartographisches Material in den historischen Archiven der UdSSR. «Archivmitteilungen», H. 6, 1959, s. 193—194.

точностью на основе комплексного изучения всех элементов, составляющих содержание карты, картографических данных (меры масштаба, математическая основа — выбор проекции, начальный меридиан, опорные пункты и т. п.), палеографических наблюдений. Особое значение имеет исследование физико-географических и историко-политических показателей (например, политико-административное деление, определяемое датированными актами законодательной власти и т. п.), графики и техники передачи изображения (изменение условных обозначений, способов передачи рельефа и др.), анализ текстовых пояснений, определение состава и значения помет и шифров, наконец, выяснение обстоятельств возникновения и создания документа, установление авторства.

Основными элементами собственно заголовка в подрисуночной надписи являются: обозначение разновидности, определяемой в соответствии с научно-исторической классификацией картографических источников; специальных показателей и территориально-географической характеристики, например, «Карта Устюрта с обозначением маршрута экспедиции 1825—1826 гг.», «Межевой план владений Полтавского Крестовоздвиженского монастыря», «Геолого-структурная карта Восточного Предкавказья».

Обязательное указание истинного масштаба, формата и степени уменьшения (увеличения) публикуемого документа обуславливается часто возникающей необходимостью производить на карте линейные измерения, что невозможно проделать без знания действительных соотношений. Для удобства сопоставлений масштабов различных мер длины, наглядности их выражения следует указывать лишь численный масштаб (например, 1 : 100 000)[40]. Размеры оригинала определяются во внутренней рамке, при ее отсутствии — по краю изображения и обозначаются в виде произведения длины на ширину (в *см*).

При черно-белом воспроизведении иллюминованной карты в подрисуночной надписи дается указание на ее многокрасочность.

В тематических и «аналитических» публикациях состав подрисуночной надписи может быть значительно короче; многие его элементы переносятся в научно-справочный аппарат. В последнем случае подрисуночная надпись содержит лишь номер документа, дату его составления, собственно заголовок, автора и обозначение степени уменьшения (увеличения) оригинала.

Необходимой частью научно-справочного аппарата картографических публикаций является «описание карт», в котором археограф приводит основные результаты источниковедческо-картографического и историко-текстологического анализа каждого из публикуемых источников. В «описании» помещаются краткие сведения об истории создания источника, его содержании, авторе, дате составления или копирования; уточняется территориально-географическая характеристика показателей карты, указывается место хранения или опубликования, подлинность, имеющиеся варианты. Кроме того, приводятся сведения о материале, на котором выполнена карта, филигранях и пометах на обороте. Подобные «описания» наиболее характерны для тематических публикаций[41], тогда как в «аналитической» публикации все эти сведения обычно даются в тексте самого исследования[42].

В заключение следует отметить следующее:

1) Существующие правила издания исторических документов не могут предусмотреть многих вопросов, возникающих при подготовке публикаций разнообразных

---

[40] Определение масштабов, не указанных на картах, перевод различных видов масштабов в численный см.: Т. Н. Мельникова. Библиотечная обработка географических карт. Определение численных масштабов. М.— Л., 1958.

[41] См. «Краткое описание карт И. К. Кирилова» в кн.: М. Г. Новлянская. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М.— Л., 1958, стр. 39—71; «Примечания к картам, приложенным к сборнику» в кн. «Русские открытия на Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.». М., 1948, стр. 377—378; «Описание планов, карт и гравюр Полтавской битвы» в сб. «Полтавская битва». СПб., 1909, стр. 267—283; «Краткое описание карт» в сб. «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в.». М., 1951, стр. 541—546.

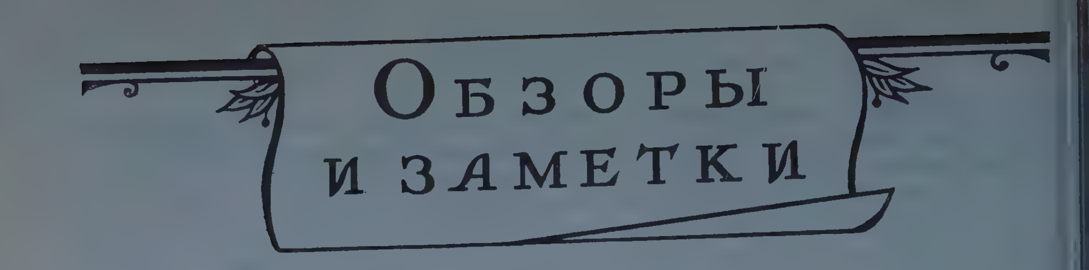
[42] «Проблемы источниковедения», т. VIII, стр. 239—266.

по содержанию и форме источников. Поэтому одной из актуальных задач советской археографии является разработка правил публикации специальной документации в том числе и правил публикации картографических материалов.

2) Археографическая комиссия при Отделении исторических наук АН СССР и Главное архивное управление должны возглавить работу по выявлению, изучению и публикации ценнейших исторических источников — картографических материалов, к сожалению, еще недостаточно используемых историками.

3) Уникальность картографических материалов XVII в., представляющих значительный интерес для исторической науки, позволяет поставить вопрос о целесообразности издания всех картографических материалов этого периода и в первую очередь «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова.

4) Преувеличение специфики исследования картографических источников, как было показано, отрицательно влияет на их эффективное использование. Вместе с тем, до сих пор при подготовке квалифицированных кадров историков и историков-архивистов существуют досадные пробелы в области преподавания исторической географии в целом и исторической картографии в частности. До сих пор по этим дисциплинам не имеется ни учебных пособий, ни стабильных учебников. Более того, совершенно необоснованно исключен из учебной программы Историко-архивного института курс «Историческая география», успешно читаемый на протяжении ряда лет.



О ПРОПАГАНДЕ УЧЕНИЯ К. МАРКСА СРЕДИ РАБОЧИХ РУССКИМИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ В 1878 г.

Публикуемый документ сообщает новые факты об одной из крупнейших экономических стачек 70-х гг. XIX в. на Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрике в Петербурге (27 февраля — 20 марта 1878 г.) [1]. Этот документ дополняет наши представления о причинах забастовки и, что самое существенное, рассказывает об одной из первых попыток пропаганды учения К. Маркса среди русских рабочих.

Стачка рабочих на Новой фабрике в 1878 г. и явилась одним из последствий этой пропаганды и, по сообщению филеров в канцелярию министра внутренних дел, возникла как «результат их умственной пережевки разных Марксов и других политико-экономистов». Этот факт косвенно подтверждается и докладной запиской петербургского градоначальника на имя шефа жандармов, в которой отмечалось, «что преступная пропаганда глубоко пустила корни в среде фабричных рабочих этой фабрики и что поэтому необходимо иметь за ними бдительный надзор» [2].

Пропагандой среди рабочих Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрики занимались члены лавристского кружка А. Ф. Таксис и Г. Г. Вилленец, называвшие себя «русскими социал-демократами» [3]. Деятельность этого кружка еще мало изучена. Известно, что этот кружок принимал активное участие в рабочем движении и был одним из руководителей стачки на Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрике Шау в 1879 г. В кружке было много студентов Медико-хирургической академии, арестованных впоследствии за пропаганду среди рабочих. Возможно, что студентом, о котором говорится в донесении филеров, был Г. Г. Вилленец, вольнослушатель ветеринарного отделения Медико-хирургической академии; в 1878 г. он читал рабочим лекции по политической экономии, доставлял и распространял среди рабочих Петербурга заграничные издания.

Конечно, не следует преувеличивать значения пропагандистской работы студентов-лавристов. Не будучи подлинными марксистами, они, конечно, не могли, да и не желали вести подлинно социал-демократическую пропаганду среди рабочих. Их ссылки на Маркса не шли дальше раскрытия хищнической эксплуатации рабочих фабрикантами.

Несмотря на все это, факты пропаганды учения К. Маркса среди русских рабочих и организация забастовки на Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрике весьма примечательны и свидетельствуют о том, что учение К. Маркса, отвечавшее коренным интересам пролетариата, уже в 1878 г. начало проникать в среду русских рабочих и завоевывать их на свою сторону.

Г. С. Жуйков

---

[1] См. «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 220—234; Э. А. Корольчук. Рабочее движение семидесятых годов. Сборник архивных документов. М., 1934, стр. 175—180.

[2] «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 2, стр. 231.

[3] См. «Историко-революционный сборник», 1924, т. II, стр. 412—417.

Донесение филеров в канцелярию министра внутренних дел о сходках студентов в связи со стачкой рабочих на Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрике в 1878 г.

4 марта 1878 г.

В пятницу, 3-го и сегодня, в субботу, 4 марта в Медико-хирургической академии были чисто политические сходки.

В пятницу, около трех часов пополудни, один из студентов-медиков пришел с бумагопрядильной фабрики, где он, по неимению средств, со многими другими беднейшими студентами-медиками, технологами и даже Горного института, зарабатывает деньги, работая вместе с фабричными. Этот-то студент передал, что бунт, возникший на Новой бумаго-прядильной фабрике, обязан своим возникновением им, студентам, подговаривающим рабочих самыми разнообразными способами к сопротивлению фабрикантам; что подстрекательство это они производят путем, по большей части, книжно-возмутительным, на что рабочие жадно набрасывались в свободное от работы время, и в результате их умственной пережевки разных Марксов и других политико-экономистов, произошло возмущение против фабрикантов бумагопрядильной фабрики...

ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 413, л. 5.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА ЯРОСЛАВА ГАЛАНА

В архиве Союза советских писателей хранятся семь писем-автографов замечательного западноукраинского писателя-революционера Я. Галана, написанные им в период с января по май 1932 г. [1]

Публикуемые письма отражают широкие связи пролетарских писателей Западной Украины, группировавшихся вокруг журнала «Вікна» («Окна»), с советскими писателями.

Журнал «Вікна» (1927—1932 гг.) был подлинным «окном на Восток» для трудящихся Западной Украины. Это был первый легальный печатный орган революционного марксистского направления, объединявший прогрессивные силы Западной Украины, боровшиеся за освобождение своей родины от гнета панской Польши и капиталистов. На страницах журнала нашли свое отражение стремления трудящихся Западной Украины к слиянию с братской Украинской социалистической республикой. Журнал активно выступал против буржуазных националистов и засилья католической церкви. Ядро журнала составляли писатели-коммунисты: С. Тудор, Я. Галан, А. Гаврилюк, П. Козланюк, поэт Я. Кондра и другие прогрессивные западноукраинские писатели. Их произведения подвергались травле, штрафам, конфискациям, а сами авторы (Тудор, Гаврилюк) — неоднократным обыскам и арестам.

Публикуемые письма не были использованы в имеющейся литературе о Я. Галане и других революционных писателях Западной Украины [2].

Н. К. Покровская

---

[1] Архив ССП, ф. Иностранной комиссии, оп. 1, д. 1, лл. 84—90.

[2] См. А. Елкин. Ярослав Галан. М., 1955; сб. док. «Революційна діяльність західно-українских пролетарських письменників», Львів, 1959.

№ 1

6 января 1932 г.

Дорогие товарищи!

Наша переводчица до того больна, что дальнейшая работа над переводами является для нее невозможной. Поэтому мы решили послать Вам комплекты за 1928—29 и 1931 гг. (за 1930 у Вас уже имеется), и Вы отдайте их переводчику. К письму прилагаем указания, где нужно искать соотв[етствующие] произведения. Биографии и снимки пришлем на днях, статью ж — в последних числах января м[есяца].

Для газеты «Кризис и строительство» посылаем сейчас очерк Ярослава Галана «Львов накануне»[1]), вскоре пошлем еще один очерк и фактомонтаж.

Будьте добры, пришлите комплект «Лит[ературы] мир[овой] революции»[2]), ибо находящиеся у нас 3 первых номера во время обыска «ликвидировали».

С прол. приветом Я. Галан

Л. 89.— Автограф.

№ 2

7 января 1932 г.

Дорогие товарищи!

В ответ на Ваше письмо от 4.1.32 сообщаем Вам, что вчера мы послали Вам остальной материал (кроме снимков, биографий и вступ[ительной] статьи). Обращаем Ваше внимание на то, что посланный вам монтаж «На Вол.[1] бьют колокола» является дополнительной переработкой уже появившегося в советской печати монтажа, ввиду чего лучше было бы использовать его в новом виде.

Всей пьесы[3]) Галана послать пока что не можем (она будет готова не раньше конца января м[есяца]) и поэтому просим, если это возможно, напечатать отрывок.

С прол. приветом Я. Галан

Л. 87.— Автограф.

№ 3

11 января 1932 г.

Дорогие товарищи!

Ваше предложение принимаем очень охотно. Однако, ввиду того, что наш журнал не в состоянии посвящать места большим произведениям, просим присылать краткие рассказы, очерки и небольшие драматические произведения. Кроме того, надо постоянно принимать во внимание цензурные условия, в которых нам приходится работать.

Неиспользованные в нашем журнале произведения будут печататься в местной рабочей печати.

С прол. приветом Я. Галан

P. S. Просим посылать (в первую очередь) «Литгазету».

Л. 88.— Автограф.

---

[1] Так в тексте.

№ 4

30 января 1932 г.

Дорогие товарищи!

В последнее время, в связи с обысками и арестами среди прол[етарских] писателей, полиция задерживает все направляемые к нам письма, и, надо полагать, и отправляемые нами к Вам. Ввиду того посылаем Вам этим путем фактомонтаж т. Сказынского [4] (для «Кризиса») и биографии наших писателей с исключением нескольких, которых местопребывание нам неизвестно. Снимки мы не в состоянии послать, так как нет никакой возможности теперь достать их (находятся в полиции).

Мы отправили к Вам уже все материалы. Может пошлем еще один рассказ Козланюка («Похороны») [5].

Не забывайте, дорогие товарищи!

С прол. приветом Я. Галан

Л. 90.— Автограф.

№ 5

30 марта 1932 г.

Дорогие товарищи!

Пока что ни последних номеров «Литгазеты», ни «Л[итературы] м[ировой] р[еволюции]» мы не получили. Согласно Вашему желанию, будем Вам впредь посылать по два экземпляра нашего журнала. Кстати, мы делали это и до сих пор. В начале марта мы послали Вам пьесу Я. Галана «Осередок», а на днях — предисловие к сборнику, так что с материалом дело кончено, кажется. Просим написать, получили ли Вы эти две последние посылки. В предисловии, в месте, где говорится о Рудницком [6], просим вычеркнуть слово «хороблива» [1] как лишнее. После возможного использования пьесы Галана будьте добры, послать ее по адресу: «Червона Лубенщина» Лубни, УСРР, для т. Пасанто.

Когда сборник сможет появиться?

Вознаграждения за печатанные произведения просим препровождать в Госбанк на конто журнала «Вікна». Кроме того, Вам придется установить такое конто. Все это, конечно, в том случае, если не удастся Вам выслать деньги непосредственно по нашему адресу.

Ну, будьте здоровы!

С прол. приветом Я. Галан

Л. 86.— Автограф.

№ 6

3 мая 1932 г.

Дорогие товарищи!

Нас удивляет, что Вы продолжительное время молчите и не отвечаете на наши письма. В последнем письме мы просили Вас сообщить нам, получили ли Вы пьесу Галана и его же предисловие к сборнику, но, к сожалению, ответа не последовало. Как вообще обстоит дело со сборником и когда он сможет появиться? Было бы хорошо, если бы Вы переписывались с нами, как это было прежнее время, т. е. осенью и зимой. Пьесу Галана «Осередок» просим после возможного использования направить срочно по адресу: УССР, Харків, вул. Лібкнехта, 134, кв. 192.

---

[1] Хороблива — болезненна (укр.).

«Литературную газету», правда, редко, но получаем. «Л[итературу] м[ировой] р[еволюции]» не получили ни одного номера за [19] 31 год. Скверно то, что «Л[итература] м[ировой] р[еволюции]» не обращает на нас ровно никакого внимания. Случилось даже такое, что там напечатали рассказ члена нашей группы Козланюка, как перевод с польского языка. Это, кажется, недопустимо. Будьте добры заинтересовать их немного нашей группой. Не забывайте про нас и Вы.

С прол. приветом Я. Галан

P. S. Получили первую и вторую книгу «Октября».

Л. 85.— Автограф.

№ 7

13 мая 1932 г.

Дорогие товарищи!

«Литгазету» от времени до времени получаем. «Л[итературу] м[ировой] р[еволюции]» еще не получили.

Что касается нашего сборника, мы вынуждены подчеркнуть, что за его редакцию в основном мы ответственны. Ввиду того просим Вас не печатать в нем никаких материалов *без нашего согласия*. Составляя наш сборник, мы принимали во внимание исключительно писателей нашей группы, как тех, которые работают на литфронте непосредственно в обстоятельствах капиталистической действительности. Если же Вы считаете необходимым включить в сборник произведения группы харьковской «Западной Украины», которая растет в обстоятельствах социалистического строительства, обращаем Ваше внимание на то, что благодаря этому наш сборник не должен ни в коем случае потерять характер творчества нашей западноукраинской группы.

Во избежание недоразумений просим постоянно информировать нас о ходе наших дел и сообщить нам, по каким причинам произошли неожиданные для нас перемены, а равным образом — почему придется Вам использовать лишь незначительную часть отправленных нами материалов.

В ожидании Вашего скорого ответа шлем пролетарский привет.

Я. Галан

P. S. Получили ли Вы уже 4 и 5 №№ «Вікон»?

Л. 84.— Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Львов напередодни» («Львов накануне») — очерк Я. Галана («Вікна» № 6, 1931) показывает тяжелое положение безработных в Западной Украине, разоблачает политический строй Польши времен Пилсудского. Этот номер «Вікон» был полностью конфискован и уничтожен полицией.— 206.

2) «Литература мировой революции» (1931—1932 гг.) — журнал, орган Международного объединения революционных писателей. Издавался в Москве. В 1933—1943 гг. выходил под названием «Интернациональная литература».— 206.

3) Речь идет о пьесе Я. Галана «Осередок» («Ячейка»), посвященной политической борьбе рабочих Западной Украины. Первый номер «Вікон» за 1932 г., в котором был опубликован отрывок из пьесы, был конфискован по решению Львовского окружного суда 4 февраля 1932 г.— 206.

4) Сказынский Роман — прогрессивный западноукраинский публицист, редактор рабочей газеты «Сила» (Львов).— 207.

5) Рассказ П. С. Козланюка «Похороны» (1930 г.) посвящен жизни гуцулов.— 207.

6) Рудницкий М.— критик буржуазно-националистического направления, впоследствии — профессор Львовского университета.— 207.

МАТЕРИАЛЫ ЦГИАЛ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

История рабочего движения в России накануне реформы 1861 г. далеко не исчерпана советскими исследователями. Одним из основных источников по изучению массовой борьбы рабочих кануна реформы являются фонды ЦГИАЛ. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что из 329 выступлений рабочих за 1850-е гг. 248 (или 75%) выявлены на основании документов этого архива[1].

Из фондов ЦГИАЛ наибольшим числом документов, освещающих положение и борьбу рабочих предреформенного десятилетия, располагает фонд Горного департамента (ф. 37, оп. 5, 28, 41 и 60), где сосредоточено примерно 65% всех выявленных документов по данному периоду. В них мы находим сведения о 108 случаях выступлений горнорабочих. Документы также показывают, что наибольшего развития движение горнорабочих (62% выступлений) достигло в 1857—1860 гг.

Материалы отражают борьбу различных категорий горнозаводских крепостных рабочих: посессионных, вотчинных, казенных и кабальных. Особенно яркое представление они дают о движении посессионных рабочих. Из 108 выступлений горнозаводских рабочих им принадлежит 69 (или 64%). Причем, наибольший размах в предреформенные годы приняла борьба посессионных рабочих Урала. Это видно из дел о крупных волнениях на ряде чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных посессионных заводов: Шурминском Мосолова в 1850—1852 гг., Кагинском Демидова в 1853 г., Уинских Яковлева в 1856—1857 гг., Авзянопетровских Губина и Мешинском Коровина в 1857 г., Юговском Кнауфа в 1857—1858 гг., Шильвинском Подъячева, Тисовском т-ва Суксунских заводов и Быньговском Яковлева в 1859 г. (оп. 5, дд. 384, 426, 590, 1196, 1279, 1294, 1310, 1320, 1375, 1397).

Менее полными являются материалы этого фонда о борьбе посессионных рабочих Замосковного горного округа, так как основная масса документов о положении и борьбе рабочих этого района сосредоточена в фонде Московского горного правления (ф. 36), переданного в ГИАМО.

В материалах Горного департамента выявлены сведения о 25 выступлениях вотчинных рабочих на уральских горных заводах (оп. 5, дд. 584, 594, 620, 1381 и др.), а также о движении казенных горнозаводских рабочих, но они ограничиваются лишь сообщениями о семи выступлениях казенных рабочих на Сысертских посессионных заводах наследников Турчанинова и Соломирского в Пермской губ. в 1851—1852, 1854—1855 и 1858 гг. (оп. 5, дд. 426, 588, 1191; оп. 41, д. 37; оп. 60, д. 735). Эти материалы в сочетании с опубликованными документами Государственного архива Свердловской области (ГАСО)[2] дают довольно полное представление о положении и борьбе мастеровых и непременных работников Сысертских заводов в последнем предреформенном десятилетии.

Документы Горного департамента содержат некоторые сведения и о борьбе кабальных рабочих, в частности, о волнениях в 1852 г. рабочих Иштеряковского завода, переданных на кабальных условиях для работы на золотых приисках купца Баканина в Оренбургской губ. (оп. 41, д. 27).

Здесь же имеются отдельные данные и о борьбе вольнонаемных рабочих — башкир на золотых приисках Устинова и Баженовой в Оренбургской губ. (оп. 41, 38).

Второе место по количеству документальных материалов о борьбе рабочих в

---

[1] Всего на основании просмотра фондов ЦГИАЛ о положении и борьбе рабочих в 50-х гг. XIX в. выявлено более 450 новых документов с добавлением к ним опубликованных документов (см. «Рабочее движение в России в XIX в.». Сб. документов и материалов. Под ред. акад. А. М. Панкратовой, т. I, ч. 2, М., 1955, стр. 389—630); количество документов ЦГИАЛ по данной теме достигает более 500. В публикуемой ниже хронике рабочего движения 1850—1860 гг. отмечаются лишь те выступления рабочих, сведения о которых были обнаружены в фондах ЦГИАЛ; остальные 81 выступление рабочих, которые не нашли отражения в данной хронике, выявлены нами в материалах указанного сборника и ряде исследований советских историков.

[2] См. «Рабочее движение в России в XIX в.», т. I, ч. 2, стр. 435—440.

50-х гг. XIX в. занимает фонд Департамента полиции исполнительной (ф. 1286), из которого мы узнаем о 55 выступлениях рабочих, имевших место преимущественно (94%) в 1858—1860 гг. Материалы фонда содержат также сведения об участии в движении разных категорий рабочих (как вольнонаемных, так и крепостных). Но преобладающими являются данные о выступлениях крепостных рабочих (70%). Наиболее полно представлены сведения о борьбе крепостных на вотчинных предприятиях (выступления вотчинных рабочих, заводских и фабричных крестьян).

Движение вотчинных рабочих освещается документами о волнениях на заводах: Кусье-Александровском в 1858 г., Никитинском в Пермской губ. в 1859 г. и Юрезань-Ивановском в Оренбургской губ. в 1859 г. (оп. 19, дд. 548, 906, 919; оп. 20, д. 324).

Кроме того, в фонде Департамента полиции исполнительной имеются сведения о волнении вотчинных рабочих на писчебумажной фабрике Мельгунова в селе Никольском Московской губ. (оп. 19, д. 498). Эти материалы освещают борьбу заводских и фабричных крестьян, особенно массовые выступления в 1858—1860 гг. заводских крестьян на Урале, на заводах и в горнозаводских имениях Голицыных, Всеволожских, Бутеро-Родали и Строгановых (оп. 19, дд. 488, 498, 548; оп. 20, д. 324; оп. 21, дд. 700, 869).

В фонде имеются материалы о волнениях фабричных крестьян на суконной фабрике Дурасова в Оренбургской губ. (оп. 19, д. 548), на механической прядильной мануфактуре Рахмановых в Харьковской губ. (оп. 21, дд. 636, 869), в имениях Стрелковой в Оренбургской губ. и Гербут-Гейбович в Смоленской губ. (оп. 19, дд. 488, 498, 548; оп. 20, д. 324).

Документы освещают борьбу посессионных рабочих горных заводов (оп. 19, д. 511) и предприятий обрабатывающей промышленности (оп. 19, дд. 548, 630, 741), а также вольнонаемных рабочих (оп. 18 д. 403; оп. 19, дд. 561, 562, 630; оп. 20, дд. 324, 991; оп. 21, дд. 869, 1100).

Одним из источников по изучению движения вольнонаемных рабочих предреформенного десятилетия является фонд Департамента железных дорог (ф. 219). В нем сосредоточено значительное число документов о массовых побегах и волнениях рабочих на строительстве железных дорог: Петербурго-Московской (1850—1851 гг.), Петербурго-Варшавской (1852 и 1858 гг.) и Московско-Нижегородской (1860 г.) (оп. 1, дд. 127, 128, 136, 164, 247, 253, 283). Здесь же исследователь найдет материалы о движении казенных рабочих, в частности на Александровском казенном механическом заводе в Петербурге в 1851—1860 гг. (оп. 1, д. 6518).

Ценные документы о движении рабочих на строительстве железных дорог, в частности о волнениях на строительстве Волжско-Донской и Петербурго-Московской железных дорог содержат также фонды Комитета министров (ф. 1263) и Особенной канцелярии главноуправляющего Министерства путей сообщения (ф. 207).

В отличие от других материалов документы Департамента мануфактур и внутренней торговли (ф. 18) освещают борьбу лишь посессионных рабочих обрабатывающей промышленности. Дополнительные сведения о борьбе этой категории рабочих в 50-х гг. мы находим в фонде Государственного совета (дела по Департаменту экономии, ф. 1152).

В фонде Министерства юстиции (ф. 1405) имеются некоторые материалы о волнениях вотчинных рабочих на Купавинской суконной фабрике Болговской в Смоленской губ. и выступления посессионных рабочих на суконной и каразейной фабрике Казнова в Рязанской губ. (оп. 55, дд. 3049, 3571).

Подавляющее большинство документов о положении и борьбе рабочих в 50-х гг. XIX в., выявленных в ЦГИАЛ, вышло из-под пера представителей господствующего класса и поэтому требует строгого критического анализа. Авторами донесений, рапортов, записок, отчетов и прошений были официальные должностные лица. Имеется также большое число документов (решения, выписки из журналов, представления) различных учреждений: уездных, губернских, отдельных ведомств и министерств и высших правительственных органов: Комитета министров и Сената.

Из документов, представленных отдельными должностными лицами, наиболее многочисленными являются донесения и отношения. Менее полно в фондах ЦГИАЛ представлены донесения с мест происшествия, исходящие обычно от представителей администрации предприятий и местных властей (земских и горных исправников, становых приставов и т. п.). Адресованные губернским или горным властям, эти документы, очевидно, и отложились в соответственных учреждениях (губернских или горных). В ЦГИАЛ же сохранились лишь те донесения с мест, которые были направлены непосредственно в Петербург (ф. 219, оп. 1, дд. 136, 164, 253 и др.).

Авторами некоторых донесений с мест были чиновники, посланные для проведения следствий. Таковы, например, донесения чиновника особых поручений Арсеньева министру внутренних дел с подробными данными о положении рабочих на строительстве Волжско-Донской ж. д., чиновника особых поручений Пражимовского министру государственных имуществ о результатах проведенного им следствия о причинах ухода со строительства этой же дороги государственных крестьян Тамбовской губ., начальника Штаба корпуса путей сообщения Кривошипина главноуправляющему путей сообщения и публичными зданиями о результатах обследования положения рабочих на строительстве Петербурго-Варшавской ж. д. (ф. 219, оп. 1, д. 164; ф. 1286, оп. 21, д. 1100 и др.).

Более полно в фондах ЦГИАЛ представлены донесения и отношения губернаторов и генерал-губернаторов. За 1850-е гг. известны более 60 донесений губернаторов, содержащих сведения о положении и борьбе рабочих 13 губерний: Оренбургской, Пермской, Петербургской, Пензенской, Рязанской, Смоленской, Витебской, Владимирской, Харьковской, Саратовской, Московской, Воронежской и Калужской. Подавляющее большинство этих донесений относится к 1859—1860 гг., когда выступления рабочих достигли особенно широкого размаха. Эти донесения содержат не только новый фактический материал о многочисленных выступлениях рабочих, но и подробные данные о резком ухудшении их положения.

Отношения генерал-губернаторов на имя высших властей характерны, между прочим, рядом конструктивных предложений, принятие которых обеспечило бы, по их мнению, спокойствие в вверенном им крае (например, предложения оренбургского и самарского генерал-губернатора Катенина о подчинении горнозаводской полиции гражданской власти, об обуздании произвола особенно зарвавшихся заводчиков путем взятия в опеку их заводов; ходатайство новороссийского и бессарабского генерал-губернатора гр. Строганова о назначении штаб-офицера корпуса жандармов с командой в 50 казаков на строительство Московско-Феодосийской ж. д. и т. п.).

Автором самого большого числа донесений (преимущественно на имя министра финансов) является главный начальник горных заводов Уральского хребта [3]. Наряду с сообщениями о массовых выступлениях рабочих Урала в этих донесениях сконцентрирован большой фактический материал о производительности горных заводов, составе и численности рабочего класса, его экономическом и правовом положении. По сравнению с донесениями губернских властей, представления главного начальника уральских заводов являются более тенденциозными. Вопреки действительности, здесь нередко рисуется картина довольства и благополучия на заводах, обвиняются гражданские власти в «предубежденности» против горного начальства и «преувеличении» бедствий рабочих.

Следующей большой группой документов являются рапорты. Многие из них, авторами которых были местные или губернские представители власти, по своему характеру близки к донесениям. В рапортах сообщается вышестоящим органам о возникших на местах волнениях и мерах, принятых для их подавления.

Несколько иной характер носят рапорты чиновников, направленных для проведения следствий. Здесь исследователь найдет большой материал не только о непосредственных причинах и ходе волнений, но и состоянии предприятий, экономическом и правовом положении рабочих. Довольно объективно изображается бедственное поло-

[3] В фондах ЦГИАЛ за 1850-е гг. выявлено 73 таких донесения, большинство их относится к 1859—1860 гг.

жение рабочих. В этом отношении наибольший интерес представляют рапорты майора Миллера и подполковника Дучинского (на Канонikольском медеплавильном заводе Загряжского; ф. 37, оп. 5, д. 594), полковника Соколовского (на Шильвинском медеплавильном заводе Подьячева; ф. 37, оп. 5, д. 590), чиновника особых поручений Арсеньева (на строительстве Волжско-Донской ж. д.; ф. 1286, оп. 21, д. 1100), адъютанта Бутурлина на строительстве Петербурго-Варшавской ж. д.; ф. 219, оп. 1, д. 164), инженера-подполковника Панаева (на строительстве Московско-Нижегородской ж. д.; ф. 219, оп. 1, д. 283).

К рапортам следственных чиновников по своему содержанию близко примыкают рапорты других должностных лиц: оренбургского губернатора Барановского (о волнениях и положении рабочих на горных заводах Оренбургской губ.; ф. 37, оп. 5, д. 590), управляющего Департаментом железных дорог Аверкиева и начальника Штаба корпуса путей сообщения Мясоедова (о расследовании причин волнений рабочих на строительстве Петербурго-Московской ж. д.; ф. 219, оп. 1, д. 128) и т. п.

Группой документов, близких по содержанию к рапортам, являются разного рода записки, авторами которых были представители местной и губернской власти, а также присылаемые для расследования чиновники. Целая серия записок появилась в результате проведения тайных дознаний, следствий и обследований. Таковы, например, записки уфимского земского исправника и жандармского подполковника Реунова с результатами тайного дознания о положении рабочих Юрезанских заводов Сухозанет (ф. 37, оп. 5, д. 584), жандармского подполковника Джолио (с результатами следствия) о волнениях рабочих на строительстве Московско-Нижегородской ж. д. (ф. 219, оп. 1, д. 283), начальника Штаба корпуса путей сообщения Мясоедова о причинах массовых волнений рабочих на строительстве Петербурго-Московской ж. д. (ф. 219, оп. 1, д. 128) и т. д. Имеются интересные записки по следственным делам. Например, записки чиновников — следователей Уральского горного правления, составленные в связи с жалобами и волнениями рабочих Юговского завода (ф. 37, оп. 5, д. 1320) и по жалобе мастеровых Гумешевского рудника Сысертских заводов: наследников Турчанинова и Соломирского (ф. 37, оп. 5, д. 588). Перечисленные записки содержат богатейший фактический материал о положении всех категорий рабочих России предреформенного периода. Авторами некоторых записок были и представители губернских властей. Они в основном посвящены вопросам о мерах борьбы с разраставшимися волнениями рабочих.

Небольшой, но весьма интересной группой документов являются отчеты обследований заводов горных инженеров Шумана (Каноникольский завод), Дорошина и Тимофеева (рудники Оренбургского края) и т. п. Многочисленные волнения рабочих на горных заводах Оренбургской губернии явились причиной обследования их в 1860 г. главным начальником уральских горных заводов Фелькнером, отчет которого содержит интересные данные о производительности заводов, численности и составе рабочих, их положении (ф. 37, оп. 5, д. 625). Фелькнер сообщает также о принятых им мерах для немедленного успокоения рабочих. Признавая, что заработная плата на многих заводах не дает возможности выкупить даже половинной нормы провианта, Фелькнер заканчивает свой отчет неожиданным выводом о том, что население оренбургских заводов не находится в таком бедственном положении, в каком изображает его гражданское начальство.

Весьма своеобразным источником для изучения положения и борьбы рабочих является эпистолярный материал. Авторами ряда писем были: министр финансов, главный начальник уральских горных заводов и другие официальные должностные лица, а также владельцы и представители администрации предприятий. Письма эти в основном адресовались владельцам горных заводов Урала и содержали указания о немедленном улучшении положения рабочих (ф. 37, оп. 5, дд. 584, 590 620). Ответные письма заводовладельцев являются формальными отписками о выполнении указаний начальства. Многие письма (например, владельца Юрезанских заводов Сухозанета, опекуна Симских заводов Самарского-Быховца и др.) приводят подробные описания «благодеяний», оказываемых рабочим. В ряде писем владельцы жалуются на «не

законные» действия горных чиновников, просят не отдавать заводы в опеку. В письмах заводовладельцев и представителей администрации предприятий отражена и их тревога в связи с волнениями рабочих. Весьма характерны письма владельца Юрезанского завода Сухозанета и главного приказчика этого же завода Абаимова (ф. 37, оп. 5, дд. 584, 590). Письма заводовладельцев и представителей администрации наиболее тенденциозны.

Наряду с документами отдельных лиц, в фондах ЦГИАЛ имеется значительное количество документов различных учреждений: заводских контор (Юрезанского, Каноникольского, Архангельского, Сергинско-Уфалейских и Сысертских заводов; ф. 37, оп. 5. дд. 584, 594, 588, 620, 635), уездных и губернских учреждений. Это — решения уездных судов и губернских уголовных палат об активных участниках движения, список с постановлениями Пермской губернской комиссии народного продовольствия о выдаче ссуд на приобретение провианта для рабочих тех заводов, владельцы которых не высылали для этого денег, извлечения из дел губернских правлений, в частности, сведения Оренбургского губернского правления о количестве рабочих, сосланных в конце 50-х гг. в Сибирь с Преображенского завода Пашковых (ф. 37, оп. 5, д. 607) и т. п.

К документам учреждений губернского масштаба могут быть отнесены и различные постановления Уральского горного правления, содержащие результаты проведенных следствий в связи с волнениями рабочих.

Наиболее обширными являются материалы отдельных министерств и ведомств: справки и заключения Горного департамента, Департамента железных дорог, журналы Совета Корпуса горных инженеров, выписки из ведомостей о происшествиях по Департаменту полиции исполнительной, доклады, заключения и предписания министров: финансов, внутренних дел, главноуправляющего путей сообщений и публичными зданиями и т. п.

Документы министерств и ведомств являются вторичным источником, основанным на донесениях с мест. Они интересны содержащимися в них сведениями о мерах по подавлению выступлений рабочих.

В материалах правительственных учреждений значительное место занимает междуведомственная переписка, которая является образцом бюрократического стиля, свойственного всем царским учреждениям. Переписка об удовлетворении признанных требований рабочих длилась нередко годами и практических результатов не приносила.

О рабочих выступлениях в 50-х гг. XIX в. имеются данные и в документах высших правительственных органов. Это — решения Комитета министров и указы Сената по отдельным жалобам и волнениям рабочих. Документы эти весьма интересны для характеристики политики правительства по борьбе с волнениями рабочих: одновременно с решениями о жестоких репрессиях против главарей движения, в них содержались указания о привлечении к ответственности некоторых предпринимателей и представителей местных властей, виновных в жестоком угнетении рабочих, предписания об ограничении эксплуатации женского и детского труда и т. п.

В фондах ЦГИАЛ сохранилась сравнительно небольшая, но весьма ценная группа документов, авторами которых были рабочие. Это жалобы и прошения, поданные поверенными рабочих губернским, горным, но преимущественно высшим властям. Из 47 коллективных жалоб и прошений рабочих около половины было подано горнозаводскими рабочими. Из них 70% прошений исходило от рабочих горнозаводского Урала (Шурминского, Тагильского, Иштеряковского, Омутнинского, Уинского, Мешинского, Юговского, Сереговского, Авзянопетровских и Сысертских заводов; ф. 37, оп. 5, дд. 470, 1196, 1191, 1195, 1201, 1268, 1279, 1294, 1297, 1310, 1369, 1383, 1401, 1403; оп. 28, д. 248). По Замосковному горному району имеются прошения рабочих Кирицкого завода Генике и Виндреевского завода Очкиной (ф. 37, оп. 5, дд. 495, 1335). Остальные прошения, сохранившиеся в ЦГИАЛ, исходили от рабочих обрабатывающей промышленности (Фряновской шелковой мануфактуры, Придачинской фабрики Вигеля, бумагопрядильной фабрики Щекиной, суконной фабрики Кознова и парусно-

полотняной фабрики Бенардаки; ф. 18, оп. 2, дд. 1190—1192, 1670, 1671, 1678, 1748). Характерно, что преобладающее число известных нам прошений (91%) было подано посессионными рабочими.

Помимо коллективных прошений в фондах ЦГИАЛ сохранилось некоторое число индивидуальных прошений и жалоб рабочих. В основном они исходили от подвергшихся репрессиям главарей движения или от их жен с просьбами о смягчении участи пострадавших.

Жалобы и прошения рабочих (как коллективные, так и индивидуальные) являются исключительно ценным источником; они дают полное и правдивое представление о всех сторонах жизни рабочих. Здесь мы находим интересные данные об упадке производства и усилении крепостнической эксплуатации рабочих накануне реформы.

На основании данных, выявленных из документов ЦГИАЛ, нами составлена хроника рабочего движения в России с 1850 по 1860 г. В ней приведены сведения о 248 выступлениях рабочих (87 волнениях, 26 массовых побегах с работы, двух стачках и 133 коллективных жалобах и прошениях) [4].

Таким образом, в прилагаемой нами хронике представлены дополнительные сведения о 179 выступлениях рабочих.

Р. Е. Рутман

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

(1850—1860 гг.)

1850 г. январь.— *Шурминский чугуноплав. и железоделат. з-д Мосолова в Вятск. губ.*— Волнение 230 рабочих в связи с увеличением «уроков», уменьшением заработной платы и притеснениями заводского начальства (ф. 37, оп. 5, д. 384. лл. 1—3, 5, 10).

1850 г. июня 14.— *Строит. Петербурго-Моск. ж. д.*— Волнение 200 рабочих — госуд. крестьян Калужской губ. в связи с тяжелыми условиями труда и несогласием с условиями контракта; уход с работы для подачи жалобы московскому губернатору (ф. 219, оп. 1, д. 128, лл. 12—13, 30—38, 53—55, 60—61, 90, 163—182, 184—186, 201—209, 222).

1850 г. июля 5.— *Там же (Валдайский у.)* — Волнение и побег с работы 80 рабочих — госуд. крестьян Витебской губ. в связи с невыплатой заработанных денег и несогласием с условиями контракта (ф. 219, оп. 1, д. 128, л. 65).

1850 г. сентября 5.— *Строит. Петербурго-Моск. ж. д.*— Побег 71 рабочего — госуд. крестьян Витебской губ. в связи с тяжелыми условиями труда (ф. 219, оп. 1, д. 128, лл. 60—63).

1850 г. ноября 1.— *Там же.*— Волнение рабочих — госуд. крестьян Калужской и Могилевской губерний (401 чел.); уход с работы для подачи жалобы московскому ген.-губ. в связи с неправильным расчетом с ними (ф. 219, оп. 1, д. 128, лл. 184—186).

1850 г.— *Полотняная мануф. Гончарова в Калужск. губ.*— Массовые побеги рабочих (причина не указана) (ф. 18, оп. 2, д. 1437, л. 5).

1850 г.— *Дудинская шелкомотальная ма- нуф. Покровского в Тульск. губ.*— Волне- ние 163 рабочих в связи с незаконны- закрепощением (ф. 1152, оп. 4, д. 88, лл. 1—2).

1850 г.— *Фряновская шелковая мануф- в Моск. губ.*— Подача жалобы рабочим- от имени 728 чел. в Министерство финан- сов об освобождении от посесс. зависимо- сти престарелых и увечных и оставлени- основных кормильцев семей, закрепленны- ми за мануфактурой (ф. 18, оп. 2, д. 1190 лл. 4—18 об.).

1851 г. апрель.— *Сысертские чугунопла- вильные и железоделательные з-ды насл- Турчанинова в Пермск. губ.*— Подача про- шения 145 «непременными работниками- главн. начальнику уральских горн. заво- дов в связи с принуждением к работам н- золотых приисках уволенных в отставк- (ф. 37, оп. 5, д. 1191, лл. 1—2).

1851 г. мая 14—19.— *Еремшинский Мердушинский чугуноплавильные и желе- зоделательные в-ды насл. Батошевых Тамб. губ.*— Волнение рабочих в связи заменой денежной платы натуральной; од- новременно подача жалобы тамбовском- губернатору (ф. 37, оп. 5, д. 426, лл. 3—4 12—13, 22—24).

1851 г. мая 23.— *Строит. Петербург- Моск. ж. д. (Северная дирекция).*— Побе- с работы 387 рабочих в связи с невыдаче- заработной платы (ф. 219, оп. 1, д. 136, л 10 об.).

1851 г. июля 25.— *Строит. Петербург- Моск. ж. д.*— Побег с работы 55 рабочи-

[4] Из них только 69 упомянуты в «Хронике рабочего движения в России (1826—1860 гг.)» в кн.: «Рабочее движение в России в XIX в.», т. I, ч. 2, стр. 642—649.

по той же причине (ф. 219, оп. 1, д. 128, л. 90).

1851 г. июня 16.— *Фряновская шелковая мануф. в Моск. губ.*— Подача прошения министру финансов от имени 728 рабочих в связи с неудовлетворительными условиями освобождения от посесс. зависимости (ф. 18, оп. 2, д. 1191, лл. 44—45).

1851 г. июля 25.— *Строит. Петербурго-Моск. ж. д.*— Волнение и побеги с работы до 400 рабочих в связи с невыплатой заработанных денег (ф. 219, оп. 1, д. 128, лл. 12, 13, 30—38, 163—182, 184—186, 201—208).

1851 г. июль.— *Сысертские чугуноплавильные и железоделательные з-ды насл. Турчанинова в Пермск. губ.*— Подача прошения 145 «непременными работниками» министру финансов в связи с принуждением к работам сверх срока на золотых приисках (ф. 37, оп. 5, д. 1191, лл. 1—2).

1851 г. август.— *Фряновская шелковая мануф. в Моск. губ.*— Подача прошения царю от имени 728 рабочих в связи с неудовлетворительными условиями освобождения от посесс. зависимости (ф. 18, оп. 2, д. 1191, лл. 70—71).

1851 г. сентября 6.— *Александровский казенный механич. з-д в Петербурге.*— Подача прошения от имени 457 мастеровых начальнику Штаба корпуса путей сообщения с жалобой на низкую заработную плату (ф. 219, оп. 1, д. 6518, лл. 19—20).

1851 г. сентябрь.— *Шурминский чугуноплав. и железоделат. з-д Мосолова в Вятск. губ.*— Подача прошения от имени 254 мастеровых царю с жалобой на тяжелые условия труда, понижение заработной платы и притеснения заводского начальства (ф. 37, оп. 5, д. 1196, лл. 2—11).

1851 г. ноября 25.— *Иштеряковский медеплав. з-д Берг в Оренб. губ.*— Подача прошения оренбургскому и самарскому ген.-губ. от имени 426 рабочих о невыдаче заработной платы и провианта и незаконном переводе их из посессионных в помещичьи (ф. 37, оп. 5, д. 1201, л. 10).

1851 г. декабрь.— *Там же.*— Подача прошения от имени 426 рабочих царю с жалобами на незаконное перечисление из посессионных в помещичьи и с просьбой передать их в казну в связи с закрытием завода (ф. 37, оп. 5, д. 1201, лл. 1, 10).

1851 г. декабря 11.— *Фряновская шелковая мануф. в Моск. губ.*— Подача прошения от имени 728 рабочих министру финансов в связи с неудовлетворительными условиями освобождения от посесс. зависимости (ф. 18, оп. 2, д. 1191, лл. 73—74).

1851 г.— *Строит. Петербурго-Моск. ж. д. (Южная дирекция).*— Волнение рабочих и уход с работы для подачи прошения московскому ген.-губернатору в связи с тяжелыми условиями труда (ф. 219, оп. 1, д. 127, л. 16 об.).

1851—1852 гг.— *Широгорская писчебумажная мануф. Кафтыревой и Ивановой в Волог. губ.*— Волнение 388 рабочих в связи с незаконным закрепощением и неудовлетворительными условиями освобождения от посесс. зависимости (ф. 18, оп. 2, д. 1441, лл. 22, 57, 59, 60).

1852 г. января 7.— *Сысертские чугуноплавильные и железоделательные з-ды насл. Турчанинова в Пермск. губ.*— Подача прошения 145 «непременными работниками» министру финансов с жалобой на принуждение работать сверх срока на золотых приисках (ф. 37, оп. 5, д. 1191, лл. 4, 20).

1852 г. января 30.— *Нижнетагильские чугуноплавильные и железоделательные з-ды Демидова в Пермск. губ.*— Подача прошения рабочими начальнику Штаба корпуса жандармов в связи с принуждением к работе в праздничные дни, увеличением уроков работы, жестоким обращением и незаконным закрепощением (ф. 37, оп. 5, д. 1195, лл. 39—55).

1852 г. марта 5.— *Александровский казенный механич. з-д в Петербурге.*— Подача прошения от имени 457 мастеровых начальнику Штаба корпуса путей сообщения с жалобой на неполную выплату заработной платы (ф. 219, оп. 1, д. 6518, лл. 19—20).

1852 г. март—май.— *Фряновская шелковая мануф. в Моск. губ.*— Подача двух прошений от имени 728 рабочих министру финансов в связи с неудовлетворительными условиями освобождения от посесс. зависимости (ф. 18, оп. 2, д. 1191, лл. 131, 132, 136—137, 145; д. 1192, лл. 61—63).

1852 г. мая 10.— *Золотые прииски купца Баканина в Оренб. губ.*— Волнение рабочих; побег 16 чел. для подачи жалобы оренбургскому губернатору на тяжелые условия труда и жестокое обращение администрации (ф. 37, оп. 41, д. 27, лл. 1—6).

1852 г. июня 12—13.— *Шурминский чугуноплав. и железоделат. з-д Мосолова в Вятской губ.*— Волнение 75 рабочих, вызванное неудовлетворенностью ответом на прошение, поданное рабочими на имя царя в 1851 г. (ф. 37, оп. 5, д. 384, лл. 11—13).

1852 г. июнь.— *Фряновская шелковая мануф. в Моск. губ.*— Подача прошения от имени 728 рабочих министру внутр. дел о возвращении денег, вычтенных бывшим владельцем Ефимовым (ф. 18, оп. 2, д. 1192, л. 63 об.).

1852 г. июля 10—11.— *Строит. Петербурго-Варшавской ж. д. (Гродненск. губ.).*— Побег с работы 115 рабочих в связи с эпидемией холеры (ф. 219, оп. 1, д. 164, л. 26).

1852 г. июля 14, 19.— *Золотые прииски купца Баканина в Оренб. губ.*— Волнение рабочих; отказ 80 чел. от работы из-за плохой пищи и массовой заболеваемости (ф. 37, оп. 41, д. 27, лл. 22—24).

1852 г. июль (конец).— *Строит. Петербурго-Варшавской ж. д. (Гродненск. губ.).*— Побег с работы 150 рабочих в связи с эпидемией холеры (ф. 219, оп. 1, д. 164, лл. 21, 25).

1852 г. ноябрь.— *Кирицкий чугуноплав. з-д и зеркальная фабр. Генике в Ряз. губ.*— Волнение 450 мастеровых, вызванное боль-

шими вычетами из заработной платы (ф. 37, оп. 5, д. 426, лл. 106—129; д. 495, лл. 27, 29, 34, 35; оп. 60, д. 659, лл. 25 об.— 30 об., 32—33, 53—56).

1852 г. ноябрь.— *Фряновская шелковая мануф. в Моск. губ.*— Подача прошения от имени 728 чел. министру финансов в связи с неудовлетворительными условиями освобождения (ф. 18, оп. 2, д. 1191, лл. 192—192 об.).

1852 г. декабрь.— *Михневская суконная мануф. Соколова в Моск. губ.*— Подача прошения от имени 144 рабочих министру финансов в связи с неудовлетворительными условиями освобождения от посесс. зависимости (ф. 1152, оп. 4, 1855 г., д. 76, лл. 6 об.— 7).

1852 г.— *Купавинская шелковая мануф. в Моск. губ.*— Волнение 944 рабочих по тем же причинам (ф. 18, оп. 2, д. 1192, лл. 16—17; ф. 1152, оп. 4, 1850 г., д. 63, л. 6; 1852 г., д. 16, лл. 6, 9).

1853 г. февраль. — *Кагинские железоделательные з-ды насл. Демидова в Оренб. губ.*— Подача двух жалоб заводскому исправнику на низкую заработную плату (ф. 37, оп. 5, д. 426, лл. 80—82).

1853 г. март — апрель.— *Там же.*— Волнение рабочих по тем же причинам (там же).

1853 г. апрель.— *Омутнинский железоделат. з-д Пастухова в Вятск. губ.*— Подача двух прошений 17 рабочими шефу жандармов с жалобой на низкую заработную плату, недостаточный отпуск провианта, увеличение «уроков» и жестокое обращение заводской администрации (ф. 37, оп. 5, д. 470, лл. 2—3, 8 об.).

1853 г. апрель.— *Кирицкий чугуноплав. з-д и зеркальная фабр. Генике в Ряз. губ.*— Подача прошения от имени 322 мастеровых царю с жалобой на большие вычеты из заработной платы (ф. 37, оп. 5, д. 495, л. 83 об.).

1853 г. май.— *Там же.*— Волнение более 300 мастеровых в связи с большими вычетами из заработной платы, отказ дать подписку о слушании указа Моск. горн. правления (ф. 37, оп. 5, д. 426, лл. 100—109).

1853 г. май.— *Шильвинский медеплав. з-д Подьячева в Оренб. губ.*— Подача жалобы рудничными рабочими земскому исправнику на низкую заработную плату и большие уроки (ф. 37, оп. 5, д. 426, л. 111).

1853 г. октябрь.— *Омутнинский железоделат. з-д Пастухова в Вятск. губ.*— Подача прошения министру госуд. имуществ с жалобой на низкую заработную плату и недостаточный отпуск провианта (ф. 37, оп. 5, д. 470, лл. 2—3).

1853 г.— *Михневская суконная мануф. Соколова в Моск. губ.*— Волнение 144 рабочих в связи с неудовлетворительными условиями освобождения от посесс. зависимости; одновременно подача прошения московскому ген.-губернатору (ф. 1152, оп. 4, 1855 г., д. 76, лл. 9, 11—12, 16—17).

1854 г. марта 13.— *Кирицкий чугуноплав. з-д и зеркальная фабр. Генике в Ряз. губ.*— Подача прошения 250 мастеро выми министру госуд. имуществ в связи с большими вычетами из заработной плат и жестоким обращением приказчика (ф. 37, оп. 5, д. 495, лл. 2—7, 29, 34, 35).

1854 г. июня 19—21.— *Там же.*— Побе 250 рабочих для поступления на военну службу с целью получения свободы (ф. 37 оп. 5, д. 426, лл. 127—129).

1854 г. июнь.— *Гусевский и Верхнеун женский чугуноплавильные и железодела тельные з-ды Владим. губ. и Сынтульский чугуноплав. з-д в Ряз. губ. насл. И. Ба ташева.*— Побег 19 рабочих с той же це лью (там же, л. 124).

1854 г. июнь.— *Сноведский (Нижег. губ.) и Железницкий (Владим. губ.) чугуно плавильные и железоделательные з-ды Ше пелевых.*— Побег 85 рабочих с той же целью (там же, л. 125—125 об.).

1854 г. июнь.— *Унженский чугуноплав и железоделат. з-д Манухина в Пенз. губ.*— Побег 35 рабочих с той же целью (там же л. 124).

1854 г. начало июля.— *Сивинский чугу ноплав. и железоделат. з-д Манухина в Пенз. губ.*— Побег 27 рабочих с той же целью (там же, л. 130).

1854 г. июль.— *Сысертские чугуноплавильные и железоделательные з-ды насл Турчанинова в Пермск. губ. (Щелкунский и Полевской участки).*— Волнение «непре менных работников» в связи с назначени ем на службу уволенных в отставку (там же, лл. 131—133).

1854 г. август.— *Сысертские чугуноплавильные и железоделательные з-ды насл Турчанинова в Пермск. губ.*— Волнение 444 мастеровых золотых приисков в связи с повышением нормы выработки (там же лл. 131—133 об.).

1854 г. октябрь.— *Александровский казенный механич. з-д в Петербурге.*— Подача прошения 53 мастеровыми главноуправляющему путей сообщения о неполучени ими жалования по окладу «полных работников» (ф. 219, оп. 1, д. 6518, лл. 20—21).

1854 г.— *Фряновская шелковоая мануф в Моск. губ.*— Подача прошения от имени 723 чел. в Сенат в связи с неудовлетвори тельными условиями освобождения (ф. 18 оп. 2, д. 1192, лл. 60, 61—65).

1854 г.— *Михневская суконная мануф Соколова в Моск. губ.*— Волнение 144 ра бочих в связи с неудовлетворительными условиями освобождения от посесс. зависимости, одновременно подача двух прошений министру финансов об отказе от переселения (ф. 1152, оп. 4, 1855 г., д. 76 лл. 17, 18, 20).

1855 г. июля 11.— *Александровский казенный механич. з-д в Петербурге.*— Подача прошения от имени 110 мастеровых главноуправляющему путей сообщения о неполучении жалования по окладу «полных работников» (ф. 219, оп. 1, д. 6518, лл. 20—21).

1855 г. август.— *Сысертские чугуноплавильные и железоделательные з-ды Турча

инова в Пермск. губ.— Волнение 600 мастеровых золотых приисков в связи с повышением нормы выработки (ф. 37, оп. 1, д. 37, лл. 1—3).

1855 г. ноябрь.— *Александровский казенный механич. з-д в Петербурге.*— Подача прошения 110 мастеровыми кузнечного и модельного цехов главноуправляющему путей сообщения об увеличении им заработной платы (ф. 219, оп. 1, д. 6518, лл. 23—24).

1855 г.— *Кирицкая зеркальная фабр. и чугуноплав. з-д Генике в Ряз. губ.*— Волнение 300 мастеровых в связи с неудовлетворением требований о возвращении им вычтенных денег (ф. 37, оп. 60, д. 659, лл. 25 об.— 28, 30—33, 53—56).

1855 г.— *Авзянопетровские чугуноплавильные и железоделательные з-ды Губина в Оренб. губ.*— Подача прошения мастеровыми в Оренбургскую гражданскую палату с жалобой на притеснения заводского начальства (ф. 37, оп. 41, д. 37, лл. 1—3).

1856 г. апрель.— *Фряновская шелковая мануф. в Моск. губ.*— Подача прошения от имени 728 рабочих министру финансов о своем несогласии на переселение и с просьбой о разрешении купить землю у владельца мануфактуры (ф. 18, оп. 2, д. 1192, л. 98).

1856 г. мая 25.— *Александровский казенный механич. з-д в Петербурге.*— Подача прошения от 110 мастеровых кузнечного и модельного цехов главноуправляющему путей сообщения об увеличении их заработной платы (ф. 219, оп. 1, д. 6518, лл. 23—24).

1856 г. мая 30.— *Мариинский золотой прииск Устинова в Оренб. губ.*— Подача жалобы рабочими-башкирами горному ревизору частных золотых промыслов о тяжелых условиях труда, невыплате заработной платы и притеснениях приисковой администрации (ф. 37. оп. 41, д. 38, л. 6).

1856 г. июня 29 — *Там же.*— Волнение и уход с работы 185 рабочих-башкир по тем же причинам (там же, лл. 20—22).

1856 г. июля 17.— *Александровский золотой прииск Баженовой в Оренб. губ.*— Уход с работы рабочих-башкир по тем же причинам (там, же, лл. 6—26).

1856 г. августа 22.— *Там же.*— Волнение 42 рабочих; избиение управляющего; уход с работы по тем же причинам (там же, лл. 20—22).

1856 г. августа 7.— *Александровский казенный механич. з-д в Петербурге.*— Подача прошения 110 мастеровыми кузнечного и модельного цехов главноуправляющему путей сообщения с жалобой на низкую заработную плату (ф. 219, оп. 1, д. 6518, лл. 23—24).

1856 г. сентябрь — *Уинский медеплав. з-д насл. Яковлева в Пермск. губ.*— Волнение 160 мастеровых, вызванное переводом некоторых из них на Алапаевские заводы; одновременно подача прошения главному начальнику уральских горных заводов с жалобой на тяжелые условия труда, невыдачу провианта и притеснения администрации (ф. 37, оп. 5, д. 1279, лл. 1—17, 23, 97—98 об., 103, 105, 107).

1856 г. 5 ноября — 6 декабря.— *Гусевский чугуноплав. и железоделат. з-д Баташева во Владим. губ.*— Волнение мастеровых (более 350 чел.), вызванное переводом на вспомогательные работы; уход с работы для подачи жалобы губернатору (ф. 37, оп. 5, д. 532, лл. 1—3).

1856 г. ноября 11.— *Александровский казенный механич. з-д в Петербурге.*— Подача прошения 110 мастеровыми кузнечного и модельного цехов главноуправляющему путей сообщения с жалобой на низкую заработную плату (ф. 219, оп. 1, д. 6518, лл. 23—24).

1856 г. декабря 18.— *Фряновская шелковая мануф. в Моск. губ.*— Подача прошения от имени 728 рабочих министру финансов о своем несогласии на переселение и с просьбой о разрешении покупки земли у владельца мануфактуры (ф. 18, оп. 2, д. 1192, лл. 93—94).

1857 г. января 4—7.— *Уинский медеплавил. завод насл. Яковлева в Пермской губ.*— Волнение мастеровых (более 200 чел.) в связи с тяжелыми условиями труда, невыдачей провианта и притеснениями заводской администрацией (ф. 37, оп. 5, д. 1279, лл. 1—17, 23).

1857 г. января 19.— *Там же.*— Подача прошения 240 мастеровыми министру финансов о пристрастном ведении следствия чиновником Уральского горного управления (ф. 37, оп. 5, д. 1279, лл. 5—8).

1857 г. января 23.— *Купавинская суконная фабр. Е. Г. Болговской в Смол. губ.*— Волнение 1151 вотчинного рабочего из-за низкой заработной платы (ф. 1405, оп. 55, д. 3049, лл. 4—5).

1857 г. февраля 3, 22.— *Александровский казенный механический з-д в Петербурге.*— Подача двух прошений 110 мастеровыми модельного и кузнечного цехов главноуправляющему путей сообщения с жалобой на низкую заработную плату (ф. 219. оп. 1, д. 6518, лл. 23—24).

1857 г. февраля 20.— *Придачинская суконная фабр. Вигеля в Ворон. губ.*— Волнение женщин в связи с принуждением к работе на фабрике (ф. 18, оп. 2, д. 1670, лл. 6—10).

1857 г. март.— *Там же.*— Подача жалобы от имени 300 рабочих в Министерство финансов на эксплуатацию владельцем детей и женщин, низкую заработную плату, сокращение производства и необеспеченность работой (ф. 18, оп. 2, д. 1670, лл. 129—138 об.).

1857 г. март. — *Бумагопрядильная фабр. Щекиной в с. Копнино Моск. губ.*— Подача прошения от имени 483 рабочих министру финансов с жалобой на низкую заработную плату, принуждение к домашним работам у владелицы, необеспеченность престарелых и т. п. (ф. 18, оп. 2, д. 1678, л. 48)

1857 г. апреля 18.— *Купавинская сукон-*

ная фабр. Е. Г. Болговской в Смол. губ.— Волнение 1151 вотчинного рабочего из-за низкой заработной платы (ф. 1405, оп. 55, д. 3049, л. 17).

1857 г. мая 1—2.— *Придачинская суконная фабр. Вигеля в Воронежск. губ.*— Волнение 32 посессионных работниц в связи с нежеланием работать на фабрике (ф. 18, оп. 2, д. 1670, лл. 21—24).

1857 г. мая 13—14.— *Авзянопетровские чугуноплавильные и железоделательные з-ды Губина в Оренб. губ.*— Волнение урочных рабочих в связи с увеличением уроков, наложением штрафов и жестоким обращением администрации; одновременно подача прошения царю (ф. 37, оп. 5, д. 1294, лл. 1—6).

1857 г. мая 21.— *Бумагопрядильная фабр. Щекиной в с. Копнино Моск. губ.*— Подача прошения от имени 483 рабочих царю с жалобой на низкую заработную плату и незаконное закрепощение (ф. 18, оп. 2, д. 1678, лл. 1—2 об.).

1857 г. май.— *Фряновская шелковая мануф. в Моск. губ.*— Подача прошения от имени 728 рабочих министру финансов об ускорении разрешения вопроса о продаже им земли бывшим владельцем (ф. 18, оп. 2, д. 1192, лл. 106—106 об.).

1857 г. июня 25.— *Уинский медеплав. з-д насл. Яковлева в Пермск. губ.*— Подача прошения 240 мастеровыми министру финансов с требованием дать ответ на поданные в 1856 и начале 1857 гг. жалобы (ф. 37, оп. 5, д. 1279, лл. 113—113 об.).

1857 г. июля 26—27.— *Строит. Гатчинского водоприемного канала в Петерб. губ. (подрядчик Шадрин).*— Волнение 450 рабочих из-за тяжелых условий труда (ф. 1286. оп. 18, д. 403, лл. 1—7, 10).

1857 г. август.— *Мешинский медеплав. з-д Коровина в Казанск. губ.*— Подача прошения казанскому губернатору с жалобой на тяжелые условия труда, неаккуратную и неполную выдачу заработной платы и притеснения заводской администрацией (ф. 37, оп. 5, д. 1310, лл. 9 об.— 22).

1857 г. сентябрь.— *Там же.*— Волнение рабочих по тем же причинам (там же, лл. 2—22).

1857 г. сентябрь.— *Суконная и каразейная фабр. Кознова в Ряз. губ.*— Подача прошения от имени 600 рабочих егорьевскому уездному стряпчему с жалобой на незаконное закрепощение и притеснения владельца (ф. 1405, оп. 55, д. 3571, лл. 2—3).

1857 г. октября 16 — декабря 17.— *Там же.*— Подача прошения от имени 600 рабочих министру юстиции по тем же причинам (там же, лл. 2—3, 7).

1857 г. октябрь — декабрь.— *Там же.*— Волнение 600 рабочих в связи с притеснением владельца, невыплатой заработной платы, принуждением к домашним работам у владельца (ф. 1286, оп. 19, д. 548, лл. 44—44 об.).

1857 г. ноября 8.— *Придачинская суконная фабр. Вигеля в Ворон. губ.*— Подача прошения от имени 300 рабочих министру финансов с жалобой на низкую заработную плату и притеснения владельца (ф. 18, оп. 2, д. 1670, лл. 93—100).

1857 г. ноябрь.— *Юговский медеплав. з-д насл. Кнауфа в Пермск. губ.*— Подача прошения от имени 660 мастеровых заводскому исправнику в связи с низкой заработной платой (ф. 37, оп. 5, д. 1320, л. 1).

1857 г. декабрь — 1858 г. февраль.— *Там же.*— Волнение мастеровых (более 600 чел.) по той же причине (там же, лл. 1—6; д. 1369, лл. 8—13).

1857 г. декабря 27—29—1858 апрель.— *Строит. Петербурго-Варшавской ж. д.*— Волнение и самовольный уход с работы 342 рабочих (крепостных крестьян Витебской губ., нанятых по контракту) в связи со слухами об освобождении от крепостной зависимости (ф. 207, оп. 2, д. 38, лл. 1—3).

1857 г. декабрь — *Мешинский медеплав. з-д Коровина в Казанск. губ.*— Подача рабочими прошений казанскому губернатору и министру внутр. дел с жалобой на тяжелые условия труда, неаккуратную и неполную выдачу заработной платы и притеснения заводской администрацией (ф. 37, оп. 5. д. 1310, лл. 1—2 об.).

1857 г.— *Горнозаводские имения Всеволожских в Пермск. губ.*— Подача прошения заводскими крестьянами министру госуд. имуществ. о переводе их в государственные крестьяне (ф. 1286, оп. 19, д. 498, л. 59).

1857 г.— *Суконная мануф. Гарденина в Тамб. губ.*— Подача прошения женами рабочих в Сенат о незаконной сдаче в рекруты их сыновей и мужей (ф. 18, оп. 2, д. 1671, л. 5).

1857 г.— *Придачинская суконная фабр. Вигеля в Ворон. губ.*— Подача прошения от имени 300 рабочих в Сенат в связи с неправильным производством следствия по их жалобам (ф. 18, оп. 2, д. 1670, лл. 129—138 об.).

1858 г. январь — *Авгорский чугуноплав. з-д Макухина в Пенз. губ.*— Волнение мастеровых и заводских крестьян (около 800 чел.) в связи с низкой заработной платой; одновременно подача прошения в Моск. горное правление (ф. 1286, оп. 19, д. 511, лл. 1—1об., 44; ф. 1263, заседание 20 мая 1858 г., ст. 373, лл. 3—10; ф. 37, оп. 60, д. 699, лл. 12—24, 50—71).

1858 г. январь.— *Строит. Петербурго-Варшавской ж. д. (между Режицей и Динабургом).*— Побег с работы 600 рабочих в связи со слухами о скорой воле (ф. 219, оп. 1, д. 253, лл. 1, 27, 28 об.).

1858 г. январь.— *Строит. Петербурго-Варшавской ж. д. (подрядчик Гладин, участок инженера Куртиня).*— Побег с работы 300 рабочих по той же причине (там же, л. 26 об.).

1858 г. январь.— *Бумагопрядильная фабр. Щекиной в с. Копнино Моск. губ.*— Подача прошения в Департамент мануфактур и внутр. торговли от имени 483 рабочих с жалобой на принуждение вы-

полнять домашние работы у владелицы и незаконное закрепощение (ф. 18, оп. 2, д. 1678, л. 9 и об.).

1858 г. февраля 6 — апреля 12 — *Чугуноплав. и железоделательные з-ды Голицына в Пермск. губ.*— Волнения заводских крестьян (около 15 000 чел.) в связи с ожиданием манифеста об уничтожении крепостной зависимости (ф. 1286, оп. 19, д. 498, лл. 54—56, 111—113).

1858 г. февраля 27.— *Писчебумажная фабр. Мельгунова в с. Никольском Моск. губ.*— Волнение в связи с наказанием одного из рабочих (там же, лл. 23—23 об.).

1858 г. марта 28.— *Горнозаводские имения А. и Н. Всеволожских в Пермск. губ.*— Отказ заводских крестьян от работы на заводах под влиянием слухов о скорой воле (ф. 1286, оп. 20, д. 324, л. 115; оп. 19, д. 548, лл. 19 об.—20).

1858 г. март.— *Чугуноплавильные и железоделательные з-ды Губина в Оренб. губ.*— Подача прошения рабочими царю в связи с притеснениями администрации и неполучением ответа на предыдущие жалобы (ф. 37, оп. 5, д. 129, лл. 17—19).

1858 г. март.— *Строит. Петербурго-Варшавской ж. д. (в Лужском у. Петерб. губ.).*— Побег с работы 66 рабочих в связи с неудовлетворительным питанием, невыдачей задатков и плохими жилищными условиями (ф. 1286, оп. 19, д. 562, лл. 1—1 об.).

1858 г. март.— *Шильвинский медеплав. з-д купца Подьячева в Оренб. губ.*— Подача прошения рабочими заводскому исправнику в связи с жестоким обращением приказчика (ф. 37, оп. 60, д. 714, л. 12 об.).

1858 г. март — апрель.— *Горнозаводское имение кн. Голицыных в Верхне-Мулинской и Ильинско-земской волостях Пермск. губ.*— Отказ 21 заводского крестьянина от заводских работ по весенней раскладке в связи со слухами о скорой свободе (ф. 1286, оп. 19, д. 498, лл. 191—194; оп. 20, д. 324, л. 115 об.).

1858 г. апреля 5.— *Бумагопрядильная фабр. Рейта в Петерб. губ.*— Стачка 300 рабочих в связи с низкой заработной платой; одновременно подача жалобы становому приставу (ф. 1286, оп. 19, д. 561, лл. 1—3 об.; оп. 20, д. 324, л. 79 об.).

1858 г. апреля 8.— *Суконная и каразейная фабр. Познова в Ряз. губ.*— Подача прошения от имени 619 рабочих министру юстиции о защите от притеснения владельца и ускорении рассмотрения дела об освобождении их от незаконного закрепощения (ф. 1405, оп. 55, д. 3571, лл. 10—16 об.; ф. 1286, оп. 19, д. 548, лл. 44—44 об.).

1858 г. апреля 12.— *Горнозаводское имение А. Всеволожского в Пермск. губ.* (с. Кубенское и Кызвенское).— Волнение заводских крестьян в связи со слухами о предстоящей отмене крепостного права; одновременно подача ими жалобы начальнику Пермской губ. на обременение повинностями (ф. 1286, оп. 19, д. 498, лл. 54—56; д. 548, лл. 19 об.—20).

1858 г. май.— *Суконная фабр. Дурасова в дер. Зингеревой Оренб. губ.*— Волнение фабричных крестьян в связи со слухами о предстоящей отмене крепостного права; одновременно подача 23 фабричными крестьянами жалобы земскому исправнику на притеснения управляющего (ф. 1286, оп. 19, д. 498, лл. 64, 66—67; д. 548, лл. 22—22 об., 41—41 об.; оп. 20, д. 324, лл. 101 и об.).

1858 г. май.— *Гумешевский медный рудник Сысертских з-дов насл. Турчанинова в Пермск. губ.*— Подача жалобы мастеровыми главному начальнику горн. заводов Уральского хребта на тяжелые условия труда и притеснения начальства (ф. 37, оп. 5, д. 588, лл. 12—46; оп. 60, д. 735, лл. 130, 182—184).

1858 г. май.— *Имение помещицы Стрелковой в Оренб. губ.*— Отказ 8 крестьян сплавлять барки в Н.-Новгород в связи со слухами о предстоящей отмене крепостного права (ф. 1286, оп. 19, д. 488, л. 124; д. 498, л. 148 об.; д. 548, лл. 68—68 об.).

1858 г. июня 6.— *Бумагопрядильная фабр. Щекиной в с. Копнино Моск. губ.*— Подача прошения от имени 483 чел. в Сенат в связи с неисполнением Московским губернским правлением предписания Департамента мануфактур и внутр. торговли об осмотре фабрики (ф. 18, оп. 2, д. 1678, л. 87).

1858 г. июня 24 —июля 29.— *Виндреевский чугуноплав. з-д Очкиной в Тамбовской губ.*— Подача двух прошений от имени 900 рабочих министру финансов об исключительно тяжелом материальном положении в связи с бездействием завода и просьбой перевести их на казенные заводы (ф. 37, оп. 5, д. 1335, лл. 1, 5, 18).

1858 г. июнь.— *Рождественский железоделат. з-д Демидова в Пермск. губ.*— Подача прошения вотчинными рабочими пермскому губернатору с жалобой на низкую заработную плату и на переводы многих рабочих на длительное время для работы на отдаленном Ревдинском заводе (в 450 верстах от местожительства) (там же, д. 1378, л. 1).

1858 г. июль.— *Авгорский чугуноплав. з-д Манухина в Пенз. губ.*— Волнение мастеровых из-за низкой заработной платы (ф. 1286, оп. 19, д. 511, лл. 45 об.— 46).

1858 г. июль.— *Строит. Петербурго-Варшавской ж. д. (подрядчик Гладин).*— Побег с работы 53 рабочих (причина не указана) (ф. 219, оп. 1, д. 247, лл. 1—3).

1858 г. августа 15—16.— *Авгорский чугуноплав. з-д Манухина в Пенз. губ.*— Волнение 100 мастеровых из-за низкой заработной платы и притеснения владельца (ф. 1286, оп. 19, д. 511, лл. 45 об.— 46).

1858 г. августа 19.— *Бумагопрядильная фабр. Щекиной в с. Копнино Моск. губ.*— Подача прошения от имени 483 рабочих в Департамент мануфактур и внутр. торговли в связи с принуждением выполнять домашние работы у владелицы и требованием освобождения от посесс. зависимости (ф. 18, оп. 2, д. 1678, л. 13).

1858 г. сентября 25.— *Каноникольский медеплав. з-д Загряжского в Оренб. губ.*— Подача прошения рабочими Самуильского рудника оренбургскому ген.-губернатору с жалобой на тяжелые условия труда и невыдачу заработной платы (ф. 37, оп. 5, д. 594, л. 1).

1858 г. октябрь.— *Суконная и каразейная фабр. Кознова в Ряз. губ.*— Волнение рабочих в связи с притеснениями владельца и незаконным закрепощением (ф. 1286, оп. 19, д. 548, лл. 44—44 об., ф. 1405, оп. 55, д. 3571, лл. 13—16 об.).

1858 г. октябрь—ноябрь.— *Илевский (в Нижегор. губ.) и Вознесенский (в Тамб. губ.) чугуноплавильные и железоделательные з-ды полк. Шипова.*— Волнения рабочих в связи с взиманием с них госуд. податей; по той же причине подача прошения предводителю дворянства Темниковского у. (ф. 37, оп. 5, д. 1352, лл. 1—5, 9—9 об.).

1858 г. ноября 10, 18.— *Бумагопрядильная фабр. Щекиной в с. Копнино Моск. губ.*— Подача двух прошений от имени 483 человек в Департамент мануфактур и внутр. торговли с жалобой на принуждение выполнять домашние работы у владелицы и с требованием освобождения от посесс. зависимости (ф. 18, оп. 2, д. 1678, лл. 18—20).

1858 г. декабрь.— *Там же.*— Подача прошения от 483 рабочих министру финансов по тем же причинам (там же, лл. 27, 48).

1858 г. декабрь.— *Авгорский чугуноплав. з-д Манухина в Пенз. губ.*— Волнение мастеровых в связи с низкой заработной платой и притеснениями владельца (ф. 1286, оп. 19, д. 511, л. 46 об.).

1858 г.— *Чугуноплавильные и железоделательные з-ды кн. Бутеро-Родали в Пермск. губ.*— Подача прошения рабочими царю с жалобой на притеснения заводского начальства (ф. 37, оп. 5, д. 1357, лл. 1—47; ф. 1286, оп. 20, д. 324, л. 115 об.).

1858 г.— *Бумагопрядильная фабр. бр. Хлудовых в Ряз. губ.*— Подача жалобы рабочими рязанскому губернатору на притеснения заводской администрацией (ф. 1286, оп. 19, д. 741, лл. 5 об.— 8).

1858 г.— *Имение помещицы Гербут-Гейбович в Смол. губ.*— Волнение 185 фабричных крестьян в связи с повышением оброка и переводом на сельскохозяйственные работы (ф. 1286, оп. 19, д. 548, лл. 59—59 об.; оп. 20, д. 324, лл. 105—107).

1858 г.— *Горнозаводские имения гр. Строганова в Соликамском у. Пермск. губ.*— Волнение заводских крестьян в связи со слухами о скорой свободе; сбор денег для подачи прошения царю (ф. 1286, оп. 19, д. 498, л. 237; оп. 20, д. 324, л. 115 об.).

1858 г.— *Кусье-Александровский чугуноплав. и железоделат. з-д кн. Голицыных в Пермск. губ.*— Отказ от работы 80 вотчинных рабочих в связи со слухами о передаче их в казенное ведомство (ф. 1286, оп. 19, д. 548, лл. 82—82 об.; оп. 20, д. 324, л. 115 об.).

1858 г.— *Суконная и каразейная фабр. Кознова в Ряз. губ.*— Подача прошения от имени 619 рабочих рязанскому губернскому прокурору и двух прошений министру юстиции с жалобами на притеснения владельца и незаконное закрепощение (ф. 1286, оп. 19, д. 548, лл. 44—44 об.; ф. 1405, оп. 55, д. 3571, лл. 10—16 об.).

1859 г. январь.— *Шильвинский медеплав. завод Подьячева в Оренб. губ.*— Волнение 150 рабочих Зайшешминского рудника в связи с тяжелыми условиями труда и притеснениями администрации; одновременно подача прошения заводскому исправнику (ф. 37, оп. 5, д. 590, лл. 1—27, 259—295, 318—339; оп. 60, д. 714, лл. 1—90).

1859 г. январь.— *Тисовский железоделат. з-д т-ва Суксунских горных з-дов в Пермск. губ.*— Подача 150 мастеровыми прошений: заводскому исправнику, главному начальнику горн. заводов Уральского хребта и жандармскому полковнику г. Перми с жалобой на принуждение их к работам в праздничные и воскресные дни и другие притеснения заводской администрации (ф. 37, оп. 5, д. 1375, лл. 3—3 об.; д. 1401, лл. 1—2, 18).

1859 г. февраль — март.— *Там же.*— Волнение 150 мастеровых в связи с преследованием их поверенного Николая Васильева (ф. 37, оп. 5, д. 1375, лл. 1—5; ф. 1286, оп. 20, д. 919, л. 13).

1859 г. февраль — апрель.— *Уинский и Шермяитский медеплавильные з-ды гр. Рошефор в Пермск. губ.*— Подача рабочими трех прошений заводскому исправнику в связи с невыдачей заработной платы (ф. 37, оп. 5, д. 1372, лл. 48 об., 58).

1859 г. марта 30.— *Каноникольский медеплав. з-д Загряжского в Оренб. губ.*— Отказ рабочих и заводских крестьян (140 чел.) от работы на медных рудниках в связи с тяжелыми условиями труда, низкой заработной платой и притеснениями администрации; одновременно подача прошения заводскому исправнику (ф. 37, оп. 5, д. 594, лл. 18—18 об., 23—24).

1859 г. марта 24.— *Авгорский чугуноплав. з-д Манухина в Пенз. губ.*— Волнение 110 мастеровых в связи с низкой заработной платой и притеснениями владельца (ф. 1286, оп. 19, д. 511, л. 46 об.).

1859 г. апреля 2 — мая 16.— *Бумагопрядильная фабр. Щекиной в с. Копнино Мос. губ.*— Подача двух прошений от имени 483 рабочих министру финансов с жалобой на принуждение их к домашним работам у владелицы за низкую плату (ф. 18, оп. 2, д. 1678, лл. 39—40).

1859 г. мая 8—16.— *Кыновский чугуноплав. и железоделат. з-д гр. Строганова в Пермск. губ.*— Волнение заводских крестьян и урочных рабочих (500 чел.) в связи с увеличением норм; одновременно подача 408 крестьянами жалобы пермскому губернатору (ф. 37, оп. 5, д. 1381, лл. 1—7).

1859 г. мая 15.— *Виндреевский чугуноплав. з-д Очкиной в Тамб. губ.*— Подача

прошения царю от имени 900 рабочих о тяжелом материальном положении в связи с бездействием завода (там же, л. 39).

1859 г. мая 27.— *Никитинский чугуноплав. и железоделат. з-д Всеволожского в Пермск. губ.*— Волнение 40 мастеровых в связи с принуждением женщин к заводским работам (ф. 1286, оп. 20, д. 919, л. 96).

1859 г. май.— *Каноникольский медеплав. з-д Загряжского в Оренб. губ.*— Подача рабочими и заводскими крестьянами (69 чел.) двух жалоб заводскому исправнику о низкой заработной плате, больших вычетах, тяжелых условиях труда на рудниках и притеснениях заводского приказчика (ф. 37, оп. 5, д. 594, лл. 23—25).

1859 г. июня 5—8.— *Строит. Московско-Нижегородской ж. д. (Владимирский у., д. Выселки).*— Волнение 500 рабочих в связи с тяжелыми условиями труда и плохим содержанием их; подача ими жалобы владимирскому губернатору по тем же причинам (ф. 1286, оп. 20, д. 991, лл. 1—16 об.).

1859 г. июнь.— *Каноникольский медеплав. з-д Загряжского в Оренб. губ.*— Подача жалобы рабочими и заводскими крестьянами уральскому берг-инспектору на низкую заработную плату и тяжелые условия труда на рудниках (ф. 37, оп. 5, д. 590, л. 389).

1859 г. июнь.— *Кагинские железоделательные з-ды Татаринова и Никифорова в Оренб. губ.*— Подача ему же жалобы мастеровыми на тяжелые условия труда, невыдачу заработной платы и необеспечение престарелых (там же, лл. 388—389).

1859 г. июнь.— *Авзянопетровские чугуноплавильные и железоделательные з-ды Губина в Оренб. губ.*— Подача ему же жалобы рабочими на тяжелые условия труда на рудниках (там же, лл. 389—390).

1859 г. июля 15.— *Строит. Московско-Нижегородской ж. д. (Ковровский у.).*— Волнение рабочих; уход с работы 119 чел. для подачи жалобы владимирскому губернатору на тяжелые условия труда, плохую пищу и невыдачу заработанных денег (ф. 1286, оп. 20, д. 991, лл. 22—29 об.).

1859 г. август.— *Юрезань-Ивановский чугуноплав. и железоделат. з-д Сухозанет в Оренб. губ.*— Волнение 80 рабочих в связи с притеснениями владельца и принуждением к работе в праздничные дни (ф. 37, оп. 5, д. 584, лл. 21—47 об.; д. 590, лл. 199—200; ф. 1286, оп. 20, д. 906, лл. 15—19, 42).

1859 г. август.— *Уинский и Шермяитский медеплавильные з-ды гр. Рошефор в Пермск. губ.*— Подача мастеровыми жалобы заводскому исправнику на невыдачу заработной платы (ф. 37, оп. 5, д. 1372, л. 58).

1859 г. сентябрь.— *Виндреевский чугуноплав. з-д Очкиной в Тамб. губ.*— Подача прошения от имени 900 рабочих министру финансов о тяжелом материальном положении в связи с бездействием завода (там же, д. 1335, лл. 44, 46).

1859 г. ноября 15.— *Быньговский железоделат. з-д насл. Яковлева в Пермск. губ.*— Волнение 100 мастеровых из-за тяжелых условий труда (ф. 37, оп. 5, д. 1397, лл. 1—2).

1859 г. ноябрь.— *Каноникольский медеплав. з-д Загряжского в Оренб. губ.*— Подача рабочими двух жалоб чиновнику Министерства внутр. дел (проводившему на заводе следствие) на большие вычеты из заработной платы, непредоставление праздничных дней и тяжелые условия труда (ф. 37, оп. 5, д. 594, лл. 120 об., 122).

1859 г. декабря 2.— *Ткацко-механическая фабр. Голенищевой в Петерб. губ.*— Стачка 800 рабочих в связи с неуплатой денег за праздничные дни (ф. 1286, оп. 19, д. 630, лл. 1—2).

1859 г. декабря 17.— *Бумагопрядильная фабр. Щекиной в с. Копнино Моск. губ.*— Подача прошения от имени 483 рабочих в Департамент мануфактур и внутр. торговли в связи с принуждением выполнять домашние работы у владелицы (ф. 18, оп. 2, д. 1678, л. 85).

1859 г. (осень).— *Каноникольский медеплав. з-д Загряжского в Оренб. губ.*— Подача 47 рабочими жалобы чиновнику Уральского горн. правления на выдачу им гнилой муки и различные притеснения заводской администрации (ф. 37, оп. 5, д. 594, лл. 81—82).

1859 г.— *Строит. Волжско-Донской ж. д.*— Волнение рабочих и побег с работы (300 чел.) из-за тяжелых бытовых условий, плохого питания и массовой заболеваемости (ф. 1263, К-т мин., засед. 28 декабря 1860 г., ст. 1111, прилож., лл. 590—591).

1860 г. январь.— *Архангельский медеплав. з-д гр. Коссаковской в Оренб. губ.*— Подача урочными рабочими трех жалоб заводскому исправнику на низкую заработную плату и притеснения заводской администрации (ф. 37, оп. 5, д. 620, лл. 6, 21 об.).

1860 г. января 20.— *Александровский казенный механич. з-д в Петербурге.*— Подача прошения 147 мастеровыми главноуправляющему путей сообщения об увеличении им заработной платы (ф. 219, оп. 1, 1860 г., д. 6518, лл. 1—3, 36, 38, 54).

1860 г. февраль.— *Строит. Петербурго-Варшавской ж. д. (постройка моста через р. Череху около Пскова).*— Волнение более 100 мастеровых (причина не указана) (ф. 1286, оп. 21, д. 869, л. 48; ф. 219, оп. 1, д. 253, лл. 23—24, 27, 30 об.).

1860 г. февраля 23.— *Каноникольский медеплав. з-д Загряжского в Оренб. губ.*— Подача жалобы рабочими чиновнику Уральского горн. правления на низкую заработную плату (ф. 37, оп. 5, д. 594, лл. 172—173).

1860 г. март.— *Авгорский чугуноплав. з-д Манухина в Пенз. губ.*— Подача прошения 38 мастеровыми пензенскому губернатору с жалобой на притеснения вла-

дельца (ф. 1286, оп. 19, д. 511, лл. 47—47 об.).

1860 г. апрель (начало).— *Горнозаводское имение кн. Голицыных в Пермск. губ. (с. Кишертское).*— Волнение заводских крестьян в связи с увеличением «уроков» работы (ф. 1286, оп. 21, д. 700, лл. 1—3).

1860 г. апрель.— *Горнозаводское имение кн. Голицыных в Пермск. губ. (ведомства Ниже-Муллинское, Троицкое и Сергинское-Земское).*— Волнение заводских крестьян из-за обременительности заводских работ (там же, лл. 5—6).

1860 г. апреля 24.— *Парусно-полотняная фабр. Бенардаки в Калужск. губ.*— Подача двух прошений от имени 735 рабочих в калужский корпус жандармов и калужскому губернатору с жалобой на незаконное закрепощение, принуждение к нефабричным работам и жестокое обращение фабричной администрации (ф. 1286, оп. 21, д. 630, лл. 117—118; ф. 18, оп. 2, д. 1748, лл. 11—15 об.).

1860 г. апреля 27 — мая 3.— *Архангельский медеплав. з-д гр. Коссаковской в Оренб. губ.*— Подача 66 рабочими прошения оренбургскому губернатору с жалобой на низкую плату, невыдачу провианта и притеснения заводской администрации; волнение рабочих (около 400 чел.) по тем же причинам (ф. 37, оп. 5, д. 620, лл. 1—14).

1860 г. апрель — июнь.— *Авгорский чугуноплав. з-д Манухина в Пенз. губ.*— Волнение 110 мастеровых в связи с преследованием их поверенных (ф. 37, оп. 60, д. 699, лл. 53—54, 66 об., 74 об., 121—121 об.).

1860 г. апрель.— *Строит. Волжско-Донской ж. д.*— Волнение рабочих в связи с тяжелыми условиями труда, несогласием с условиями контрактов и жестоким обращением подрядчика и десятника; побег 100 рабочих (ф. 1263, К-т мин., засед. 9 августа 1860 г., прилож., лл. 198—213; 28 дек. 1860 г., ст. 1111, прилож., лл. 564—589).

1860 г. мая 4.— *Механич. прядильная мануф. Рахмановых в с. Великий Бобрик Харьк. губ.*— Волнение фабричных крестьян в связи с тяжелыми условиями работы, наложением штрафов и жестоким обращением управляющего (ф. 1286, оп. 21, д. 636, лл. 28—28 об.; д. 869, лл. 87—88 об.)

1860 г. мая 9.— *Каноникольский медеплав. з-д Загряжского в Оренб. губ.*— Подача жалобы 36 рабочими чиновнику Министерства внутр. дел (проводившему на заводе следствие) об их крайне тяжелом материальном положении (ф. 37, оп. 5, д. 594, л. 189).

1860 г. мая 9—16.— *Строит. Волжско-Донской ж. д. (в г. Царицыне и его уезде).*— Уход с работы 263 рабочих в связи с тяжелыми условиями труда и быта, несогласием с условиями контракта и жестоким обращением подрядчика и десятников (ф. 1263, К-т мин., засед. 28 дек. 1860 г., ст. 1111, прилож., лл. 590—591).

1860 г. мая 23.— *Строит. Волжско-Донской ж. д.*— Волнение рабочих в связи с тяжелыми условиями труда и быта и жестоким обращением подрядчика и десятников; уход в Новочеркасск 204 рабочих для подачи жалобы атаману войска Донского (там же, лл. 198—213, засед. 28 дек. 1860 г., ст. 1111, прилож., лл. 590—591).

1860 г. мая 24.— *Там же.*— Предъявление 100 рабочими требования доверенному подрядчика о выдаче им по 25 руб. серебром для отсылки домой (там же).

1860 г. мая 25—26.— *Там же.*— Побег с работы 140 рабочих в связи с тяжелыми условиями труда и быта и жестоким обращением подрядчика и десятников (там же).

1860 г. мая 28—29.— *Там же.*— Побег с работы 87 рабочих по тем же причинам (там же).

1860 г. мая 29.— *Там же (участки около хутора Калачева).*— Уход с работы 400 рабочих по тем же причинам (там же, засед. 9 августа 1860 г., прилож., лл. 198—213).

1860 г. май.— *Авгорский чугуноплав. з-д Манухина в Пенз. губ.*— Подача мастеровыми царю жалобы на низкую заработную плату и жестокое наказание участников волнения (ф. 1286, оп. 19, д. 511, л. 39).

1860 г. июня 19.— *Строит. Волжско-Донской ж. д.*— Побег с работы 54 рабочих из-за тяжелых условий труда и жестокого обращения подрядчика и десятников (ф. 1263, К-т мин., засед. 28 декабря 1860 г., ст. 1111, прилож., лл. 590—591).

1860 г. июня 24.— *Строит. Московско-Нижегородской ж. д. (участок между Ковровым и Владимиром).*— Уход с работы 500 рабочих вследствие тяжелых условий труда и притеснений приказчика и подрядчиков (ф. 219, оп. 1, д. 253, лл. 43, 51—52, 85—87, 150—155; д. 283, л. 170).

1860 г. июнь.— *Шайтанские чугуноплавильные и железоделательные з-ды Кузьминой и Берг в Пермск. губ.*— Подача жалобы рабочими заводскому исправнику на низкую заработную плату и большие вычеты из нее (ф. 37, оп. 5, д. 1412, лл. 1—2).

1860 г. июнь.— *Парусно-полотняная фабр. и стекольный з-д Бенардаки в Калужск. губ.*— Волнение рабочих в связи с незаконным закрепощением, принуждением к нефабричным работам и жестоким обращением администрации (ф. 1286, оп. 21, д. 630, лл. 117—118).

1860 г. июля 14.— *Архангельский медеплав. з-д гр. Коссаковской в Оренб. губ.*— Волнение 400 рабочих из-за низкой заработной платы и жестокого обращения администрации (ф. 379, оп. 5, д. 620, лл. 84—84 об.).

1860 г. июля 16.— *Там же.*— Подача прошения от имени 400 рабочих оренбургскому губернатору по тем же причинам (там же).

1860 г. июля 30.— *Строит. Московско-Нижегородской ж. д. (в Гороховском)*.— Волнение 300 рабочих в связи с неплатой заработанных денег, тяжелыми словиями труда и плохой пищей; уход с аботы и подача ими жалобы владимиркому губернатору (ф. 1286, оп. 20, д. 991, л. 42—45).

1860 г. июля 30.— *Парусно-полотняная абр. и стекольный з-д Бенардаки в Калужск. губ.*— Подача от имени 735 рабоих прошения министру финансов с жалобой на несправедливые действия предодителя дворянства и земской полиции ри проведении следствия по их предыущим прошениям (ф. 1286, оп. 21, д. 630, л. 117—118; ф. 18, оп. 2, д. 1748, лл. 11—5 об.). Одновременно подача рабочими рошения в Сенат (ф. 1268, оп. 21, д. 630, л. 117—118).

1860 г. августа 8.— *Авгорский чугунолав. з-д Манухина в Пенз. губ.*— Волнеие 100 мастеровых в связи с преследоваием их поверенного мастерового Дракоова (ф. 37, оп. 60, д. 699, лл. 55—56, 66 б., 74 об., 121—121 об.).

1860 г. августа 14.— *Строит. Московско-Нижегородской ж. д.*— Заявление 300 рачих чиновнику Главного управления утей сообщения (проводившему следтвие) об уходе с работы в случае невыпаты им заработанных денег (ф. 1286, л. 20, д. 991, лл. 42—45).

1860 г. сентябрь.— *Горнозаводское имеие гр. Бутеро-Родали в Пермск. губ.*— олнение заводских крестьян в связи с реследованием их вожака А. Кокшарова ф. 1286, оп. 21, д. 869, лл. 195—196).

1860 г. сентябрь.— *Строит. Волжско-Донской ж. д. (подрядчик Гладин)*.— Поег с работы 38 рабочих (причина не указана) (ф. 1286, оп. 21, д. 1100, л. 116).

1860 г. октября 1.— *Там же*.— Волнение уход с работы 554 рабочих вследствие епризнания ими контрактов (там же, л. 126, 128).

1860 г. октября 12.— *Парусно-полотняая фабр. и стекольный з-д Бенардаки в Калужск. губ.*— Подача прошения от имеи 735 рабочих министру внутр. дел с жаобой на притеснение их управляющим и изкую заработную плату; требование рисылки «своего» чиновника для провеения нового следствия (ф. 1286, оп. 21, . 630, лл. 117—118; ф. 18, оп. 2, д. 1748, л. 11—15 об.).

1860 г. октября 31.— *Строит. Волжско-Донской ж. д. (на 9 версте от г. Царицыа)*.— Волнение 275 рабочих; отказ от аботы до окончания срока контрактов ф. 1286, оп. 21, д. 1100, л. 156 об.).

1860 г. октября 31.— *Сереговский солеваренный з-д Беломорской компании в Волог. губ.*— Подача прошения 497 рабочими министру внутренних дел с жалобой на низкую заработную плату и необеспеченность работой (ф. 37, оп. 28, д. 248, лл. 2—5).

1860 г. ноября 1, 15.— *Там же*.— Волнение рабочих вследствие притеснений заводской администрации и преследования их поверенного (там же, лл. 11—13 об.).

1860 г. ноября 1.— *Строит. Волжско-Донской ж. д. (участок строительства в г. Царицыне)*.— Волнение 342 рабочих вследствие непризнания ими контрактов (ф. 1286, оп. 21, д. 1100, л. 157).

1860 г. ноября 4.— *Там же (подрядчик Остафьев)*.— Отказ 14 рабочих от работы в связи с увеличением норм (там же).

1860 г. ноябрь.— *Парусно-полотняная фабр. и стекольный з-д Бенардаки в Калужск. губ.*— Подача жалобы рабочими калужскому губернатору на несправедливое обвинение их управляющим в поджоге фабрики (ф. 18, оп. 2, д.1748, лл. 11—15 об.).

1860 г. декабрь.— *Юрезанский и Минский чугуноплавильные и железоделательные з-ды Сухозанет в Оренб. губ.*— Подача жалобы рабочими главному начальнику горных заводов Уральского хребта на низкую заработную плату (ф. 37, оп. 5, д. 625, лл. 19—20).

1860 г. декабрь.— *Кагинские чугуноплавильные и железоделательные з-ды Татаринова и Никифорова в Оренб. губ.*— Подача ему же жалобы рабочих на тяжелые бытовые условия, необеспеченность продовольствием престарелых и притеснения администрации (ф. 37, оп. 5, д. 625, лл. 30—30 об.).

1860 г. декабрь.— *Каноникольский медеплав. з-д Загряжского в Оренб. губ.*— Подача ему же жалобы рабочими на низкую заработную плату и лишение праздничных дней (там же, лл. 35—36).

1860 г. декабрь.— *Архангельский медеплав. з-д гр. Коссаковской в Оренб. губ.*— Подача ему же жалобы рабочими на низкую заработную плату (там же, лл. 44—46).

1860 г.— *Игольная Коленская мануф. и Истинско-Залипляжский железоделат. з-д Полторацкого в Ряз. губ.*— Волнение 1440 рабочих в связи с невыдачей в течение двух месяцев заработной платы (ф. 18, оп. 2, д. 1737, лл. 1—5).

1860 г.— *Суконная и каразейная фабр. Кознова в Ряз. губ.*— Подача рабочими прошения министру юстиции с жалобой на притеснения владельца и неправильное ведение следствия по их предыдущим жалобам (ф. 1405, оп. 55, д. 3571, л. 20).

ТРИ ПИСЬМА СИГИЗМУНДА СЕРАКОВСКОГО

В Главном архиве древних актов в Варшаве (AGAD) хранятся три неизвестных письма С. И. Сераковского (1826—1863) — выдающегося деятеля польского и русского революционного движения 50—60-х годов XIX в., друга и соратника Т. Г. Шевченко, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, члена организации «Земля и воля», руководителя восставших в 1863 г. крестьян Литвы. Все три письма адресованы Ипполиту Скимборовичу, в архиве которого они и были обнаружены (оп. XXV, 196). И. Скимборович (1815—1880), известный польский публицист и издатель, придерживался умеренных шляхетско-демократических взглядов.

Сигизмунд Сераковский познакомился с Ипполитом Скимборовичем в Житомире во время летних каникул 1846 г. С той поры между ними завязалась довольно оживленная переписка, из которой удалось пока обнаружить лишь три письма, приводимые ниже.

Первые два письма относятся к тому времени, когда Сераковский был студентом Петербургского университета. В них рассказывается о хлопотах Сераковского, добивавшегося разрешения цензуры на печатание составленного И. Скимборовичем «Словаря польских писателей и артистов» («Słownikpisarzy i artystow polskich»). Но несмотря на все старания и связи Сераковского, «Словарь» так и не удалось опубликовать. По письмам мы можем судить о деятельности Сераковского в этот период. Письмо от 7(19) февраля 1846 г. примечательно тем, что из него мы от самого автора узнаем об его конспиративной деятельности. Сераковский подчеркивает то решающее значение, которое имела для него лично и руководимого им студенческого кружка летняя поездка 1847 г. в Литву. Как известно из других источников, в Литве он установил связи с «Союзом литовской молодежи», подготавливавшим буржуазно-демократическое восстание. Эти знакомства побудили его к более деятельной конспиративной работе среди петербургских студентов, о чем он и сообщает Скимборовичу, прибегая к иносказательной форме.

Весьма ценен постскриптум к этому письму. Здесь Сераковский высказывает свое отношение к известным ему польским изданиям в России, Пруссии и Австрии. Не случайно называет он «Познанскую газету» — «взлелеянной», так как ее сообщения о назревающей в Германии революции, которая вот-вот должна была разразиться, глубоко волновали и обнадеживали Сераковского.

Третье письмо написано Сераковским спустя 8 лет в 1854 г. В нем мы находим единственное личное свидетельство Сераковского о его сотрудничестве в «Современнике», в котором он печатался анонимно. До сих пор все наши сведения по этому вопросу ограничивались двумя косвенными источниками: указанием Н. Г. Чернышевского в письме к Н. А. Некрасову от 5 ноября 1856 г.[1] и свидетельством «гонорарных ведомостей» «Современника»[2], из которых мы узнаем, что Сераковский поместил «Заграничные известия» в ноябрьской книжке «Современника» за 1856 г. и в мартовской, апрельской, июньской и июльской книжках за 1857 г. Кроме того, в апрельском номере за 1857 г. он опубликовал свою большую статью «Взгляд на внутренние отношения Соединенных Штатов».

Некоторые исследователи считали, что перу Сераковского также принадлежали «Заграничные известия», опубликованные в «Современнике» с сентября 1856 г. по июль 1857 г., за исключением февральской книжки, в которой обзор был сделан Пыпиным[3]. Можно согласиться с предположением, что «Заграничные известия» за январь 1857 г. были составлены Сераковским, так как в них обнаруживается идейная и стилистическая близость с предыдущими «Известиями» и со статьей «Взгляд на внутренние отношения Соединенных Штатов», но нельзя сказать того же о сентябрьских «Известиях» за 1856 г.

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 14, М., 1949, стр. 327.
[2] «Литературное наследство». т. 53—54. М., 1949, стр. 229—289.
[3] А. Ф. Смирнов. Сигизмунд Сераковский. М., 1959, стр. 124; В. А. Дьяков. Сигизмунд Сераковский. М., 1959, стр. 28.

Здесь имеется одно указание, которое может нам помочь установить их автора. На стр. 136 автор сообщает: «Мы говорили уже с читателем о дамском клубе, который послужил сюжетом для этой пьесы». Речь идет о пьесе Люп Люрика и Раймонда Деланда «Лагерь мятежниц», которая была поставлена в театре «Варьете» в Париже.

Таким образом, это указание свидетельствует о том, что данные «Известия» составлены человеком, ранее выступавшим на страницах «Современника». Между тем, Сераковский раньше выступать не мог и вряд ли бы стал употреблять в своих первых «Известиях» вышеприведенный оборот. Упоминание о дамском клубе мы находим в «Заграничных известиях», помещенных в июньском номере «Современника» за 1856 г. (стр. 209—211). Следовательно, можно предположить, что «Иностранные известия» в июньском и сентябрьском номерах журнала составлял один и тот же автор, которым не мог быть Сераковский.

Третье письмо Сераковского к Скимборовичу подтверждает это предположение, так как в нем имеется указание на то, что Сераковский начал сотрудничать в «Современнике» лишь с ноября 1856 г. и что декабрьские «Известия» также принадлежат ему, что ранее являлось проблематичным.

Мы отметили лишь некоторые важнейшие моменты, высказанные Сераковским в письмах к Скимборовичу. Исследователи, занимающиеся вопросами, связанными с деятельностью Сераковского, безусловно, найдут в этих письмах много новых и ценных данных.

Генрик Писарэк

№ 1

Петербург, суббота, 7(19) февраля 1848 г.

Любимый Ипполит!

5 (17) февраля я получил твое письмо. Догадываюсь, что его оставил у швейцара университета медик Коженёвский, сын г. Юзефа [1], так как именно он отнес 3 февраля в Цензурный комитет 5-ю и 6-ю части твоего «Словаря», которые в тот же самый день были переданы Срезевскому [2]. Так обстояли дела, когда 5 февраля (в три часа дня после полудня) я получил твое письмо. В 7 часов вечера я отправился к Ивановскому [3].

Если бы Коженёвский не отдал в комитет, то Ивановский мог бы подвергнуть их цензуре как дополнение к первым четырем частям, хотя он уже не является цензором. Сейчас они переданы Срезневскому. Завтра же (8 февраля) Ивановский увидится со Срезневским и любой ценой обяжет его торопиться. Поспешность необходима, так как ты уступил издание «Словаря» одному из варшавских издателей и обязался отдать всю рукопись, просмотренную цензурой, не позднее 1 марта.

Гг. цензоры знают о процессах Дюма из-за несдачи рукописей в срок и, наверное, не захотят тебя подвергнуть этому. С этой же присказкой я был у профессора Порошина [4] 6 февраля в 11 часов утра. Он обещал немедленно поехать к Срезневскому и непременно обязать его — это его друг. Если понадобится, воспользуемся еще протекцией г. Плетнева [5] — ректора. Завтра (8-го) торжественный акт в университете, Срезневский будет предупрежден Ивановским. 9-го я сам пойду к Срезневскому, посмотрю, к чему привели ходатайства и просьбы.

Указания издателя «Обозрения» и автора «Словаря» считаю для себя строго обязательными.

А сейчас, мой дорогой, любимый Ипполит, расскажу тебе о моем молчании. 12 октября я возвратился в Петербург. Тотчас узнал от Ивановского, что первые четыре части уже просмотрены, и отправил их тебе. Поэтому мне не о чем было писать тебе как автору «Словаря». Но ведь ты мой близкий родст-

венник — Тетерев нас выбаюкал, скала Чацкого нас выкачала, белые грустные березы Каракульни — плакать научили [6].

Летом у меня были праздники.

В Петербурге я отправился в пустыню — бог знает, когда из нее выберусь. И ты, должно быть, бывал в пустыне. Собираю тряпки, чтобы сделать бумагу, выжимаю соки на чернила, оттачиваю перо. Что труднее всего дается — это оттачивание пера; но выдержу, но научусь.

Будьте бдительны и молитесь!

Ипполит, я люблю тебя, как родного брата. Братские приветы шлю твоей жене [7].

Ваш Сигизмунд

[P. S.] В январе 1847 г. я послал редактору «Колокола» [8] 15 руб. серебром с просьбой прислать мне «Колокол» и «Обозрение». Мой товарищ, который относил это письмо с деньгами на почту, адресовал его не г. Вильконскому, а второму редактору «Колокола» г. Дзеконскому и послал, кажется, с вручением издателю Межбаху [9]. Знаю, что какой-то варшавский издатель получал всю корреспонденцию г. Дзеконского.

Деньги как в воду канули — ни журналов, на которые они были высланы, и никакого ответа. Если это не причинит тебе беспокойства, узнай, куда девалось это письмо с деньгами.

Я просил тебя в Житомире и повторяю сейчас просьбу: постарайся, чтобы виленская газетная экспедиция поместила «Обозрение» в числе журналов, на которые можно подписаться при ее посредстве. «Библиотека варшавская» [10] помещена в списке. Пусть позаботится об этом и «Колокол», а также все три: «Обозрение», «Библиотека варшавская» и «Колокол».— Позаботьтесь, чтобы и петербургская газетная экспедиция поместила вас в числе журналов, на которые можно подписаться при ее посредстве; пока вы этого не сделаете, в империи вас будут читать как произведения прошедших лет, а не как периодические издания. На этом вы, должно быть, много теряете, так как то, что хорошо в периодическом издании, теряет свою ценность в законченном произведении. Вот посмотри, львовские издания далеко-далеко у гор, а однако позаботились о том, чтобы виленская газетная экспедиция поместила их у себя. Жаль, что они этого еще не сделали в Петербурге. Если ты знаком с кем-нибудь из редакторов познанских изданий, скажи им то же самое. Одна лишь «Познанская газета» [11] позаботилась о помещении и то только в Вильно. И много на этом теряет. Так как мы, например, в Петербурге получаем все газеты из Пруссии прямо из Берлина, а «Познанская» волочится в Вильно, сидит там долгие говения и потом взлелеянная идет в Петербург через три недели после выхода из Познаня, в то время как газеты из Берлина идут пять дней.

Насчет письма и денег, упомянутых выше, особо не усердствуй: спроси Межбаха и г. Вильконского, и этого довольно, так как у меня есть кратчайший путь — узнать через петербургский почтамт, куда девались письмо и деньги.

Сердечно тебя целую

Сиг[измунд]

№ 2

Петербург, 11 февраля 1848 г.

Любимый Ипполит! Я был у Срезневского. Этот человек сам не знает, чего придерживаться; колеблется, говорит, что не имеет права пропустить, не будучи уверен, нет ли там какой-нибудь запрещенной фамилии или слова. Не смеет решительно отбросить всего или части, так как там, может быть, нет ничего противного закону. Ни ладу с ним, ни складу — толку не добьешься!

Он не хотел обещать, что вернет рукопись к 1 марта, однако будет стараться как можно быстрее просмотреть ее. Только тогда он скажет, сможет ли сам подписать или отдаст на рассмотрение Цензурного комитета. Я говорил, чтобы он вычеркнул сомнительные места,— ответил, что не имеет права. Если комитет не разрешит такие места, то он отдаст на окончательное решение варшавской цензуре.

Никакие инстанции его коллег не помогают — он говорит, что никто не будет за него отвечать. В миллион раз лучше иметь дело с сильным, хотя бы злобным, чем с человеком добродушным, но бесхарактерным.

Все, что смогу, сделаю. Остаюсь Вашим другом

Ваш самый искренний Сигизмунд

№ 3

Петербург, 10(22) декабря 1856 г.

Брат Ипполит!

Помнишь ли ты нашу встречу в Житомире десять лет тому назад — я был тогда студентом университета, ты — редактором «Обозрения». Прошло 10 великих лет — я прапорщик драгунов[1], ты — редактор «Ежедневной газеты» 12). Отдаст тебе этот листок мой друг полковник Гувальд 13), едущий за границу. Это мой брат и друг с университетских времен.

Он расскажет тебе о моей и нашей жизни в Петербурге. Ты расскажи ему о Варшаве и вашей жизни. Возвращаясь из-за границы, он снова увидится с тобою. Обо мне ты узнаешь от Гувальда.

Ex publ. Желиговский 14) возвращается. Есть надежда, что он будет издавать в Петербурге польскую газету (издатель Вольф) 15). Мне очень хотелось бы быть в Варшаве, чтобы поговорить с тобою и твоими братьями. Пока я являюсь сотрудником «Современника», «Иностранные известия»[2] за ноябрь и декабрь мною выкованы. Чайковский 16) (профессор) писал в «Библиотеку варшавскую» и «Хронику» 17), предлагая сотрудничество одного из своих друзей (моей персоны). «Библиотека» и «Хроника» приглашают, но если я решусь писать, то предпочту писать в журнал, остающийся под твоей редакцией.

Ты знаешь, брат, на старость (мне уже 30 лет) на меня напала болезнь импровизации[1]. Стихоплетом, однако, не буду, ковать стихи не стану, импровизаций продавать не буду. Разве что когда приеду сам в Варшаву, прочту их тебе и братьям. Но за статьи, например «Известия», вы очень плохо платите, господа братья. «Современник»[1] дает мне поначалу по 25 руб[лей] сер[ебром] за печатный лист. Через год, если выдержу, смогу брать по 50. Может, я бы взялся писать вам «Известия» из Петербурга, во-первых, если думаешь, что в Варшаве пройдет хотя бы то, что в Петербурге, и что это принесет какую-нибудь пользу. Во-вторых, если будете платить хотя бы столько, чтобы хватило на книги, журналы и сапоги — чтобы не прозевать чего-нибудь нового.

В) «Современник»[1] просит меня об отчете о современной польской литературе и потом о постоянных отчетах. Укажи мне для этого материалы (например, вроде твоего «Словаря писателей», о судьбе которого напиши мне).

Во-вторых, скажи, стоит ли выписывать все три газеты, то есть: «Варшавскую», «Хронику» и «Ежедневную», чтобы следить за ходом литературы и писать отчеты (понятно[3] «Библиотеку» нужно будет выписать), и стоит ли вы-

[1] Подчеркнуто в тексте.

[2] Эти три слова в оригинале написаны по-русски. Далее в оригинале «Современник» вписан по-русски.

[3] В оригинале это слово зачеркнуто.

писывать...[1] Я пошлю тебе 12 рублей, чтобы ты мне выписал все три, и так: j'ai en vue[2].

Итак, в «Современник» отчеты о нашей литературе, в («Газету»[3]) твой журнал — отчеты о русской или об интересных заграничных известиях[4] из петербургских журналов. Гувальд тебе расскажет, как мы их составляем. Помни, что в русской литературе есть поэты, как Некрасов, о котором тебе расскажет Гувальд. Помни, что это мой брат. Нам нужно договориться и жить вместе — общими усилиями.

«Зачем Бог дал степи, если не для того,
Чтобы человек стремился к бесконечному
Вечному счастью — так, как бесконечно
Это море степей, цветистое, зеленое».

Твой вечный брат Сигизмунд Сераковский

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Юзеф Коженёвский — писатель, генеральный школьный инспектор в Царстве Польском. Его сын Ипполит учился до 1850 г. в Петербурге, впоследствии известный врач-практик и ученый.— 225.
2) Срезневский Измаил Иванович — знаменитый русский филолог-славист; с 1847 по 1850 г. цензор Петербургского цензурного комитета. В этом письме Сераковский неправильно пишет его фамилию.— 225.
3) Ивановский Игнатий Якинфович — профессор международного права Петербургского университета.— 225.
4) Порошин Виктор Степанович — публицист, до 1847 г. профессор политической экономии Петербургского университета.— 225.
5) Плетнев Петр Александрович — ректор Петербургского университета с 1840 по 1860 г., критик и поэт.— 225.
6) Сераковский имеет в виду места, близкие их юношеским воспоминаниям.— Житомир и его окрестности.— 226.
7) Анна Скимборович, урожденная Соколовская; в 1847 г. была арестована за активное участие в конспиративной работе. Сераковский не знал об ее аресте.— 226.
8) «Литературный колокол» («Dzwon Literacki») — журнал, издавался в Варшаве (1846—1848, 1853). Главным редактором был Август Вильновский. В состав редакции входили Богдан Дзеконский и др.— 226.
9) Межбах Самюэль-Генрих — варшавский издатель.— 226.
10) «Библиотека варшавская» («Biblioteka Warszawska»), Варшава (1841—1917).— 226.
11) «Газета Великого Княжества Познанского» («Gazeta Wielkiego Księstwa Poznanskiego»), Познань (1815—1865).— 226.
12) «Ежедневная газета» («Gazeta Codzienna»), Варшава (1831—1861). Владельцем и главным редактором ее был Александр Невяровский. И. Скимборович являлся соредактором.— 227.
13) Гувальд (Гоувальд, Гоувальт) Онуфрий Христофорович — полковник лейб-гвардии Павловского полка.— 227.
14) Желиговский Эдвард находился в то время в ссылке в Уфе. Речь идет о польской газете «Слово» («Slowo»), которая стала издаваться в Петербурге в январе 1859 г.— 227.
15) Вольф Маврикий — петербургский издатель.— 227.
16) Чайковский Антоний — поэт, профессор права в Петербургском университете, постоянно сотрудничавший в «Библиотеке варшавской».— 227.
17) «Хроника внутренних и заграничных известий» («Kronika Wiadomości Krajowych i Zagranicznych»), Варшава (1856—1860) — 227.

---

[1] Пропущено два слова, которые нам не удалось расшифровать.
[2] Буду иметь в виду (франц.).
[3] В оригинале это слово зачеркнуто.
[4] В оригинале написано по-русски.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЛЬВОВСКИХ АРХИВОВ О ПОСЛЕДНЕМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ФЕДОРОВА

Деятельность Ивана Федорова, выдающегося русского просветителя второй половины XVI в., зачинателя книгопечатания в Москве и на Украине, издавна привлекает к себе внимание историков, филологов и литераторов как в нашей стране, так и за ее пределами. Известная библиография, составленная А. П. Лебедянской (1935 г.), называет 523 книги, журнальные и газетные статьи, посвященные этому вопросу[1]. За 20 с лишним лет, прошедших с тех пор, библиографию Ивана Федорова можно было бы расширить не меньше чем вдвое: появились исследования акад. М. Н. Тихомирова А. А. Сидорова, А. С. Зерновой, Т. Н. Протасьевой, Г. И. Коляды, Т. А. Быковой, В. С. Люблинского, И. П. Крипякевича, американца Р. Якобсона, англичан Дж. Барникота и Дж. Симмонса.

Однако среди многих сотен работ, посвященных истокам русского книгопечатания, мы еще не можем назвать научной монографии, охватывающей всю многогранную деятельность Ивана Федорова. Одна из причин этого весьма прискорбного факта кроется в том, что до сего времени не собраны воедино документальные свидетельства о жизни и деятельности первопечатника.

В течение долгого времени единственным источником для изучения истории раннего русского книгопечатания служили предисловия и послесловия к первопечатным изданиям да немногочисленные и скупые свидетельства современников. В последние десятилетия много нового принесло изучение самих изданий — бумаги, гравюр, орнаментальных украшений, вкладных записей, приемов набора и верстки.

Известно, что архив Московского Печатного двора сколько-нибудь систематически сохранился лишь с 20-х гг. XVII в. Поэтому каких-либо документальных свидетельств о начале книгопечатания в Москве в нашем распоряжении не имеется. Значительно более поздние упоминания в летописях, конечно, не могут идти в счет.

Иначе обстоит дело, когда речь идет о пребывании Ивана Федорова на Украине. В 1884 г. Станислав Пташицкий опубликовал в Кракове 34 документа, извлеченных им из львовских архивов, которые позволяют сравнительно подробно проследить деятельность Ивана Федорова во Львове и Остроге[2].

В 1886 г. Петром Скобельским были опубликованы два послания константинопольского патриарха Иеремии и одно послание львовского епископа Гедеона Балабана, позволившие проследить судьбу львовской типографии Ивана Федорова[3]. Несколько ранее (в 1884 г.) другое послание Гедеона Балабана, а также акт о судебном приговоре относительно одной из львовских типографий Федорова были опубликованы во «Временнике Ставропигийского института»[4]. Подробная публикация документов Ставропигийского братства была предпринята Владимиром Мильковичем в 1895 г. во Львове[5]. Им была опубликована, в частности, жалоба львовских мещан на Гедеона Балабана, на совести которого было немало черных дел и среди них насильственная смерть сына Ивана Федорова Ивана Друкаревича, которого Балабан «в яму... всадивши... на смерть уморил»[6]. Любопытно, что эта публикация не была замечена ни одним из исследователей, впоследствии писавших об Иване Друкаревиче[7].

---

[1] А. П. Лебедянская. Материалы для библиографии Ивана Федорова. 1564—1933 гг. В книге «Иван Федоров — первопечатник». М.— Л., 1935, стр. 213—282.

[2] Ptaszycki St. Ivan Fedorowicz drukarz ruski we Lwowie z końca XVI wieku. «Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydzialu filologicznego Akademii Umiejętności». Krakow, 1886, т. XI, стр. 1—43.

[3] «Юбилейное издание в память 300-летнего основания Львовского Ставропигийского братства». Львов, 1886, стр. 58—59.

[4] «Временник Ставропигийского института». 1884, стр. 138, 141.

[5] «Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis simptibus Instituti Stauropigiani edidit Dr. Wl. Milkowicz», т. I. Leopolis, 1895.

[6] Там же, стр. 418.

[7] «Доля Хведоровича — сина нам не відома»,— говорит І. Огиенко (Історія українського друкарства, т. 1. Львов, 1925, стр. 232). Ср.: І. П. Крипякевич.

В 1893 г. в Киеве И. И. Малышевский опубликовал шесть документов, относящихся к деятельности Ивана Федорова в 1575—1576 гг. [8]. Документы эти были извлечены И. М. Каманиным из луцких гродских книг.

Наконец, в 1902 г. материалы львовских архивов исследовал Фердинанд Бостель, опубликовавший в Кракове еще шесть федоровских документов [9].

Последние десятилетия в области публикации новых документальных материалов о первопечатнике принесли мало нового. Можно упомянуть лишь один луцкий акт, опубликованный в 1926 г. В. Романовским [10].

Между тем, в наших архивах, несомненно, имеются еще неизвестные и неопубликованные материалы о жизни и деятельности Ивана Федорова. Предварительные поиски, предпринятые автором этих строк в львовских и виленских архивах, показали, что в этой области можно ждать самых неожиданных открытий [11].

Совершенно не изучен, например, заблудовский период деятельности первопечатника. Между тем, материалы о пребывании Ивана Федорова и Петра Мстиславца в Заблудове и Вильне, по-видимому, могут быть найдены в архивах Вильнюса и Гродно. На наш взгляд, должны быть проведены тщательные поиски федоровских документов также в архивах Львова, Киева, Минска, Кракова и Варшавы.

Одновременно следовало бы собрать воедино все опубликованные ранее материалы. Акты, ставшие известными нам благодаря трудам С. Птащицкого и Ф. Бостеля, не были переведены на русский язык и в России никогда не издавались (кроме одного документа, напечатанного в «Архиве Юго-Западной России» [12]). Упомянутые выше работы польских историков стали библиографической редкостью. Так, например, публикации Бостеля нет ни в одной из крупнейших библиотек Москвы.

В силу этого авторы, писавшие впоследствии об Иване Федорове, зачастую пользовались не публикациями Птащицкого и Бостеля, а кратким изложением содержания документов, приведенным в статье Птащицкого в «Русской старине» [13], а также в трудах И. Огиенко [14] и В. Романовского.

В течение длительного времени львовские архивы были практически недоступны для советских историков. Львовские же авторы (И. Огиенко, И. С. Свенцицкий, С. Ю. Бендасюк [15] и др.), усиленно разрабатывавшие вопросы истории книгопечатания, шли от опубликованных уже материалов и к архивным источникам не обращались.

Незнание первоисточников привело к серьезным ошибкам и искажениям в нашей литературе об Иване Федорове, рассчитанной главным образом на массового читателя (книги И. Баса, П. Березова, К. Осипова и др.). Из книги в книгу переходит, например, «львовский ростовщик Сенька Седельник», который будто бы «на

Звъязки Західної України з Росиею до середины XVII ст. Нариси. Киев, 1953, стр. 57—58. Недавно нами обнаружен неопубликованный документ, позволяющий точно датировать гибель Ивана Друкаревича. Публикация по этому вопросу готовится к печати (*Е. Н.*).

[8] И. И. Малышевский. Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника. «Чтения в Историческом обществе Нестора — летописца», кн. 7, 1893, стр. 111—116.

[9] F. Bostel. Przyczynek do dziejów pierwszej ruskiej drukarni we Lwowie. «Pamiętnik Literacki», zeszyt II, 1902, стр. 294—303.

[10] «Труди Українського наукового ин-ту книгознавства», т 1, 1926, стр. 54—55.

[11] Е. Л. Немировский. Новое об Иване Федорове. «Полиграфическое производство», 1958, № 12, стр. 21—22.

[12] Тот же акт — договор Ивана Федорова с Гринем Ивановичем — был в 1908 напечатан Ф. И. Свистуном («Вестник Народного Дома», т. XXVI (IV). Львов, 1908, стр. 200—202) со следующим примечанием: «эта записка (акт) до сих пор не была публикованная и поэтому есть неизвестная».

[13] С. Л. Пташицкий. Иван Федоров, московский первопечатник. Пребывание его во Львове. «Русская старина», 1884, кн. 3, стр. 461—478.

[14] І. Огієнко. Історія українського друкарства, т. І. Львов, 1925.

[15] И. Свенцицкий. Початки книгопечатаня на землях України. Жовква, 1924; С. Ю. Бендасюк. Общерусский первопечатник Иван Федоров и основанная им Братская Ставропигийская печатня во Львове. Львов, 1934.

кабальных условиях» ссудил первопечатника значительной суммой денег, а затем всячески преследовал его. Между тем, Семен Седляр был одним из образованнейших людей своего времени, ростовщичеством не занимался и, несомненно, сыграл положительную роль в создании первой львовской типографии Ивана Федорова [16].

Документы, опубликованные Пташицким и Бостелем, Скобельским и Мильковичем, в течение более чем полувека не привлекали внимания исследователей, а между тем, в эти годы львовские архивы неоднократно подвергались опасности и потеряли большое количество собранных в них материалов. Следовало бы выяснить, сохранились ли материалы об Иване Федорове и доступны ли они для изучения в настоящее время.

В октябре 1958 г. нам удалось обнаружить в ЦГИА УССР во Львове большинство из опубликованных упомянутыми выше исследователями документов. Сохранились они превосходно в фондах Ставропигийского института во Львове (ф. 129), Совета города Львова (ф. 52), Львовских гродских книг (ф. 9).

Вместе с тем в упомянутых фондах нами было найдено большое количество неопубликованных актов, относящихся к деятельности лиц, так или иначе соприкасавшихся с первопечатником. Особый интерес представляют материалы о Лаврине Пилиповиче (или Филиповиче) [17]. Этот «русский художник», как его называют акты, был близок с Иваном Федоровым и, по-видимому, принимал деятельное участие в художественном оформлении его изданий. Следует отметить также материалы о Федоре Антипорковиче — шурине Ивана Друкаревича [18], об Иване Бильдяге [19], в доме которого хранилось типографское имущество Ивана Федорова, о типографах Бартоломее Шарфенбергере [20] и Павле Щербиче [21]. Найдены, наконец, документы, повествующие о судьбе Ивана Друкаревича [22].

Несомненно также, что в львовском архиве имеются и неизвестные документы, связанные непосредственно с Иваном Федоровым. В течение двухнедельного пребывания во Львове нам удалось отыскать два таких документа.

Первый из них [23] относится к маю 1579 г. Это запись о «сходке мещан львовских русских до монастыря святого Онофрия для осмотрения складу и всех речей (т. е. вещей.— *Е. Н.*) церковных». На сходку собрались «старший и молодший». Среди перечисленных в документе имен мы находим много известных лиц, с которыми так или иначе была связана судьба Ивана Федорова. Был здесь богатый мещанин «Иван Крамар прозвище Богатырец», тесть Сачко Сеньковича, злейшего врага первопечатника. Присутствовал «пан Сава Гречин» — богатый греческий купец Сава Федорович, обосновавшийся во Львове в 1571 г. (В актах его нередко именуют, как и первопечатника, Федоровичем, поэтому надо быть осторожным, чтобы не спутать их.) Упомянут в акте и Иван Бильдяга, в доме которого хранилось оборудование последней типографии Ивана Федорова.

Вещи показывал «отец Леонтий, служитель церкви святого Онофрия». Тут же была составлена их подробная опись, представляющая большой интерес. Как известно, Иван Федоров был похоронен в Онуфриевском монастыре. По мнению некоторых исследователей, здесь же, в монастыре, помещалась и его типография.

Любопытно, что среди 30 книг, имевшихся в церкви и отмеченных в описи, лишь одна — печатная. Это «Евангелие учительное», отпечатанное Иваном Федоровым в 1569 г. в Заблудове.

В данный момент нас более всего интересует фраза, приведенная в конце этого документа; в ней говорится о том, что отец Леонтий, кроме различной утвари и

[16] Справедливую оценку деятельности Семена Седляра дает И. П. Крипякевич, который весьма много сделал для изучения окружавшей Ивана Федорова среды.

[17] ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 52, кн. 367/384, стр. 223, 224, 237 и мн. др.

[18] Там же, кн. 18, стр. 1045 и др.

[19] Там же, кн. 17, стр. 524, 1086 и др.

[20] Там же, кн. 18, стр. 1224—1226 и др.

[21] Там же, кн. 17, стр. 103, 202, 511, 582, 855, 1015; кн. 18, стр. 1036—1037 и др.

[22] Там же, кн. 19, стр. 38; кн. 384, стр. 813 (последний документ упоминается в указанной выше работе И. Крипякевича).

[23] Там же, ф, 52, ф. 129, оп. 1, св. 20, д. 1115, лл. 1—2.

книг, показал «перед всеми пенязи (т. е. деньги.— *Е. Н.*) церковные, осьмдесят золотых в тот час».

О судьбе этих восьмидесяти золотых рассказывает второй документ, относящийся к августу 1588 г.[24]. 10 августа «в субботу, были мещане у монастыря, старший и молодший, а была того причина же отец Леонтий занедужил». В связи с этим прихожане решили проверить, в целости ли находится «монастырский... скарб як убир церковный и книги». Все оказалось на месте: «не прибыло ничего, а не тыж убыло». Отсутствовали лишь восемьдесят золотых. Эти «осмидесят золотых церковных (отец Леонтий) дал был пред тым небожчикови (т. е. покойному.— *Е. Н.*) Иванови Друкареви без нашей воли на Апостолы. И по смерти Ивана Друкаря узял отец Леонтий 40 Апостолов за тыи осимьдесят золотых и показал их нам у закрестий».

Остановимся вкратце на важнейших вопросах, которые встают перед исследователем в связи с новыми сведениями об Иване Федорове.

Прежде всего, напомним, что львовский «Апостол» был выпущен в свет 15(25) февраля 1574 г. Основной тираж его, по-видимому, разошелся. Остатки же тиража — 140 книг — вместе с оборудованием типографии первопечатник заложил в 1579 г. Израилю Якубовичу[25]. Трудно предположить, что закладывая книги, а также «вещи, литеры и формы, и все другие принадлежности, потребные для печатания книг», Иван Федоров оставил некоторую часть тиража себе.

Первопечатник переселился во Львов из Острога в начале 1583 г. К этому времени и следует отнести его заем у отца Леонтия. Однако, отдавая печатнику деньги, Леонтий не взял у него одновременно книги. «Апостолы» он «узял» лишь «по смерти Ивана Друкаря». Причину этого следует искать в том, что в момент займа книг еще не было, а в промежутке между займом и кончиной Ивана Федорова, последовавшей предположительно 6(16) декабря 1583 г., они могли быть получены или же путем выкупа у Якубовича, или же... напечатаны. Первое предположение следует сразу же отмести, ибо известно, что залог оставался у Якубовича еще 4 декабря 1584 г., когда он обратился в львовский еврейский суд с просьбой признать его полноправным владельцем оставшегося после Ивана Федорова заклада.

Остается предположить, что Иван Федоров предпринял в 1583 г. новое издание «Апостола». В связи с этим можно припомнить, что в описи имущества Ивана Федорова, хранившегося в доме Ивана Бильдяги, упоминаются «80 неоконченных библий», а также набор отдельных страниц[26]. Основываясь на этом документе, Ф. Востоков в свое время выдвинул версию, что кроме «Острожской библии» существовала «Львовская библия», печатать которую Иван Федоров начал в 1583 г. Не является ли вновь найденный документ подтверждением этой версии?

Известно, что на могильной плите Ивана Федорова была начертана надпись, гласящая, что печатник «своим тщанием друкование занедбалое обновил». Отнести эти слова к 1574 г., когда были напечатаны «Апостол» и «Начало учения детем», нельзя, ибо до этого года в Львове вообще не было типографий. Нам думается, что слова эти относятся к деятельности Ивана Федорова в 1583 г., когда он после десятилетнего перерыва вновь завел книгопечатание славянских книг в Львове, организовал здесь типографию и напечатал (или начал печатать) новые издания «Апостола», а возможно и «Библии». Мнение это подтверждается и посланием епископа Гедеона Балабана от 10 декабря 1586 г., в котором, в частности, говорится: «*Недавнего часу* (курсив наш.— *Е. Н.*) в воле божеи... внесена была до тых краев наших друкарня русская, которая ижь за недостатком, а потом за смертю друкаря тоеи друкарня згасла»[27]. Трудно предположить, чтобы слова «недавнего часу» относились к событиям двенадцатилетней давности.

---

[24] ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, св. 20, д. 1115, л. 2 об.
[25] Там же, д. 65, лл. 1—1 об.
[26] Там же, ф. 52, кн. 320/337, стр. 274—275.
[27] Там же, ф. 129, д. 75.

Свою последнюю типографию Иван Федоров, «впадши в болезнь ко смерти... заставил в згиненое имя до жидов в суме не малой, в полторы тысячи золотых»[28]. Эта типография и была впоследствии выкуплена братством Успения Пресвятыя Богородицы. Между тем, все авторы (кроме И. Крипякевича), писавшие о первопечатнике, утверждают, что типография была выкуплена братством у Якубовича, забывая, что заклад последнему был сделан еще в 1579 г., причем в сумме не 1500, а 411 золотых.

Таким образом, нами может быть сделан вывод, что в 1583 г. Иваном Федоровым во Львове была основана новая типография, в которой им был отпечатан ряд изданий. Типография эта, по-видимому, находилась в Онуфриевском монастыре, ибо отец Леонтий «узял» «Апостолы» сам, не прибегая к помощи властей, как это впоследствии пришлось сделать кредиторам первопечатника Сачко Сеньковичу, Даниле Пушкарю и Сеньке Корунке.

Любопытно, что после смерти отца Леонтия, последовавшей вскоре же за составлением опубликованного выше документа, Сачко Сенькович с товарищами тайком проник в келию покойного, забрал ключи и ограбил церковь. Не искал ли Сенькович, державший типографию во Львове, взятые в свое время Леонтием «Апостолы» и другие книги и вещи, оставшиеся после Ивана Федорова?

Утверждение это ныне может считаться доказанным, и вот почему. В апреле 1590 г. «поп русский» Симеон подал жалобу на Ивана Рогатинца седляра, который «взял библию его словенскую в школе у Стефана дьяка, которую библию, поведал тот поп, я купил у попа Матвея Николенского». Приведенный к ответу Иван Рогатинец заявил, что библия, о которой идет речь, принадлежит к книгам, «украденным из скарбницы церкви монастыря нашего святого Онуфрия... в мор»[29].

Симеон в ответ на это по-прежнему настаивал, что книгу он купил у попа Матвея. Тогда к ответу был позван последний. Он засвидетельствовал, что библию ему «дал небожчик Сачко, будучи больным» для того, чтобы поп «чинил за душу его». Круг замкнулся.

Такова печальная судьба одного из последних изданий Ивана Федорова.

Краткий обзор документальных материалов львовских архивов о последнем периоде жизни и деятельности Ивана Федорова, приведенный нами выше, не претендует на полноту. Хочется надеяться, что он будет пополнен и углублен последующими исследованиями.

Е. Л. Немировский

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Запись из кассовой книги Братства и типографии о сходке львовских мещан для осмотра церковной утвари и книг монастыря святого Онофрия

12 мая 1579 г.

Року 1579, 4 неделя по великодни, в второк мая 12.

Была сходка мещан львовских, русских до монастыря святого Онофрия для осмотрения складу и всех речей церковных. На тот час были старшии и молодшии. Перший пан Марко Грек, другий пан Грицко Дуда, третий пан Стецко зять Красовский, четвертый пан Леско Маленкий, пятый пан Хома Бабич, шостый пан Васко Теневич, семый пан Сава Гречин, осмый пан Иван Наместник, девятый пан Дмитро Красовский, десятый пан Юрош Кравец, 11— Иван Крамар, прозвище Богатырец, 12 — Хома Кушнер, 13 — Мацко Иванович, 14 — Лука Губин сын, 15 — Иван Мицкевич. А пана Грицка Дуды и пана Ивана Билдяги в тот час дома не было. Там же тый вышепомяненный суседе ви-

[28] ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, св. 20, д. 67.

[29] «Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis», т. I. Leopolis, 1895, стр. 225—226.

дели все, что им показывал отец Леонтий, служитель церкви святого Онофрия.

Наперед видели 2 миней месячных.

Охтайков два, прелоги два.

Напрестольных евангелий двое, сребром оправлено обое и позлочисто обое.

Учительных евангелий двое, едино писаное старое, а другое друкованное новое.

Два служебники. Устав един.

Две псалтыри. Двои книжки четий.

Богородничий един, помянник паргаминовый.

Да служебник старый на паргамине.

Всех книг тридцатеры и с триодями.

Все сребро: крест един сребряный позлотистый и с столцем мосяжным.

Два кресты — деревянный, малеванный.

Келих сребряный позлотистый, к ему миска и звезда, и лыжка сребряная, тое трое непозлотисто.

Келих и миска, и звезда, и лыжка ценовое.

Кадильница сребряная, важи шести гривен сребра, которую дала церкви Ксения Ивановая Богатырцевая по Иване муже своем, с роботою коштует семьдесят золотых.

Един воздух китайчаный, чирвоный, злотом вышиваный.

Два воздушки малый китайчаный.

Да един воздух полугатласовый, чирвоный, злотом прошиваный.

Еще два воздушки малый, простый.

Покровец червонного ползаксомита, что постилают под праздником.

Еще един покровец старый, пестрый.

Ковалец полаксамита брунатного рытого.

Две завесе до двери злотоглаву чирвонного, един долгий, а другий короткий.

Едни ризы адамашковый белый, крест на них перловый, а оклад злотоглавовый.

Другий ризы чемлетовый белый, злотоглавом турецким обложенный.

Третий ризы чемлет гвоздиковый, оклад на них аксамит черный.

Четвертый ризы полотняный, оклад на них чирвонный адамашок.

Особно шестеры риз полотняный.

Еще едны ризы старый, червьчатый.

Ораров дьяконских два; един куфтеевый, а другий вышиваный.

Един стихарь брунатный мухайровый, китайкою черною обложен.

Еще четыре стихаре белых полотняных.

Един епетрахил аксамитный черный, два креста на нем, золотом шитый, чашок на нем сребряных пять.

Другой епетрахил куфтеровый старый, пугвиц на нем сребряных пять невеликих.

Третий епотрахил злотоглавовый, две кресты на нем тисненного сребра.

Старых епетрахилев четыре.

Над образом пречистой завеса китайчаная, чирвонная и с обшлаком.

Над другими образы чинтокора пестрая едвабная.

Над образом святого Николы чинтокора пестрая.

Покрыта на престоле полаксамит брунатный до земли.

Двой на раквице злотоглавовый.

Третий на раквице аксамитный, черный.

Еще двой на раквице чирвонный, адамашковый.

Еще един на раквице брунатный, полаксамитный.

На жертовнику покровец чирвонный, бархатный.

Покрывало старое, полаксамит чирвонный.

Одевало сукняное черное, простое.

Котел церковный и две ланцухи.

Две панви церковных и медница.

Тое все видевши, засдали до рук отцу Леонтию. Зознал тыж отец Леонтий перед всеми пенязи церковный осмьдесят золотых в тот час. Там же были и права тоей церкви на кгрунт монастырский, пятеро все и завесистые печатми.

ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, св. 20, д. 1115, лл. 1–2. – Подлинник.

№ 2

Запись из кассовой книги Братства и типографии о проверке церковного имущества монастыря святого Онофрия

10 августа 1588 г.

Року 1588, августа 10 день, в субботу были мещане у манастыри старший и молодший, а была того причина же отец Леонтий занедужил. И пытали его, если все есть у целе монастырское, так скарб, як убир церковный и книги. Зезнал же вшитко у целе — не прибыло ничего, а не тыж убыло. Едно зезнал же тыж: осмидесят золотых церковных дал был пред тым небожчиковы Иванови Друкареви без нашей воле на Апостолы. И по смерти Ивана Друкаря узял отец Леонтий 40 Апостолов за тыи осмьдесят золотых и показал их нам у закрестии. То пал по копе Апостол.

Там же пытали ж мы у тот час, если хочет заховати тот тестамент, который учинил за доброй намяти своей при добром здоровью будучи в року 1575-м. Отец Леонтий поведал же: стою при тым тестаменте — и потвердил его в тот час.

ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, св. 20, д. 1115, л. 2 об.— Подлинник.

Критика Библиография

ДОКУМЕНТЫ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАПАДНОУКРАИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ [1]

Перед нами первая крупная публикация архивных документов, посвященная революционной деятельности западноукраинских писателей в 1921—1939 гг. В сборник включено 175 документов за эти годы. Все они, кроме док. №№ 55 и 62, публикуются впервые. 118 документов являются подлинниками; среди них автографы Я. Галана, П. Козланюка, В. Бобинского, Я. Кондры. Основная часть публикуемых документов хранится в Государственном архиве Львовской области, остальные — в государственных архивах Брестской, Ровенской, Волынской и Станиславской областей, а также в ЦГИА УССР во Львове и в рукописном отделе Института литературы им. Т. Г. Шевченко Академии наук УССР, в Партийном архиве Института истории партии при ЦК КПУ и в личном собрании писателя А. Волощака

По своему характеру документы разнообразные, но в большей части это полицейская и судебная документация: постановления, распоряжения, отчеты, донесения судебных, полицейских и других административных органов буржуазной Польши. Впервые публикуется перлюстрированная переписка Я. Галана (1933—1935 гг.).

Документы освещают участие западноукраинских пролетарских писателей в революционном движении, их работу в редакциях коммунистических газет и журналов, деятельность прогрессивных организаций. В особую группу выделены воспоминания современников о Я. Галане, А. Гаврилюке, С. Тудоре, В. Бобинском.

Публикуемые документы дают много нового для изучения формирования общественно-политических взглядов Я. Галана. «Вікновський» период его деятельности — важнейшая ступень в формировании мировоззрения писателя-революционера. В это время, как справедливо отмечается в воспоминаниях К. Билинского, Галан становится боевым публицистом; «своим пером, как солдат винтовкой, он наносит беспощадные удары по Ватикану, украинским буржуазным националистам, панам и подпанкам» (стр. 303). К сожалению, в сборнике очень мало документов, характеризующих этот период. И не потому, что таких документов нет вообще, а потому, что составители провели недостаточную работу по их выявлению [2].

Среди документов, опубликованных в сборнике за эти годы, большой интерес представляет письмо Я. Галана жене (от 28 марта 1931 г.), в котором он характеризует ту обстановку, в которой приходилось работать ему и его товарищам в период все возрастающих полицейских преследований коммунистов (стр. 291).

Работа писателя в революционной печати выдвинула его на передний край борьбы за интересы трудящихся масс, помогала ему правильно оценивать обстановку и видеть перспективы. «Колесо истории и развития...,— писал он в упоминаемом нами письме к жене,— никому еще не удавалось и не удастся остановить, какие б средства ни употреблял и какими б ни оперировал фашизм.

Однако мы не имеем права думать, что за нас делает время или разочаровываться из-за неудач. Мы до победного конца должны стоять твердо и уверенно на наших местах с верою в свою справедливость и победу». В конце этого же письма Я. Галан писал: «Письма мои читай в кругу наших людей, чтобы люди не отчаива-

---

[1] Революційна діяльність західно-українських пролетарських письменників. Збірка архівних документів. Упорядники Г. С. Сизоненко, Ю. С. Мельничук. Львів, 1959, 340 стр.

[2] Подтверждением этого является публикация писем Я. Галана 1930—1932 гг. в настоящем номере «Исторического архива».

ись и не пасовали перед неудачами или жертвами, которые будут. Без этого ина[че] не может и быть. Борьба двух миров. [С]тарый мир перед новым без бою не усту[п]ит» (стр. 291—292).

К концу 1932 г. в буржуазной Польше [и], в частности, во Львове усиливается ре[а]кция. Власти закрывают все немного[ч]исленные прогрессивные издания: жур[н]алы — «Вікна», «Кооперативні вісті», [«Н]ові шляхи», газеты — «Сила», «Народна [тр]ибуна». Редакторов этих изданий аре[с]товывают (док. № 48). В этих условиях [Я]. Галан вынужден был выехать из Льво[в]а в с. Березов-Нижний к тестю.

В сборнике публикуется 19 документов [и]з переписки Я. Галана за 1933—1935 гг. [Ср]еди его корреспондентов — С. Тудор, [П]. Козланюк, И. Галан (брат писателя), [В]. Шаян, Л. Кушка и др. Письма Я. Га[л]ана адресованы жене Анне Галан, кото[р]ая летом 1932 г. выехала в Советский Со[ю]з и училась в Харьковском медицинском [ин]ституте, писателю А. Волощаку в ре[да]кции газет и издательств.

Ряд полицейских документов (док. №№ 55, 78, 79) содержат важные све[де]ния о деятельности Я. Галана в эти [го]ды.

Изучение этих, хотя и немногочислен[н]ых, документов показывает, что в пери[од] 1932—1935 гг. Я. Галан вел активную [ре]волюционную деятельность. Он уста[на]вливал связи с местными передовыми [л]юдьми, с революционным подпольем [Л]ьвова, проводил работу по организации [к]омитетов голодающих.

Однако работа, которую проводил Я. Га[л]ан в условиях своей принудительной [«]ссылки» (док. № 112), не удовлетворяла [ег]о. В письме А. Волощаку 21 марта [19]34 г. он писал: «Жаль мне двух моих [по]следних лет, как родного ребенка. И не [зн]аю, сколько еще дней таких передо [мн]ой» (док. № 15).

Важным и совершенно не исследован[н]ым является вопрос о связях Я. Галана [с] издательствами и писательскими орга[ни]зациями Советского Союза. «Глубоко [ра]дуюсь успехам Советского Союза, и [де]ло роста его победы стало смыслом мо[ей] жизни»,— писал он в феврале 1934 г. [(д]ок. № 111). В сборнике имеются сведе[ни]я о сотрудничестве Я. Галана в совет[ск]ой печати и переписке его с советскими [из]дательствами, театрами и пр. (см. док. № 104, 107, 110, 111, 116, 120, 122). Одна[ко] сведения эти косвенные и, безусловно, [не]достаточные для более или менее ши[ро]кого раскрытия этого вопроса.

Из публикуемых в сборнике докумен[то]в мы узнаем, что Я. Галан в эти годы [ст]ремился получить у польских властей [ра]зрешение на выезд в Советский Союз [(с]м. док. №№ 111, 113, 116).

В сборнике имеются также материалы [о] А. Гаврилюке, С. Тудоре, В. Бобинском, [А]. Пелехатом, П. Козланюке и других [пр]едставителях революционного направ[ле]ния западноукраинской литературы.

Особый интерес представляют материалы о Василе Бобинском — редакторе газеты «Світло» и первом редакторе журнала «Вікна», так как о деятельности этого видного революционного писателя совершенно не упоминается ни в литературоведческих, ни в исторических работах. Однако характер документов о В. Бобинском, опубликованных в сборнике и представляющих полицейские донесения и т. п., требуют критического подхода. Это — протоколы допросов В. Бобинского после его ареста в апреле 1926 г., донесения полицейских управлений об его аресте и обыске в редакции газеты «Світло», акт обвинения В. Бобинского в коммунистической деятельности, документы об аресте сотрудников газеты «Світло» М. Вовка и А. Матуливны и др. Все эти документы представляют научную ценность и могут быть успешно использованы исследователями.

В полицейских, судебных и других административных материалах, опубликованных в сборнике, содержится много интересных сведений о деятельности партии «Сельроб — єдність» [3]. Из сообщения начальника отдела общественной безопасности Люблинского воеводского управления уездным старостам мы узнаем о II Краевом конгрессе (съезде) партии «Сельроб — єдність». Здесь же сообщается количество участников съезда, повестка дня, списки членов ЦК, выступающих на съезде, и другие сведения. В сообщении указывается, что этот съезд прошел удачно (док. № 23).

Западноукраинские революционные писатели использовали в своей работе различные легальные организации: в сборнике имеются документы о деятельности Белорусского крестьянско-рабочего клуба депутатов и участии в ней Александра Гаврилюка, документы о Товариществе рабочих университетов, о Львовском отделении Лиги защиты прав человека и гражданина.

Большую роль в революционном воспитании трудящихся масс Западной Украины сыграла прогрессивная печать. В распоряжении Министерства внутренних дел об усилении надзора за коммунистическими издательствами указывалось: «Кроме легальных прокоммунистических периодических изданий, по инициативе компартии печатаются многочисленные брошюры, которые в положительном свете рассказывают о внутреннем положении в СССР и на этом фоне указывают на пороки и недостатки так называемых буржуазных государств. Эти брошюры, которые широко распространяются, очевидно, представляют серьезный материал, который революционизирует массы» (док. № 71). Далее указывается, что такие брошюры издаются преимущественно в Вар-

[3] Эта партия была легальной организацией. Запрещена в 1932 г.

шаве и во Львове, и отдается распоряжение об усилении надзора за издательствами и конфискации этой литературы.

В сборнике имеются документы о газетах «Світло» и «Сила», которые являлись легальными органами Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ). Читатель найдет здесь некоторые документы о первом легальном органе революционного направления западноукраинской литературы — журнале «Вікна». Целый ряд документов (док. №№ 136, 141—145, 153) характеризует работу издательства «Книжка», организованного КПЗУ в 1929 г. Оно имело свой книжный магазин, пропагандировало и распространяло прогрессивные и коммунистические издания, а также советскую литературу.

Газеты «Світло», «Сила», журнал «Вікна» и другие издавались в условиях жестоких притеснений цензуры и полицейских властей, в обстановке повседневной травли со стороны реакционно-националистической печати. В сборнике публикуется большая группа документов, освещающая самоотверженную борьбу западноукраинских революционных писателей, сотрудничавших в прогрессивных изданиях.

Прогрессивная интеллигенция Западной Украины горячо поддержала инициативу Ромен Роллана, Анри Барбюса, Бернарда Шоу и Максима Горького в проведении 23 июля 1932 г. Международного боевого конгресса против войны.

Собравшаяся 5 июня 1932 г. во Львове конференция прогрессивной интеллигенции приняла обращение к рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции Западной Украины с призывом бороться против новой империалистической войны. В сборнике публикуется обращение конференции, которое подписали 54 человека. Среди них: Степан Тудор, Ярослав Галан, Петро Козланюк, Александр Гаврилюк и другие.

Вторым крупным массовым революционным мероприятием, проведенным во Львове 16—17 мая 1936 г. под руководством КПЗУ при непосредственном участии западноукраинских революционных писателей, явился Антифашистский съезд работников культуры. В сборнике публикуется сообщение об этом съезде и принятая на нем резолюция (док. № 62).

Публикация документов Антифашистского съезда работников культуры уточняет ряд фактов разноречивых сообщений, появившихся в нашей литературе, в частности — дату съезда. Так, в 1950 г. Б. Буряк писал, что съезд проходил летом 1936 г.[4], а в 1958 г. он же утверждал, что в апреле[5]. Ю. Мельничук в ряде своих работ писал, что съезд проходил в июне[6], В. Беляев считал, что весной[7].

Таким образом, даже краткая характе-ристика опубликованных в рецензируемо сборнике документов позволяет говорит о его большой научной ценности.

Однако интересный по составу докумен-тов сборник имеет ряд весьма существе-ных недостатков. Так, например, в осн-ву систематизации составители положил группы документов, отложившихся в т или иных судебных органах. В результат документы о деятельности того или ино писателя, например Я. Галана (1932 1935 гг.), разбросаны по всей книге. Т-кое же положение с документами о А. Гаврилюке, С. Тудоре и др.

Было бы более правильным выделить разделы определенные периоды в деятел-ности западноукраинских пролетарских п-сателей.

Но и принятая составителями системат-зация не выдерживается: заголовки дан только ко второму и пятому разделам, остальные три их не имеют.

Нельзя не отметить небрежную перед-чу текста документов. Многие документ публикуются в переводе с польского, о-нако ряд слов (posterunek и др.) почему то на украинский язык не переведены.

В документах, подлинники которых с-ставлены на украинском языке, составит-ли оставили без пояснений многие сло польского происхождения, а также цел ряд устаревших слов или употреблявши-ся только в западноукраинских диалект и непонятных широкому читателю. Нап-мер: «наступків», «рецитували», «прелег-тами», «фортуванням», «нагінка», «наї-ник» (по смыслу это слово должно оз-чать: «захватчик» — от польского naj-dźca), «назадницької», «торощена», «зтля-хшальтування» и др. (последних трех сл нет ни в польском, ни в украинском слов-ре; по смыслу они должны означать: «р-дакционной» (прессы), «преследуема (независимая литература), «выравнива под одну гребенку»).

Много неточностей имеется при дат-ровке документов; во всех случаях, дата документов определялась состави-лями, допущены ошибки. Так, док. № автобиографию Я. Галана, составит датируют 4 декабря 1928 г. на основан док. № 16 — разрешения Министерства лигиозных вероисповеданий и народн просвещения, выданного Я. Галану на п во преподавания в средних школах по

---

[4] Б. Буряк. Жизнь как подвиг. В кн.: Александр Гаврилюк. Береза. Львов, 1950, стр. 14.

[5] Б. Буряк. Ярослав Галан (биографическая справка). В кн.: Ярослава Галан. Избранное. М., 1958, стр. 595.

[6] Ю. Мельничук. Ярослав Гал Літературно-критичний нарис. Київ, 19 стр. 16; Ю. Мельничук. Ярослав лан. Життя, революційна і літерату діяльність. Львів, 1953, стр. 22, 54.

[7] В. Беляев. Ярослав Галан. В н Ярослав Галан. Избранное. М., 19 стр. 5; В. Беляев. Путь борца. В н Ярослав Галан. Свет с Востока. М., 19 стр. 17.

ского и украинского языков и датированного 4 декабря 1928 г.

Но разве этого достаточно, чтобы автобиографию Я. Галана датировать этой же датой? В тексте док. № 16 имеется другая дата, по которой можно более точно датировать автобиографию Я. Галана. Это — дата подачи им заявления с просьбой разрешить преподавать в средней школе. Вероятнее всего предположить, что автобиография была приложена Я. Галаном к заявлению и написана в тот же день — 22 октября 1928 г.

Док. № 27 — письмо Я. Кондры в редакцию журнала «Нові шляхи» — датирован составителями 25 августа 1930 г. Но из текста предыдущего документа, датированного 5 августа 1930 г., создается впечатление, что в редакцию журнала «Нові шляхи» Я. Кондрой отослана еще не написанная работа.

Слишком приблизительно и без достаточных оснований датированы составителями док. №№ 52, 120, 121.

Док. № 165 — памятная записка протоколиста Львовского окружного суда Гросмана о передаче надзора за Я. Галаном IV комиссариату Государственной полиции г. Львова — датирован составителями 1 июня 1938 г.; в подстрочном примечании указано, что «дата установлена на основании документа от 3. VI—38 г.». Но документа от 3 июня 1938 г. в сборнике нет, а из содержания следующего документа — № 166 — видно, что док. № 165 датирован неверно.

Как ни оперативна была Львовская полиция, трудно представить, чтобы в один и тот же день было составлено два документа, причем в одном из них сообщается, что Я. Галан с «завтрашнего дня будет проживать на ул. Генинга, 34», а в другом,— что он «проживает сейчас во Львове, на ул. Генинга, 34».

Вызывает недоумение датировка документов №№ 9, 62, 81 и др. Например, в док. № 81 требуется представить отчет к 14 сентября 1934 г., а распоряжение отдается 22 сентября 1934 г.

В разделе воспоминаний современников о Я. Галане, А. Гаврилюке, С. Тудоре, К. Пелехатом и др. датировка вообще отсутствует, если не считать стихотворения Леона Пастернака. Неясно, когда эти воспоминания были написаны, специально ли они заказывались для сборника или получены каким-либо иным путем; если публиковались ранее, то где.

Совершенно неудовлетворительно подготовлен научно-справочный аппарат: указатели и перечни содержат столько ошибок, неточностей и искажений, что пользоваться ими практически невозможно.

Многие сокращенные слова, встречающиеся в тексте, не вошли в этот список сокращенных слов (см. док. №№ 47, 74, 82, 99, 109, 120). Составители не последовательны в пояснении сокращенных слов. В ряде случаев наряду со списком они дают также подстрочные примечания (см. док. №№ 29, 109, 110). В тексте документов встречается сокращенное слово МОДР; по-украински это правильно, но в списке сокращенных слов мы читаем МОПР (см. док. №№ 66, 102).

Из вступительной статьи «От составителей» можно заключить, что документов по данной теме выявлено гораздо больше, чем опубликовано. Однако составители не дают списка выявленных документов и не используют их в комментариях. Вообще документы сборника не комментированы, хотя некоторые из них в этом очень нуждаются. Так, например, в док. № 5 указывается, что В. Бобинский был арестован в типографии «Новочасній» 24 апреля 1926 г. в 6 час. 30 мин. вечера. А в док. № 6 говорится: «23. IV. 26 г. заарештовано Василя Бобинського».

Нуждаются в комментариях док. №№ 2, 9, 10, 13, 14, 103, 110 и многие другие.

В именном указателе дано 472 фамилии; из них 93 — без пояснений, многие — без инициалов. Очень часто одно и то же лицо приводится в указателе дважды, трижды и даже четырежды (Галан А.— жена Я. Галана, Галан И.— брат Я. Галана, Геник А.— брат жены Я. Галана, Билинский К., Пйотровский Д., Радик А., Стефаник В.). Вместе с тем некоторые лица вообще не вошли в указатель (Шаян В., Радик В.— см. стр. 116, 138, 216). Целый ряд фамилий в указателе искажен. Например, вместо правильного написания: Билек Л., Радик В., Симчик-Гризун М., Сыско М., в указателе — Билик Л., Рудик В., Симчин М., Сыска М. Иногда имя перепутано с фамилией. Так вместо Коляса Францишек в указателе дается Францишек К. Здесь же читатель найдет фамилии лиц, встречающихся в сборнике, но с неправильными отсылками на страницы. Бывает даже и так, что в указатель включены фамилии, которых вовсе нет в книге. Например, Билинский К.— стр. 301, Билинский М.— стр. 75, Вальницка — стр. 154, Гольфельди — стр. 118, 124, Розенберг — стр. 136 и др.

Небрежно составлен и географический указатель. Для многих географических пунктов указаны не все страницы, где они встречаются в тексте (например, с. Березов-Нижний). В ряде случаев вместо одного географического пункта ошибочно указывается другой, одни и те же географические пункты указываются как разные.

Львовские архивисты проделали большую и полезную работу; в содружестве с литературоведами они подготовили очень интересный сборник архивных документов. Однако, как мы могли убедиться, он нуждается в серьезной доработке при переиздании.

С. А. Шелудько

ДОКУМЕНТЫ О ПОЛОЖЕНИИ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД [1]

Положение рабочих Урала в пореформенный период почти не изучено. Поэтому заслуживает положительной оценки сам факт выхода в свет сборника документов, подготовленного Ленинградским отделением Института истории АН СССР и посвященного этой проблеме. Его составители обследовали многие фонды центральных и местных архивов и отобрали для публикации наиболее содержательные и яркие документы. В ЦГИАЛ они изучили материалы Горного департамента, Земского отдела МВД, Государственного совета и многие фонды частных заводов (Балашовых, Шуваловых, Всеволожских и др.); в ЦГАДА — фонды Строгановых, Голицыных, Демидовых и др. В местных архивах обследованы фонды Государственного архива Свердловской области, его Нижне-Тагильского филиала и др.

Опубликованные в девяти разделах сборника документы дают яркое представление о положении рабочих Урала в пореформенный период, условиях труда и жизни. Большой интерес представляет первый раздел сборника «Проведение крестьянской реформы 1861 года на Урале и землеустройство горнозаводского населения». Впервые на основе многочисленных архивных источников составителям удалось воссоздать картину действий правительства, местной администрации и заводчиков на Урале в период проведения реформы. Здесь приводятся документы о составлении уставных грамот, обязательства мастеровых заводов, правила для мастеровых и крестьян, поселяющихся в дачах завода, жалобы горнозаводских людей на злоупотребления при проведении реформы, материалы о земельном устройстве мастеровых и другие документы.

Приходится сожалеть, что составители не включили в сборник документов о мероприятиях правительства в связи с подготовкой проведения реформы, которые бы еще более резко подчеркнули ее грабительский характер.

Во втором разделе сборника — «Наем и увольнение рабочих» опубликованы документы, освещающие вопросы, связанные с поступлением рабочих на заводы и порядке их увольнения. Здесь приводится расчетная книжка временнообязанного крестьянина, нанятого на Буландинские рудники Симского завода, донесения управителей заводов о переговорах с мастеровыми по поводу условий найма, прошения временнообязанных крестьян об увольнении от обязательных отношений, соглашения, договора о выполнении заводских работ с мастеровыми заводов, о выдаче мастеровым рабочих книжек и др.

Третий раздел сборника — «Безработица и неполная занятость рабочих» — содержит документы, характеризующие тяжелое положение рабочих и мастеров заводов после реформы. Многие из опубликованных здесь источников представляют собой прошения доверенных мастеровых, в которых излагается бедственное положение рабочих Урала после проведения реформы. Большой интерес представляют помещенные в этом разделе: «Прошение С. А. Тараканова, доверенного мастеровых Воткинской волости и завода, министру внутренних дел о расширении действий Воткинского завода и об открытии Камского завода для облегчения бедственного положения заводского населения» (док. № 135) и «Приговор мастеровых Кусинского общества и завода о необходимости, ввиду бедственного положения рабочих из-за сокращения заводских работ, ходатайствовать о представлении заводу новых заказов» (док. № 139) и др.

Четвертый («Правила внутреннего распорядка»), пятый («Рабочий день») и шестой («Заработная плата») разделы характеризуют условия труда на заводах и рудниках в пореформенный период. Наряду с правилами внутреннего распорядка здесь приводятся документы о взысканиях, налагаемых на рабочих заводов, правила о старостах и др. Подробно и всесторонне регламентируются продолжительность рабочего дня, а также введение на отдельных заводах восьмичасового рабочего дня. Очень интересны документы о заработной плате рабочих; они представлены сравнительными сведениями о размерах денежной и натуральной оплаты труда мастеровых, о поденной заработной плате, о количестве и размерах штрафов и т. п.

Особый интерес представляют помещенные в этих разделах документы сводного характера: «Правила внутреннего распорядка для заводов III Западно-Екатеринбургского округа» (док. № 166), сведения «О количестве рабочих дней в году на заводах Строгановых, Демидовых и других за 1881—1890 гг.» (док. № 205, приложение), «Сведения о средних суточных заработках рабочих уральских горных заводов за 1881—1890 гг.» и «Сведения о средних годовых заработках рабочих на железных рудниках Урала за 1881—1890 гг.» (док. № 253, приложения III, IV) и др.

Эти материалы облегчают исследователям работу над проведением более глубокого анализа отдельных вопросов о положении рабочих Урала после реформы.

Седьмой раздел сборника — «Примене-

[1] Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX вв. (1861—1904). Сб. документов. М.—Л., 1960, 666 стр. Составители И. А. Бакланова, И. П. Шаскольский, отв. редактор — В. К. Яцунский, редактор-составитель—К. Н. Сербина.

ие детского труда и школьное обучение алолетних рабочих» — содержит докуенты, характеризующие занятость детей промышленности Урала, а также методы одготовки кадров для производства и ряд ругих вопросов.

Большой интерес представляют два докуента: «Сведения о количестве рабочих и х грамотности по отдельным заводам и удникам» (док. 274, приложение IV) и Сведения о количестве малолетних рабоих, характере выполняемой ими работы, родолжительности рабочего дня и их граотности по отдельным заводам за 1887—904 гг.» (док. № 274, приложение VI).

Очень интересен восьмой раздел сборника «Несчастные случаи на производстве, аболеваемость рабочих и медицинское облуживание» и последний, девятый раздел Пенсии и пособия». Как известно, никаких равил по безопасности на Уральских заодах и рудниках по существу не было. рачебно-санитарное состояние на завоах Урала было весьма тяжелым. Заводкие госпитали не в состоянии были обесечить необходимую помощь рабочему наелению не только во время частых заболеаний, но и в несчастных случаях. Совсем еспомощными оказывались медицинские чреждения во время вспышек эпидемий, период которых наблюдалась особенно ольшая смертность горнозаводского наеления.

Ярким документом, характеризующим остояние медицинского обслуживания на аводах Урала, является извлечение «Из едомости о состоянии медицинского облуживания на заводах и рудниках Уралького горного округа» (док. № 292).

Положение рабочих весьма осложнялось тем, что назначение пособий по временой нетрудоспособности, а также пенсии связи с их инвалидностью и по старости ыло сопряжено с чрезвычайными затрудениями. Произвол в этом отношении был сключительный; решающее значение мела администрация заводов, меньше сего заботившаяся о здоровье и жизни раочих, особенно, если они уже переставали редставлять ценность для производства. Сумма назначаемого пособия и пенсии была крайне незначительной.

Отдельные рабочие ждали назначения пособий и пенсий годами, влача жалкое существование и умирая в нищете и голоде. Большой интерес представляют опубликованные в сборнике «Сведения о числе рабочих, получивших увечия на заводах, о членах их семей и о сумме выданных им пенсий и провианта за 1894—1898 гг. по заводам Гороблагодатского и Златоустовского округов» (док. № 355, приложение II).

Помещенные в сборнике документы дают возможность глубоко и всесторонне ознакомиться с рядом важных вопросов о положении рабочих Урала в пореформенный период, их жизнью и условиями труда.

К сборнику приложены именной, географический и предметно-терминологический указатели, а также карта Уральских горных заводов за 1895 г. Квалифицированные примечания позволяют серьезно разобраться в содержании публикуемых документов.

Несмотря на исключительно большую работу, проведенную составителями, редактором-составителем и ответственным редактором, не все документы, опубликованные в сборнике, представляют одинаковую ценность. Более того, по отдельным существенным вопросам в сборнике вообще документы отсутствуют (например, о применении женского труда в уральской промышленности).

Однако эти недочеты отнюдь не умаляют ценности рецензируемого издания, они лишь подчеркивают важность и необходимость продолжения работы по выявлению новых материалов о положении рабочих Урала, особенно в более поздний период — 1905—1917 гг. Следовало бы также продумать вопрос о подготовке серии документальных сборников по отдельным вопросам, характеризующим положение и революционное движение уральских рабочих в 1861—1917 гг.

М. А. Горловский

НОВАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР [1]

Издательство социально-экономической литературы приступило к выпуску многотомной хрестоматии по истории СССР, предназначенной как для студентов и преподавателей истории, так и для широких кругов читателей, интересующихся прошлым нашей страны. Первый том этой хрестоматии подготовлен под редакцией акад. М. Н. Тихомирова и охватывает начальный период истории народов СССР — с древнейших времен до конца XV в. включительно. В подготовке документов к печати наряду с М. Н. Тихомировым принимали участие Л. В. Милов и А. И. Рогов. Некоторые материалы подготовлены историками союзных республик: Ш. А. Месхия, Л. С. Хачикяном, Ф. Бабаевым и другими.

Настоящая хрестоматия — далеко не первая попытка создания сборника материалов по истории нашей страны. Широко известна, например, хрестоматия по истории СССР для учителей средних школ, выдержавшая ряд изданий [2]. Выходят также тематические подборки документов для практических занятий студентов-историков [3].

Но рецензируемое издание по своему широкому замыслу и высококачественному исполнению далеко превосходит все предыдущие опыты подобного рода. Оно отличается целым рядом несомненных достоинств. Составители дают представление о важнейших событиях в истории народов нашей страны до конца XV в. Не загромождая книгу частностями, они пошли по пути отбора наиболее значительных документов, что дает возможность предложить вниманию читателя не отрывки из источников, а полные документы или (в крайнем случае) отдельные главы и большие извлечения. Так, например, полностью помещены «Русская правда» (краткой редакции), «Слово о полку Игореве», «Былина о Василии Буслаеве», некоторые актовые материалы и т. п.

Составители стремились дать читателю представление о ходе исторического процесса на материале наиболее ярких и доступных восприятию памятников, поэтому летописи, хроники, былины, исторические повести занимают здесь центральное место. Это делает хрестоматию интересной не только для узкого круга специалистов ил студентов-историков, но и для всех тех, кт хотел бы получить представление об исто рии нашей страны непосредственно п первоисточникам.

Как правило, в хрестоматии документы печатаются по лучшим изданиям. В ряд случаев составители обращаются к под линникам. Так, по рукописям московских архивов В. И. Буганов помещает записи разрядных книг о походе на Югру 1499 г. (док. № 101). Очень важно, что чи татель получил возможность в пределах одной хрестоматии ознакомиться и с бере стяными грамотами, недавно обнаружен ными А. В. Арциховским, и с эпиграфи ческими источниками (например, над писью 1161 г. на кресте Евфросинии По лоцкой).

Не совсем удачно передан текст «Посла ния от друга к другу». Судя по помещен ному на стр. 612—615 фотографическому воспроизведению памятника, составител публикации допустил здесь ряд неточно стей, правда не очень существенных (на печатано «добродетелнем», в рукописи — «добредетелнем»; напечатано «ластце», на до «ласце»; напечатано «свою паперию» надо «съ своею паперию» и т. д.).

Особенно важно отметить наличие зна чительного числа переводов со старорус ского языка на современный. Это, конечно значительно облегчает знакомство широ кого читателя с шедеврами древнерусской письменности, которые в подлинниках как правило, не воспринимаются рядовым читателем. Но значение переводов древне русских памятников в хрестоматии (ка правило, выполненных акад. М. Н. Тихо мировым) не только в этом. Каждый пере вод здесь сопряжен с толкованием терми нологии памятника и является новым эта пом в изучении памятников, будь то лето пись или «Русская правда», похвально «Слово инока Фомы» или «Псковская суд ная грамота». Глубокие по проникновен ности в строй памятника, выразительны по динамичному и образному языку пере воды М. Н. Тихомирова принадлежат к чис лу наиболее удачных опытов подобного рода работы над текстом древнерусских па мятников.

Весьма квалифицированно выполнен пе ревод восточных памятников Л. С. Хачикя ном и Ш. А. Месхия.

Одной из примечательных сторон хре стоматии является обстоятельный коммен тарий, дающий возможность глубже понят тексты опубликованных памятников. Чи татель получает отчетливое представлени об упоминаемых в документах историче ских деятелях, географических наимено ваниях. Кроме того, составители дают рас шифровку темных мест, объясняют непо нятные термины. И наконец прекрасно ос ведомленные в возникающих в современ

---

[1] Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века. Под редакцией акад. М. Н. Тихомирова. Составители: Л. В. Милов, А. И. Рогов, акад. М. Н. Тихомиров. М., 1960, 735 стр.

[2] Хрестоматия по истории СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVII в. Составители: В. И. Лебедев, М. Н. Тихомиров, В. Е. Сыроечковский. Изд. 3-е, М., 1949.

[3] См., например, А. Г. Задёра, А. П. Пронштейн. Практикум по истории СССР. Ростов, 1960.

ой литературе спорных вопросах, они дат в необходимых случаях представление о различных трактовках наиболее сложных онятий.

Менее удачны вводные замечания к публикованным памятникам; в них составители нередко ограничиваются лишь казаниями на издания, с которых перепечатывается тот или иной документ (см. ок. №№ 42, 110—112, 114, 116—118, 120), ли дают сведения только о его датировке см. док. №№ 41, 80). Наряду с этим, в рестоматии имеются весьма обстоятельные сведения о «Повести временных лет», рассказе И. Реннера о крестьянском восстании в Эстонии 1343—1345 гг. и целый яд других комментариев, раскрывающих начение публикуемых материалов.

Поскольку хрестоматия рассчитана на широкие круги читателей, в ней, наряду с формальными данными о памятнике (сведения о публикации, списках, редакциях, месте издаваемого отрывка в сочинении в целом, данными о его составителе и пр.), должны быть намечены и те важнейшие вопросы, на которые он может дать ответ, показать политическую и социальную направленность источника.

Составной частью издания являются многочисленные документальные иллюстрации, помогающие составить более яркое представление не только о письменных источниках прошлого, но и о той эпохе, когда они возникали. Эта особенность рецензируемой книги выгодно отличает ее от других хрестоматий, где, как правило, читатель лишен возможности ознакомиться с внешними особенностями документальных материалов.

Кроме того, в хрестоматии широко представлены фотографии рукописей и эпиграфических материалов. Мы находим здесь и урартийский клинописный отрывок (стр. 8), и тексты «Русской правды» (стр. 196) и Новгородской летописи по Синодальному списку (стр. 288).

Наряду с этим в хрестоматии помещены памятники материальной культуры (стр. 19, 30, 121), фрески (стр. 241, 605) и иконопись, архитектурные сооружения (стр. 233, 265) и т. п. К сожалению, издательство не сочло возможным поместить хотя бы несколько цветных иллюстраций, что позволило бы более наглядно представить творчество гениального русского живописца Андрея Рублева (стр. 605), авторов восточной миниатюры (стр. 727), познакомить читателя с орнаментом и заставками — непременными составными частями уникальных древних рукописей.

Хрестоматия состоит из восьми глав Нумерация документов в книге сплошная (а не поглавная), что значительно облегчает работу при ссылках на конкретные памятники из хрестоматии во время занятий со студентами и в самостоятельной работе над ее текстами.

В первой главе представлены материалы, характеризующие древнейшие народы и государства на территории СССР. Здесь помещены образцы всемирно известных клинописных надписей в переводе крупнейшего современного историка Урарту Г. А. Меликишвили (док. № 1), а также опубликованная с небольшими сокращениями четвертая книга классика древнегреческой истории Геродота, повествующая об истории и быте скифских народов Северного Причерноморья (док. № 2). Впервые широкие круги читателей получили возможность ознакомиться с переводами армянских хроник, повествующими о принятии христианства армянским народом и изобретении армянского алфавита в V в. н. э. (док. №№ 6, 7); рассказы о восточных славянах VI в., записанные видным византийским писателем Прокопием Кесарийским и безымянным автором «Стратегикона» (док. №№ 10—11). Помещенное в данном разделе широко известное описание Киевской Руси императором Константином Багрянородным (док. № 17) и рассказ о русах на Волге известного арабского писателя Ибн-Фадлана (док. № 18) целесообразно было бы поместить не в первой, а во второй главе, специально посвященной Киевской Руси IX—XIII вв.

Киевская Русь представлена в хрестоматии необычайно ярко. Наряду с такими широко известными источниками, как летопись, «Русская правда», «Слово о полку Игореве», читатель может найти здесь труднодоступные памятники, в том числе письмо архиепископа Бруно, побывавшего в 1006 г. в Киеве (док. № 20); надпись на кресте Евфросинии Полоцкой, изготовленном в 1161 г. русским ювелиром Лазарем Богшей (док. № 35); рассказ византийского писателя Никиты Акомината о пребывании в XII в. в Галицкой Руси византийского царевича (док. № 40).

Очень большое место уделено классовой борьбе горожан и крестьян. Важнейшие тексты, повествующие о восстании киевлян в 1068 г., восстании смердов в 1071 г. и о волнениях 1174 г. после смерти Андрея Боголюбского, дают полное представление о характере борьбы народных масс Киевской Руси против феодального гнета. Впрочем, вместо некоторых маловыразительных памятников, например, отрывка из летописи о княжеских вкладах в Печорский монастырь (док. № 34), быть может, следовало бы поместить красочный рассказ византийского писателя Льва Дьякона о русском князе Святославе.

Комментарий к текстам безупречен. Можно указать только на одну нечеткость: термин «пошибанье» трижды объясняется по разному (стр. 194, 233— наиболее точно, стр. 284). Ошибочный перевод на стр. 194 слова («драка») объясняется тем, что комментатор устава князя Владимира связал термин («пошибанье») со следующими словами («промежи мужем и женою о животех»). Однако здесь речь идет о разных юридических казусах: в

последнем случае говорится о семейной распре по имущественным делам. Поэтому, быть может, и в слово «промежи» вкралась описка (лучше — «пря межи»).

Третья глава содержит материалы по истории Закавказья и Средней Азии в IX—XIII в. Следует отметить, что приводимые здесь тексты или вовсе не публиковались в русских переводах, или издавались в труднодоступных публикациях.

Среди интереснейших памятников, помещенных в этой главе, привлекает внимание отрывок из «Истории народов и царей» писателя Табари (838/9—922 гг.), в котором рассказывается об одном из крупнейших народных движений в Закавказье IX в.— восстании Бабека (док. № 45).

Классик армянской историографии XI в. Асохик представлен в хрестоматии двумя отрывками из третьей части его «Всеобщей истории», повествующими о политической истории Армении X в. и о борьбе армянского и грузинского народов с иноземными завоевателями (док. № 46).

О феодальном землевладении и хозяйстве Грузии сообщают жития Серапиона Зарзмели и Григория Хандзтели X в. (док. №№ 47, 48). Из замечательного грузинского летописного свода «Карталис Цховреба» составители помещают несколько текстов, характеризующих жизнь Грузии XI в. (док. №№ 53, 54).

Важнейшим источником по истории знаменитого восстания Муканны, потрясшего Среднюю Азию в 70—80-е гг. VIII в., является «История Бухары» бухарского историка Наршахи (899—959 гг.). В хрестоматии приводятся наиболее существенные сведения Наршахи о Бухаре и о восстании Муканны (док, № 58)

В четвертой и пятой главах хрестоматии приводятся немногочисленные, но наполненные драматизмом рассказы русских, восточных и западных источников о героической борьбе народов нашей страны в XIII в. с немецкими рыцарями и монгольскими завоевателями. Здесь помещены в переводе М. Н. Тихомирова летописный рассказ о Невской битве 1240 г. и Ледовом побоище 1242 г. (док. № 64), а также поэтическое «Слово о погибели Русской земли» (док. № 63). Наглядное представление об утверждении немецких рыцарей в Прибалтике дает современник описываемых событий Генрих Латвийский (док. № 70).

XIV—XV вв. ознаменованы процессом складывания Русского централизованного государства, происходившим в напряженной борьбе с татаро-монгольскими поработителями Эта тема раскрывается в шестой главе хрестоматии. Уже в 20-х гг. XIV в. в ходе народных движений на Руси была ликвидирована система баскачества, и сбор «выход» (дани) отныне производился самими русскими князьями. О крупнейшем из восстаний этих лет — восстании в Твери 1327 г.— можно составить полное представление по Рогожскому летописцу (док. № 74). Вопрос о времени сложения песни о Щелкане Дудентьевиче спорен (док. № 75). В годы правления Ивана Калиты (1328—1341) закладывалась основа могущества Москвы. О княжении Ивана Калиты обстоятельно повествует Московский летописный свод конца XV в., обнаруженный М. Н. Тихомировым (док. № 76).

Трудно согласиться с датировкой завещания Калиты, предложенной составителем (док. № 77), который вслед за А. В. Экземплярским[4] считает, что грамота не могла быть написана «ранее чем через несколько лет после 1332 г.», т. е. после смерти первой жены князя, ибо «Калита распоряжается „золотом" своей первой жены как умершей» (стр. 494). Однако есть явные свидетельства, что грамота написана много ранее 1332 г. Так, в ней упомянута в числе незамужних дочерей князя — Марья. Но известно, что в 1328 г. Калита выдал ее замуж за кн. Константина Ростовского[5], следовательно, составление духовной явно следует отнести ко времени до 1328 г. По наблюдениям И. И. Бурейченко, в 1337—1339 гг. Радонеж был уже городом, а не селом, что также свидетельствует в пользу того, что духовная Ивана Калиты была написана задолго до этого[6].

Достаточно полно представлено документальными материалами время правления Дмитрия Донского. Здесь, кроме «Задонщины» и рассказа Ермолинской летописи о Куликовской битве 1380 г. (док. №№ 80, 81), находятся: «Хождения митрополита Пимина в Константинополь» (док. № 79) и договор Дмитрия Донского с князем Михаилом Александровичем 1375 г. (док. № 78). В комментарии к последней грамоте московский тысяцкий Василий Васильевич и его сын Иван Васильевич названы Вельяминовыми (стр. 504). Иногда в литературе их называли даже Воронцовыми-Вельяминовыми, но это явная неточность. Дело в том, что Вельямин (родоначальник Вельяминовых) был внуком брата Василия Васильевича — Юрия Грунки. Поэтому московский тысяцкий Василий и его сын никак не могли быть Вельяминовыми.

---

[4] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси, I. СПб., 1889, стр. 79—80.

[5] ПСРЛ, т. XXV, стр. 169; ПСРЛ, т. I, вып. 3, стр. 533. Подробнее см. А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958, стр. 276—279.

[6] И. И. Бурейченко. К истории основания Троице-Сергиева монастыря. «Сообщения Загорского гос. историко-худож. музея-заповедника» I, вып. 3. Загорск, 1960, стр. 18.

Комплекс памятников рисует жизнь Господина Великого Новгорода» XV в. здесь грамоты и о феодальном землевладении, и о поборах с крестьян (док. №№ 85, 89, 90), и рассказ Новгородской летописи о восстании 1418 г. (док. № 86). Из былин новгородского цикла составители поместили былину о Василии Буслаеве (док. № 87), в которой замечательно показана красочная картина новгородской жизни, быта боярских дружин и братчин пиров).

Во второй половине XV в. произошло объединение основной части русских земель вокруг Москвы. Социально-экономические предпосылки этого процесса следует видеть в развитии феодального землевладения и росте общественного разделения труда.

По материалам хрестоматии можно составить представление и о хозяйстве мелкого феодала (док. № 91), и о закрепощении крестьян — появлении первых грамот, ограничивающих крестьянский выход Юрьевым днем (док. №№ 95, 98), и о волнении в Псковской земле в 1485—1486 гг. Точнее только говорить не о «волнении смердов», а о движении псковских горожан (док. № 100).

Один из крупнейших памятников этой поры — «Псковская судная грамота» (док. № 96) — знакомит читателя с жизнью торгово-ремесленного центра Руси XIV—XV вв. К сожалению, в хрестоматии отсутствует «Судебник 1497 г.» — первый общерусский кодекс, в котором подводятся итоги образования Русского централизованного государства. Помещение его в первом томе хрестоматии было бы весьма уместно и целесообразно.

Очень широко в рецензируемом издании представлены материалы по истории русской культуры XIV—XV вв. В частности, весьма удачной оказалась публикация сведений о русских художниках — Феофане Греке и Андрее Рублеве (док. №№ 102, 103) и полузабытого письма строителя Успенского собора Аристотеля Фиоравенти (док. № 107) в сочетании с фотографическими воспроизведениями их замечательных творений.

Седьмая и восьмая главы хрестоматии дают читателю необходимые документальные материалы о народах, входивших в состав Великого княжества Литовского, а также о Прибалтике, Закавказье и Средней Азии XIV—XV вв.

Таким образом, перед нами капитальное издание важнейших источников по истории нашей страны с древнейших времен до конца XV в. «Хрестоматия по истории СССР» не только удовлетворяет уже давно назревшую потребность высшей школы в публикации документов в учебных целях, но дает образцы нового творческого подхода к самим принципам издания документального материала, а поэтому представляет собой крупный вклад в советскую археографию. Строго научные принципы отбора документов, характер исторического комментария, блестяще выполненные переводы и, наконец, удачный подбор документальных иллюстраций обеспечивают вполне заслуженный успех рецензируемого издания.

А. А. Зимин

МЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СБОРНИКИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.

(Аннотация)

В последние годы местные издательства выпустили в свет ряд сборников документов и материалов, посвященных Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.[1]

[1] Битва за Тулу. Тула 1957, 375 стр.; В дни великих сражений. Сталинград, 1958, 267 стр.; Запорожская область в годы Великой Отечественной войны. Запорожье, 1959, 363 стр.; Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны. Иваново, 1959, 721 стр.; Орловская область в годы Великой Отечественной войны. Орел, 1960; Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. Ярославль, 1960, 447 стр.; Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Курск, 1960, 487 стр.; Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 1. Омск, 1960, стр. 262.

В этих сборниках опубликованы ценные документы и материалы, характеризующие руководящую и направляющую роль Коммунистической партии Советского Союза в Великой Отечественной войне, передовую роль коммунистов и комсомольцев, героизм и бесстрашие советских людей в борьбе с врагом, их трудовой подвиг в тылу, единство фронта и тыла, деятельность славных советских партизан, патриотические подвиги бессмертных защитников Родины в тылу врага.

Некоторые сборники хорошо иллюстрированы.

В совокупности материалы сборников значительно расширяют документальную базу для изучения истории Великой Отечественной войны. Особенно они ценны для рассмотрения конкретных связей фронта и тыла, той большой созидательной работы, которая велась в тылу и обес-

печила бесперебойную поддержку фронта. Немногочисленны, но очень важны те документы, которые отражают восстановление народного хозяйства в освобожденных районах и помощь в этом деле восточных районов страны.

Не ставя перед собой задачи всестороннего анализа документов, а только аннотируя их, мы хотим подчеркнуть, что в научный оборот введено много ранее неизвестных документов (сталинградский, ивановский, омский и др. сборники). Вместе с тем, нельзя не отметить, что орловский сборник перепечатывает 104 документа, ранее опубликованных,— это составляет треть книги. В запорожском сборнике — их около 50%, а в тульском — из 159 документов, помещенных в сборник, 112 ранее публиковались, причем 89 — в центральной печати. Между тем очень важные и ценные документы все еще ждут опубликования. Значительное число газетных материалов можно было бы заменить более интересными документами из государственных и партийных архивов. Так, например, в орловском сборнике помещены в основном газетные материалы, посвященные восстановлению народного хозяйства и помощи фронту. Однако стоило составителям изучить фонды Центрального государственного архива РСФСР, и они нашли бы огромное количество материалов [2]. Ведь использовали же они документы Центрального партийного архива и архива ЦК ВЛКСМ. Ивановский сборник абсолютно не имеет документов государственных архивов; а в Запорожский сборник включено лишь пять документов из госархивов, буквально единицы таких документов и в тульском сборнике. Очевидно, опыт координации работ над сборниками по истории Октября еще не использован при подготовке аннотируемых сборников. Археографический уровень сборников гораздо выше тех, которые издавались в конце сороковых годов [3], что свидетельствует о возросшем мастерстве наших публикаторов; особенно следует отметить запорожский сборник, составители которого полностью придерживаются правил публикации документов.

Однако в других сборниках в этом отношении много недостатков. Имеют место случаи, когда археографы неправильно определяют разновидность документа. Например, в ивановском сборнике документ № 171 имеет следующий заголовок: «Мероприятия обкома ВКП(б) по организации массово-политической работы в колхозах, совхозах и МТС...». Однако, судя по содержанию документа, перед нами постановление обкома. Также неправильно определены разновидности документов №№ 185, 244, 245, 259, 284. В некоторых заголовках этого же сборника нет унификации в указании авторов документов. Если в документе № 130 заголовок имеет автора, то в документе № 131 автор не указан. Подобные недостатки имеют некоторые заголовки тульского сборника. Здесь, например, имеется заголовок «Следы зверя», а вторая часть заголовка перенесена в легенду: «сообщение специальных корреспондентов «Известий» В. Антонова и А. Булгакова» (стр. 78).

Не названы авторы документов в запорожском сборнике (см. док. №№ 33—35, 37, 38 и др.).

Нередко заголовки не имеют дат или даты помещены в легенду. В ивановском сборнике документы №№ 81, 201, 202, 284 не имеют даты, а время составления документа № 200 определено слишком общо: «1945».

Некоторые документы в этом сборнике имеют даты и в заголовке и в легенде, причем даты не идентичны, а разночтение не оговаривается.

Нередко имеются недочеты в передаче текста документа. Например, в ряде случаев заголовки к документам имеют указания на то, что документы публикуются в извлечениях, в то время как в документах не сделаны отточия. И наоборот, текст свидетельствует, что документы публикуются неполностью, а заголовки не отражают этого [4]. Более того, составители орловского и ивановского сборников считают, что извлечения из документов нет необходимости объяснять ни в предисловии к сборнику, ни в подстрочных примечаниях. Разумеется, что такой подход к передаче текста документа будет вызывать у исследователя недоверие к документу, а в целом документальный сборник от этого теряет свою научную ценность. В качестве положительного примера опять можно было бы привести сборник по Запорожской области, где все извлечения из документов ясно оговорены в подстрочных примечаниях.

Правила публикации предусматривают, что каждый документ обязательно сопровождается контрольно-справочными сведениями (легендой). Однако, например, в

---

[2] См. И. И. Белов, А. Н. Гаврилов. Центральный государственный архив, 1960, № 6, стр. 156—165.

[3] Ленинград в Великой Отечественной войне, тт. I—II. Л., Госполитиздат, 1944—1945 гг.; Героический Сталинград, кн. 1. Астрахань, 1945, кн. II. Сталинград, 1945; Одесса в Великой Отечественной войне, тт. I—III. Одесса, 1947—1951 гг.; Воронежская область в Великой Отечественной войне. Воронеж, 1948 г.; Зверства и злодеяния немецко-фашистских захватчиков на Харьковщине. Киев — Харьков, 1944; Немецкие оккупанты на Полтавщине (1941—1943). Полтава, 1943.

[4] Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны, док. №№ 4, 15, 32, 37, 50, 138 и др.; Запорожская область в годы Великой Отечественной войны. док. № 166.

сборнике «Битва за Тулу» некоторые документы лишены легенды (главным образом это относится к воспоминаниям, см. стр. 62—67, 209—215, 294—308, 339—352 [5]).

Составители орловского и ивановского сборников (см. соответственно док. №№ 5, 6, 187, 191 и №№ 2, 4, 87, 121) публикуют Указы Президиума Верховного Совета СССР и дают ссылку на местные газеты, хотя известно, что в данном случае в легенде следует ссылаться на центральную печать. В орловском сборнике сообщения Совинформбюро публикуются также по местной газете, а не по сборникам сообщений Совинформбюро.

Положительным моментом всех изданных сборников следует считать наличие археографических предисловий.

Научно-справочный аппарат сборников по составу различен. Сборник «Битва за Тулу» не имеет указателей и комментариев, отсутствует и перечень документов.

[5] В данном сборнике документы не имеют нумерации. Это — еще одно нарушение правил публикации источников.

Орловский, ивановский и омский сборники снабжены перечнями опубликованных документов, хроникой событий, списком сокращенных слов. Орловский сборник имеет интересное приложение — «Переписку английского города Гампстэда с гор. Орлом», которое включает одиннадцать документов.

Аннотируемые сборники документов местных издательств по истории Великой Отечественной войны представляют большую политическую и научную ценность. Ускоряя ввод в научный оборот многих документальных материалов Государственного архивного фонда СССР, они вооружают наших историков, преподавателей, пропагандистов и агитаторов конкретно-историческим материалом, что позволяет полнее и нагляднее показать исключительно большую роль партии в руководстве всей борьбой советского народа в ходе войны, раскрыть единство фронта и тыла в войне, ярче и более доказательно изложить истинные причины нашей победы.

Я. М. Горелик, Б. И. Жучков, Н. И. Салехов

РАБОТЫ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ О ФИЛИГРАНЯХ И ШТЕМПЕЛЯХ РУССКИХ БУМАЖНЫХ ФАБРИК [1]

В последние годы в связи с расширением источниковедческой базы советской исторической науки небывало возросло значение вспомогательных исторических дисциплин. Оживлению интереса к всестороннему изучению архивных документов мы обязаны появлением полезных указателей, посвященных одной из вспомогательных исторических дисциплин — филигранографии.

Хотя мировая литература по изучению водяных знаков на бумаге по последним данным насчитывает уже более трех тысяч названий отдельных работ, о филигранях русских бумажных фабрик сообщалось очень мало. Даже в таких широко известных пособиях, как указатели К. Я. Тромонина (1844 г.) и Н. П. Лихачева (1899 г.) из общего числа — 6085 филиграней — было описано лишь 174 филиграни на бумаге русских бумажных фабрик XVII—XIX вв.

Объяснялось это преимущественным интересом ученых — историков и архивистов дореволюционной России к истории ранне-феодального общества и, значит, к палеографическому анализу рукописей и документов XIII—XVII вв. Отрицательную роль при этом сыграла также почти полная неизученность к началу XX в. истории русской писчебумажной промышленности.

Только в наше время в связи с задачами, поставленными перед советскими историками по изучению истории России XVIII — начала XX вв. началось исследование палеографических особенностей русских документов нового и новейшего времени, в том числе и водяных знаков их бумаги.

Первыми результатами этой большой исследовательской работы явились недавно вышедшие в свет указатели филиграней и штемпелей русских бумажных фабрик XVII—XX вв., принадлежащие С. А. Клепикову и М. В. Кукушкиной [2].

[1] С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв., М., 1959, 306 стр.; М. В. Кукушкина. Филиграни на бумаге русских фабрик XVII—нач. XIX вв. В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, вып. II. М.— Л., 1958, стр. 285—371.

[2] В данной рецензии мы не касаемся работ З. В. Участкиной «Водяные знаки русской бумаги» («Труды Ин-та истории естествозн. и техники, т. 12. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр 312—337) и В. Н. и М. В. Щепкиных «Палеографическое значение водяных знаков» («Проблемы источниковедения», вып. 6. М., 1958, стр. 325—346), так как первая из них носит исследовательский характер и описывает лишь 49 филиграней, а во второй — дается анализ методологических основ известного труда Брике, посвященного иностранным филиграням до начала XVII в.

Как известно, при помощи филиграней ученые определяют время написания недатированных архивных документов или рукописей, а также их подлинность. В последнее время филиграни все чаще становятся основным средством датировки печатных книг XVII—XVIII вв., не имеющих выходных данных или с утраченными титульными листами, а также печатных указов, листовок и др.

Основное возражение противников метода использования филиграней в процессе исследовательской работы над текстом документа заключалось в возможности написания документа на залежавшейся бумаге. Поэтому почти во всех филиграноведческих работах последнего времени, в том числе и в рассматриваемых трудах С. А. Клепикова и М. В. Кукушкиной большое внимание уделяется вопросу о «залежности» бумаги, на которой написан исследуемый документ. В результате проведенных наблюдений оба исследователя, независимо друг от друга, пришли к одинаковым выводам. Разрыв между годом изготовления бумаги и временем ее использования приблизительно для 70% обследованных документов XVIII—XIX вв. составляет не более двух лет. Таким образом, еще раз убедительно опровергнуто мнение скептиков, утверждающих, что вообще невозможно датировать текст документа временем выпуска его бумаги, которое, в свою очередь определяется по филиграни.

С. А. Клепиков в своем исследовании пошел дальше Лихачева, ограничивавшегося изучением различных типов филиграней. Он первым из отечественных филиграноведов обратил внимание на то, что если сюжет (тип) эмблематической части многих филиграней [3] часто оставался неизменным и зависел от вкуса и умения мастера, изготовившего филигрань, то литерное сопровождение этой эмблемы указывало на реальное лицо, обычно владельца бумажной фабрики, и определялось строгими хронологическими рамками. Именно литеры филиграни (после их расшифровки) позволяют конкретизировать исследуемый водяной знак, отнести его к определенному владельцу бумажной фабрики, а затем, зная историю смены владельцев этой фабрики,— датировать филигрань.

Исходя из этого, С. А. Клепиков в 1952 г. впервые в мировой практике расположил филиграни не по сюжетам, хронологии или по фабрикам, а по алфавиту их литерного сопровождения [4]. Всего в этом указателе было описано 273 филиграни бумаги русского производства.

Уже в этой работе С. А. Клепиков на ряде убедительных примеров показал, что филиграновед обязан изучать и описывать филигрань полностью, не ограничиваясь отдельными ее элементами, как это делал К. Я. Тромонин, или сюжетной частью, по примеру Н. П. Лихачева, опустившего в своем атласе все контрмарки. В отличие от западноевропейских бумажных фабрикантов, русские чаще использовали обе половины листа: на одной помещались литеры, на другой — изображение, иногда сопровождавшееся указанием на год выпуска бумаги. Поэтому исследователь, которому попадался документ, написанный на половине целого листа писчей бумаги русского производства, где были видны только литеры, не имел возможности его датировать.

В новом, значительно переработанном и дополненном издании своего указателя С. А. Клепиков описывает 1444 полных филиграни, из них 881 филигрань на русской бумаге XVII — начала XX вв. При этом составитель не ограничивается сводкой и более полным описанием уже известных в литературе филиграней. Он самостоятельно проделал большую и кропотливую работу по расшифровке литер и датировке филиграней путем просмотра многих тысяч листов датированных документов, печатных книг и указов на бумаге с водяными знаками, хранящихся в наших архивах, библиотеках и музеях, а также в собраниях отдельных коллекционеров.

Справочник Клепикова состоит из двух самостоятельных частей: указателя филиграней на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. и указателя штемпелей на бумаге XIX—XX вв.

Справочнику предпослан очерк «К истории филиграней и штемпелей», в котором излагается краткая история производства бумаги и возникновения филиграней и штемпелей. При этом составитель уделяет особое внимание характеристике русских фирменных знаков на писчей и почтовой бумаге.

Не вдаваясь в детальный анализ содержания исторического очерка, мы хотели бы отметить спорность утверждения составителя будто «массовое, промышленное применение филиграни для маркировки готовой бумажной продукции заканчивается в середине XIX века» (стр. 5). Это верно только по отношению к русским филигра-

---

[3] Филигрань обычно состоит из двух частей: эмблематического изображения (это преимущественно упрощенные гербы владельцев фабрики, города или губернии, где она расположена, или общие, стандартные сюжеты) и литерного сопровождения (начальные буквы названия фабрики или другие литеры и цифры). Обе части филиграни располагаются, за редкими исключениями, на двух половинах бумажного листа, причем литерную часть филиграни тогда называют «контрмаркой».

[4] С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели бумаги русского производства. XVIII—XX вв.— «Записки отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 13. М., 1952, стр. 51—122.

ням. Для английской бумаги высших сортов конца XIX — начала XX вв. характерна филигрань именно в виде литер или названий писчебумажных фирм. В начале XX в. существовали еще и русские филиграни: с гербами России (компании В. Говарда) и Курляндской губернии (компании Рижских писчебумажных фабрик). К сожалению, как раз эти филиграни, по-видимому, остались составителю неизвестными.

Основное место в справочнике занимают две большие таблицы филиграней русских и иностранных бумажных фабрик. В этих таблицах филиграни, как правило, описываются полностью. Литеры расшифровываются, приводится текстовая часть филиграни и сокращенное описание сюжетной части. Описание двух частей филиграни, расположенных на левой и правой половинах бумажного листа, занимает две первые графы таблицы. В следующих разделах указываются: местонахождение фабрики, которой принадлежит описываемая филигрань, и годы, которыми датирует филигрань составитель.

Все филиграни в таблицах располагаются в алфавите литер, видимых на левой половине бумажного листа. В конце справочника имеются два вспомогательных указателя: а) литер, расположенных на правой половине листа, и б) эмблематических частей филиграней. Таким образом, исследователь получает возможность найти филигрань в таблицах и датировать документ, имея в своем распоряжении любую половину бумажного листа с частью филиграни. В этом, несомненно, большая заслуга составителя.

Однако справочник можно было сделать еще более удобным. Принятое в нем раздельное описание филиграней в двух таблицах по признаку их происхождения — русские и иностранные филиграни — часто усложняет наведение справок. Ведь изображения литер левой половины некоторых русских и иностранных филиграней полностью совпадают (А, АС, КР, МК и др.), и, обнаружив описание этой части наблюдаемой филиграни в одной из таблиц, исследователь не будет просматривать другую таблицу, где он встретил бы подобную филигрань, но с иной датировкой.

Увлечение составителя расшифровкой литер водяных знаков русских бумажных фабрик, т. е. исследовательской частью работы, не позволило ему свести обе таблицы в одну и тем самым устранить возможные ошибки. Во всяком случае, следовало бы предупредить в предисловии о необходимости обращения к обеим таблицам в случае совпадения рисунка русских и латинских литер.

Составитель часто отступает от своего принципа расположения филиграней в алфавите литер левой половины листа, располагая их в алфавите всего «литерного» сопровождения филиграни, что затрудняет поиски нужной филиграни. Так, например, чтобы датировать документ, на бумаге которого видны лишь две литеры «РФ» в картуше [5], придется долго искать эти литеры в таблице, так как они рассеяны на трех страницах указателя между различными сочетаниями «РФ» с литерами правой половины листа (№№ 486, 487, 489, 503, 522, 526, 537).

Неясно, какие соображения побудили составителя изображать в таблицах букву «ять» в виде мягкого знака, а другие русские литеры: «о», «у» «фита» — иногда заменять греческими (соответственно: «омега», «гамма» и «тета»). Это привело к тому, что везде в словах «...году» вместо литеры «у», ясно видимой на филигранях, в таблицах стоит греческая «γ» («гамма»).

При более детальном знакомстве с указателем возникает вопрос: можно ли считать датировку большинства филиграней окончательной?

Как нам кажется, наиболее точная датировка водяных знаков возможна лишь при тщательном изучении истории отдельных бумажных фабрик и свидетельств самих фабрикантов. Подобная исследовательская работа требует очень кропотливых и главное длительных разысканий в архивах. Поэтому в методике датировки филиграней С. А. Клепиков пошел по уже испытанному пути таких выдающихся филиграноведов, как Н. П. Лихачев и Брике.

В результате внимательного просмотра многочисленных датированных архивных документов, печатных указов и книг, написанных или напечатанных на бумаге с водяными знаками, ему удалось зафиксировать большое количество филиграней и датировать их на основе дат наиболее ранних и поздних документов, написанных на исследуемой бумаге. Точность подобного метода датировки в значительной степени зависит от количества проделанных наблюдений.

Однако при просмотре имеющегося в справочнике специального указателя документов, с которых были сняты филиграни, легко заметить, что часть филиграней составителю встречалась лишь один раз и датированы они на основе единственного встреченного документа.

Указатель Клепикова не является исчерпывающим сводом русских филиграней XVII—XX вв., на что обращает внимание и сам составитель. Справочник набирался и печатался около двух лет и поэтому в него не вошли новые материалы, появившиеся в печати в 1958—1959 гг. Составитель также не имел возможности использовать более раннюю работу Heawood (1950 г.), в которой воспроизведены 4078 филиграней XVII—XVIII вв., в том числе и русские филиграни.

Обратимся ко второй рецензируемой работе.

---

[5] Картуш филиграней — орнамент, обычно в виде полуразвернутого свитка с завитками по сторонам и полем, на котором изображаются литеры.

В 1958 г. появилось описание 637 русских филиграней XVIII— начала XIX вв., подготовленное М. В. Кукушкиной. Все описанные филиграни представляют собой остатки большой коллекции водяных знаков русской бумаги известного ленинградского букиниста и филиграноведа П. А. Картавова. На многих образцах сохранились пометки их прежнего владельца о происхождении филиграни и времени ее появления.

М. В. Кукушкина разобрала все сохранившиеся филиграни из этой коллекции, ныне хранящиеся в Библиотеке Академии наук СССР, и систематизировала их в специальных таблицах по происхождению, т. е. по отдельным бумажным фабрикам, а внутри таблиц — в хронологической последовательности сменяющих друг друга филиграней. К таблицам имеется указатель, в котором филиграни расположены по алфавиту литер со ссылкой на владельца фабрики и страницу, на которой помещено описание искомой филиграни.

Составитель стремился прежде всего учесть все филиграни определенной бумажной фабрики, однако его таблицами можно пользоваться и для определения времени написания недатированных рукописных текстов. Для этой цели после полного описания филиграни в таблицах дается графа «время текста», в которой указывается дата документа из коллекции П. А. Картавова на бумаге с описанной филигранью. В том случае, если филигрань была описана раньше другими исследователями, даются ссылки на соответствующие номера таблиц Тромонина, Лихачева и Клепикова (1952 г.) с указанием на датировку филиграни, принятую этими исследователями.

Для специалистов-филиграноведов работа М. В. Кукушкиной представляет значительный интерес. Особенно хочется отметить краткие исторические очерки русских бумажных фабрик XVIII— начала XIX вв., составленные на основе самостоятельного изучения большого количества печатных и архивных источников. Положительной оценки заслуживает также хорошо обоснованная расшифровка литерных сочетаний большинства описанных русских филиграней.

Систематический характер изучения филиграней отличает эту работу от работы С. А. Клепикова, который брал за основу исследования каждую новую обнаруженную им филигрань, в то время как М. В. Кукушкина изучала прежде всего совокупность филиграней одного происхождения.

Разница в целях, которые поставили перед собой оба филиграноведа, различие их исследовательских приемов, а также разнообразие изученного ими материала, источниковедческой базы, которой они располагали, в значительной степени затрудняют сравнительную оценку рецензируемых работ.

Можно лишь отметить, что в более объемном указателе С. А. Клепикова отсутствуют многие русские филиграни XVIII— начала XIX вв., впервые, таким образом, описанные М. В. Кукушкиной. К ним относятся все филиграни бумажных фабрик: Левенвольд (15 филиграней), М. А. Раушерт — К. Е. Неддергоф (15 филиграней), И. А. Лазарева (5 филиграней), М. П. Губина и Козловских (по 4 филиграни) и др. С другой стороны, у Клепикова имеется целый ряд филиграней, отсутствующих в наличном собрании Картавова и поэтому не попавших в таблицы Кукушкиной. К ним, например, относятся 2 филиграни фабрики вельможи екатерининских времен П. К. Хлебникова, 4 филиграни известной фабрики Гончаровых и др.

Интересно отметить, что у обоих исследователей приведено всего 5 филиграней фабрики Соленниковых (Клепиков, №№ 113—115; Кукушкина, №№ 80—81) и все они разные. В результате неправильной расшифровки литер у Клепикова часть филиграней фабрики К. Л. Гондукова приписана фабрике Гагарина и поэтому филиграни Гондукова вообще не упоминаются. У Кукушкиной их 6. Таким образом, в количественном отношении оба указателя дополняют друг друга.

Что же касается датировки филиграней, то она часто не совпадает. Так, филигрань фабрики В. М. Короткого (Клепиков, № 120; Кукушкина, № 3) встретилась Клепикову на документе 1734 г., а Кукушкина видела ее на документах 1737—1744 гг. Любопытно, что Тромонин датирует эту филигрань 1732 г. Трудно сказать, какой из нижних пределов этой филиграни является истинным: 1732, 1734 или 1737 г. Приведенный нами пример свидетельствует о том, насколько сложна работа исследователя филиграней и как необходимо объединение их усилий.

Думается, что дальнейшую работу по изучению русских филиграней следовало бы вести в двух направлениях. Прежде всего, пользуясь методами М. В. Кукушкиной, т. е. отправляясь от истории отдельных русских писчебумажных фабрик, путем архивных разысканий и визуальных наблюдений значительно пополнить составленные ею таблицы, по необходимости ограниченные рамками коллекции П. А. Картавова (т. е. филигранями XVIII — начала XIX вв.). Уже в процессе работы по собиранию и описанию филиграней методами С. А. Клепикова может быть произведена предварительная датировка собранных филиграней. Второй задачей, очевидно, будет проверка и уточнение данных датировки. При этой работе, помимо вновь полученных сведений, особое внимание должно быть обращено на данные, содержащиеся в указателе С. А. Клепикова.

Только в результате обобщения опыта этих двух советских филиграноведов и использования собранных ими материалов возможно создание полного свода датиро-

ванных филиграней русских бумажных фабрик XVII—XX вв. Для справочных целей наиболее удобно такое расположение материала в указателе, при котором исследователь легко может найти любую филигрань по ее внешнему виду. Поэтому для полного указателя русских филиграней (а мы верим, что он будет создан), больше всего подходит система расположения материала, разработанная и предложенная С. А. Клепиковым в уже рассмотренном нами указателе.

Если палеографические особенности русских документов XIV—XVIII вв. относительно подробно изучены несколькими поколениями ученых — архивистов и археографов, то, к сожалению, этого нельзя сказать о документах нового и новейшего времени, т. е. XIX — начала XX вв. Особенно трудно определить время написания этих документов, так как обращение к данным языка, изучение особенностей почерка уже не приводят к каким-либо ощутимым результатам, а анализ только текста документа часто бывает недостаточным. В то же время такой привычный признак старинного документа, как филигрань его бумажной основы к середине XIX в. на русской бумаге почти совершенно исчезает.

И все же возможность датировки документов на основании времени выпуска бумаги с исчезновением филиграни не была утрачена. На смену одному фирменному знаку бумаги пришел другой знак — так называемый «штемпель», т. е. миниатюрное рельефное изображение, выдавленное прессом на писчей или почтовой бумаге, обычно в левом верхнем углу тетради из 6 листов. При этом оттиск штемпеля на нижних листах получался нечетким, как бы размытым. На штемпелях, так же, как раньше на филигранях, но чаще всего в фигурной рамке, изображались различные эмблемы, избранные владельцем бумажной фабрики, а также название фабрики или фамилия ее владельца. Особенно большое распространение штемпели получили в России.

О существовании штемпелей на бумаге архивисты знали, конечно, давно, и даже делались робкие попытки на основе их изучения датировать тексты отдельных документов. Но только С. А. Клепиков впервые в мировой практике филиграноведения попытался собрать и самостоятельно датировать наиболее распространенные русские и иностранные штемпели XIX—начала XX вв., снятые им с архивных документов, главным образом отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Указатель штемпелей Клепикова построен подобно указателю филиграней в виде двух таблиц: 1) штемпелей на бумаге русского производства и 2) штемпелей на бумаге иностранного производства. Всего в таблицах впервые описано 292 штемпеля, из них 222 русских.

В каждой таблице штемпели располагаются в алфавите фамилий фабрикантов (или названий фабрик), видимых на штемпелях или заменяющих их литер. В графах таблицы указываются: а) текст знака и характер изображения; б) характер рамки (круглая, овальная, прямоугольная и др.) или ее отсутствие; в) местонахождение фабрики и г) годы применения описываемого штемпеля. В конце этой таблицы приводится описание 11 штемпелей русских фабрик, которые составителю не удалось датировать.

Сделанное нами ранее замечание о предварительном характере, который имеет датировка филиграней на основе одного наблюдаемого образца, также относится ко многим штемпелям. Например, штемпель (Клеп. № 175), датированный составителем 1887 г., мы видели на подлинном духовном завещании 1874 г. Один из недатированных составителем знаков (Клеп. № 291) нам встретился на двух документах 1905 г., и мы предлагаем эту дату в качестве предварительной. Вообще, по нашему глубокому убеждению, проверка и уточнение данных, приводящихся в указателе штемпелей, должна производиться архивистами в их повседневной работе над описанием документальных материалов.

Первый опыт указателя штемпелей нуждается также в дополнениях, особенно в части иностранных штемпелей XIX в. и русских штемпелей начала XX в. Так, мы не нашли в таблицах очень распространенного штемпеля на бумаге производства «Компании рижских писчебумажных фабрик» 1903 года (крылатый лев, опирающийся передними лапами на сундук, в фигурной рамке; на рамке по кругу надпись: «К. Р. П. Ф. Рига»). В указателе отсутствуют также штемпели фабрик «Тигаген. Москва» (1900—1903 гг.), «Камоэс. Пилица» (1913 г.) и любопытный штемпель 1850-х гг. с надписью «Papier Rayner Moscou» на княжеской гербовой мантии.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. литературные произведения, научные работы, а также лекции, мемуары и вообще все более или менее объемные произведения писались обычно в тетрадях, сшитых или переплетенных. Указатель штемпелей С. А. Клепикова позволит более точно описать многие до сих пор весьма приблизительно датированные, а чаще всего и вовсе не датированные рукописные тетради самого разнообразного содержания, хранящиеся в наших архивах. Ведь в указателе описаны штемпели за очень большой период времени: 1830—1918 гг.

В подобных тетрадках, где содержатся, например, черновики лекций акад. Н. С. Тихонравова, редкие списки произведений А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, легко можно найти два-три, а то и больше четких оттиска штемпеля и, пользуясь указателем штемпелей, впервые да-

тировать рукопись, дать полное ее описание. Нечего и говорить, что это может привести к очень интересным открытиям, пересмотру ранее сложившихся оценок, наконец, просто к упорядочению описания документов, к его большей точности и, следовательно, научности.

Труднее определить по штемпелю (из-за неясности отпечатка) время написания отдельных документов, чаще всего писем, но и это не сложнее, а часто даже и легче более привычного для исследователя процесса датировки документов XVI—XVIII вв. с едва видимым водяным знаком, к тому же представляющим собой лишь один из многочисленных вариантов распространенного типа филиграни. В отличие от филиграни штемпели трудно спутать; они более индивидуальны.

В конце справочника С. А. Клепикова, после таблиц филиграней и штемпелей и вспомогательных указателей к первой таблице, помещены некоторые приложения. Среди них список русских и иностранных бумажных фабрик с краткими справками о времени их существования и смене владельцев, систематический аннотированный указатель основной литературы по филиграням на русском и иностранных языках и, наконец, большой атлас, в котором воспроизведено более 200 филиграней.

Исторические сведения, приведенные в указателе бумажных фабрик, филиграни и штемпели которых вошли в справочник, при наличии специальной работы М. В. Кукушкиной в значительной степени устарели. Определенный интерес представляют только сведения о русских бумажных фабриках второй половины XIX—начала XX вв., так как они даются впервые и являются результатом самостоятельных разысканий составителя в до сих пор совершенно не изученной части истории русской бумажной промышленно-
сти.

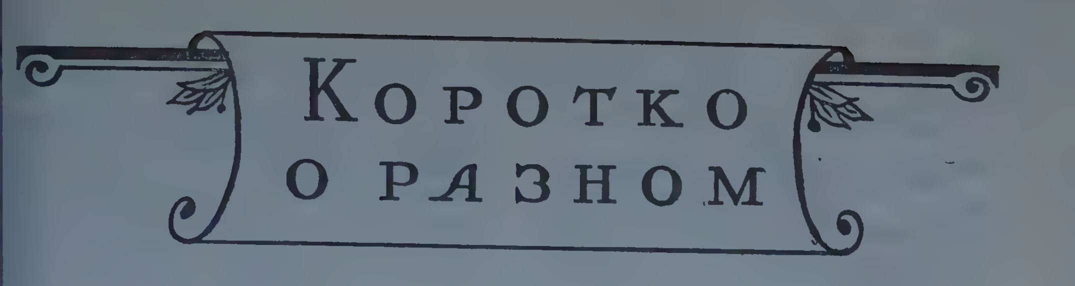
К сожалению, в указателе основной ли
тературы по филиграням составитель н
учел очень немногочисленные отечествен
ные работы по филиграноведению тип
рецензий. А ведь высказывания таких вы
дающихся знатоков вспомогательных ис
торических дисциплин, какими были акад
А. А. Шахматов (рецензия на указател
Н. П. Лихачева «Палеографическое значе
ние бумажных водяных знаков», чч. I—III
СПб., 1899) или А. А. Гераклитов (рецензи
на труд Ив. Каманина и Ал. Витвицко
«Водяные знаки на бумаге украински
документов XVI—XVII вв. 1566—1651»
Киев, 1923) не потеряли своей ценност
и в настоящее время.

Несколько слов об оформлении рецензи
руемого справочника: он отпечатан н
хорошей прочной бумаге, с большим ху
дожественным вкусом иллюстрирован, од
нако большой «альбомный» формат сде
лал его громоздким и не очень удобным дл
выполнения основной его задачи — быст
рого нахождения нужной справки. Хоте
лось бы видеть указатель более удобным
компактным.

Несмотря на отдельные недостатки и не
точности, указатель филиграней и штем
пелей С. А. Клепикова и — как дополнени
к нему в части русских филигране
XVIII — начала XIX вв.— работа М. В. Ку
кушкиной, долгие годы будут оказыват
серьезную помощь всем работникам архи
вов, рукописных отделов библиотек и му
зеев, археографам и историкам, занимаю
щимся изучением, научным описанием
изданием русских документов XVII — на
чала XX вв.

Нам остается только поблагодарить Вс
союзную книжную палату, взявшую на се
бя издание указателя С. А. Клепикова —
настольной книги каждого архивиста.

Л. М. Хлебнико



НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ БЕРНАРДА ШОУ

В ЦГАОР СССР, в фонде ВОКС, хранятся неопубликованные документы великого «паладина смеха», знаменитого английского писателя Бернарда Шоу (ф. 5283, оп. 15, д. 310).

Ниже публикуются: 1) телеграмма Б. Шоу в Союз советских писателей в связи с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз и 2) ответное письмо Б. Шоу на поздравительные письма артистов Малого театра — Е. Турчаниновой, Д. Зеркаловой, К. Зубова, В. Владиславского (хранятся в том же деле) — в связи с постановкой в Малом театре пьесы Б. Шоу «Пигмалион».

№ 1

17 июля 1941 г.

Александру Фадееву

Иностранная комиссия ССП

Не думайте о варварстве. Всякая война есть варварство, и хныкать по этому поводу — ребячество. Да простят нам лучше все то страшное, что мы вынуждены причинять нашим немецким товарищам, прежде чем их фюрер будет развенчан в их глазах. Когда две мощные идеи сталкиваются в битве, миллионы жизней не идут в счет. Гитлер бросил перчатку как поборник своей идеи и Россия поднимает эту перчатку как поборник другой несравненно более могучей идеи.

Когда Россия сокрушит Гитлера, она станет духовным центром мира и, имея перед собой эту цель, она не должна прислушиваться ни к стонам раненых, ни к слезам несчастных.

Бой идет между Лоэнгрином и Телрамундом. И на долю России выпало показать миру, кто Лоэнгрин и кто Телрамунд.

Помните, что наша цивилизация стоит сейчас перед поворотным пунктом, которого ей еще никогда не удавалось преодолеть. И на этот раз Россия должна повести нас вперед или погибнуть.

Итак, вперед, Россия! За руководство миром, за серп и молот, за меч правосудия!

Бернард Шоу

Л. 44.— Копия.

№ 2

Б. Шоу Зонову [1]

17 июля 1944 г., Лондон

В ответ на Ваше письмо от 6 июня (простите, что долго не отвечал) прошу передать актерам Московского Малого театра, что «Пигмалион» такая пьеса, с исполнением которой справилась бы любая труппа актеров. Это то, что мы в Англии называем «страховка для актера».

Актеры Малого театра не вызовут у меня ни малейшего интереса, пока не возьмутся за одну из моих пьес: «Назад к Мафусаилу» [2], «Дом, где разбиваются сердца» или «Человек и сверхчеловек».

Всё же все артисты мои друзья; я рад, что они с удовольствием играли «Пигмалиона» и прислали мне свои фотографии.

В особенности хочу поблагодарить Д. Зеркалову за ее письмо. Скажите ей, что роль Элизы Дулитл — пустяк по сравнению с остальными, созданными мною и находящимися в ее распоряжении ролями.

Учтите, что я очень стар (мне 88 лет) и не могу писать отдельных писем. Вы должны сделать это за меня.

Ваш Бернард Шоу

Л. 23.— Копия.

Сообщил *Н. С. Исаев*

---

[1] Зонов — ответственный секретарь Советского посольства в Лондоне.

[2] Пьесу «Назад к Мафусаилу» Б. Шоу послал В. И. Ленину с надписью: «Ленину, который один среди государственных деятелей Европы обладает дарованиями, характером и знаниями, необходимыми человеку на столь ответственном посту. От Бернарда Шоу. 16 июня 1921 г.».

ПИСЬМО Г. УЭЛЛСА В ВОКС (1944 г.)

Наряду с великими мастерами культуры — Ромэн Ролланом, Анри Барбюсом, Бернардом Шоу и др.,— Герберт Уэллс был большим другом советского народа, и в годы второй мировой войны выступил с призывом помочь России в ее героической борьбе, преградить дорогу фашизму, «человеку-зверю».

«Нападение на Россию,— писал Уэллс в «Санди диспетч» 1 июля 1941 г.,— является новым и, пожалуй, последним отчаянным шагом Гитлера... Английский народ несколько поздно начал понимать, что собой представляет Россия. С таким народом, как русский, возможен не только союз, но и дружба» [1]. В своей речи, произнесенной на собрании Пен-клуба, клуба писателей и художников, 18 сентября 1943 г. Г. Уэллс сказал: «Всю свою жизнь я верил в научную прямоту и мировой социализм. Я был стойким сторонником великого русского эксперимента и, подобно массе английских рабочих, в темные дни переворота я поднял свой голос за лозунг „Руки прочь от России“» [2].

Публикуемое письмо Г. Уэллса члену правления ВОКС Л. С. Кисловой от 5 января 1944 г., хранящееся в ЦГАОР СССР, содержит любопытные высказывания выдающегося английского писателя-фантаста о русском языке и литературе.

5 января 1944 г.

Дорогая госпожа Кислова!

Я весьма обязан Вам за Ваше очень любезное письмо, так как во все времена — благоприятные и неблагоприятные — я был близким другом революционной России. Мне удалось впервые ввести русский язык в программу английских, так называемых публичных школ (Ундл Скул) в 1917 г., и мои два сына были первыми английскими школьниками, сдававшими выпускные экзамены на русском языке.

К несчастью, я сам смог выучить только несколько русских фраз, так как почти все мои русские друзья говорят по-английски. Ленин говорил по-английски очень хорошо. Литвинов и его жена знают очень глубоко не только английский язык, но и английский народ. С Горьким я разговаривал на смеси итальянского и французского языков, и единственный человек, с которым мне пришлось сожалеть о своей неспособности к Вашему языку, был Ваш великий маршал Сталин.

Сейчас я сижу над книгами, присланными мне Вашими писателями, и мои сожаления возвращаются. Особенно благодарю Алексея Толстого за книгу «Хождение по мукам». Я очень рад, что она удостоилась Сталинской премии 1943 г., я давно слышал о ней, как о шедевре классической русской прозы. Я все еще вспоминаю с удовольствием о его посещении моего дома в Эссексе около 25 лет тому назад. Посылаю ему надписанные экземпляры двух моих недавно изданных книг «Дети в темнеющем лесу» и «Вы не можете быть слишком осторожны», которые, надеюсь, развлекут его. Маргарита Алигер, увы! Ее произведения останутся для меня запечатанной книгой, так как поэзию нельзя переводить. Это — наиболее национальная вещь. Но поблагодарите ее за очаровательную надпись и, пожалуйста, пошлите ей надписанный экземпляр книги «Взгляд на Homo sapiens».

Как могу я ответить на любезный автограф Константина Симонова? Мне рассказывали, что его стихотворения действительно прекрасны. Но, увы, с ними я также не познакомлюсь. Я просмотрел мои романы, чтобы найти что-нибудь, что может ему понравиться, и посылаю пророческую книгу, написанную 14 лет назад, «Мистер Пархем самодержец» и еще «Тайники сердца», которые, может быть, окажутся ему приятными.

Я рад, что Вы удостоили меня чести, цитируя меня на вашей выставке в Москве,— это придает мне смелости, и я посылаю Вам отчет о моей речи, произнесенной на собрании Пен-клуба, клуба писателей и художников, предназначенного поддерживать свободу высказывания взглядов, в знак приветствия двух выдающихся гостей— вашего крупного писателя полковника Фефера и вашего великого актера Михоэлса. Эта речь внимательно продумана; она представляет собой призыв к братской откровенности, так как теперь мы все действительно братья по крови. Я посылаю вашей научной библиотеке четыре экземпляра докторской диссертации, защищенной мной в Лондонском университете, а также четыре экземпляра меморандума об общем процессе биологического выживания, которые я хотел бы предложить вниманию Московской Академии наук. Он является продолжением докторской диссертации.

Искренне Ваш Г. Д. Уэллс

ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 15, д. 310, л. 7.— Подлинник.

Сообщил *Н. С. Исаев*

[1] «Правда», 2 июля 1941 г.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 5283 (ВОКС), оп. 15, д. 310, лл. 12—15.— Стенограмма.

К БИОГРАФИИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Д. М. КАРБЫШЕВА

В Государственном архиве Омской области обнаружены подлинные документы о пребывании Д. М. Карбышева в Сибирском кадетском корпусе.

4 сентября 1891 г. Д. Карбышев был зачислен в число воспитанников корпуса.

Ввиду того, что в корпусе учился его брат Сергей, Дмитрию был присвоен номер 2-й.

Во время учения в корпусе Дмитрий Карбышев имел отличные и хорошие успехи в науке и поведении, за что получал награды и прибавление баллов за поведение [1].

По окончании корпуса, в 1898 г., Дмитрий Михайлович изъявил желание учиться в Николаевском инженерном училище, в Петербурге, поддержанное матерью, вдовой надворного советника,— А. Карбышевой [2].

Ряд документов свидетельствует о зачислении Д. М. Карбышева в Николаевское инженерное училище [3].

Ниже публикуется выписка из «Аттестационного списка кадетам VII класса Сибирского кадетского корпуса, предназначавшимся к выпуску по окончании курса» (1898 г.).

Имена и фамилии — Карбышев Дмитрий — 2-й

Лет от роду — 17

Вероисповедание — православный

На чей счет воспитывался — приходящий

Предметы:	
Закон божий	10
Русский язык:	
Грамматика	10
Письменные работы	10
Словесность	11
Французский язык	11
Немецкий язык	9
Математика:	
Арифметика	9
Алгебра	8
Геометрия	10
Тригонометрия	10
Приложение алгебры к геометрии	10
Физика	11
Космография	11
География	10
История	10
Естественная история	11
Законоведение	12
Рисование	9
Сумма баллов	182
Средний балл	10,11
Балл за поведение	10
Строевые занятия и гимнастика	3

Физическое состояние — годен

Куда предназначается: В Николаевское инженерное или в Михайловское артиллерийское училище или Павловское.

ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 294, л. 63.— Подлинник.

Сообщила *Т. Т. Маркова*

[1] ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 259, л. 28; д. 251, л. 64 об; д. 294, лл. 63, 296.

[2] Там же, д. 294, лл. 59, 61, 75, 91, 110.

[3] Там же, лл. 237, 290, 291.

ЗАБЫТАЯ АКТРИСА

История театра постоянно воскрешает имена незаслуженно забытых актеров, воплотивших в своем творчестве лучшие традиции русского сценического искусства. Ряд документов, хранящихся в ГАОРСС МО и в Государственном театральном музее имени А. А. Бахрушина, могут рассказать нам еще об одном из таких имен — о драматической артистке бывшего театра Ф. А. Корша Глафире Ивановне Мартыновой (1860—1928 гг.).

Вступив на сцену этого театра в 1882 г. (год создания театра), Г И. Мартынова отдала ему всю свою творческую жизнь, и только тяжелая болезнь заставила ее в 1926 г. покинуть театр. Мартынова явилась одной из создательниц классического амплуа «инженю комик» и блестяще воплотила на сцене многие образы русской и зарубежной драматургии: Лизы в «Горе от ума», Марии Антоновны и Анны Андреевны в «Ревизоре», образы русских женщин в пьесах А. Н. Островского, пани Дульской в «Мораль пани Дульской» и многие, многие другие. Но ярче всего талант Мартыновой проявился в исполнении ролей старух в пьесах А. Н. Островского.

6 февраля 1925 г. вся театральная Москва отмечала 40-летие артистической деятельности двух старейших актрис бывшего театра Корша — М. М. Блюменталь-Тамариной и Г. И. Мартыновой. Этот юбилей был отмечен присвоением обеим актрисам званий заслуженных артисток республики; впервые в истории советского театра это почетное звание присуждалось актерам неакадемических театров. Одновременно они были удостоены и высокого звания Героев труда.

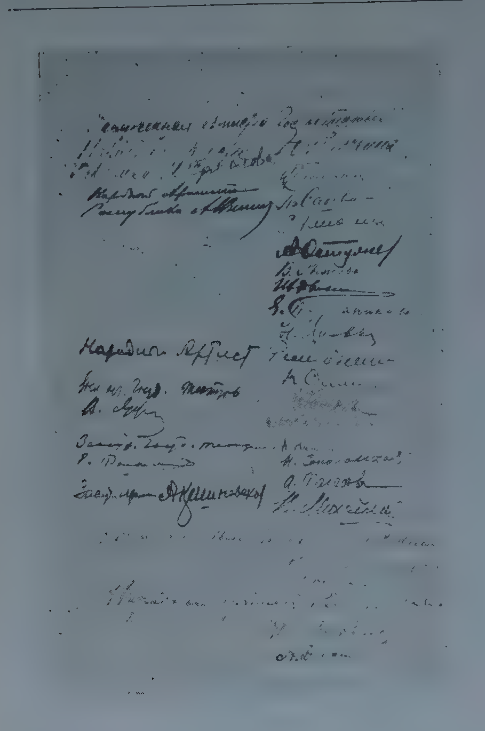
Высокую оценку творчества Мартыновой и Блюменталь-Тамариной дал в своем выступлении на юбилейном вечере А. В. Луначарский: «Мы чествуем,— сказал он в своем приветствии,— двух артисток, донесших до наших дней в исключительной чистоте большое мастерство старого театра и русского языка» [1].

Не менее блестяще охарактеризовала деятельность Мартыновой Народная артистка СССР А. А. Яблочкина в своем приветствии юбилярше от имени Русского театрального общества [2].

«Мартынова! Какое это светлое имя для целого ряда русских актрис и актеров, ка-

[1] «Новый зритель», 1925, № 7, стр. 10.

[2] Музей им. А. А. Бахрушина, ф. Г. И. Мартыновой, инв. № 74869, док. № 112. Фонд Г. И. Мартыновой чрезвычайно беден материалами о ее жизни и деятельности; в основном здесь отложились материалы о творческих юбилеях актрисы, поздравительные письма и телеграммы, афиши спектаклей, а также типографские и машинописные тексты ролей, над которыми работала актриса.



Фотокопия страницы из письма московских артистов А. В. Луначарскому

кое призывное, какое яркое. Сколько лет русский театр знавал почти на всех сценах нашей необъятной родины разного рода и типа инженю, которые творили «под Мартынову», и сколько подлинных талантов настоящих, сочных в начале своей артистической деятельности обязаны манере и методам игры Мартыновой. Играть хорошо «под Мартынову», даже удачно ей подражать — было первой пробой молодого таланта, и уходить «от Мартыновой» — значило уже начать переживать самостоятельную полосу своего собственного творчества, на который пускались только подлинные дарования; все остальные так всю свою артистическую жизнь и проходили, творя «под Мартынову». Даже талантливые «репродукции» Мартыновой удовлетворяли нашу провинцию, а что говорить о подлинной коршевской сцене здесь, в нашей российской Флоренции, в Москве. Сколько незабываемых образов и подлинной художественной радости давали и даете Вы, Глафира Ивановна...

Сегодня — торжество признания заслуг Глафиры Ивановны Мартыновой, а стало быть, и целого ряда поколений прекрасных артисток, чьим артистическим вождем по праву была Глафира Ивановна».

В приветствии президиума Московского губернского комитета профсоюза работников искусств (Мосгубрабис) Мартыновой и Блюменталь-Тамариной отмечалось: «Вы создали целую школу поколений талантливых артистов. Развитие, организация и процветание стен не только этого театра, но и многих других, связаны с вашими прекрасными, воистину талантливыми именами.

Когда российский пролетариат совершал революцию, вы являлись попутчиками в его великой борьбе. Вы не дрогнули, вы не бежали, подобно той дряблой интеллигенции, испугавшейся пролетарской революции. Наоборот, вы пошли туда, где в те моменты в вас так нуждались,— на фабрику, в казарму, на завод, где своими выступлениями поднимали дух, воодушевляли пролетариат в его героической борьбе. Вы, наравне со всеми трудящимися, терпели голод и лишения, потому что вы сознавали ту великую миссию, которую пролетариат в тесном сотрудничестве с крестьянством и сознательной интеллигенцией обязан был выполнить и, как видно уже сейчас,— выполнил. Советская власть в лице ее руководителей не могла не оценить ваших трудов и должным образом их отметила.

Мы счастливы заявить, что наш профсоюз, членами которого вы состоите с самого его основания, с гордостью отмечая своих заслуженных членов, постановил в своем заседании от 3 февраля 1925 г. присвоить вам великое звание Героев труда. Союз твердо верит, что вы честно будете носить это звание и долго еще останетесь красотой и гордостью русской сцены, служа примером молодому поколению, призванному нести художественное творчество, созвучное нашей великой революции» [3].

В начале 1926 г. Г. И. Мартынова тяжело заболела и ей пришлось навсегда покинуть сцену. Актриса обратилась в Народный комиссариат просвещения с просьбой назначить ей пенсию. В ГАОРСС МО, в фонде Московского губернского комитета социального страхования отложилось «Дело о назначении персональной пенсии заслуженной артистке республики Г. И. Мартыновой» [4]. Собранные здесь документы рисуют творческий облик артистки и ее место в истории русского драматического театра. Многие документы принадлежат крупнейшим деятелям русского театра и потому представляют особый интерес.

Дело открывается «Отзывом А. А. Бахрушина о деятельности драматической артистки Глафиры Ивановны Мартыновой».

«Деятельность Глафиры Ивановны Мартыновой,— писал А. А. Бахрушин,— может быть признана не только выдающейся в области сцены, но и в области весьма продуктивной культуртрегерской работы как в столицах, так и в провинции» [5].

---

[3] ГАОРСС МО, ф. 842, оп. 7, д. 230, л. 23. Этот документ хранится также и в фонде Г. И. Мартыновой, в Государственном театральном музее им. А. А. Бахрушина.

[4] См. то же дело.

[5] См. там же, л. 5.

«Товарищ Мартынова является одной из выдающихся русских артисток последнего столетия,— сообщается в отзыве ЦК Рабис СССР.— Под ее руководством и художественным влиянием вырабатывалось целое поколение талантливых артистов, ее заслуги в области развития искусства несомненны»[6].

В деле отложился интереснейший документ — письмо А. В. Луначарскому от руководителей и ведущих артистов МХАТ, Малого театра и бывшего театра Корша с ходатайством о назначении Г. И. Мартыновой персональной пенсии[7]. Письмо подписано такими выдающимися деятелями русского театра, как К. С. Станиславский, М. Н. Ермолова, А. И. Южин-Сумбатов, В. И. Качалов, И. М. Москвин, А. А. Яблочкина, А. А. Остужев, В. Н. Рыжова, Ю. А. Завадский, А. К. Тарасова, Н. М. Радин, В. А. Кригер, М. М. Блюменталь-Тамарина, В. А. Блюменталь-Тамарин, П. И. Поль, Р. А. Карелина-Раич и многими другими.

А. В. Луначарский с большим вниманием и заботой отнесся к Мартыновой. В деле хранится его отношение от 3 апреля 1926 г. в пенсионную комиссию Наркомпроса. «Препровождая вам дело о назначении персональной пенсии заслуженной артистке Г. И. Мартыновой, сообщаю, что я совершенно согласен со всеми аргументами, приведенными в отзыве ЦК Рабис, и, со своей стороны, считаю совершенно необходимым назначение Глафире Ивановне персональной пенсии, достаточной для ее безбедного существования, принимая во внимание и необходимость постоянного ухода за ней, ввиду ее тяжелой болезни.

Нарком по просвещению»
А. Луначарский[8]

Вскоре Мартыновой была назначена персональная пенсия[9].

В 1927 г. отмечался 45-летний юбилей творческой деятельности Мартыновой, однако она уже была прикована к постели, и юбилей прошел без ее участия. 26 ноября 1928 г. актриса скончалась.

Таковы отдельные документы о роли Глафиры Ивановны Мартыновой в развитии русского сценического искусства. Хочется надеяться, что выдающаяся актриса по праву займет достойное место в истории русского театра, а скупые и краткие сведения тех немногих документов, которые дошли до нас, пополнятся воспоминаниями старейших деятелей нашего театра, творивших вместе с Мартыновой.

Сообщили *Ю. А. Власов и А. И. Кардаш*

---

[6] Там же, л. 14.
[7] Там же, л. 16 об. См. фото.
[8] Там же, л. 21.
[9] Там же, л. 33.

СЕРП И МОЛОТ ВМЕСТО ОРЛА

В ЦГАОР СССР обнаружены любопытные документы о замене на башнях Московского Кремля царских двуглавых орлов гербами Советского Союза — предшественниками кремлевских рубиновых звезд.

Ниже публикуются: 1) письмо заслуженного деятеля искусств И. Э. Грабаря управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову; 2) записка Н. П. Горбунова секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе; 3) выписка из протокола заседания секретариата ЦИК СССР[1].

№ 1

4 июня 1930 г.

Глубокоуважаемый Николай Петрович!

В ответ на Вашу просьбу дать справку о том, когда были поставлены на Кремлевских башнях орлы, могу сообщить следующее: на Годуновском плане 1600—1605 гг. и на плане Кремля Килиана 1610 г. на Спасской башне, бывшей тогда еще без теперешнего ее готического верха, появившегося в 1624—25 гг., орел уже имеется. На видах Кремля Мейербера, относящихся к XVII в., орлы изображены на Спасской, Троицкой и Гербовой башнях.

Существующие сейчас орлы все относится к XIX—XX в.; при каждом очередном ремонте башен в XVI—XIX вв. менялись и орлы, принимавшие форму, отвечавшую стилю данной эпохи; так, орел Троицкой башни сделан в 1868—70 гг.; на Спасской башне — в 1912 г. и орел Боровицких ворот, снятый в середине XVIII в. и замененный флюгером на рисунках Гваренги и Делабарта, снова появляется на рисунках Кадоля в 1825 г.

Как видно из этой справки, ни один из существующих сейчас на Кремлевских башнях орлов не представляет памятника старины и в качестве такового не может быть защищаем.

Заслуженный деятель искусств
Игорь Грабарь

№ 2

10 июня 1930 г.

Дорогой Авель Сапронович!

Посылаю Вам справку Игоря Грабаря об орлах на Кремлевских башнях, из которой видно, что эти орлы относятся к XIX—XX вв. и не являются такими памятниками старины, которые нужно сохранять.

В. И. Ленин несколько раз требовал снятия этих орлов и сердился, что эта работа не была произведена,— я лично это подтверждаю.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 31, д. 93, лл. 77—78; ф. 3316, оп. 24, д. 522, л. 1.— Копии.

Я думаю, что не плохо бы эти орлы снять и заменить их флажками, какие находятся на малых башнях Кремлевской стены. Для чего нам сохранять эти символы царизма?

С коммунистическим приветом

Н. Горбунов

№ 3

13 декабря 1931 г.

Слушали:

31. О переустройстве Кремлевской стены и части Троицкой и Никольской башен и о замене орлов на башнях Кремля гербами Союза.

(Вн[есено] секретарем ЦИК Союза ССР).

Постановили:

Предложить НКФ Союза ССР включить в смету ЦИК Союза ССР на 1932 г.— 200 000 руб. на переустройство Кремлевской стены и части Троицкой и Никольской башен и 95 000 руб.— на расходы по снятию с Кремлевских башен орлов и замене их гербами Союза.

Секретарь ЦИК Союза ССР

А. Енукидзе

Сообщила *М. И. Захарцева*

ПИСЬМО В. Л. ДУРОВА В. М. БЕХТЕРЕВУ

Взаимоотношения выдающегося русского ученого В. М. Бехтерева и знаменитого артиста — дрессировщика животных В. Л. Дурова основывались на взаимном сотрудничестве. Занимаясь психиатрическими и психопатологическими исследованиями, В. М. Бехтерев проводил много опытов над животными, получая особенно ценные данные при опытах над дрессированными собаками. В этих целях В. М. Бехтерев использовал и питомцев В. Л. Дурова, который и сам серьезно занимался изучением психологии животных.

Публикуемое письмо В. Л. Дурова свидетельствует о его самоотверженной работе в трудных условиях гражданской войны во имя науки и народа. Любопытная деталь (поездка В. Дурова по Москве на верблюде) нашла свое отражение в воспоминаниях И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» [1].

Подлинник письма В. Л. Дурова хранится в личном фонде В. М. Бехтерева в Государственном архиве Ленинградской области (ф. 2265, оп. 1, д. 383).

15 марта 1920 г.

Глубокоуважаемый Владимир Михайлович!

Очень и очень сожалею и досадую, что третий приезд Ваших ассистентов в Москву совпал с обстоятельствами, помешавшими выполнению Ваших заданий. Обстоятельства сложились так. Я, играя в нетопленых театрах, простудился; моя жена, страдающая печенью и легкими, вдруг заболела еще сердечными припадками, кажется, грудною жабою; служащий при моих животных с шайкой профессиональных воров обокрал нас, задушил лисицу, повесил медведя, зарезал и продал трех дрессированных свиней; благодаря внезапно наступившим морозам мой ослик в зоологическом саду замерз; при отогревании канализационных труб в доме, где я живу, от дыма в подвале задохлась вновь приобретенная, по нынешним временам с большим трудом, лисица; и, наконец, прогрессивное худение Пикки, главного нашего кормильца,— все это расшатало мои нервы донельзя, и я слег в постель.

Вот в каком состоянии застали меня Ваши ассистенты. Зная по опыту, что мое психическое состояние отчасти передается при экспериментах Пикки и учитывая начинавшееся у него половое возбуждение, которое неминуемо помешало бы исполнению задания, я, к великой досаде, принужден был противиться желанию д-ра Смоленского-Иванова, который во что бы то ни стало настаивал на постановке опытов. А тут еще в предстоящее воскресенье я должен был выступать с собакой в театре,— единственное средство нашего существования. Между прочим, как я предполагаю, необыкновенная обстановка последних опытов повлияла на Пикки. После отъезда врачей И. Карманова и И. Перепеля, собака на представлении вела себя странно, обычные задания исполняла вяло, а после отъезда второй комиссии Ваших ассистентов — д-ра П. Флексор и д-ра Эйнгорн во время представления, даже ушла со сцены за кулисы и пряталась под диван, чего с ней никогда не бывало. Очевидно, условия экспериментов (держание головы Пикки сзади чужими руками, различного рода экраны, долгое мое отсутствие во время опытов, а также неудовлетворенное чувство после опытов с парафином, не вызвавших обычного радостного встряхивания после исполнения задуманного) наложили свой отпечаток на впечатлительного Пикки.

Таковы исключительные обстоятельства, заставлявшие меня отказываться от производства опытов совместно с уважаемым д-ром Смоленским-Ивановым. Но, считаясь с трудностями переезда и потерей времени, я все-таки решил попробовать, что может получиться при наличии таких исключительных обстоятельств. Я пошел на уступки, отказавшись по телефону от предстоящего выступления. Лежа на постели, я вытащил из-под одеяла больного Пикки и стал внушать. Собака в высшей степени неохотно исполняла задуманное; угнетенная, изредка поднимая уши, смотрела по направлению к комнате, где была изолирована сука. Словом, опыты были неудачны. Я предупреждал доктора, и был прав.

---

[1] См. «Новый мир», 1961, № 2.

Я полагаю, необходимо в следующие разы найти средство сноситься со мною заранее, дабы не пропадали труды и расходы напрасно.

Что касается Вашего предложения, многоуважаемый Владимир Михайлович, приехать к Вам в институт, то должен Вам сказать, что еще в прошлом году А. В. Луначарский, находя ценными мои знания, предложил мне: 1) использовать опыт в деле упорядочения нашего Московского зоологического сада и 2) поставить меня в условия спокойной лабораторной работы. Несмотря на все трудности переживаемого времени, я кое-что сделал для спасения нашего зоологич[еского] сада, потеряв в борьбе с разрухой своих же животных: слона, быка, волка, козла, обезьян, пеликана и много других. Восстановить же мою культурно-просветительную работу в «Уголке» мне до сих пор не удается.

Бывший мой музей был занят ВСНХ под склад кож. После долгих и нудных хлопот, я добился освобождения его. Научный отдел Наркомпроса назначил меня заведующим «Научным и культурно-просветительным уголком В. Л. Дурова». Районный же Совет не пожелал отдать центру бывший мой «Уголок» и стал чинить всякие препятствия. Началась междуведомственная война, в которой научное учреждение и я до сих пор состоим козлами отпущения. При встрече я расскажу Вам, Владимир Михайлович, более подробно все интриги и ужасы моего положения.

Научный отдел ставит вопрос о моем отъезде к Вам как бы зависящим от меня, но... работа по «Уголку» должна быть на первом плане. Между тем «Уголка» все еще фактически нет, и я работаю в исключительной обстановке. На Арбате, у меня на квартире, где Вы в прошлом году изволили у меня быть, охотно согласились работать со мною в качестве сотрудников проф. Г. А. Кожевников, проф. М. П. Садовникова, проф. Ф. Е. Рыбаков и неоднократно описывавший моих животных И. А. Лев.

Мы все с интересом занимаемся до поздней ночи в единственно отапливаемой комнате, где помещается вся моя семья (я, больная жена, дочь и внук), а на кровати и под кроватью шесть собак, кошки, попугай, крыса; из соседней же комнаты постоянно доносятся крики петуха, уток, китайских гусей, свист морских свинок. Вот, приблизительно, в какой обстановке приходится работать. Но зная, что безжалостное время идет и я недолговечен, спешу после себя оставить след и не хочу унести с собой на тот свет багаж, накопленный в процессе 42-летней практической работы.

Жизнь идет странно. Утром торопливо пишу свои записки, днем плетусь пешком или еду на своем верблюде по Москве из учреждения в учреждение; шмыгаю от стола к столу и ожидаю на лестнице нужных для общего народного дела людей. Укажу как на курьез, что ношу в своем кармане чернила с пером. Анатолий Васильевич[2] на ходу подписывает мои бумаги на Кремлевской стене (его положительно рвут на части). Но я, несмотря на ужасную новомодную волокиту и бюрократизм, упрямо ломаю препятствия и иду к намеченной цели. Подчас и мое прославленное терпение подходит к концу. Вот моя жизнь в настоящее время.

Вы, многоуважаемый Владимир Михайлович, поручили д-ру Смоленскому-Иванову переговорить со мною о продаже институту Пикки; говорилось чуть ли не о двух миллионах рублей. Простите великодушно, но я буду откровенен: это предложение как-то больно отозвалось в моей душе. Примите во внимание как извиняющую причину мою неврастению, Продать Пикки! Не говорю уже о чувстве любви и привычки к нему, но и другие чувства зарождались в моей душе: покупают для опытов,— значит могут без меня обойтись! Я не нужен, а, может быть, и лишний; ведь, у д-ра Флексор собака скорей и лучше поддается внушениям.

Я ради чистой, бескорыстной идеи работал десятки лет в этом направлении, а меня за борт. Вдобавок, Пикки один, среди чужих, скоро умрет и не даст того, что мы от него ожидали... Но об этом довольно.

Что касается другого предложения, т. е. выдрессировать для института другую в этом роде собаку, то это было бы возможно, но очень сложно, и вот почему. Я разделяю дрессировки на три способа: 1) механический (болевой), 2) ассоциативный (по смежности) и 3) мой излюбленный — обезволивание «доместикацией». Третий способ, куда входят отчасти два предыдущих, и есть тот, которым только и можно, воздействуя непосредственно на психику животного, довести его до желаемой цели. При таком условии животное превращается в один комок нервов. Для моего способа необходимо взять экземпляр незабитый, неиспорченный, и воспитывать при особой обстановке. Правда, если отбросить все заботы о других животных, вообще расстаться с артистической деятельностью и только посвятить свое время одному или двум экземплярам, то в год или полтора можно сделать много, пожалуй, догнать Пикки, но при настоящей жизни это невозможно. Я, ведь, Бишке, Запятайке, Пикки посвящал труды урывками; вот почему потребовалось так много лет.

Да, если бы, дорогой Владимир Михайлович, возможно было бы мне с семьей бросить все и отдохнуть хотя бы месяц в санатории, покончить с пресловутой славой, бурно кочующей артистической жизнью и отдаться всецело науке в удобной лабораторной обстановке, да еще под Вашим наблюдением, тогда, профессор, многое можно бы сделать. Не только в области внушения, я смог бы вложить свой кирпичик в здание общечеловеческой культуры, но это

[2] А. В. Луначарский.

одни мечты, а действительность — я только одна из щепок, когда лес рубят...

Очень извиняюсь за длинное письмо. Отнял у Вас слишком много времени. Все-таки я с большим нетерпением буду ожидать Вашего ответа. Не сообщите ли о докладах и работах Вашего института, касающихся вопросов зоопсихологии? А я прошу разрешения делиться и в дальнейшем своими мыслями и планами.

Глубоко Вас уважающий и преданный Вам

В. Дуров

15 марта 1920 г.

P. S. Вы меня очень обяжете, если поставите меня в известность о докладе д-ра Флексор по поводу ее опытов над Пикки и о состоявшихся прениях по докладу. С Вашего разрешения я использую эти данные, переписку с Вами и Ваши пометы на моей работе для своего труда по зоопсихологии. Конечно, я не выпущу его в свет без Вашего предварительного просмотра и Вашей авторитетной санкции.

В. Дуров

Москва, Арбат, 29.

Сообщил *А. И. Давиденко*

О ВЫСЫЛКЕ ИЗ ОРЕНБУРГА СЫНОВЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

Известно, что великий писатель Л. Н. Толстой в сентябре 1876 г. приезжал в Оренбург. Город ему понравился, поездку эту он назвал чудесной [1]. В 1891 г. два сына Л. Н. Толстого — Сергей и Лев — также совершили поездку в Оренбург. Об этой поездке в Государственном архиве Оренбургской области в фонде Оренбургского губернского прокурора сохранились любопытные документы [2], публикуемые ниже.

26 июля 1891 г. в Оренбурге ожидалось прибытие наследника царского престола — Николая Александровича. С 25 июля в городе были закрыты все гостиницы, трактиры и кабаки. Каждый новый человек, приезжавший в Оренбург, брался на подозрение.

В первый же день приезда в Оренбург — 23 июля 1891 г.— сыновья Л. Н. Толстого привлекли к себе внимание тем, что Лев Львович, будучи студентом Московского университета, ходил в студенческой форме, а Сергей Львович носил очки. И стоило им только поинтересоваться, где остановится в Оренбурге приезжающий наследник престола, как полиция немедленно выслала их из города.

Документы, публикуемые ниже: №№ 1—4 — протоколы пристава 2-й части г. Оренбурга: о запрещении С. Л. и Л. Л. Толстым осмотреть минарет караван-сарая и установлении за ними полицейского надзора; обыска номера гостиницы, в котором проживали Толстые; допросов управляющего гостиницей В. Жеребцова, мещанина г. Оренбурга В. А. Коносикина и башкира А. А. Акирова; № 5 —объяснение С. Л. Толстого оренбургскому полицмейстеру; № 6 — расписка С. Л. Толстого о немедленном выезде из Оренбурга.

№ 1

24 июля 1891 г.

1891 года, июля 24-го дня, пристав 2-й части Оренбурга в присутствии г. оренбургского полицмейстера составил настоящий протокол в следующем: младший архитектор, заведующий работами в караван-сарае, г. Маркелов, заявил, что сегодня около 11 час. утра в отсутствие его, Маркелова, явились какие-то три подозрительные личности в караван-сарай для осмотра мечети. Когда г. Маркелов пришел, то застал одного из них разговаривающим с маляром Ратеевым, другого сидящим на крыльце строительного отделения, а третий, видно, был в отлучке. Прислушавшись к разговору, Маркелов услышал, что человек в очках расспрашивал Ратеева, где будет помещаться цесаревич-наследник, а на вопрос Ратеева: «Кто вы, господа, не студенты ли?», последний сказал: «Нет, мы из тех людей, которые бросают бомбы и убивают царей». Тем временем явился третий и пригласил остальных двух следовать за ним на минарет, но г. Маркелов с помощью полицейского дальнейшее пребывание их в караван-сарае, запретил, и хотя последние сопротивлялись, но тем не менее уехали.

Люди эти были прослежены полицией и оказались: первые два графы Сергей Львович и Лев Львович Толстые, квартирующие в Европейской гостинице; 1-й из них — земский начальник 5-го участка Чернского уезда Тульской губернии, а второй — его брат, студент Московского университета, третий же — неизвестный киргиз.

С подлинным верно:

Пристав 2-й части [*подпись*] [3]

Л. 60.— Копия.

№ 2

24 июля 1891 г.

1891 года, июля 24-го дня, пристав 2-й части г. Оренбурга, в присутствии графов Сергея Львовича и Льва Львовича Толстых, управляющего гостиницей «Европа» Василия Зиновьевича Жеребцова и оренбургского мещанина Василия Анисимови-

[1] См. Н. Е. Прянишников. Писатели-классики об Оренбургском крае. Чкаловское издательство, 1956, стр. 172—179.

[2] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 58, лл. 60, 64—67.

[3] Подпись неразборчива.

ча Коносикина, осмотрел 25-й номер, занимаемый гг. Толстыми, и все в нем находящие[ся] вещи, причем, кроме белья и необходимого платья, ничего подозрительного не найдено.

Пристав 2-й части г. Оренбурга
[подпись] [4].
Управляющий гостиницей
В. Жеребцов
Граф Сергей Толстой
Граф Л. Л. Толстой
Оренбургский мещанин Василий
Анисимович Коносикин

Л. 64.— Подлинник.

№ 3

24 июля 1891 г.

Спрошенный приставом оренбургский мещанин Коносикин и управляющий гостиницей Жеребцов удостоверили, что графы Толстые приехали в Оренбург на короткое время для покупки лошадей, причем граф Сергей Львович предъявил две расписки сборщика менового двора, из которых видно, что им приобретена пара лошадей.

Управляющий гостиницей
В. Жеребцов
Оренбургский мещанин
Василий Коносикин

Л. 64.— Подлинник.

№ 4

24 июля 1891 г.

Спрошенный приставом башкир Имелаевской волости Николаевского уезда Самарской губернии объяснил, что он занимается приготовлением кумыса на участке рядом с имением графов Толстых, что последние, направляясь в Оренбург для покупки лошадей, взяли его с собой с тем, чтобы с помощью его купить и отправить лошадей домой, что пару лошадей графы купили сегодня на меновом дворе и он, Абулнагим Абыньмацанов Акирюв, завтра утром отправится по железной дороге в имение графов с указанными [5] лошадьми.

Абул-нагим
Абуль-Мадзянов [6] Акиров
Пристав 2-й части *[подпись]* [7]

Л. 64.— Подлинник.

№ 5

24 июля 1891 г.

23 июля 1891 года я вместе с братом Львом и башкирцем Нагимом [6] Акировым приехали из Самарской губернии в Оренбург посмотреть город и купить лошадей. Сегодня, 24 июля, желая посмотреть мечеть в караван-сарае, мы отправились туда, Пока брат с Нагимом ходили и спрашивали позволения у азанчи взойти на минарет, я стоял у ворот. Здесь сидели человека четыре рабочих и сторожей, из которых один спросил меня, глядя с подозрением: «Вы откуда?». Я ответил: «Тебе что за дело?». Тогда он спросил: «Вы студент?».

Следует заметить, что за эти два дня в Оренбурге я слышу подобные нелепые вопросы не в первый раз, что следует приписать моему pince-nez [8] и студенческой форме брата. Зная что означает на здешнем языке слово «студент», и возмущенный предположением, что меня могут подозревать в каких-либо злоумышлениях, я ответил, иронизируя: «Да, я из тех, что бомбы [9] бросают», на что тот спросил: «Для чего?». Я ему сказал: «Разве не знаешь для чего?».

Затем спросил его, почему он меня принял за студента,и объяснил ему, что такое студенты. Мужчина, с которым я говорил, отлично понял мою иронию, но вероятно кто-нибудь из его товарищей понял мой ответ превратно и сообщил тотчас же чтото младшему губернскому архитектору, который, вышедши [10] ко мне и к подошедшим в то время брату и Нагиму, потребовал, чтобы мы удалились со двора. Сначала мы отказались исполнить это требование, не зная, какое право имеет г-н архитектор нас выгонять, но затем, когда полицейский нас попросил уйти, мы удалились.

Я принимал присягу в верности государю и в настоящее время служу земским начальником и потому сомнения в том, что я мог иметь какие-либо преступные намерения, не имеют ни малейшего основания; мои слова, может быть, были неосторожны, но были вызваны исключительно возмутившим меня подозрением.

Граф Сергей Львович Толстой
24 июля 1891 года. Оренбург.

Лл. 65—66.— Подлинник.

№ 6

24 июля 1891 г.

Мы, нижеподписавшиеся, дали сию расписку приставу 2-й части г. Оренбурга с тем, что мы обязуемся сегодня ночью трехчасовым почтовым поездом выехать из города Оренбурга в Самару.

1891 г., июня 24-го дня, г. Оренбург.

Граф Сергей Толстой

Л. 67.— Подлинник.

Сообщил *П. Десятерик*

---

[4] Подпись неразборчива.
[5] В тексте — сказанными.
[6] Разночтения в имени и отчестве Акирова — в тексте.
[7] Подпись неразборчива.
[8] Пенснэ (франц.).
[9] В тексте — бомбой.
[10] Так в тексте.

ПАМЯТИ Б. Е. СЫРОЕЧКОВСКОГО

12 июня 1961 г. на 81 году жизни после продолжительной болезни скончался видный историк и архивист Борис Евгеньевич Сыроечковский.

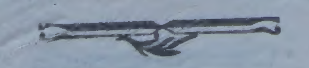
Б. Е. Сыроечковский родился 12 апреля 1881 г. в гор. Владимире. По окончании в 1899 г. московской гимназии Б. Е. Сыроечковский поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1906 г. Б. Е. Сыроечковский до 1922 г. преподавал историю в гимназиях и школах Москвы и Владимирской губернии. С 1926 г. он преподает в различных вузах Москвы, а с 1941 г. по июль 1957 г. являлся доцентом кафедры Истории СССР МГУ.

Известны заслуги покойного в развитии архивного дела в нашей стране. С 1924 г. он состоял научным сотрудником Центрархива РСФСР, выполняя обязанности секретаря «Комиссии для издания материалов по истории движения декабристов». При непосредственном участии и под редакцией Б. Е. Сыроечковского были осуществлены важнейшие публикации документов декабристского движения: «Восстание декабристов», т. IV (дела П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола), «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи», «Записки и письма И. И. Горбачевского» и многие другие. Б. Е. Сыроечковский очень много сделал для установления различных редакций выдающегося программного документа декабристов «Русской правды» П. И. Пестеля. Являясь активным сотрудником Секции по изучению декабристов и их времени при Всесоюзном обществе политкаторжан, Б. Е. Сыроечковский принимал участие в комплектовании и редактировании широко известных сборников «Декабристы и их время» (тт. I—II. М., 1928—1932 гг.), а в 1954 г. совместно с акад. Н. М. Дружининым осуществил подготовку к изданию сборника «Очерки из истории движения декабристов». Как исследовательскую, так и редакторскую работу Б. Е. Сыроечковского отличали проникновенное понимание источников, незаурядный талант ученого-археографа, тонкий источниковедческий анализ и ясность мысли. Литературное и редакторское наследие покойного велико и многообразно. Им написано и отредактировано свыше 80 различных статей, книг и сборников документов. Не менее значимы его неопубликованные работы.

Удивительно скромный, внимательный и отзывчивый к людям, Б. Е. Сыроечковский являл собой пример подлинного ученого, отдавшего свои знания служению народу. Память о светлом облике Б. Е. Сыроечковского навсегда сохранится в сердцах тех, кто лично знал этого замечательного человека.

Группа товарищей

Содержание



CONTENTS

DOCUMENTS

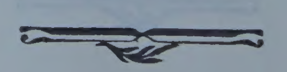
DIARIES AND REMINISCENCES

ARTICLES AND COMMUNICATIONS

REVIEWS AND NOTES

BIBLIOGRAPHY AND BOOKS

BRIEFS



Цена 1 руб. 50 коп.